

Российская академия наук  
Сибирское отделение  
Тюменский научный центр  
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Благотворительный  
фонд  
"ТЮМЕНЬЭТНОС"

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ  
"ЭТИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА"**

---

В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов

**ЧЕСТНАЯ ИГРА:**

**НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ  
И ЭТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

**Том 2**

**Торговец в Храме**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск - 1992

В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Том 2. Торговец в Храме.- Томск: Изд-во Том. ун-та. 1992.

Книга представляет собой результат первой в отечественной этике попытки исследования идеалов, ценностей и норм предпринимательства этики. В первом томе "Игры рынка" были рассмотрены этико-философские и этико-социологические предпосылки рефлексии по поводу предпринимательской деятельности. Второй том "Торговец в Храме" отражает процесс и результат познания этики и этоса предпринимательства в современной отечественной жизни. Как и в первом томе, здесь включены специальные подборки переводов из зарубежных исследований, впервые публикуемых на русском языке. Особое место занимает глава "Этос предпринимательства: не классический случай" - практикум, с помощью которого авторы пытаются вместе с читателями отследить креативные процессы переходного периода в предпринимательском этосе.

Авторы стремились сбалансировать апологетику и критику, исходя из того, что ничто человеческое предпринимательству не чуждо.

Для исследователей, преподавателей, самих предпринимателей и всем тем, кто еще только взвешивает для себя возможности выбора этой деятельности.

Научно-организационная работа: Н.В. Колотова, М.В. Логинова  
Спонсор Проекта: Акционерное общество "Тюмень-этнос-Инвест".  
Спонсор издания: Акционерное общество "Сибирский торговый дом"

ISBN 0301070000

Б ----- без объявления

177(012) - 92

Russian Academy of Sciences  
Siberian Branch  
Tyumen scientific center Center  
of applied ethics

Philanntrophic Fund  
"Tynmen Ethnos"

**RESEARCH PROJECT "ETHICS OF CIVIL SOCIETY"**

---

V.I. Bakshtanovsky, Yu.V. Sogomonov

**AN HONEST GAME:**

**MORAL PHILOSOPHY  
AND THICS OF BUSINESS UNDERTAKINGS**

**Volume 2**

**Merchant in the Temple**

TOMSK UNIVERSITY PRESS

Tomsk 1992

V.I. Bakshtanovsky, Yu.V. Sogomonov, An Honest Game: moral philosophy and ethics of business undertakings. Volume 2. Merchant in the Temple. - Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1992

The Book represents the result of an attempt of examination of ideals, values and norms of business - undertaking ethics being made for the first time in the national ethics. Etho-philosophical and etho-sociological premises of reflections upon business activity were discussed in Volume One ("Games of the Market"). Reflections upon the process and upon the result of cognition of ethics and of modern national business ethos are contained in Volume Two ("Merchant in The Temple"). As Volume One. Volume Two includes special selections from foreign research - studies, which are published in Russian for the first time. The most specific items are concentrated in chapter: "Ethos of Business Undertakings: nonclassical case". It is a practical work, which, as authors believe, will help to trace creative processes of the transitory period in Business ethos in cooperation with readers.

The Authors sought to balance apology and criticism, meaning that nothing human is alien to business undertakings.

For scientists, teachers, businessmen themselves and for all those, who are just making and implementing their plans for this kind of activity.

Scientific organisation: N.V. Kolotova, M.V. Loginova

Sponsor of the Project: Joint-stock company "Tyumen Ethnos- invest"

Sponsor of the Edition: Joint stock, company "Siberian Trading House"

© V.I. Bakshtanovsky, Yu.V. Sogomonov. 1992

## Предисловие

Читателю второго тома предстоит вновь обречь себя на терзание вопросом: "Эта книга - об этике предпринимательства "вообще" или же об этике "нашего" предпринимательства?"

Об этике предпринимательства. Но без вынесения в заголовок прилагательных "инвариантная", "региональная", "стадиальная".

Столь понятное желание (и авторов, и читателя) написать и прочитать именно "про нас" реализовать в принципе невозможно: рыночная культура - вместе с этикой предпринимательства - либо есть, либо ее нет.

Другое дело, если различать этику (мораль) предпринимательства, предпринимательский этос и нравы предпринимательского сословия. Различать эти понятия не для игры в дефиниции, а в интересах сути исследования.

Мы предлагаем различать, с одной стороны, нормативные и практикуемые начала в этике (морали), а с другой стороны - этос и нравы. В этом случае этос - согласованные правила и образцы житейского поведения и, одновременно, уклад, строй, стиль жизни сообщества (сословия, профессии, социального слоя, корпорации и т.п.). Предпринимательский этос в нашей стране пребывает сегодня еще только в стадии становления. И кто отважится предсказать, какой из сценариев его развития осуществится: история сначала делается, а лишь потом пишется?! Между тем нравы предпринимательского сословия (очевидно, далеко не всегда привлекательные) всегда живут своей жизнью и потому поддаются описанию с той или иной степенью достоверности.

Задача нашей работы - не только представить этику предпринимательства в присущем ей нормативном виде, но и попытаться исследовать процесс органического роста и - в определенной мере - намеренного конструирования этоса предпринимательства.

Ну, а если кто-либо пожелает овладеть этикой предпринимательства как предметом обучения, то какой из учебников ему взять: "их", "наш" или, быть может, "гибрид"? Еще раз скажем себе и другим: написать очерк нравов отечественного предпринимательства наших дней возможно, вполне реально при этом и уяснить степень сформированности этоса, его специфические черты. Но учебник может быть только один - без личных местоимений. "Нашим" он может быть только с точки зрения авторства. Что касается упомянутого очерка нравов, то в этом направлении более продвинута глава "Практикум", с которой искомый учебник вполне мог бы составить единое целое.

Во втором томе прослеживается переход от проблем этики гражданского общества и нравственной философии предпринимательства к вопросам этики и этоса предпринимательской деятельности. При этом вектор авторского внимания определенно смещается в сторону современного отечественного предпринимательства. Если в разделе о базовых ценностях моделируется концепт этики, ее ценности и нормы, то в разделе о "русской тройке" мы обращаемся к реалиям предпринимательского этоса наших дней.

Меняются, соответственно, методы исследования, а также стиль общения авторов с Читателем. В главе об экологии предпринимательского этоса Читателю предлагается экспертное со-творчество в отношении специально проведенного в процессе подготовки этой книги консультативного опроса экспертов, в числе которых - лидеры гуманитарного знания. В главе-практикуме мы уже

рассчитываем на исследовательское сотворчество. Казалось бы, в таком режиме книгу легче писать, чем читать. Но, может быть, не все читатели придут к такому выводу.

Еще раз пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность рецензентам за отзывы и замечания и высказать чувство признательности за сотрудничество в процессе создания книги Г.С.Батыгину, И.В.Бакштановской, Н.В.Колотовой, М.В.Логиновой, И.А.Михайловой, Д.И.Петросяну, Е.П.Потаповой, А.Ю. Согомонову, А.А.Чекушеву. Надо ли особо объяснять, что эта книга не увидела бы свет без поддержки спонсоров и старого друга авторов - Издательства Томского университета.

# РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

---

---

## Базовые ценности этики предпринимательства

---

---

### Глава десятая Мотивационная сфера

#### Преамбула, или "Кто есть кто"

Как возможно описание базовых ценностей этики предпринимательства? Очевидно, что мы имеем дело с задачей методологического профиля. Перебирая в памяти предложенные в нашей этической литературе способы дескриптивного анализа, приходится признать, что метод описания добродетелей и пороков (аретология) носит преимущественно очерковый или эссеистский характер. Он, думается, лучше всего себя зарекомендовал при анализе процессов нравственной жизни индивида, когда идет его приобщение к миру ценностей макросреды через сравнительно автономные институты социализации микросреды (семья, школа, группы сверстников и др.). Интериоризованные им ценности лишь в последующей деятельности видоизменяются в ходе их применения, когда индивид сокращает подражания готовым образцам поведения и оценивания. То же самое можно сказать о семье и других малых группах. Аретологический метод доказал свою эффективность и при описании этнонационального характера. Для описания же нравственной жизни коллективов и организаций, наверно, больше подходит метод этической кодификации, и на этом уровне этико-психологические средства описания дополняются средствами, которые способна предложить социология морали. Когда же вопрос стоит об описании базовых ценностей большой социальной группы, к анализу, вне сомнений, должна быть привлечена процедура исследования нормативно-ценностных систем.

Мораль не является простой орнаментовкой или инкрустацией предметно-практической деятельности человека, представляя собой особый духовно-практический способ освоения им мира, и уже в этой вполне самостоятельной роли она оказывается аспектом любой человеческой деятельности. Названные системы представляют собой единство объективного и субъективного, нравственных отношений и сознания. А.И.Титаренко была предложена следующая элементарная характеристика нравственных отношений как "онтологии" нормативно-ценностной системы: а) объективированный в культуре и поведении каркас, или "сетка", ценностей, обеспечивающий бесперебойность воспроизводства образа жизни, которая составляет "матрицу" всей духовной культуры эпохи; б) исходная нравственная позиция, которую занимают общность или группа в моральном выборе, во взаимоотношениях с другими субъектами нравственной жизни; в) типичные ситуации морального выбора и типичные нравственные

коллизии; г) массовидные, закрепленные в нравах эталоны и стереотипы поведения, стили жизни, некоторые обычаи, этикетные процедуры повседневного общения; д) способы накопления и пути передачи нравственного опыта, в том числе от поколения к поколению; е) последовательность, иерархия в расстановке и соподчинении моральных требований, то есть "код", влияющий на функционирование общественного мнения; ж) способ сохранения ценностей, общественные санкции одобрения или осуждения.

Объективированной стороне или плоскости нравственной жизни соответствует субъективная ее сторона, нравственное сознание. Они пронизывают друг друга в упорядочной системе нравственных устоев, морального порядка, причем обе стороны изоморфны, подобны, но не гомоморфны. У второй стороны следующие основные параметры: а) элементы сознания (нормы, заперты, принципы и т.п.); б) основные ценностные ориентации, позволяющие улавливать как бы с помощью "сонара" важнейшие ценности; в) основной смысл и социальная направленность выносимых сознанием оценок и самооценок, привычный "трафарет" умозаключений при оценивании; г) совокупность мотивов и побуждений, отражающих высшие духовные ценности и социальные потребности личности; д) мировоззренческий пласт, отражающийся на соподчинении норм и ценностей (представление о назначении жизни, ее смысле, о счастье, справедливости, достоинстве); е) контрольно-психологические механизмы сознания - долг и совесть, в которых выражается императивность морали<sup>1</sup>.

Эту схему приходится все время "держат в уме", когда идет процесс описания базовых ценностей этики предпринимательства. Но дело еще в том, что исследование нормативно-ценностных систем не может задержаться на уровне целостного анализа, а неминуемо продвигается дальше - к анализу связанных происхождением и задачами "малых" подсистем. Фактически этика предпринимательства - это и есть одна из таких подсистем, и здесь анализ наталкивается на повышение роли "массы случайностей" во всех проявлениях нравственной жизни и на резкое расширение поля возможностей в виде вариативности развития по отношению к системе в целом, к ее отдельным фазам и состояниям (забегание, отставание, неравномерность, кризисность и т.п.). Возникает потребность в ныне вакантной теории таких "малых" подсистем, но избавленной от одной лишь мимики научности (по выражению французского эпистемолога Ж.-М.Леви-Леблена). Конечно, возникает угроза захлебнуться от перепроизводства гипотетического знания методологического свойства, а посему мы ограничились лишь определением того, "куда ж нам плыть?" По этому отнюдь не праздному вопросу уже накопились некоторые то излишне дерзкие, то чересчур осторожные суждения. Для нас развитие структурно-системного метода означает продвижение к *теории "малых" подсистем как частного этико-прикладного знания с использованием данных социологии морали и особенно метода экспертного анализа, выделяя при этом праксиологические моменты* данного знания.

Наперед признаемся, не доводя дело до открытого разбирательства: мы не в состоянии предложить читателю сверкающего дворца математически выверенных схем или, допустим, таблиц ценностей этики предпринимательства с тем, чтобы тут же начать полемику по поводу представленного интеллектуального продукта. Увы, мы имеем дело с миром нечетких изображений, отягченных массой неопределенностей, и к тому же еще сталкиваемся с аномалиями различных научных парадигм морального феномена. Следуя за рационализированными критериями этих ценностей, мы обречены скользить по поверхности

явлений, удовлетворяясь собственной напыщенной ролью схемопостроителей или таблицесозидателей. Облегчив себе душу таким признанием, приступим к воплощению ряда предъявленных еще во Введении ко всей книге деклараций.

Сначала о социальной *квалификации предпринимательства*. Понятие это возникло в XVIII столетии и вскорости приобрело ряд значений<sup>2</sup>. Так, по А.Смиту, предприниматель (антрепренер) - это собственник, идущий на экономический риск ради осуществления какой-то коммерческой идеи и получения прибыли. К такому четкому определению было сделано добавление: это тот, кто сам планирует, организует производство и распоряжается его результатами. Близко к этому определение Ж.-Б.Сэя, согласно которому предприниматель - это экономический агент, комбинирующий факторы производства. По суждению политэкономов австрийской школы Й.Шумпетера и Ф.фон Хайека, предприниматель - это своеобразный социально-психологический тип хозяйственника, для которого главное - анализ и использование многообразных рыночных возможностей, реализация новаторских идей. В современной западной литературе, судя по некоторым обзорам этой литературы, определение предпринимательства производится путем разделения его функций. Они делятся на ресурсную (мобилизация капитала, трудовых, материальных и интеллектуальных ресурсов) и на организующую и творческую. Предприниматель - это субъект поиска и реализации новых возможностей в генерировании и освоении новаторских идей, разработке качественных продуктов и технологий (нельзя уйти от велений конца XX века!), осуществлении нововведений и овладении перспективными факторами развития, нахождении новых способов обслуживания потребителей, поиска новых сфер приложения капитала<sup>3</sup>. Короче, это - проявление экономического и организационного творчества, и тогда у нас определение предпринимательства во многом сближается с определением менеджмента.

Имеет смысл обратиться и к нашему закону об общих началах предпринимательства граждан бывшего СССР (апрель 1991 г.) и другим законодательным актам Российской Федерации с намерением сопоставить предлагаемые в них определения предпринимательства с принятыми в западной литературе. "Предпринимательство (предпринимательская деятельность) - это инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой страх и риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица - предприятия"<sup>4</sup>. Предприниматель может осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, включая коммерческое посредничество, торгово-закупочную, инновационную, консультативную и иную деятельность, а также операции с ценными бумагами. Субъектами же предпринимательства могут быть отдельные граждане, группы граждан (партнеры), то есть коллективы предпринимателей.

Не хотелось бы уклониться от вопроса, поставленного еще во Введении: какую же нишу занимает предпринимательство в социальной структуре современных обществ? Может быть, новый нобилитет, правящая элита, а скорее "класс-гегемон", по отношению к которому все остальные - не более чем "даники"? Так иногда квалифицируют предпринимателей в нашей прессе, свыкшейся с отношениями между классами, слоями, группами как отношениями господства и подчинения. Есть немало веских возражений против чисто классовой квалификации предпринимательства. Обращают внимание на то, что далеко не все собственники капиталов оказываются предпринимателями, что су-

ществует значительная часть собственников-рантье, что предприниматели располагают не только прибылью, но и личным доходом, что существует и некоммерческое предпринимательство, что возможно государственное предпринимательство, так как государство не только поддерживает и стимулирует предпринимательскую деятельность, но и определенным образом дополняет ее.

Но тогда, может быть, предприниматели образуют класс не в обычном смысле этого слова? Допустим, как *"средний класс"*. Дело, однако, в том, что это экспрессивное и не очень строгое понятие охватывает не одних только предпринимателей, но и наиболее квалифицированные части как *"белых"*, так и *"синих"* воротничков. Оно вообще больше отражает отношения распределения и принятый образ жизни, чем собственно экономико-организационные параметры и социальные структуры. С другой стороны, предприниматели представляют собой довольно сильно дифференцированный социальный слой, в котором есть свои *элиты* (крупные предприниматели и менеджеры), *субэлиты* и - с позволения сказать - *предпринимательские массы*. Смещаясь вниз по социальной лестнице, мы доходим до такого массового слоя современных обществ, который живет примерно поровну за счет предпринимательского дохода и за счет заработной платы, а также такого слоя, который, будучи, безусловно, частью salariата, тем не менее располагает и каким-то - пусть и не очень значительным - предпринимательским доходом.

Мы уже говорили, что в современном гражданском обществе постепенно стираются грани между собственничеством и наемничеством, благодаря чему происходит переход к постклассовой структуре общества, когда на передний план выходят какие-то иные, а не классовообразующие дифференцирующие социальные признаки. Но все, как бы там ни было, общество просто не может состоять из одних только предпринимателей, так как значительная часть, а скорее даже большинство населения, не желает рисковать своим состоянием (у кого, понятно, оно имеется), предпочитая отвечать за конкретную работу поверху спущенным заданиям, за которую они получают не прибыль, а зарплату, которая, в свою очередь, казусно может даже превышать предпринимательский доход в массовых слоях. Постепенно данное различие слабеет в связи с ростом в последние десятилетия малого бизнеса, подчас сочетающего частную собственность с групповой трудовой формой собственности. Такому бизнесу не в последнюю очередь содействовала революция в информатике.

Так какое же место предприниматели обретают на многомерной и усложненной шкале социально-групповой структуры? Опять-таки в западной литературе выделяют три признака (или условия) предпринимательства: а) предпринимательское хозяйствование означает наличие у субъекта определенной совокупности *свобод и прав* по выбору вида хозяйственной деятельности, по ее планированию, по выбору источников финансирования, доступу к ресурсам, по организации и управлению, по сбыту продукции, то есть речь идет об *экономической автономии*", б) предпринимательство означает далее наличие *прав собственности* на средства производства, продукт и доход; получение прибыли для предпринимателя - безусловно, важная цель, которая не может выпасть из поля исследовательского внимания, но ключевым все-таки остается вопрос о целях и способах ее использования - у истинных предпринимателей при использовании прибыли преобладают не *потребительско-распределительные* соображения, а *продуктивно-творческие* мотивы, и тогда прибыль не транжируется, а возвращается в производство на его расширение, модернизацию, на

структурную перестройку; в) необходимы и определенная экономическая *среда*, и психологический *климат*, которые бы реально обеспечивали, а не просто декларировали самоуправление, свободу хозяйственного выбора, возможность инвестирования дохода, иными словами, необходим рыночно-конкурентный режим хозяйствования.

На основании всего сказанного мы склоняемся к мнению, что предпринимательство означает особый *вид деятельности*, который предполагает наличие ряда признаков как *класса* (но класса, открытого для "входа" и "выхода" из него), так и *сословия* или межсословной прослойки (когда существует связь статуса с функцией), а еще больше специфической *профессиональной группы* (когда присутствует выбор вида деятельности чаще всего на основании склонности, психологического интереса).

Что же это за деятельность, которая вызывает подозрения относительно существования классовообразующих, сословнообразующих и социопрофессиональнообразующих признаков? Ведь за врачами, учителями, наладчиками и водопроводчиками не тянется шлейф подозрительности такого рода. С ней связан какой-то неведомый, социологическими средствами трудно уловимый дух всего этого сообщества, который и движет производство, содействует самоорганизации рыночных отношений, но одновременно делает определение предпринимательства ускользающим, подобно постоянно меняющему свою форму мифологическому Протею. Если непременно искать аналогии такому сообществу, то, пожалуй, сгодится рискованное сравнение с русской интеллигенцией, возникшей во второй половине XIX века.

Именно поэтому предпринимательство описывают путем указания на набор личностных качеств предпринимателя, в который по одной из многочисленных классификаций входят: "инициативность; сильная воля; скорее умеренная, чем высокая склонность к риску; гибкость; творческие способности; независимость (автономность); аналитичность; явно выраженная потребность в достижении успеха; развитое чувство хозяина своей судьбы; лидерство; работоспособность... Однако и в среде самих работодателей возможности развить и прощипать предпринимательские задатки весьма различны в зависимости от структуры и направленности организации (или ее подразделений), а также степеней свободы, предоставляемых индивиду"<sup>5</sup>.

После такого предположения заметим, что если рынок с грехом пополам еще можно воспринимать как некий механизм "в себе", то уже рыночную экономику, не говоря о рыночном обществе, вообще нельзя понять, помыслить, если не представлять их как необычайно сложный и тонко организованный социокультурный феномен, на что у нас обычно предпочитают закрывать глаза. Современная наука установила, что нельзя говорить о внешней природе, не говоря одновременно о себе, о собственной нравственности. Так и о рыночной экономике невозможно сказать что-либо путное, умалчивая о нашей культуре и наших традициях. Рыночная экономика - это определенная культура хозяйствования, культура товарной цивилизации, совмещенная, если угодно, с современной технологической культурой. Она включает предпринимательскую и трудовую мотивацию в сакральном виде (этически ориентированные мировые религии, протестантская этика прежде всего, но и все ее иноконфессиональные аналоги) или же в секуляризованном виде как социально диверсифицированную систему мотиваций, как *договорную культуру и этику деловых отношений*.

Рынок - это культура раскрепощенного труда, коммерческой и некоммерче-

ской предпринимательской инициативы, свободы выбора, культура самостоятельных решений производителя, потребителя и посредника между ними, культура их ответственности перед партнерами и обществом за риск принятия этих самых независимых решений и действий. Это устранение внеэкономических факторов в деятельности производителя, потребителя и посредника между ними (таких, как разрешительное, петиционно-просительное, а не регистрационное законодательство, ведомственное распределение ресурсов, микроэкономическое регулирование, административные барьеры предпринимательству, согласие на прописку и иные препоны свободе в том же духе). Но это и нечто иное - обязательная культура социальной защищенности, гуманизации общественной жизни, ее стабильности, которая обретает материальные предпосылки в эффективности рыночной экономики. Наконец, это и культура регулятивного воздействия на данную экономику (умение вести налоговую, таможенную, амортизационную политику, искусство маневрирования (Стратегическими резервами, банковскими кредитами, процентными ставками и т.п.).

В этом месте надлежит сказать о том, что культура рынка является воплощением и универсальных начал, но вместе с тем и начал национально-региональных. Понятно, что в таком случае не может стоять вопрос об образцовой, "маяковой" модели рыночной культуры, за которую подчас склонны выдавать англосаксонскую с ее ярко выраженным индивидуализмом. Все народы и регионы идут к рынку, но идут по-разному и функционирует он в различных формах. Культуры обуславливают явные (или нередко труднораспознаваемые) предпосылки, которые затем шлифуются, перестраиваются, "доводятся" до кондиции рыночными отношениями. Именно от этих предпосылок зависят как темпы продвижения к рынку, так и величина "затрат" на этом пути, а также последующие формы бытия хозяйственной жизни, рыночной культуры. Безо всяких сравнительных исследований ясно, что в рыночной культуре всегда будет различным соотношение составляющих элементов-типов адекватных рынку мотиваций, характера мировоззренческого обоснования рыночной активности (религиозное или светское), форм первоначального накопления капитала, способов кооперации агентов рыночных отношений, видов взаимодействия поведенческих образцов "дикого" и "цивилизованного", административного и свободного рынка и т.п. И всякий раз "рандеву" национального менталитета, традиций, психологии с универсальными началами рынка оборачивается непредсказуемым актом исторического творчества нового типа рыночной культуры. В томительном ожидании такого акта пребывает сейчас и наша страна.

Сквозной линией через всю рыночную культуру проходят *этические начала*, возможно, наиболее выразительно представленные в тесно связанных между собой *этике предпринимательства и трудовой морали*. Но и в той и другой они представлены весьма неравномерно в зависимости от характера социальных слоев как предпринимателей, так и трудящихся<sup>6</sup>. Есть все основания говорить о социокультурном "снятии" многовекового, разнопрофильного и далеко не однозначного опыта развития и функционирования товарно-денежных отношений. Хотелось бы знать, что значит рыночный механизм без рыночной культуры и что означает эта последняя без этических начал? Когда их даже трудно - без насилия над фактическим материалом - представить себе друг без друга: этические начала либо давно присутствуют в рыночных отношениях, либо - это на худой конец - должны находиться где-то поблизости, на подходе, пребывать в становлении. Скажем еще раз, что мы не можем в духе резкого картезианского разделения разума и тела говорить о рынке как о чем-то по-

ложенном вне человека, в то же время ничего не говорить и о нем самом, его собственных культурных интенциях и нравственных ценностях<sup>7</sup>. Не осененная этическими началами рыночная экономика становится не только бесчеловечной, но и чреватой - несмотря даже на свою известную эффективность - близкими и отдаленными необычайно мощными социальными катаклизмами, тем, что сейчас предпочитают называть сценариями по "беспределу"<sup>8</sup>. Такая экономика не экономика развития, так как пеленует самое себя, препятствуя мобилизации своих могучих факторов: гибкости, постоянной самообновляемости всей хозяйственной системы и ее отдельных блоков, возможности максимально большому числу агентов рыночных отношений реализовать свои способности и таланты, получить заслуженное вознаграждение за свой труд, инициативности, компетентности, мастерства и продуктивного риска. Редуцируя рыночные отношения лишь к атомарным актам обмена, нам никогда не понять роли культуры и этики в рыночной деятельности, подобно тому, как биологи, препарирова живые организмы, до сих пор все еще плохо знают, как мы дышим, регулируем температуру тела, переносим боль или сосредоточиваем внимание.

Охватывая мысленным взором продолжительные отрезки истории, так сказать, "орудуя глыбами времени" (О.Мандельштам), мы обретаем право заявить городу и земле, что даже длительное прогрессивное развитие на смогло скомпоновать, вырастить собственно капиталистическую культуру. Культура, созданная при капитализме в эпоху индустриально-урбанистического развития с его двойственной детерминацией (о чем говорилось ранее), эта культура оказалась не по своему происхождению, а по своей интенции *антикапиталистической и антииндустриальной*. По большей части универсальной и внеклассовой культуре удавалось дистанцироваться от капитализма как способа производства в "машинерной" цивилизации, откреститься от мира всеобщей полезности. Ее самые выдающиеся деятели - от Шекспира до Толстого, от Бальзака до Т.Манна, от Сезанна до Дали, от Бердяева до Сартра - прочно занимали критические позиции по отношению к такому миру, образно говоря, "пинали и презирали" его структуры и ими обусловленные "свинцовые" нравы.

Подобные характеристики культуры при капитализме в значительной мере приложимы и к такому ее - пусть даже и не первостатейному - сегменту, который можно называть *этическими потенциалами культуры рыночных отношений*. Сегмент этот тоже был вовлечен в производство инвектив против рыночных стихий в том их виде, в каком они предстают вне и до насыщения ценностями культуры. Разве что критика эта не была столь одержимой, а порой и просто злой, какими бывали иные сегменты этой культуры.

Культура рынка и *этика предпринимательства* вовсе не являются - как это порой мнится заядлым рыночникам и "новомышленческим" идеологам - продуктом простого приспособления культуры и этики к рыночным стихиям. Не навязываются они рынку как нечто чуждое ему, но вместе с тем они и не вытекают непосредственно из законов функционирования рынка. *Кокон культуры и этических начал*, возможно, и привносятся извне, но созревают, тем более дозревают и развиваются, они в новой для них среде. Их нельзя трактовать в качестве незатейливых и по сути пошлых "сервоприводов" рыночных механизмов или же рассматривать в роли своеобразных духовных "смазочных материалов", которые лишь позволяют бойче, веселее крутиться колесикам огромной рыночной машины, обеспечивая эффективность, ритмичность и бесперебойность ее работы.

Парадоксальность всей ситуации заключается в том, что культура рынка и

этика предпринимательства на самом деле существенным образом повышают эффективность работы этого загадочного механизма, гарантируют заветную ритмичность и отчасти даже бескризисность его работы. Делают они, однако, все это за счет устранения (или же по крайней мере - смягчения) жесткости, "дикости" рынка, за счет наполнения его структур *всечеловеческими смыслами* - различными экспрессивными образами (судьба и призвание, страдание, вера в первородное несовершенство человеческой природы, греховность, вина, раскаяние, воздаяние, любовь, смерть, трансценденция, ибо каждый человек, а вовсе не одни только поэты, "вечности заложники, у времени в плену"). И делают это прежде всего за счет приведения в движение сильнейшего "человеческого фактора" всей системы рыночных отношений, достижения в ней (хотя и не всегда!) очень хрупкого баланса Пользы и Добра, рационального и чувственного, утилитарного и морального, Релятивов и Абсолютов в морали, ориентаций на свободу и на равенство, делают это путем обуздания сумеречных стихий рыночных страстей - жажды обогащения и власти, которые вместе способны дать ужасающий синергетический эффект. Это позволяет снизить число кризисных факторов, погасить влияние губительных для цивилизации тенденций, предоставляя ей возможность двигаться и дальше в достойных человека условиях.

Тем самым этике предпринимательства вменяется в обязанность заниматься не безудержной *апологетикой* предпринимательской деятельности, рискуя при этом заболеть хроническим оптимизмом, а прибегнуть к рискованному оружию отстранения, скрытой насмешки над собой, пестовать фарс и *иронию*. Но иронию по отношению к чему? Не только к живой практике предпринимательства со всеми ее плюсами и минусами, но даже и по отношению к нормам и ценностям этики предпринимательства со стороны других - наверно более возвышенных, не станем спорить - сегментов культуры и общественной нравственности. Как по поводу уровня их освоенности предпринимательским корпусом, так и по поводу уровня их неосвоенности, оторванности от реалий предпринимательства. Далее - как по поводу их несоблюдения, так и по поводу возникающих негативных моральных последствий даже при скрупулезном исполнении требований этой этики.

Вспомним, что "ирония" по-древнегречески означает "притворство" или "хитрость". Но первоначальное значение этого слова было "говорить", что означало и "заговаривание", лечение (корень этого слова остался в этимологии русского слова "врач"). От чего же лечит ирония? От морального догматизма и пуризма, от самодовольства. Еще как от них не застрахована и этика Предпринимательства со всем массивом ее требований, запретов и оценок! Лечит от чрезмерной, фанатичной и категорической приверженности к мировоззренческой рефлексии по поводу социокультурных оснований предпринимательской деятельности. Ирония подводит к катарсическому очищению, и уже дело самого человека воспользоваться подходящим случаем, чтобы отыскать соответствующие формы самокритики. Даже малая доля иронии по отношению к себе помогает узреть слабые моменты в убаюкивающей мифологии концептов жизненного призвания - такова царская дорога для продвижения к более высоким идеалам этой деятельности и к "истинной" в них убежденности. Оставаясь подчеркнуто почтительной к господствующим концепциям жизненного предназначения и образам жизненного успеха, ирония тем не менее становится "лживой хитростью" (Ф.Ницше), "злой колдуньей" (Ш.Бодлер) или простейшим способом простыть человеком умным. Окидывая веселым оком собствен-

ные верования и экзальтированные оценки относительно их практического воплощения, ирония не ведет к самоубийственной насмешке, к циничной и язвительной издевке над моралью. Она лишь может вовлечь вооружившихся ею предпринимателей не только в глубоко эшелонированный процесс "принятия принятого", но и в сотворчество новых ценностей взаимоотношений с коллегами, партнерами, контрагентами, потребителями, сквозь которые оптимистам удастся просмотреть заманчивые и необозримые дали человеческой свободы и совершенствования.

### Свобода и призвание

Корневая ценность этики предпринимательства, которая "заведует" сложной структурой мотивационной сферы предпринимательской деятельности, всей системой побудительных норм этой этики, - *свобода*. Но не как "познанная необходимость" - семи десятилетий с избытком хватило на то, чтобы вкусить все прелести такого ее понимания, завершившегося "познанным бессилием". Мы говорим о свободе как творческой возможности человека, как антиподе принуждения и основе всякого прогресса.

Вообще-то с налетом легкой академичности говорят, что человек свободен по определению, так как жизнь его не predetermined, и он может быть даже сравнительно свободным от своего времени. Философ изрек бы по этому поводу, что человек заброшен в свободу, вынужден осуществлять ее (парадокс принуждения к свободе). Не будучи способным как-то отвертеться от бремени свободы, не может он тем самым ускользнуть и от *ответственности за пользование свободой*. Быть человеком - означает быть приговоренным к свободе, располагать свободой, нести ответственность за такой ниспосланный ему приговор и такое расположение.

Людам между тем известны тысячи уловок и способов избавления от этого блага и особенно связанного с ним бремени ответственности. Заманчиво перекладывать ответственность на другого, оставляя благо свободы лишь за собой. Но в таком случае благо довольно скоро и часто совсем незаметным образом обращается во зло, оказывается лишь покушением на свободу других, в насилие над ними, вторжение в их внутренний мир. Но люди горазды ссылаться в подобных случаях на неотвратимость обстоятельств, почему-то всегда препятствующих их свободе, клянут судьбу или воздают ей хвалу, сваливают свои грехи на пороки воспитания, прикрываются расположением небесных светил, неподвластных их воле, которая всегда на всеобщее обозрение выставляется как "добрая". Словом, проявляют удивительную изобретательность, которая, кстати говоря, сама по себе оказывается лишь дополнительным доводом в пользу существования их собственной свободы, ее своеобразной криптограммой.

Но кратким философским значением еще не определены ни *мера* свободы, ни ее вид, ни *направление*. Призовем на подмогу цивилизационный подход, который до сих пор не раз выручал в трудных положениях. В традиционных социумах свобода человека определялась закрепленным за ним с момента рождения местом в группе, коллективе, общине и степенью свободы, которой располагала сама эта группа в системе иерархически-статусных отношений. Что касается индустриально-урбанистической цивилизации, то она не просто расширяет свободу человека, но и видоизменяет ее, смещая всю ось человеческого существования. Вопрос теперь ставится не столько об объеме свободы в группе, что зависит от места человека в ней, сколько о свободе автономного

индивида. И тут на передний план выдвигается *экономическая свобода*. Но не в качестве подмены иных свобод, не как суррогат снятия принуждения в политической и духовных сферах, а как их наиболее общая предпосылка, как залог всех прочих свобод.

Однако рынок ли делает человека свободным или же свободный человек изобретает рыночные механизмы, помещая себя в них? На симпозиуме "Этика и развитие", проведенном в Неаполе в 1990 г., говорилось по этому поводу довольно точно: "Не следует доверять разговорам о том, что свобода возникает как следствие наличия рыночных отношений. Истина заключается в том, что рынок потому и является свободным, что свобода выступает в качестве главного принципа общественных отношений"<sup>9</sup>. Оставим в покое этот по сути своей метафизический вопрос и вместо легко обретаемой с ним головной боли ограничимся бесспорной констатацией: свободы, тем более экономическая свобода и рынок, сопряжены, участвуют в ко-эволюционном процессе, несмотря на столь же неоспоримые факты асимметрического развития рыночных отношений и свободы.

В качестве ведущей ценности для мотивационной сферы этики предпринимательства *экономическая свобода* означает *моральную санкционированность* устремлений к инициативности и творчеству, избавленных от ограничений и социального опекуна. Предполагает она ограничение вмешательства государства в дела гражданского общества, в экономическую жизнь, в имущественные отношения и нацелена на то, чтобы оградить индивида от "тирании большинства", от давления мнений массы, от ограничений со стороны малоинициативной посредственности. Эта этика побуждала к расширению дела, к превращению его в Дело жизни, так как "внутренний пафос права собственности - в вовлеченности, включенности в дело"<sup>10</sup>. Она подталкивает к постоянной перестройке производства, коммерции образования, к внедрению организационных новшеств, к технологической экспансии. Всей совокупностью своих одобряющих норм она побуждает максимально развивать творческий потенциал предпринимателя.

Выделяя свободу в качестве корневой ценности, эта этика предоставляла надежную опору человеческой активности, выступая против всего, что мешает предпринимательской деятельности, ставит ей искусственные барьеры. И она не гасит страсти и не сдерживает азарта, как могло бы показаться, а лишь определяет направленность всего этого, *каналзирует активность*, вводит ее в то русло, что позволяет, достигая экономической эффективности, сохранить человеческое в человеке, приумножая его, обуздать лишь бесчеловеческие страсти, не допустить такого положения, когда предпринимательская свобода оборачивается несвободой других слоев и лиц. Давно известно, всякий человек имеет ровно столько свободы, сколько дает ее другим! Данная максима воплощается в принципах равенства возможностей и эквивалентности воздаяния, которые защищаются и проводятся этикой гражданского общества. Вместе с правом они ставят *пределы* личной свободы, придают ей вектор и освящают договорный механизм взаимопроникновения свобод различных личностей.

Но свобода самоценна. И потому столь ли важны привычные вопросы относительно свободы "от чего" и свободы "для чего"? Однако в сфере предпринимательства свобода, оберегая это свое драгоценное свойство самоценности, круто ставит именно эти вопросы. В случае "от чего" этика предпринимательства одобряет линии на развитие горизонтальных структур, на независимость индивида от всякого рода подстраховок, его ставку на самоосуществление, на

завышенные социальные притязания. А в случае "для чего" она стремится согласовать зависимости независимых друг от друга индивидов, соразмерить их ориентацию на свободу с установкой на *жизненное призвание*. В настоящей работе не раз поминалась протестантская этика, которая по ряду причин лучше всякой другой могла придать предпринимательской активности *религиозный, надиндивидуальный* и даже *надмирской смысл*, позволяла воспринимать эту активность как миссию человека в этой юдоли печали, побуждая его, по Э.Фромму, постоянно обдумывать факт собственного рождения<sup>11</sup>.

В чем же заключается это самое жизненное призвание? Лапидарная формула такого призвания гласит: освоение свободы путем *служения Делу*, использования многообразных возможностей, повышения эффективности общественного капитала. Не прибыли как таковой домогается истинный предприниматель, а только измеряет ею успешность ведения своего Дела. Не алчет он денег, не томится по богатству, не жаждет определяемой ими власти, хотя и не чурается их: думать иначе было бы непростительной наивностью и могло бы быть воспринято в качестве неуклюжего пропагандистского трюка. Шуточная фраза - "не в деньгах счастье, но что-то в них есть" - как нельзя лучше подходит для описания данного случая. Прекрасной иллюстрацией для понимания мотивов предпринимательского усердия может служить трудоголизм, не просто готовность работать до седьмого пота, но, как говаривали у нас прежде, - "блуд труда", одержимость работой значительного числа предпринимателей и менеджеров, которая подчас рассматривается чуть ли ни как патология, как опасность личностного перерождения ("нет времени о душе подумать"), сродни профессиональному кретинизму или даже наркомании. Но вместе с тем психологически мы получаем убедительную картину завороченности самим делом, а не теми следствиями, которые оно сулит<sup>12</sup>.

Когда-то К.Маркс определил капиталиста в качестве "фанатика самовозрастания стоимости". Это очень меткое определение. Предприниматель, как царь Кощей, но не тот, что над золотом чахнет, а тот, что чахнет над своим Делом. Ему чужд идеал не ведающего волнений существования, идеал безмятежности, спокойной жизни и ему не ведомо представление о богатстве как источнике чистой, радостной и спокойной души, сформированных в доиндустриальной цивилизации. Он самоотверженно служит Делу деланья денег, и вопрос "для чего?" имеет для него отчасти абстрактный смысл, если речь не идет об инвестировании денег, чтоб делать их еще больше и больше. Не случайно пронизательный М. Вебер, исследовавший экономическую мотивацию предпринимательской активности, говорил о профессиональном призвании, соединяя призвание внешнее как источник экономической независимости (честное пропитание профессионала, снятие ограничений со многих видов предпринимательской деятельности, их моральное оправдание, ибо "блаженны владеющие") с внутренним призванием, подкрепленным психологическими наградами как платой за "нервную работу", но в первую очередь этической значимостью этой деятельности. Он обращал внимание на то, что жизнь профессионала носит отпечаток аскетизма: "дело" и "отречение", отказ от фаустовской многосторонности взаимосвязаны в стиле жизни<sup>13</sup>. Не о "скромном обаянии" буржуазии стоит вопрос, а о понимании у предпринимателя сильного желания глубокого душевного равновесия, полного и честного расчета с жизнью и самим собой, как однажды, но совсем по другому поводу заметил писатель Ю. Домбровский. Наверное, оно сродни чувству удовлетворения, которое возникает у любого беспокойного мастера своего дела. А мотив предпринимательской активности без



ния с женщинами, детали костюма, прическа, умение владеть собой и квалифицированно проигрывать (выиграть и дурак сумеет). В психологии бизнеса известно, что этот синдром образует не имитация, а самый настоящий, подлинный образ жизни... Хотим мы или не хотим, но бизнесмен - профессия не для каждого. Им надо родиться и сформироваться как человеку дела. Кухарка может управлять социалистическим государством, но бизнес признает только бизнесменов.

Что же такое бизнес? Это Дело - любое дело, избранное человеком в качестве своего личного призвания в мире, где людей связывают деньги - мера оценки каждого со стороны всех... Само дело превращается для бизнесмена в смысл его существования, и методом жизни становится калькуляция, бесполезная трата времени воспринимается как самый тяжкий грех... Главное служить своему профессиональному призванию, не стремясь к награде, и тогда, может быть, награда придет сама, почувствовав доверие к человеку Дела. И это будет награда за исполнение предназначения, а не случайно найденный "гешефт". Наше дело разложить сухие поленья и бодрствовать, ожидая искры, от которой вспыхивает огонь"<sup>16</sup>.

Но не пора ли задуматься наконец: вправе ли мы принимать нормативно-ценностную систему (или подсистему), которая основывается на *личном интересе*, тем более на частном интересе, за систему *моральную* или в определенной мере моральную? Подоплека подобного вопрошания яснее всего: моральная мотивация носит "незаинтересованный" характер, а потому продиктованная личным интересом мотивация может быть какой угодно, но только не моральной. И вот заключительный аккорд вопроса: стало быть, вся эта хваленая *этика* предпринимательства - чистейшей воды *нонсенс*!

Со своей стороны предлагая положительный ответ на этот "подрывной" вопрос, мы исходим из того представления о моральном феномене, который был предложен читателю еще в первой главе. А внимание там обращалось на *ярусность* данного феномена и на опасность, которая подстерегает исследователя, ежели тот вздумает придерживаться лишь одного - ригористического - представления о морали (такова и только такая "подлинная" мораль!), если примется отвергать другое представление - образ (такова "неподлинная" мораль!). Отмечали мы и прегрешения как гиперморальности, которая дистанцирует от социальных забот и интересов, так и гиперсоциальности, так как мораль трудно вывести из одних только социальных интересов. Не пересказывая уже сказанного, напомним лишь о том, что существует облик совершенной моральности (этика любви, дружбы, самоотверженного служения Роду, государству, общественному благу - "везде и всегда"), отработан облик моральных абсолютов, идеалов всечеловеческой солидарности, чуть ли ни уважения ко всему живому (предельным случаем такого уважения, по буддистской легенде, окажется поведение отшельника, который отдал самого себя на съедение йз-за сострадания к голодному льву). Но не менее популярен и другой облик моральности - социально определенных, погруженных в пространственно-временной исторический континуум и потому изменчивых "*партикулярно-нравственных систем*"<sup>17</sup>. Нормы и ценности этих последних насыщены социальной конкретикой ("здесь и сейчас"), предлагая такую мировоззренческую интерпретацию абсолютов Рода и такие способы их осуществления на грешной земле (трагизм разорванности, разобщенности человеческого существования, невоплощенность его замыслов, проектов бытия), которые выражают какие-то пристрастия и интересы классово-эпохальных субъектов исторической драмы.

Обычно речь идет в этом случае о человеческой порядочности, среднем уровне честности и добросовестности, срастающихся с обычаями, правилами общежития, а не о героике и подвижничестве.

Такие исторические формы общественной нравственности не просто меняются, но и продвигаются по цивилизованному азимуту, постепенно восходя к своему "понятию" (то, что раньше мы - за неимением лучшего - называли филогенезом морали), не углубляя различия между аутентичностью и неаутентичностью форм морали, а, напротив, сближая оба уровня морального феномена, плотнее соединяя моральную свободу как выражение доверия Рода к Индивиду с моральным равенством как способом воплощения противоречиво-причудливого единства человечества с каждым отдельным человеком. Дело доходит до того, что между двумя ярусами морали оказывается невозможным прочертить демаркационную линию с желаемой степенью четкости. Последующее насыщение социальной конкретикой обнаруживается в процессе "*приложения*" морального феномена к сравнительно обособленным сферам и видам человеческой деятельности, чем, собственно говоря, мы и занимаемся, вникая в некоторые этические проблемы предпринимательской деятельности.

Иногда такие "партикулярно-нравственные системы" не без оснований называют *конвенциональной моралью*, ценности которой опираются на принципы общественного договора, а нормы складываются не *только стихийно*, но отчасти и *по соглашению*<sup>18</sup>. Трудно согласиться с теми, кто категорически отсекает конвенционализм от морали вообще и - ссылаясь при этом на почтенные авторитеты - ставит вопрос ребром: либо - либо! Либо Абсолюты религиозного свойства, соборность, общинность, служение обществу, либо Релятивы светского свойства, индивидуализм, служение групповым и личным интересам. И как наказание за выбор Релятивов указывается на торжествующее бесовство, люмпенскую, босяцкую "мораль", этатизированный этос, "мораль" потребительства и вседозволенности, "империю зла" и прочие бедствия. Мы склонны думать, что альтернативистский подход в данном случае просто неуместен, как, впрочем, неприемлема и позиция эквилибрума между этическим ригоризмом и скептицизмом ("... с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой - нельзя не признаться"). Рассмотрим ситуацию взаимодействия двух ярусов морали на довольно наглядном примере.

Как одно из наиболее очевидных проявлений "подлинной" нравственности мы воспринимаем дружбу людей. Основывается она на принципиальном равенстве друзей, на свободе их выбора, взаимной ответственности, на признании уникальности, незаменимости их отношений. В ней нет разделения на субъект и объект, она - суть духовное общение, выражение потребности в другом, может рассматриваться как разновидность любви, воплощая "организационную непорочность" вольного общения. Социолог И.Кон с полным основанием помещает ценности дружбы в круг высших нравственных ценностей, и потому "нравственное сознание человечества видит в ней не просто частный случай морального отношения, а живое воплощение нравственности, ее персонифицированную сущность, нравственность как таковую"<sup>19</sup>.

И все это совершенно верно, пока дружбе противопоставляются управленческие отношения, иерархически организованные структуры. В них преобладает ролевое, "масочное" общение, а люди радикально разделены на субъектов и объектов, управляющих и управляемых (подобно вещи, средству, продукту, механизму и т.п.), отношения между которыми содержат неравенство, подчинение, решение "за других". Основываются эти отношения на необычайной

"религии": на несокрушимой вере во всемогущество социального планирования и управления, на подавлении "иных измерений", на надзирательстве, на мотивации поступков не "по совести", а по новейшим указаниям из "Верхних Покоев" или же по коллективным решениям. Но даже и здесь, заметим, имеют место неформальные отношения, к которым полностью не применимы обличающие иерархизм характеристики.

Существует, однако, и другой тип отношений - *партнерство* в добровольных ассоциациях, и тогда религии Плана может противостоять религия дела. Не станем уверять, будто партнерство воплощает высшие ценности нравственности. Подобные притязания были бы чрезмерными. Партнерские отношения не вызывают восторженности при их восприятии, и они скорее всего не вправе претендовать на эталонность человеческих связей, на суперрейтинг по части человечности. Но было бы непростительным ханжеством утверждать, будто такие отношения не реализуют существенные, значительные для нравственной жизни ценности. Вступая в партнерские отношения автономная личность, способная к самостоятельному осознанию, к постановке и решению отнюдь не элементарных нравственных задач, руководствуется при этом личными\* рационально исчислимыми интересами, а потому не следует приписывать ей какие-то "незаинтересованные" мотивы. В этих отношениях партнеры не ограничиваются использованием одних только идеальных санкций в случаях нарушения нравственных обязательств и поведенческих норм. Пожалуй, данные отношения следовало бы провести по графе приятельства или *товарищества*, лучше сказать - уподобить им, учитывая, что и в товариществе обнаруживается различная степень близости и теплоты, бескорыстия и солидарности. Не случайно, видимо, многие объединения предпринимателей и называются "товариществами", в которых закладывается различная ответственность и которые имеют свои собственные поведенческие правила. Партнерство можно с известными поправками провести и по графе профессионально-коллегиальных отношений, учитывая то обстоятельство, что в конце XX века философия и этика предпринимательства в высокой степени сблизилась с философией и этикой менеджизма с его ориентацией не столько на текущую прибыль, сколько на устойчивый и перспективный рост корпораций, на крупные инвестиции, на стабильные заработки сотрудников фирм, на их социальную защищенность. Партнеры, по словам видного современного американского социолога А.Этциони,- образуют жизнеспособные *"ответственные сообщества"*, гораздо более интегрированные, чем простая совокупность индивидов, стремящихся к самоутверждению, однако гораздо менее иерархичные, менее структурированные и социализирующие, чем авторитарная община<sup>20</sup>.

Этика предпринимательства как раз и регулирует отношения в такого рода сообществах, предлагая его участникам как мотивирующие, так и ограничивающие моральные нормы, такие, например, как правила игры в бизнесе. Эти отношения предусматривают довольно тесные связи, солидаристскую поддержку (весьма далекую от слишком хорошо знакомого нам "блатмейстерства", "доставальчества" или отношений типа *do ut des*), предлагают определенную степень близости людей, их привязанности друг к другу. Они строятся на принципах доверия, уважения, доброжелательства, равенства, свободы выбора, взаимной полезности (у них - общее Дело) и ответственности за собственность, хотя и при наличии в ряде случаев слабой выраженности интимности в отношениях, при перевесе формальных моментов над неформальными. Причем фактор взаимной полезности вовсе не делает признание партнера самоцен-

ным субъектом в качестве вынужденного, так как продолжает действовать фактор добровольности союза и стало быть признание партнерами друг друга в качестве полных или частичных участников субъектно-субъектных отношений, а не в роли легко управляемого объекта. Партнер не руководствуется "указаниями свыше", и у него не отключены механизмы долга и совести. В той или иной степени он открыт и для нравственных исканий, побуждаемый муками совести, осознанием греховности, движением через распятие к воскресению, очищению от гордыни в их религиозной или безрелигиозной оболочке. Словом, предприниматель как партнер - экце хомо.

Преследуя личный интерес в ситуации множественности индивидуальных и групповых интересов, их плюрализма<sup>21</sup>, каждый из партнеров основывается при этом на консенсусе (конвенции, договоре) по поводу базисных ценностей их отношений, в результате чего обеспечивается морально-правовой порядок и осуществляется общий интерес. Партнерские отношения по полному счету продолжают социализировать человека и очеловечивать социум, а стало быть, они суть нравственные отношения. Мы еще возвратимся к этому сюжету, а пока признаемся, что весь разговор идет в ключе "свободной близости": а как же обстоит дело с моралью в части "свободных антагонизмов", как быть с конкурентными отношениями, не говоря уже об отношениях эксплуатации? Но и эти вопросы - сомнения ненадолго отложим - обсудим в конце главы.

Возвратимся к вопросу о "незаинтересованной мотивации" и личному интересу. Заглянем для начала в святцы. Понятия "*мотив*" и "*мотор*" оказываются одного латинского корня, и означают они силу, которая приводит в движение. Но сила эта внутренняя, так как внешнее побуждение - не мотив, а всего-навсего стимул. Мотив - субъективная заинтересованность в действии, которая является основанием (но не причиной действия, укрытой в зоне, где притаились человеческие потребности) как отдельных поступков, так и всей линии поведения, тех или иных фрагментов, отрезков этой извилистой и узловатой линии. Условимся считать нравственными лишь те мотивы, что продиктованы доброй волей, добродетелями, гуманными соображениями (например, уважение, сочувствие, милосердие, любовь и др.), а сами поступки при этом оказываются соответствующими нормами морали и что именуют моральной правильностью, к тому же еще сообразованными с конкретными обстоятельствами действий.

Так вот, может ли стремление к коммерческому успеху у потребителей, к прибыли, к личному доходу (напомним - оно не единственное стремление и чаще всего даже не главное), получаемых преимущественно за счет повышения эффективности производства, коммерции или иного дела, быть одновременно и нравственным мотивом или же - пусть будет хоть так! - не противоречить ему? На пути к решению данной проблемы - и так достаточно сложной самой по себе - мы наталкиваемся на прочные завалы из намертво закреплённых в люмпенизированном "совковом" сознании устрашающих *обликов* предпринимательской деятельности и в первую очередь мотивов к ней. В закодированном на эгалитаризм сознании людей "одной шестой части суши" эти мотивы напрямую связаны с представлениями о стремлении предпринимателя к *богатству* как синониму духовной ограниченности, зашоренности и опустошенности. Это стремление трактуют в ключе необузданного "наслажденчества", тяги к роскоши и распутству, к власти над людьми с помощью денег и к прочим видам вседозволенности ("все куплю!"). Эти мотивы в глазах кондовой "советскости" свидетельствуют о предрасположенности к преступности, к надругательству над

заповедями "не укради", "не возжелай", "не лжесвидетельствуй" (уместно вспомнить евангельскую притчу о богатом, верблюде и игольном ушке). В ней завещано богатого человека помещать как бы вне морали вообще, а подчас и вне закона (и то и другое до определенной степени у нас и наблюдается). Мотивы его алчной, торгашеской активности неразрывно увязаны со всевозможными человеческими пороками: если "деньги не пахнут", то не только "пинать и презирать", но и "топать и ненавидеть" надлежит такого! Не на том ли стоит революционная идея, будто богатые "верхи" виноваты перед бедняками, перед "низами" и остается лишь ассенизировать общество от источников загрязнения его нравов?

Соответственно мотивы поведения человека бедного загодя получают положительную нравственную оценку, одобряются и уважаются в "совковом" сознании и тем более в подсознании. Бедность в темных пучинах этого клишированного мировосприятия, хотя и не обладает сама по себе рангом тернового венца, в ней тем не менее усматривается некоторая гарантия честности, безусловное основание для гордости, чуть ли ни свидетельство с непорочности ("я из бедной семьи" - что, между прочим, кроме демагогической формы имеет и вполне положительное значение честной бедности как неоспоримой добродетели). Богатому же человеку приходится хлопотать о приобретении, так сказать, сертификата о нравственности, обаятельного "человеческого лица", отмываться от различных оскорбительных кличек (теневик, совбур, торгаш, куркуль и т.п.), о чем бедности особенно не приходится заботиться. Но при всем этом считается, что богатый не желает тратить ни грамма из того, что успел "захватить", кроме разве грошевых и лицемерных подачек на благотворительные цели, на чем он тоже стремится погреть руки: бесконечно долго можно бродить по лабиринту души предпринимателя, но разве что в самых захламленных закоулках этой грешной души отыщется что-то человеческое, а не дьявольское. Цивилизованный предприниматель - якобы разбойник, которому обществу удалось надеть наручники.

Эти порядком утрированные облики богатства и бедности своими корнями уходят в далекое прошлое, но сейчас, к удивлению, сравнительно быстро и легко размываются, хотя руины этих представлений останутся еще долго как в сознании наших вандейцев, так и в массовом сознании<sup>22</sup>. Все, что происходит из тоталитаризма с его дефективной госплановой экономикой и этатизированным этосом, несет на себе несмываемое клеймо своего происхождения. Ведь в его недрах, говорил Б.Стругацкий, "...выросло замечательное поколение рабов, не осознающих своего рабства, гордящихся цепями "осознанной необходимости", готовых на все, нравственно изуродованных, сгорбленных, скрюченных до того, что сами себе они казались высокими и стройными, а весь мир вокруг представлялся изуродованным, сгорбленным и скрюченным, а следовательно - нуждавшемся в решительном исправлении"<sup>23</sup>.

Нет слов: экономическая мотивация, одобряемая и лелеемая всеми средствами этики предпринимательства, опирается на великую силу частного интереса. Однако он - как уже не раз приходилось оговариваться - вовсе не равнозначен эгоизму, себялюбию. Не является - как долгие годы нам мерещилось - каким-то гнездилищем пороков, демонической силой. Только тоталитарному аскетизму ориентация на частный интерес чудится делом глубоко безнравственным и тогда, по колючему замечанию поэта Мих.Светлова, остается разве что одна только "борьба за несуществование".

Предпринимательская деятельность и вообще рыночный способ обретения

дохода, осуществляемый в рамках закона, является *общественно полезной деятельностью*. И потому она может рассматриваться в качестве морального долга агента такой деятельности. Отсюда не следует бытующего у нас прямолинейного заключения, будто все *эффективное* в экономическом смысле тем самым автоматически возводится в *сан нравственного*. Но существует вполне реальная возможность достижения эффективности и прибыли без попрания норм права и морали. Целый ряд правовых обязательств предпринимателя (как-то уплата налогов, выполнение контрактов по найму, взносы в государственный фонд социального страхования, обеспечение определенных условий труда, мер по экологической безопасности, исполнение правил лицензирования, обеспечение условий для свободной добросовестной конкуренции, недопущение монополизации рынка материально-вещественных, финансовых, трудовых, информационных, природных ресурсов и многое другое) получают сильное подкрепление и как моральное должествование. Служение общественному благу как *нельзя отождествлять* с экономическим ростом, обусловленным предпринимательской деятельностью, так и *нельзя их отрывать друг от друга*<sup>24</sup>.

Эта деятельность, скажем в дополнение, служит общественному благу не только в экономическом, но и в собственно моральном плане. Процветающий социум, во-первых, может позволить себе больше, чем хиреющий, выделить средств на развитие науки, культуры и на воспитание подрастающих поколений, на медицинские цели. Он, во-вторых, заинтересован в том, чтобы самортизировать действие тех пороков, которые связаны с нищетой, с судьбой "проигравших" в рыночной игре, с затруднениями, вызванными напряжением борьбы за средства существования. Он, в-третьих, благоприятствует таким добродетелям, как трудолюбие, стремление к независимости, и противостоит ряду таких пороков, как безответственность, беспечность, легкомыслие, необдуманность и импульсивность поступков и др.

Между тем у предпринимателя, кроме естественного стремления к эффективности и прибыли, обнаруживаются и другие - периферийные или "фоновые" - мотивы активности, которые как-то проще сблизить с нравственными побуждениями, соотнести с ними и понять тем самым тривиальную истину: предпринимателю "ничто этическое не чуждо". Его, допустим, может привлекать собственно игровой момент в предпринимательской деятельности, о чем подробно говорилось в предыдущих главах. Заметим только, что у значительной части наших предпринимателей, которые - если довериться данным опроса по проекту "Новый российский предприниматель" - все чаще рекрутируются уже не из числа "теневиков" и фигур из авторитарно-иерархической системы (хотя немалая доля этих лиц - нечего тут скрывать - органически "встраивается" в рыночные отношения), а из специалистов научно-технической сферы. Главным стимулом к предпринимательству у выходцев из этой сферы служит не ориентация на прибыль, а желание самореализации (которое прежде имело депрессивный характер - футбол, туризм, хоббизм, преферанс и т.п.), связанное с игрой ума<sup>25</sup>.

Предпринимателя может привлекать и стремление к независимости от опеки общины или партократического государства, которая обременена необходимостью послушания, отношениями "вельможность - лакейство". Обнаруживается если не бескорыстный мотив "служения" людям вообще, то во всяком случае желание помочь вполне конкретным лицам, т.е. свободное намерение оказывать содействие людям. Долг предпринимателя и часто соответствующая

склонность требуют заниматься благотворительностью, а не только извлечением прибыли с целью ее дальнейшей капитализации. Это предполагает преодоление инвестиционного абсурдизма. Конечно, моральная чистота мотива благотворительности различается в тех случаях, когда они оказываются просто разновидностью "валерьянки" для успокоения растревоженной души или же хитроумным маневром экономии на налогах, от тех случаев, когда благотворительность основывается на действительно гуманистических побуждениях.

Так вот, возвращаясь к вопросу роли личного интереса в нравственной жизни любого человека, а не одного только предпринимателя, нельзя не признать, что жизнь эта многогранна и - в этом месте самый раз напомнить о принципе дополнительности - необходимо допустить возможность сочетания (гармонического или же дисгармонического, агрегированного или разрозненного - дело это второе!) в ней возвышенного и низменного, святого и меркантильного, бескорыстного и утилитарного, калькуляционного, коллективно-общинного и индивидуалистического, соперничества и сотрудничества, свободной близости и свободного антагонизма. Лишь все эти начала вместе взятые способны обеспечить полноту, устойчивость и цельность протекания процессов нравственной жизни человека, привести к независимости, самобытности, свободу и совершенствование личности. И все это относится в полной мере к предпринимателю, хотя над ними продолжают довлеть выполненные в темных тонах портретные характеристики делового человека, выписанные кистью Бальзака, Диккенса, Мамина-Сибиряка, Драйзера, которые имеют очень мало сходства с портретами современного предпринимателя, с образами его духовной жизни.

Попутное, но весьма существенное замечание. Многогранность нравственной жизни - основа для продуктивного диалога и последующего сближения как будто совсем разнородных *этических доктрин* как носителей односторонностей, крупниц истины. Так, в утилитаристских, прагматических теориях морали, как, видимо, наиболее созвучных духу предпринимательства, может обнаружиться нечто общее, скажем, с этикой любви, теорией моральной доброты и долга. Не об уничтожении в будущем несводимости и плюрализма этических доктрин ставится здесь вопрос, так как остается и расширенно воспроизводится его основа - культурное многообразие человечества, и не об отказе от признания множественности принципов, покоящихся в основании человеческой активности (что предполагает и множественность их интерпретаций), а лишь о создании мировой когнитивной и нормативной парадигмы этической теории, возникающей универсальной глобалистской цивилизации. В этом дрейфе доктрин навстречу друг другу, кто знает, дело обстоит, может быть, так же, как и в поэзии: "Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда..." (А.Ахматова).

Обратим теперь внимание на то, что предприниматели - безусловно автономизированные индивиды. Да, но не атомизированные, пропущенные сквозь камеру антиобщественной "санобработки", из которой выходят нагими по части социальности и пребывающими с постоянным изнурительном режиме "борьбы всех против всех". Они - вовсе не пекущиеся лишь о прибылях одиночки, промышляя с кольцом в руке и пухлой чековой книжкой в кармане в рыночных дебрях. Как-то неудобно даже напоминать о том, что они могут быть вполне благонаравными гражданами своих государств, достойными членами семей, небольших коммун, то есть они социализировались как агенты публичной и частной жизни. Это означает, что они в чем-то выходят за пределы притяжения ценностей предпринимательства и его этики, оказываясь в пределах досягае-

мости нормативно-ценностного контроля, который налаживают как политическая этика, так и семейно-бытовая мораль, этика дружбы и товарищества и другие структурные элементы этики гражданского общества. Они испытывают влияние и религиозной нравственности. И хотя острословы говорят, что когда одни спешат делать добро, иные спешат его наживать, но может быть и так, что ими окажутся одни и те же лица.

В роли предпринимателей в сфере имущественных, производственно-потребительских отношений они выступают и как представители своего сословия, как члены различных ассоциаций и корпораций, следуя и здесь за соответствующими моральными обязательствами. Кто-то из их числа может частично или полностью уклоняться от исполнения таких обязательств - моральное отчуждение, о котором мы уже столько раз говорили, не перестает действовать в качестве одной из сильнейших тенденций нравственной жизни всей современной цивилизации и в известном смысле действовать неотвратно. Моральное отчуждение чревато духовным кризисом общества и личности, для обозначения которого западная литература изготовила пышный фейерверк из жалающих слов и цветастых выражений. "В заднице я видел всякую там этику", - лихо брякнул не столь давно журналистам один видный американский коммерсант, и о чем не без злорадства поведала пресса всему миру. Если сие крутое заявление не заурядный эпатаж, то данный коммерсант отнюдь не одинок. Но единоверцы его, однако, без труда отыщутся во всех без исключения слоях общества и во всех видах человеческой деятельности. Было бы непростительной слепотой не только для общественной нравственности, но и для такого ее специализированного сектора, как этика предпринимательства, принимать мир бизнеса за сообщество святых, не видеть нарушений как ценностей общественной нравственности, так и поведенческих норм и правил этики предпринимательства, не замечать фактов мошенничества, "сбрасывания ответственности", предпринимательского эгоизма, который не способен совладать с искушением власти, с яростным давлением мотивов наживы, бессердечия, голого практицизма, воздействием заурядного и изощренного потребительства. В США даже говорят об "этике с посиневшим носом", которая с легким сердцем легализует взятки в бизнесе<sup>26</sup>. Но прежде чем перейти к рассмотрению роли этики предпринимательства не только как побуждающего, но и как сдерживающего фактора, предстоит, переключив сам регистр обсуждения, сделать два шага в сторону.

## О справедливости и равенстве

Наполняя этическое "жизненное пространство" обширной мотивационной сферы нормативно-ценностным содержанием с учетом того, что базовые ценности этики предпринимательства располагают сложной конфигурацией, необходимо рассмотреть и некоторые вопросы, относящиеся к компетенции нравственной философии рынка. Свобода предпринимательства со всеми вытекающими отсюда последствиями предполагает не только свободу действий бизнесмена, но и свободу наемного работника, то есть человека, который выносит свой товар на специфический рынок труда. Товар этот обладает различной производительностью и мастерством, что характеризует его качество и привлекательность для потенциального покупателя. Не оборачивается ли - тут же начинается шевелиться сомнение - свобода одного агента рыночных отношений лишь видимостью свободы другого? Иначе говоря, как этика предприниматель-

ства справляется с задачей истолкования социальной справедливости и социального равенства?

На эту коварную тему написаны воистину горы толстых книг и великое множество брошюр и статей. Любопытно, однако, что в поисках ответов на эти вопросы обнаруживаются формулировки, которые соблазняют обезоруживающей простотой: справедливо ли, в самом деле, чтоб предприниматели, которые в сущности сами ничего не производят, а выступают в лучшем случае в роли организаторов, а то и просто посредников ("делают деньги из воздуха"), живут лучше тех, кто является тружениками в госсекторе или даже в частном секторе, кто отдает в обмен на весьма и весьма скромную заработную плату свои силы и здоровье и при том - приглашают заметить - делает это ради "общего блага", "блага государства" или родного ведомства? По самому характеру вопрошания и не вооруженным социологической техникой взглядом видно, что "священные коровы" эгалитаризма продолжают у нас преспокойным образом разгуливать на тучных пастбищах. Если и стоило задавать столь простодушные и ясные вопросы, то можно было бы удовлетвориться наиболее общим, зато и наиболее четким ответом: справедливо там, где благополучно и стабильно живет большинство большому числу людей. И только после такой в духе И.Бентама констатации надлежало бы вопрос перевести из разряда простых в сложные: а кто именно в тех краях не попадает в число живущих благополучно, кто живет лучше с точки зрения *социальной справедливости*?

Поэтому сразу же скажем, что словечко "трудящийся" окружено у нас привычно лицемерным нимбом и принятие его без критики заводит в омуты тоталитарного сознания. В нем все перемешано и перекрашено до такой степени, что не разобрать, кто действительно таков, кто просто не может работать кое-как, не может халтурить, кого нужда заставляет стараться, а потому все они достойны всяческого уважения, а кто лишь старательно изображает роль труженика, работая в полсилы, спустя рукава, но над ними не гремят громы, так как плановая система хозяйства любовно подстраховывает таких, держит "на плаву", хотя прилюдно и поругивает, кто по существу и является настоящим паразитом-эксплуататором. В мир, где "играют в социализм" и превозносят таких, с позволения сказать, трудящихся, заявился невиданный во все века долгой человеческой истории антитрудовой синдром ("никто так не умеет работать, как не умеем мы!"). С ним заодно - всполохи массовой зависти (эпидемическая болезнь "красных глаз", по китайской легенде), иждивенчества и рвачества, почти повальное стремление разжиться за счет заветного "общего блага" ("общак"), не уступающие ему по размаху лживость в сфере производства (фиктивная отчетность, приписки в неслыханных масштабах, звон фанфар по поводу успехов в соцсоревновании и т.п.), поразительная безответственность, страшное падение качества продукции и услуг. Иной и не может быть трудовая "мораль" винтика, раба, арестанта, у которых придушены мотивы личного интереса к производительному труду и которые уже не в первом поколении свыклись прозябать в атмосфере индустриального феодализма, принудительного труда, погружающая кого меньше, кого больше - в вязкую топь незаинтересованности прежде всего именно в результатах труда ("зряплата", "дача").

Но тот же праведник-трудящийся с готовностью принимает свободу на рынке труда, если она индивидуальными или же коллективными усилиями сулит ему возможность добиваться справедливой - в его глазах - заработной платы и приличных условий труда. Он не просто реагирует на высокие доходы в теневом предпринимательстве, но особенно чуток к ужесточению условий собст-

венного существования. И одновременно он продолжает противиться чувствительной дифференциации доходов. Она идет поперек его вспоенного на эгалитаристских наклонностях чувства социальной справедливости. Не случайно это чувство называют невралгическим нервом нашего общественного сознания. Скорее, у некоторой части это не просто серьезное чувство, а озабоченность справедливостью, родственная алкогольной или сексуальной озабоченности, страдающая подслеповатостью, готовностью к подтасовке фактов и к истерии. Такой "трудящийся" готов вытерпеть старую вопиющую несправедливость, социальное расслоение на малокомпетентную, ленивую, безынициативную, склонную к криминальности партгосноменклатуру и на люмпенизированный народ. По некоторым данным, децильные, то есть десятипроцентные верхние доходы богатых, и такие же нижние доходы различались у нас в той же степени, как и в бичуемых США, и даже превосходили европейский уровень. Вообще-то говоря, на цивилизованном рынке действует закон постепенного снижения дифференциации доходов, и он заработает у нас по мере продвижения именно к такому рынку - но это отдельная тема.

Но не уходим ли мы от ответа на прямой вопрос - что же есть социальная справедливость? Распределение *по труду* - по определяемым централизованной плановой экономикой нормам? Распределение *по заслугам* - но перед кем и по какой мере, чья десница вправе ласкать или обделять? Распределение *по сословиям или должностным рангам*, когда требуют одинаковых прав и благ те, кто располагает одинаковым ранговым разрядом в иерархии? И что лучше - получить от каждого якобы *по способностям* или же отдавать каждому по реализованным способностям в ситуации конкурентного их предъявления? Возможно, надо бы распределять *по ресурсам, по капиталу*? Возможно, вообще справедливости путь заказан в сфере распределения, и относится она не к материальным благам и даже не к праву, а лишь к чувственно не ощущаемому человеческому *достоинству*?

На эту вереницу вопросов этика гражданского общества и ее составная часть - этика предпринимательства без всяких экивоков отвечают следующим образом: социальная справедливость - это *право на экономическую свободу для всех, равенство возможностей жизненных шагов, равенство всех в свободе и перед законом*. То есть право быть собственником, создавать дело, свободно производить, беспрепятственно продавать и покупать, вступать в акционерные общества или же потребительские ассоциации, не нарушая при этом законов демократического государства и норм предпринимательской этики ("разрешено все, что не запрещено законом и моралью"). Идея равных возможностей уходит далеко в прошлое, чуть ли ни к ранним зорям протестантизма. Тогда был выдвинут догмат о равном ничтожестве всех людей перед Богом и о равной возможности каждого в отдельности в индивидуальном (но не в коллективном) опыте постижения Бога. Иначе - своей судьбы, когда Он определит место каждого в селениях праведных.

Социальная справедливость - это экономическое равноправие участников рыночных отношений (предприниматель, производитель, потребитель), измерение их активности *по единому* для всех участников *критерию экономической эффективности*. Это такое равенство возможностей, которое предполагает стимулирующую прогресс *оплату по результату*, а стало быть, и *неравенство доходов, и имущественное неравенство*. Видный представитель лингвистической школы этики Р.Хеар четко высказался по данному поводу: "В экономической сфере между свободой и равенством не может быть ничего общего -

здесь они заклятые враги"<sup>27</sup>. Важно, чтобы свободные действия одного участника не покушались бы на свободы и права другого (права человека и, затем, гражданина - равенство именно этих прав). В противном случае - не свобода, а произвол, несправедливость, привилегии.

Было бы наивно идеализировать человеческие отношения даже на хорошо отрегулированном и вполне цивилизованном рынке и прогнозировать многочисленные предупреждения на этот счет. Не бывает рынок добреньким, не склонен он миндальничать и не обязательно справедлив, награждая, как в нравоучительном повествовании, достойных, умелых, предприимчивых и наказывая - пусть даже не сразу, пусть с опозданием - недостойных, безответственных, малоинициативных. В известном смысле рынок - необходимое *меньшее зло*, как, впрочем, всякий другой хозяйственный механизм, ибо не может быть экономики, движущей силой которой были бы не интересы, не соображения выгоды, а моральные побуждения, любовь к ближнему, тяга к абстрактной справедливости. Раз и навсегда отринем рыночную фетишизацию, любые формы товарно-денежного романтизма. Но тем самым не дезавуируется этика предпринимательства, не ставится под сомнение ее право на существование. Лишь еще раз напоминает о единстве и вместе с тем о различии этики абсолютов и этики конвенциональности, о взаимосвязи двух ярусов в моральном феномене. Поговорка гласит: кто желает иметь друга без изъянов, тот останется без друга! Так и в нашем случае.

Наверное, поэтому следует говорить не только о социальной справедливости, но и о *высшей справедливости*. Не сопряжена она с единым критерием экономической эффективности, с заслугами, трудовыми достижениями, словесными статусами, со способностями, с рыночными удачами или провалами (однако она и не подобна коммунистическому образцу справедливости, которая хотя и обещает выдавать по потребностям, но за это наперед требует от каждого по способностям). Ее родословная восходит к *праведности и милосердию* как божественной справедливости, связанной не с получением дара, а с возможностью самому стать в ряды дающих. В том числе дающих милость падшим, куда включаются и потерпевшие крушение в бурных рыночных водах. Человек приходит к такому пониманию справедливости, лишь познав себя в качестве существа греховного и смертного. Эти обстоятельства, наряду с другими, мешают тотальной рынкомизации общества, что даже помогает тем, кому предстоит "выдержать бремя успеха", как выражались античные моралисты. Словом, воздадим рынку рыночное, но богу воздадим богово!

Вот как раскрывается смысл понятия "милосердие": "Сострадательная и деятельная любовь, выражающаяся в готовности помогать каждому нуждающемуся и распространяющаяся на всех людей, а в пределе - на все живое. В понятии милосердия соединяются два аспекта - духовно-эмоциональный (переживание чужой боли, как своей) и конкретно-практический (порыв к реальной помощи): без первого милосердие вырождается в холодную филантропию, без второго - в пустую сентиментальность"<sup>28</sup>. Но требование ориентации на высшую справедливость не входит в моральный долг предпринимателя - превышение долга, его "перевыполнение" имеет для предпринимателя лишь рекомендательное значение, располагаясь скорее всего где-то между долгом и идеалом.

Общество, социальное рыночное хозяйство обязаны защищать права граждан, но не заботиться о них. Да и просто аморально заботиться о тех, кто способен позаботиться о самих себе, но упорно желает избежать этого бремени

(ген иждивенчества). Можно даже говорить о праве человека заботиться о самом себе, не позволяя узурпировать это право государству - оно выводит и на право быть собственником. Но жестокость рыночных отношений смягчается социальной политикой, которая - нельзя забывать - опирается на рост материальных ресурсов общества: как любил говаривать Дэн Сяопин, если кошка не того цвета, какого нам хотелось бы, то это искупается ее способностью хорошо ловить мышей! Такая социальная политика усиливает одни моменты, стороны механизма конкуренции или ослабляет, амортизирует действие других его сторон. Усиление достигается за счет сурового антимонопольного законодательства и демополизации, а также законодательства, которое регулирует отношения найма (например, запрещает любые формы дискриминации при приеме на работу), поддержки малого и среднего бизнеса, сохранения многоукладности экономики, многообразия организационных форм управления и форм собственности. Сюда же относятся меры по контролю за качеством товаров и услуг, свободы экономической информации, защиты интересов потребителей, право на бойкот тех или иных форм, помощь безработным и многое другое. Но социальная политика может и ослаблять действие механизмов конкуренции, защищая права и интересы salariата, его право на забастовки, право на профессиональные союзы, запрещая использование детского труда, устанавливая максимум продолжительности рабочего дня, декретируя минимум зарплаты и т.п.

Смягчает последствия конкуренции и развитие системы *перераспределения доходов* - колорит эпохи окрашивает и этот процесс в мягкие тона. Достигается это путем освобождения благотворительности от налогов, организацией помощи престарелым, инвалидам, многодетным, деятельностью различных фондов. Речь идет о праве на призвание, на гарантированное существование, на опеку тех, кто в ней нуждается. Это позволяет большинству рабочих и служащих вести образ жизни, приближающийся и даже совпадающий с уровнем жизни социально-экономического центра между богатыми и бедными - "*среднего класса*", куда входят, как отмечалось в начале настоящей главы, основная масса предпринимателей, "золотые воротнички" - специалисты, высококвалифицированные рабочие, словом, экономически активное население, способное как минимум создать рабочее место хотя бы для себя<sup>29</sup>.

Но перераспределение доходов производится (или должно производиться) ровно не столько, чтобы не попортить при этом право на экономическую свободу, чтобы не приводить к бюджетному неравновесию, так как существует некий порог, за которым рост налогов, необходимый для перераспределительной патетики, бьет по интересам всех социальных групп общества. Выступая против кейнсианства и теоретиков "общества всеобщего благоденствия", которые исповедовали идеи такого перераспределения доходов, чтобы можно было регулировать глобальный спрос населения в целях поддержания конъюнктуры и темпов роста, либеральная концепция считает ошибочным представление, будто увеличением народного потребления гарантируется надежное функционирование экономики - следует бороться с бюджетным дефицитом путем сокращения государственных расходов, поощрять дифференциацию оплаты труда, конкуренцию и предпринимательскую инициативу.

Известный поборник такого подхода Ф.Хайек считает понятие социальной справедливости "миражом", подрывающим сотрудничество и ведущим к нравственному индифферентизму - общество равных возможностей и разных результатов так же нелепо называть несправедливым, как считать таковой Сол-

нечную систему. Погоню за подобным миражом он считает зловредным продуктом преисполненного самомнения конструктивистского рационализма и навязывания социалистической морали, которая стремится вытеснить спонтанно складывающуюся естественную традиционную мораль. В "Дороге к рабству" он приводит в качестве эпиграфа к одной из глав высказывание лорда Эктона: "Лучшая из возможностей, когда-либо дарованных миру, была потеряна, потому что стремление к равенству погубило надежду на свободу".

В некотором смысле противоречие между ценностями *свободы и равенства* является "роковым", постоянно возобновляемым. Но вместе с тем они способны образовать и некоторое единство<sup>30</sup>. Неверно было бы думать, будто либерализм горой стоит за свободу, тогда как социализм упирает лишь на равенство. Конечно, они оба располагают ясно выраженными предпочтениями в ценностном выборе, но оба направления мысли, все больше проявляя неконъюнктурную склонность к деловому партнерству, к сотрудничеству, к союзу, признают значимость как одного блока ценностей, так и другого. Тем самым снимается противостояние "демократии для всех" и "демократии для народа". Поддерживая социальное равенство, социалисты нашего времени не выступают против рыночной экономики и ее ценностей, как и не стремятся выстроить социалистическое общество, хотя бы оно не "потерпело бы победы". Они ведут борьбу за гуманизацию рынка, за дополнение его социально ответственным сообществом, за демократически ориентированную социальную патетику, насыщая ее идеями ценностями либерализма. Социализм пропитывается либеральным духом, а либерализм социализируется. Подобно тому, как в Европе после долгих и мучительных религиозных войн наступил долгожданный мир между конфессиями, так и теперь после более чем столетней борьбы социализм и либерализм оказались склонными заключить Вечный мир. Возможно по формуле: "Свобода сильному и защищенность слабому".

В плане нашей работы важно сказать о необходимости налаживания диалога между ценностями предпринимательской и трудовой морали, между культурой рынка и культурой с внерыночной ориентацией (один наш историк удачно назвал такой диалог "спором вечного с временным"). О том, сколь важно уметь не допускать в социальной политике длительных кренов в сторону либо либерализма, либо идеологии социального равенства, уже говорилось в начале книги и сейчас не имеет смысла еще раз возвращаться к этому сюжету.

Отметим только, что *наемный труд* испытывает в наше время состояние раскола, фрагментации на базе дифференциации доходов, различающихся статусов, имущественных цензов, квалификации, культурных потенциалов, конкурентоспособности. Все большая часть людей ведет борьбу не за отдаленное мерцающей линией горизонта царство справедливости и равенства, а за свои вполне реальные интересы - за удовлетворение в процессе труда, за достойные человека условия жизни, которые дают работнику и членам его семьи возможность самоопределения и самореализации в профессиональном и личностном планах, ощущать - пользуясь личными свободами - общественную значимость своего существования. Выкарабкиваясь из тумана праздного морализирования на открытые просторы поисков взаимодействия личных и общественных интересов, человек труда обретает свою долю экономической свободы и связанное с ней чувство профессиональной гордости, становится собственником не одной лишь своей рабочей силы и всего самого себя как производительной, капитализированной личности (малый бизнес, народные предприятия, массовое акционирование, кооперативы, владение недвижимостью, домашнее

предпринимательство и т.п.).

В ходе стирания граней между собственничеством и наемничеством вырывают уже не гроздья гнева огрубевших и беспризорных масс, а зерна социального консенсуса, простиравшегося значительно дальше простого парламентского блокирования, зреет "этико-правовое согласие" (внешне чем-то смахивающее на наше злополучное "морально-политическое единство народа", которым мы столь долго гордились, а теперь злорадно потешаемся над ним же как пережитком социалистического прошлого) по поводу господствующих представлений о свободе и социальной справедливости. И тогда критический запал обращается не на дискуссии о том, существует ли в природе социальная справедливость и что она собой представляет, а на то, чтобы выявить степень ее реализации (стандарты социальной справедливости), преодолеть препятствия в такой реализации. Носители таких представлений - уже знакомый нам "средний класс", объединяющий как предпринимателей, так и лиц наемного труда с высокой квалификацией и к тому же, вопреки теории вымывания средних слоев и поляризации социальной структуры, непрерывно растущей. Он - основа социальной стабильности, гарант самосохранения культуры, залог относительно спокойного эволюционного развития общества.

Ну а как же быть с *эксплуатацией* наемного труда? Ведь она означает очевидное попрание заповеди о недопустимости присвоения чужого - не так ли? Да, эксплуатация - не фантом, и она не исчезла. Попробуем посмотреть на проблему без предубеждений. Салариат, о котором говорилось только что, вовсе не всегда считает себя эксплуатируемым, а если и считает себя таковым, то воспринимает данное обстоятельство чуть ли ни с олимпийским спокойствием. Во-первых, один лишь факт отчуждения произведенных благ еще недостаточен для того, чтобы считать это эксплуатацией - без такого рода отчуждения, увы, не сможет функционировать ни одно сложно организованное общество. Во-вторых, чтобы зафиксировать наличие эксплуатации, необходимо осознание работниками того, что отчуждение благ существенным образом противоречит достижению жизненных целей этих работников. Субъективно-нравственный аспект выходит на передний план в современных обществах, а приглядываясь к этому аспекту - согласитесь, - мы обнаруживаем вытеснение антагонизма интересов сотрудничеством, социальным партнерством - речь идет, разумеется, только о преобладающей тенденции, но не более. "При высокой степени удовлетворения насущных потребностей важное значение приобретают стимулы творческой деятельности, становящейся массовым явлением. Только тогда, когда желание накапливать материальные богатства заменяется желанием совершенствовать свою внутреннюю природу, стремление к творчеству оказывается одним из основных, воздействующих на социальные ориентиры. В этой ситуации эксплуатация, понимаемая как изъятие у производителя его прибавочного продукта, может существовать, не оказывая значимого воздействия ни на все общество в целом, ни даже на самого эксплуатируемого индивида, если только для него присвоение создаваемых им материальных благ не является единственной целью деятельности"<sup>31</sup>.

Теперь относительно того, связан ли каким-то образом *предпринимательский подход* с трудовыми затратами самого предпринимателя или же он является продуктом мистического и безнравственного производства "денег из воздуха". Велик соблазн замереть в нерешительности перед этим спорным вопросом. Но из материалов раздела "Фрагментариум-1" с достаточной ясностью вытекает, что такой подход отчасти связан именно с напряженнейшими уси-

лиями предпринимателя, с платой за его компетентность, за понимание конъюнктуры, за чутье, оборотистость, творческие усилия, за уникальные дарования, значение которых по мере перехода к постматериальной, информационной цивилизации резко повышается. Эти усилия к тому же воплощают его жизненное призвание, с одной стороны, а с другой - не поддаются прямому стоимостному исчислению, не могут быть выражены в количестве часов, проведенных в офисе или на ином рабочем месте, а потому эти усилия практически невозможно сопоставить с размерами предпринимательского дохода. Добавим, что этот доход является и оплатой бремени, связанного с риском, не с мифической, а вполне определенной ответственностью. За что? За нереализованные творческие порывы, за "кусочек жизни", прожитой впустую. Предприниматель рискует всем своим состоянием, а вот новая стоимость создается - вопреки застарелым политэкономическим догмам - не только живым трудом рабочего и инженера, но и трудом, ранее накопленным. Что ж до деланья "денег из воздуха", то деформированное нравственное чувство справедливости ошибочно отождествляет предпринимательство с рантьеерской стрижкой купонов, с махинациями "жирных котов" или действиями плутоватых чиновников, а потому никак не может взять в толк всю важность для общественного производства деятельности всевозможных банков, бирж, брокерских контор и прочих институтов рыночной экономики, которые аккумулируют и оперативно перерабатывают огромные массивы информации самого различного типа. Кстати сказать, опросы среди работников российской промышленности показывают, что в последние два года подавляющее большинство опрошенных стало называть предпринимателя "человеком труда".

Социальная *поддержка "слабых"*, "мизерабельных", потерпевших неудачу на рыночной площади, и не только на ней, требует обильных ресурсов для их защиты, но это требование останется благим пожеланием, если не будет обеспечена *поддержка свободы "сильных"*, в том числе и моральными средствами (признание законности предпринимательских доходов, вообще значительной дифференциации доходов и стилей жизни), не только от монополизма, чрезмерных налогов, но и от классово-религиозной "ненависти" изгнания зла из мира, того мира, что во зле лежит, от упомянутой болезни "красных глаз". Сделать все это в переходный к рыночной экономике период очень трудно, тем более при ограниченных возможностях для реинвестиции доходов, при подчас вызывающем расточительном потреблении самих "сильных".

Смешно говорить, будто социальная справедливость рынка является абсолютной, и мы уже зарекались от прегрешений по части его идеализации. Есть действительные "мерзости" рынка, и просто кощунственным является принцип, по которому лучшим человеком считается тот, у кого просто больше денег и связей. Или другой животрепещущий пример. У нас обращает на себя внимание вопиющая несправедливость, заключающаяся в том, что за ошибки и злонамеренность других приходится расплачиваться теперь тем, кто к ним вовсе не был причастен. Или же проблема *наследования* капитала, опыта, знаний и связей, обеспечивающего стартовое ускорение для меньшинства (но не забыть бы при этом, что и у нас была, отчасти и остается номенклатурная наследственность). Но надо сказать, что проблема наследования и неравных стартовых возможностей, кроме собственно социальных аспектов (допустим, проблемы величины налога на наследство и его последующего распределения), имеет и особую нравственную грань. Большинство комплексов, которые так сильно инфантировали сознание человека индустриально-урбанистической цивилизации

(синдромы зависти и превосходства, ненависти к ближнему и всему несхожему, одержимость совершенно безрассудными социально-политическими идеалами, дух вандализма, необычайно обострившийся страх смерти, всевозможные уродливые компенсаторы этого страха и т.п.), поддаются социально-этической терапии не только с помощью укрепления религиозных верований в бессмертие души, но и издавна известными стремлениями оставить прямым или косвенным наследникам плоды своего труда, изобретательности ума, инновационных дерзновений - движимую и недвижимую собственность. Дело, навыки, мастерство, капитал престижа. Остается лишь догадываться о силе мотивации такого рода по сравнению с другими побуждениями к экономической активности.

## Об индивидуализме

Следующий сюжет нравственной философии рынка выводит нас к проблеме индивидуализма. Он увязывается со свободой и формальной справедливостью, но так как в нашем общественном сознании индивидуализм представлен как отступление от нравственных начал, если не сказать сильнее, то тем самым бросается и не базовые ценности этики предпринимательства. Образ индивидуализма закреплен в этом сознании прочно в отчетливо негативных тонах - чуть ли ни как безжалостное право сильного, чему соответствует горькая участь проигравшего, как равнодушие к другим людям, как пожизненное заключение в одиночную камеру самоизоляции, как обреченность на "войну всех против всех"! Имидж индивидуализма либо соотносится с образом жизни по милым "законам джунглей", либо с анархическим своеволием. И дело здесь во все не в понятийной неряшливости. Попытаемся, не дав повода увязнуть в терминологической тяжбе, вникнуть в суть проблемы.

Корни современного индивидуализма уходят в римско-византийский, рыцарский и т.п. индивидуализм. Не исключено, что за точку отсчета существования индивидуализма предстоит взять упомянутое в первой главе время резкого поворота истории от "темноты" доцивилизованного сознания к "просветленности" личностного самосознания, когда "...человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентального мира"<sup>32</sup>.

Но летоисчисление собственно европейского индивидуализма принято начинать с эпохи Возрождения, за что, кстати сказать, некоторые авторы спешат оценить эту достославную эпоху крайне отрицательно. Начиная с этого злополучного времени - гласит их суровый вердикт - в Европе складывается эгоцентрическое общество, промышленная цивилизация, культура рыночных отношений а вместе с ними возникает маргинальная, эгоцентрическая, морально ущербная личность, что положило начало тенденциям, которые в конце концов и завели эту цивилизацию в тупик, загнали в состояние перманентного и глубочайшего нравственного кризиса. Если в пределах индивидуального и общинного самообеспечения просто бессмысленно производить больше того, что производитель способен потратить, то рыночное производство не имеет внутренней меры. Его центральная фигура - предприниматель - воплощает дурную бесконечность расхищения природных и человеческих ресурсов. Выход

за пределы непосредственной жизненной среды обитания содействует деградации профессионализма, мастерства, растущей апатии, падению ответственности, расточительству, нигилизму, духу холодного экспериментаторства.

Таковы основные пункты обвинений. Что особенно поражает, так это то, что даже некоторые видные исследователи с различных позиций противопоставляют *возрожденческому индивидуализму* то *духовно-родовые*, то *материально-родовые* начала, а потому эпоха Возрождения воспринимается ими как упадок в сравнении со Средневековьем, означает вхождение человечества в тупик исторического движения, культурно-нравственный регресс, так как изолированный и секуляризированный индивидуум вовсе не является надежной основой для культурного строительства. Возрожденческие "относительности" ведут прямой дорогой к распаду: самоопределяющаяся личность не может якобы обрести смысла жизни и приходит - через аморализм и сатанизм - к самоотрицанию. И это несмотря на весь свой общепризнанный артистизм и титанизм. Известнейшая утопия Ф.Рабле - Телемское аббатство - клеймится в качестве апофеоза возрожденческого индивидуализма с его неограниченной свободой и установкой на самореализацию. Диву даешься, читая инвективы в адрес мэтра Франсуа за подрыв им основ трудовой этики, за отказ от непреложности нравственных велений, за игровое отношение к ним, будто бы ведущее к нигилизму ницшеанского типа, за поддержку люмпенства, публики социального дна, "шпаны"<sup>33</sup>. Понять эти грозные инвективы можно лишь в качестве противовеса заигрыванию с гуманизмом дряхлеющей тоталитарной Системы (что А.Платонов едко окрестил "оргией гуманизма") и увлечению некоторыми критиками этой системы сюсюканием по поводу природной доброты ("человек - это звучит гордо!" звучит кощунственно после страшного опыта XX столетия).

Заметим, что эпохе Возрождения были присущи вполне реальные противоречия и ее ждал упадок. Ей предъявляются взвешенные обвинения, к которым трудно не присоединиться. Так, отказывают в оригинальности философским принципам эпохи, отвергают ее значение как аксиологической модели для нашего времени - подлинные истоки морального и иного индивидуализма ведут не столько к гуманистам Кваттроценти, сколько от Августина напрямик к Декарту. Этой эпохе свойственно сочетание известной беспринципности с культом личной фортуны и иные прегрешения. Но принцип "Делай, что хочешь!" воплощает ремесленнические предпосылки культуры Возрождения<sup>34</sup>, демократические начала жизни, примыкает к экологической свободе и основам правового государства. Вопреки буквалистскому пониманию он вовсе не является безграничным, так как строится на достоверной и вполне добровольной основе, защищающей интересы других. Он прославляет страсти человеческие, но и содержит также *нравственный закон* - хотеть надлежит лишь то, что надо, что должно, что обладает смыслом, хотя и трансформирует отрицательные заповеди в императивы свободы, о чем многократно будут писать мыслители Просвещения XVIII века. В свою очередь идея дозволения или запрещения не может быть рассмотрена как результат доброй воли и свободного выбора - источник активности тут переносится во вне.

Между тем основанием культуры Нового времени является "существование человека один на один с миром, без каких-либо гарантий, которые были бы внешни человеку и человеческому сознанию, некоторое открытое пространство, в котором прочерчивается только путь, твой путь, который ты должен проделать сам"<sup>35</sup>. Телемитская максима как раз и предполагает высокий уровень культурной "обработки" человеческого материала, когда человечество, говоря

словами И.Канта, пребывает во взрослом состоянии, когда личность оказывается способной к свободной и творческой самореализации, к "продельванию своего пути", что включает и самовозложение долга.

В такой обработке этого многопоколенного человеческого материала участвовали античная, и христианская, и народная культуры<sup>36</sup>. Принятие данной максимы означает восхождение к самой сути феномена морали - доверие к человеку, его разуму и совести, свободе его воли, которые делают излишней опеку, необходимость внешней ориентации поведения человека. Человек этот все не подобен "сверхчеловеку" типа всемогущего художника, одержимого мага фаустовского типа или государя -"макиавеллиста". Он видит зло, но не одобряет его, следуя лучшему, которое заведомо не втиснуто в какие-то строгие рамки и открыто для творчества - творение добра суть свободный и творческий процесс<sup>37</sup>.

Есть немало оснований предполагать, что, "выбирая" традиционалистские, довозрожденческие ценности, современный человек не просто возмущается спекуляциями на гуманизме (что еще можно было как-то понять и даже простить!), а всего-навсего озабочен поисками благообразных прикрытий своего выбора в пользу консервативно-охранительных идеалов и "необщинничества". И такой выбор прикрывается волнующими воспоминаниями о тех годах, когда мнилось, будто наше общество - "одна большая и дружная семья", когда всюду царили сдержанная свобода, самобытность развития, совершались ратные и трудовые подвиги, все свято и непререкаемо верили в иллюзорные картины ожидавшего нас светлого будущего. Тем временем безропотно подчинялись стереотипам имперского мышления, этатистской необходимости ("так надо"), утратив даже воспоминания о сладком вкусе свободы.

Если в мифологии массового сознания нашего общества закреплялось негативное представление об индивидуализме, то о коллективизме складывалось представление как о самом гуманном способе соединения ценностей свободы и ценностей социальной справедливости и равенства, как наилучшем способе слияния общественных, групповых и личных интересов при - чего греха таить - чувствительнейшем возобладании первых. Не случайно сам термин "социализм", запущенный в оборот в 1834 году французским журналистом и утопистом Пьером Леру в статье "Индивидуализм и социализм", обозначал коллективизм как некий антипод индивидуалистическому анархизму, который отрицает всякую организованную общественную жизнь.

Между тем фактически же оказались поруганными и свобода, и социальная справедливость, опошлен идеал равенства, а личный интерес, своеобразие индивидуального развития приносились в жертву интересам тоталитарной системы, выдававшей себя за выразителя и поборника интересов всего общества. В результате групповые и тем более личные интересы были "заподозрены" в отступничестве от "подлинного" коллективизма, а личность утратила авторство выборов, искус экономическим риском, превращаясь в безотказный винтик Системы, черпающий "чувство глубокого удовлетворения" от своей собственной безответственности и послушности. Былая коллективистская самостоятельность общины или артели у нас была уничтожена (недопустимо, нам кажется, менталитет тоталитарного коллективизма непосредственно выводить из менталитета общины!), зато сохранились уравнилельные тенденции. Такой коллективизм оборачивался примитивным подчинением "Я" государственному, этническому, сословному, ведомственному "Они". В таком коллективизме преобладало роевое сознание, "хоровое" начало, установка на всеобщую серость

и зависть (приближаясь к антиутопическим карикатурам на коллективизм, в которых изображается полное растворение "единицы" в массе, уничтожение частной жизни и полная концентрация неограниченной власти у "правлящих единиц"). Сложился тип личности, готовый пожертвовать экономической независимостью и всеми прочими свободами, правами человека в обмен на коллективную ответственность, социальную защищенность, гарантирующую ему существование на уровне, близком к порогу бедности или даже лежащем по ту его сторону. Более того, подавляя положительные стороны индивидуализма, тиражировались многие его очевидно отрицательные стороны, вроде сомнений или мелочной конкурентной возни в распределительных сетях и в иерархических структурах. Так был проведен неслыханный в истории эксперимент: попытка соединения идеалов свободы и справедливости... под бдительным оком тотального государственного контроля при мифологической идентификации масс с вождями, познавшими ритм и направление неумолимого хода самой Истории и на этом основании присвоивших себе право руководить "поступью миллионов".

Все это происходило в ситуации нарастающей общественной потребности в инициативной личности, руководствующейся ценностями соревновательности и кооперативности, деловитости и предприимчивости, ориентированной на достижение как важнейшей целевой жизненной установки, которая получает нравственно-положительную санкцию. Потребность в личности, которая способна порвать оковы суррогатов коллективности, выйти из "массы", поддержать тенденции, альтернативные тем, что ведут к деперсонализации, препятствуя достижению культурной целостности членов гражданского общества, новому пониманию коллективности, вовсе не исключаящему индивидуализм. Этот поворот опирается и на ценности национальных характеров. Так, например, у грузин, по авторитетному суждению М.Мамардашвили, сохранились "в мертвом царстве коммунизма зачатки яростного индивидуализма и жизнелюбия"<sup>38</sup>.

Как мировоззрение и моральный принцип индивидуализм противостоит эгоизму, который навязывает свои ценности другим. Он утверждает *самоценность, уникальность каждого человека* (заменимых людей вообще нет, утверждала поэтесса Ю. Друнина), его интересов, независимо от любых социальных индикаторов - этнических, национальных, классовых, конфессиональных, профессиональных, поколенческих и т.п. Он не только выводит его из локальных естественно-социальных общностей и соответствующих всем им форм *коллективно-группового эгоизма*, но и способен стать противовесом интегрирующему бюрократизму и авторитаризму, различным формам отчуждения (сам, подчас, воплощая иные формы такого отчуждения), так как отклонял приоритет интересов государственных институтов над волей гражданина, "товарищества" над демократическими принципами. Совершенно не обязательно практиковать индивидуализм в ригористическом или романтическом ключе (байроновский индивидуализм, например), оценивать его как нечто антинародное, бунтарское, анархическое и к тому же еще как располагающее расколотым, отверженным и "несчастливым" сознанием.

Вопреки расхожим суждениям об индивидуализме как отщепенчестве, самодостаточной монаде, изолированном "Я" он на деле не обременен линейным противопоставлением коллективизму как таковому, тем более партнерству, диалоговому общению, следованию моральному долгу. Если под коллективизмом иметь в виду мировоззренческий и моральный принцип функционирования различных общностей (первичная социализирующая группа типа семьи или

компании сверстников, а затем вторичные группы, вроде различных производственных коллективов), то именно в такого рода коллективах и формируется индивидуальность. Причем в процессе исполнения каких-то организационных программ в кооперативной, хозяйственной, политической или культурной деятельности. Личность усваивает ценности данных общностей и в ходе первичной и повторных социализаций завязывает в них социальные связи, "выделяет" самое себя, "производит" себя как индивидуальность. Это дает ей возможность в современной цивилизации *свободно выбирать* эти связи, общности, институты и ценности на плюралистической основе. И тем самым переставать быть верноподданной "тварью дрожащей", покорно следующей за чужими социальными выборами (их авторами могут быть вожди, организации или общности), спасаясь от осознания трагизма бытия в стадном чувстве, в подростковом сознании принадлежности к группе, в блаженной сопричастности тому, что и "я - этой силы частица". Человек должен, как царь, по Пушкину, - "жить один", то есть жить не в чужих мнениях, а по совести, ни на кого не перекладывая ответственности, справляясь с бременем одиночества, с пограничными ситуациями, делясь лишь счастьем свободы<sup>39</sup>. Этим утверждается презумпция незаменимости, смелость доверия к самому себе, к своему праву быть непохожим на других, быть "лицом" и уважать другие столь отличные от тебя "лица". Как писал Г.Спенсер 100 лет тому назад, чтобы возводить хорошие, крепкие дома, прежде всего необходимо производить хорошие, прочные, а не рассыпающиеся кирпичи. Индивидуализм в этом смысле является непременным условием несуррогатного коллективизма. "Уникальная последовательность значимых выборов определяет уникальную конфигурацию социальных связей индивида. Психологически индивидуализм является не ощущением индивидом самого себя не принадлежащим ни к какой социальной группе (такое ощущение скорее может быть охарактеризовано как аутизм), а переживанием уникальности своих связей со всеми общностями, с которыми индивид себя идентифицирует"<sup>40</sup>.

Индивидуализм, отмечает социолог Ю.А.Замошкин, мог в прошлом и может ныне ориентировать на кооперативную деятельность. "И во всех этих видах деятельности установки, получившие оформление и развитие в рамках индивидуалистической традиции, являлись мощным генератором и стимулятором энергии, инициативы, творчества, упорства, смелости, готовности идти на эксперимент и риск. Объекты этой деятельности далеко не всегда связывали свой индивидуальный интерес, свое представление о жизненном успехе и престиже с ростом личного благосостояния, с перемещением на более высокие этажи пирамиды социальной иерархии, с получением прибыли, с приобретением денег, капитала, власти над другими людьми. Индивидуальный интерес, успех и престиж часто сопрягались со стремлением обеспечить высокое качество своего труда, эффективность своей деятельности, с ощущением гордости за то, что ты что-то сделал хорошо, лучше других, что создал нечто новое, что тебе удалось проявить инициативу и смелость, преодолеть препятствия, решать трудные задачи, развивать и реализовать свои способности и доказать их наличие самому себе и другим, наконец, - с сознанием того, что ты принес пользу людям, совершил бескорыстный поступок, что твой труд, твоя деятельность имели смысл и значение в деле развития твоей страны или человеческой цивилизации в целом"<sup>41</sup>.

Со всем этим связан зафиксированный массовыми опросами поворот в условиях эконоинформационной цивилизации к "постматериальным ценностям", к

необычайной "информационной этике" (О.Тоффлер), к пониманию успеха в творческой деятельности как форме самовыражения и самореализации. С другой стороны, цивилизованный, а не "дикий" индивидуализм создает возможность формирования не просто настоящего сбалансированного коллективизма, но и новой системы ценностей. Назовем ее условно кооперативистской и пансолидаристской, и вовсе не обязательно идентифицировать ее с японской системой фирменного патернализма. Она является результатом свободного выбора свободных людей ради самоуправления (новые "комьюнити" - этнические, территориальные, религиозные, профессиональные и т.п.), общения, защищенности от превратностей судьбы. Не традиционный коллективизм (общинно-патриархальный, сословно-цеховой, "социалистический") в наше время оказывается условием социально-исторического прогресса, а "процесс выхода из безличности"<sup>42</sup>, процесс индивидуализации, который "производит" независимую личность, способную - когда требуют обстоятельства - плыть против течения, даже тогда, когда она одна против всех, способную отстаивать свое священное право на самое себя и ответственность за то, какова она есть, с готовностью эмигрировать в свой духовный мир или бороться с сильными мира сего и повести за собой не толпу, а личности. И ценности этики гражданского общества - одно из оснований, которое позволяет таким личностям выстоять в этой борьбе, сохранить дистанцию отстранения, удержать и развить приоритеты личной заинтересованности и личной ответственности, инициативы и призывания.

#### ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ДЕСЯТОЙ

<sup>1</sup> См.: Титаренко А. И. Структуры нравственного.

<sup>2</sup> Оно связано со словом "industria", означавшим не просто прилежание, трудолюбие, деятельность, но и то, что подразумевает инициативу хозяйственного субъекта, то есть предприимчивость, сообразованное» действий с конечной выгодой.

<sup>3</sup> См.: Агеев А. И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М., 1991. С. 5-12.

<sup>4</sup> Правда. 1991. 11 апр..

<sup>5</sup> Гибб Алан. Культура предпринимательства: риск и шанс// Проблемы теории и практики управления. 1990. N 6. С. 54, 56.

<sup>6</sup> См.: Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1992. N1.

<sup>7</sup> "Со времени открытий Пригожина нам известно, что вселенная полна неожиданностей, постоянно обновляется и обладает огромным потенциалом развития. Предпринимаемые картезианской наукой поиски стабильности, равновесия, предсказуемости и контроля являются в действительности всего лишь хорошим определением смерти" (Хендерсон Х. На пути к экономике, основанной на взаимодействии и сотрудничестве, политика и этика целостных систем // Один мир для всех. Контуры глобального сознания. М., 1990. С. 69).

<sup>8</sup> На "варваризированном" рынке в дополнение к обычным мафиозным отношениям подключается и предпринимательская мафия, которая дает обычному предприятию ряд преимуществ в конкурентной борьбе, подавляя соперников запугиванием, актами насилия, устанавливая контроль над рынком финансовых и трудовых ресурсов. Итальянский социолог Пино Арлакки написал на эту тему специальную работу под названием "Предпринимательская мафия. Этика мафии и дух капиталистического предпринимательства" (Болонья, 1983).

<sup>9</sup> Zamagni Stefan o. The problem of Development between Ethics and Economics: Unsolved Tensions // Journal of Regional Policy. 1991. 3-4. Vol. П. P. 469.

<sup>10</sup> Гибб Алан. Указ. соч. С, 58.

<sup>11</sup> Любую истину, как известно, можно довести до абсурда: отнюдь не в каждый миг своего бытия и не в каждом акте деятельности на превратной ниве предпринимательства надлежит духовно возноситься к надмировым и сверхиндивидуальным смыслам. Один немецкий историк философии как-то насмешливо заметил, что Германия - единственная страна, где аптекарь, толкущий лекарство в своей ступе, обязательно думает о том, соответствуют ли его действия мировой гармонии или же не соответствуют. Увы, и на нашей горячо любимой родине не обошлось без нечто подобного. Этическая доктрина настаивала на том, чтоб каждый поступок и поступочек, даже помыслы о них были бы выверены - через цепочку спекулятивных умозаключений - на предмет их соответствия коммунизму, всему тому, что идет ему на пользу и в рост. Хотя, строго говоря, по замыслу идея коммунизма сама производив от идеи моральности и уже только поэтому не может служить основой или идеалом моральности. Иначе коммунизм берется не как часть исторического процесса, а как его заключительный Акт, как готовая вещь, как состояние, и тогда нравственным объявляется все то, что приближает процесс к заветному состоянию.

<sup>12</sup> Между прочим, в "Утопии" Т.Мора надзиратели-сифогранты не только пресекают праздность утопийцев, но и следят за тем, чтобы никто не изнемогал, непрерывно работая, наподобие вьючного скота, что хуже участи рабов.

<sup>13</sup> См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. Заметим, во-первых, что Вебер при этом отличал внемирской аскетизм от внутримирского, связанного с призванием, во-вторых, что не в религиозном, а лишь в мирском обществе профессиональный долг способен принять освобожденную, экзистенциальную форму. Вебер полагал уникальным сочетание такого долга с этическим призванием, которое расторгается в рационализированных формально-технических структурах, в жизненных порядках, где этическое призвание становится только декларативным. Ряд современных социологов, прежде всего Т.Парсонс, считают, что в этой части концепция Вебера их не может удовлетворить, так как он не учитывает некоторые позитивные тенденции. Кроме того, после укоренения этики предпринимательства и неразрывно связанной с ней трудовой морали, по мнению Ю.Н.Давыдова, вся проблема труда перестает быть делом свободного выбора ("не могу иначе") и этической проблемой.

<sup>14</sup> Маяковский В. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 7. С. 90-91.

<sup>15</sup> См.: Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989.

<sup>16</sup> Батыгин Г. Ода бизнесу и бизнесменам // Менеджер. 1990. N 5(11).

<sup>17</sup> См.: Апресян Р. Г. Природа морали // Философские науки. 1991. N 12. С. 62-63. Западные авторы используют несколько иные обозначения морального дуализма. По У.Франкена, в морали существуют ординарные сферы, где добро оказывается доступным для любого индивида, стремящегося к нему, и экстраординарная сфера, да требуются необычайные человеческие качества и необычайная мотивация.

<sup>18</sup> Мы предпочитаем использовать иное обозначающее выражение - прикладная этика. (См.: Момов В., Бакштановский В., Согомонов Ю. Приложная этика. София, 1988).

<sup>19</sup> Кон И. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1980. С. 250.

<sup>20</sup> См.: Etzioni Amitai. The Moral Dimension. Towards the new Economics. New York - London, 1990. P. 8.

<sup>21</sup> Мы привыкли к существованию "суперцелей" для всего общества, всех его групп, слоев, коллективов и всех отдельных лиц, а потому чувствуем себя неудобно, когда такого рода цели исчезают за горизонтом общественного сознания и остаются лишь независимые линии поведения. Но навязывать массированным применением насилия всему обществу "суперцель", о которой - по правде говоря - имеется к тому же весьма смутное представление, лишь фантазмагорические образы, безнравственно, так как требует признания не плюрализма интересов и их баланса, а, напротив, примата далеких общих интересов над текущими, тем более над частными интересами частных лиц. Вот что пишет по этому поводу Ф.Хайек: "...всякая коллективистская система нуждается в определении целей, которые являются общими для всех, и в абсолютной власти, необходимой для осуществления этих целей. В такой системе рождаются осо-

бые моральные нормы, которые в чем-то совпадают с привычной для нас моралью, а в чем-то с ней резко расходятся. Но в одном пункте различие это настолько разительно, что можно усомниться, имеем ли мы вообще здесь дело с моралью. Оказывается, что индивидуальное сознание не может полагать здесь собственных правил, а с другой стороны, ему не даны никакие общие правила, действующие без исключения во всех обстоятельствах" (Хайек Ф. Указ. соч. // Вопросы философии. 1990. N 11. С. 162).

<sup>22</sup> Необходимо, в частности, вернуть понятию "буржуа" его первоначальный смысл как обитателя "бурга", гражданина свободного города. Видимо, прав В.С.Библер, когда полагает определение человека как буржуа, бюргера, суверенного субъекта договорных отношений одним из всеобщих определений человека и общества, не более и не менее всеобщее и необходимое, чем определение человека, как трагедийного героя в античности или как христианского страстотерпца, "Буржуа" - не формационное определение, а одно из всеобщих определений непреходящего субъекта культуры (см.: Библер В. О. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. М., 1990. С. 354).

<sup>23</sup> Литературная газета. 1991. 10 апр. Попраirie моральных основ экономической и политической деятельности во имя некоего "неприрученного" революционного инстинкта не могло пройти даром. "В любой стране, которая прошла через диктатуру, число сознательных жертв режима - тех, кто, избрав духовную свободу, предпочел умереть стоя, - всегда оказывается неизмеримо меньше числа выживших на коленях. Даже ничем не запятанный лично сам не убивал, не доносил, не раболепствовал сверх неизбежного - каждый из выживших все равно носит в себе некий фермент безнравственности. Тирания страшна не столько физическим уничтожением непокорных, сколько моральным растлением покорившихся... Опыт Европы показал, что растлевающее влияние тиранического режима на подвластное ему общество сохраняется надолго и после смены власти. Духовно ущербными всегда остаются два поколения: как сломленное диктатурой, так и ею же выпестованное" (Слепухин Ю. Время надежды // Век XX и мир. 1988. N 1. С. 8).

<sup>24</sup> "Любой, кто знаком с теорией бизнеса, знает, что экономическая эффективность не сводится к "деланию" денег любой ценой. Она относится к тотальному деловому предпринимательству по обеспечению общества товарами и услугами. И, что, возможно, более существенно, она подразумевает честную и справедливую кооперацию между собственниками, управляющими, рабочими: рыночную зарплату за работу, рыночные цены для покупателя и адекватную компенсацию риска для инвесторов... Другими словами, хороший бизнес подразумевает хорошую этику, и научиться хорошему бизнесу - это значит научиться хорошей деловой этике" (Stieber S., Primeaux P. Economic efficiency: a paradigm for business ethics // Journal of Business Ethics. 1991. Vol. 10. P. 337).

<sup>25</sup> Московские новости. 1991. N 48. 1 дек.

<sup>26</sup> См.: Trends in business Ethics: Implications for decision-making. Leiden, Boston, Nijhoff, 1978. P. 3.

<sup>27</sup> Hare R. M. liberty and Equality: How Politics Masquarades as Philosophy // Social Philosophy and Policy. Liberty and Equality. Vol. 2. Issue 1. Autumn. 1984. P. 2.

<sup>28</sup> Словарь по этике. М., 1989. С. 179. Кто ж не готов к подвигу милосердия, к высшей свободе - готовности к состраданию, - тот отдает себя в руки дьявола, а тому, кто не верит в это, замечает Зоя Крахмальникова, не мешало бы вспомнить, что Аннушка уже пролила подсолнечное масло.

<sup>29</sup> Эти процессы не снимают как злополучную проблему "одной трети", или "одной четверти", то есть бедности, так и менее известную проблему "нисходящей мобильности", то есть частичного выбывания из "среднего класса", которое, правда, не обязательно приводит к бедности (см.: Newman K. Falling from grace: The experience of downward Mobility in American middle class. N.Y., 1988).

<sup>30</sup> См.: Федотова В. Г. Свобода или равенство? // Философские науки. 1991. N 4; Архангельский А. Между свободой и равенством. Общественное сознание в зеркале "Огонька" и "Нашего современника": 1986-1990 // Новый мир. 1991. N 2; Роулс Д ж.

Теория справедливости // Этическая мысль. Научнопублицистические чтения. 1990. М., 1990.

<sup>31</sup> Иноземцев В. Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. Размышления о перспективах социального прогресса // Коммунист. 1991. N 10. С. 13.

<sup>32</sup> Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33.

<sup>33</sup> См.: Давыдов Ю. Н. Этика и перестройка. Опыты. Литературно-философский ежегодник. М., 1990. С. 26-31.

<sup>34</sup> См.: Сунягин Г. Ф. О некоторых предпосылках культуры Возрождения // Вопросы философии. 1985. N 7.

<sup>35</sup> Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию. М., 1991. С. 149.

<sup>36</sup> Недооценка цивилизаторской роли христианства иногда является с неожиданной стороны, когда, скажем, время дохристианских социумов, в том числе восточных деспотий, величается "золотым веком". За то, что там правил, задолго до века Просвещения, либеральный принцип ненасаждения религий победителей со свободой совести в духовной сфере и правом частной собственности в сфере материальной. Все эти свободы были якобы утрачены в Средневековье, где власть христианства породила образцы моделей тоталитаризма, когда программировалось мышление, понимание Добра и Зла, пресекался выбор религии (См.: Век XX и мир. 1991. N 5. С. 6-8). При этом не учитывается, что в эпоху домировых религий была эра плюрализма богов, так как еще не существовало высшего порядка, свойственного иудео-христианской традиции.

<sup>37</sup> См.: Кантор К.М. Делай, что хочешь - твори добро // Философия и социология науки и техники. М., 1989. С. 163-187. Но тут же заметим, что хозяйственная этика эпохи Возрождения еще не выработала духа предпринимательства и не стала его этикой: подчинение человека идее прибыли в такой степени, чтобы она стала основной целью хозяйствования, чтобы богатство стало самоцелью производства, а не способом воспитания наилучших граждан, формой самообеспечения, шло исторически постепенно (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 475). В ту эпоху еще не произошло отделение хозяйственности от морали (как, впрочем, и от религии и политики), и величина богатства значила меньше его нравственных свойств ("добропорядочное богатство"), богатство еще не обрело абсолютной меры внутри самого себя (см.: Кудрявцев О. Ф. Ренессанский гуманизм и "утопия". М., 1991. С. 174-178).

<sup>38</sup> Век XX и мир. 1991. N 1. С. 21.

<sup>39</sup> "Свободное искание совершенного нравственного добра, истинного миропонимания, подлинной красоты таит в себе опасность срыва в пропасть, возлагает на человека личную, индивидуальную ответственность, требует сильного, независимого характера. Неудивительно, что многие люди готовы отдать свое первородство за чечевичную похлебку, отказаться от развития своей индивидуальности и низвести себя на степень клетки социального целого, лишенной всякой самостоятельности. Вступлению на путь такого унижения личности содействуют распространенные в наше время философские учения, неспособные выработать понятие индивидуума как абсолютно ценной, неповторимой и незаменимой сущности..." (Лосский Н. Индустриализм, коммунизм и утрата личности II Свободная мысль. 1992. N 3. С. 40).

<sup>40</sup> 50/50. Опыт словаря нового мышления. С. 108. "Мы являемся открытыми, самоорганизующимися системами: наше дыхание, поступки и мышление возникают во взаимодействии с нашим миром, который мы делим с другими, в потоках пронизывающих нас материи, энергии и информации. В системе отношений, обеспечивающих эту деятельность, нет четкой демаркационной линии для изолированного, постоянного "я" (Мейси Д. Единая экология. Урок взаимности // Один мир для всех. С. 86).

<sup>41</sup> Замошкин Ю. А. За новый подход к проблеме индивидуализма // Вопросы философии. 1989. N 6. С. 9. См.: Белла Р. и др. Привычки и нравы. Индивидуализм и служение обществу // США: экономика, политика, идеология. 1987. N 8-12; Налетова А. Д. Проблема автономии личности в современной американской этике // Вопросы философии. 1982. N 6.

<sup>42</sup> Померанц Г. Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. N 11. С. 162.

## Глава одиннадцатая

### Инструментальная сфера

#### Средства и санкции

Этика предпринимательства не только мотивирует, вдохновляет рыночное поведение, морально его обосновывает и оправдывает, но она оказывается и специфическим регулятором сдерживающих начал. Ее нормы и ценности побуждают не только стремиться к каким-то целям, но и обязывают считаться при этом с правилами общественной дисциплины, общежития, "рыночной игры", с интересами других людей. Строго отделить мотивирующий и инструментальный секторы этики предпринимательства не так-то просто, и потому ее сдерживающие функции так или иначе уже обсуждались в предыдущей главе. Сейчас имеет смысл напомнить читателю самую *общую схему целесредственных отношений* в нравственной жизни, чтобы попытаться "примерить" ее к рыночным связям людей.

Эту схему можно представить в следующих основоположениях. Во-первых, ценность средства обусловлена нравственным характером цели, для достижения которой это средство выбирается. Ежели мы признаем цели предпринимательской активности нравственно допустимыми и оправданными, тогда надлежит подумать и о характере применяемых для достижения этих целей средств. Дело здесь в том, что самая распрекрасная цель, любые ссылки на "общее благо" способны только определять ценность средства, однако ни в коем случае не могут оправдать его. Рассуждения относительно оправдания того или иного средства целями высокой нравственной пробы оказываются лишь прикрытием безнравственных действий декларативными ссылками на возвышенность наших мотивов, которые якобы по совершенно независимым от нас причинам не смогли отразиться на результатах поступка или же отразились в них лишь частично, а то и просто искаженно. Словом, это то, что обычно без обиняков именуется лицемерием, которому не только политическая, но и рыночная площадь предоставляет превосходные возможности для проявления. Ведь средства должны быть целесообразными, и то свойство предмета (вещи, действия, слова), которое прежде служило средством для достижения одной цели, при перемене целей оказывается уже нецелесообразным: выбрав не соответствующее цели средство, человек достигает просто не ту цель, которую перед собой ставил. Все это старо, как египетские иероглифы, но не утратило очарования актуальности.

Теперь, во-вторых. Результат, в котором так или иначе воплощается цель, достигается благодаря средству, он обусловлен его (средства) функциональной ролью. И потому выбор не соответствующих цели средств ведет к нежелательному результату, искажает природу цели. Причем проявляется это как в том случае, когда цель выражает позитивные моральные ценности, так и тогда, когда цель является глубоко аморальной.

В-третьих, обусловленность ценности средства характером цели предполагает такие качества ценности средства, как объективность и абсолютность. Только "кажется" человеку, будто не стеснен он в выборе средств: чем сильнее вера в безграничность свободы, чем больше произвола в выборе средств, тем дальше оказывается результат морального выбора от запланированной цели. Поэтому в этике тезис "цель определяет средства" дополняется, как известно,

тезисом "средства определяют цель".

Цель и средство, в-четвертых, не только взаимно определяют друг друга, но и делают это соотносительно: цель в иной ситуации может выступать в роли средства, и, наоборот, то, что было средством, в изменившейся ситуации может оказаться целью. Иначе говоря, складывается многоступенчатая система "цель - средство" и выявляется несостоятельность попыток определения необходимости какого-то средства путем его соотнесения лишь с ближайшей целью, так как едва будет достигнута последняя, как ей самой придется выступить в роли средства для более высокой цели.

В-пятых, из этого, можно сказать, "правила согласования целей" вытекает столь важное в предпринимательской деятельности требование строгой последовательности в выборе средств. И если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей или умаляющей нравственный характер более высокой цели, то такое средство должно быть отвергнуто как лишенное целесообразности. Более того для обеспечения нравственного характера выбора необходимо не только выведение конкретной текущей цели из цели, более отдаленной и высокой, но и из предыдущих, уже реализованных целей. А так как эти уже достигнутые ранее цели выводились из соответствующих средств, то необходимо пристальное внимание к каждому средству на всех этапах движения к высокой цели.

Допустим, последней у предпринимателя оказывается его жизненное призвание, Дело, которому он самозабвенно служит. И тогда достижение прибыли должно быть соотнесено с этой целью как с целью более низкого порядка, но вместе с тем и как средством реализации цели. Существует, однако, целая система нравственных "табу" относительно тех или иных способов получения прибыли, достижения предпринимательского успеха, нарушение которых создает угрозу подрыва нравственного характера высшей цели. Они, как будет сказано чуть ниже, образуют связку таких моральных понятий (и качеств личности), как честность, доверие, порядочность, уважение к собственным обещаниям, столь важное для упорядочения предпринимательской деятельности и определяющее содержание морального долга в этике предпринимательства.

Из всего сказанного следует такой вывод: нравственно и целесообразно то средство, которое необходимо и достаточно для достижения позитивно-нравственных целей, которое не противоречит более высокой и тем более высшей цели, не трансформирует их характера. *Целесообразность средства приобретает, таким образом, нравственный смысл.* Такое понимание, нам думается, дает возможность принципиальной критики попыток подмены этики предпринимательства (как, впрочем, и любых других приложений нравственности) некоей "технологией морали", замены ее "организационно-техническими нормами поведения".

Но здесь мы наталкиваемся на новые затруднения. Праксиологические правила морального выбора, соединение нравственного и целесообразного требуют развития *рациональных подходов*. Но нам известно, что рынок не подчиняется каким-то суперцелям, а механизмы сдерживания базируются, в свою очередь, на некоторых этических правилах и традициях. В этом смысле рынок и мораль не только однопорядковые, но и взаимопересекающиеся явления. Оба они - продукт человеческой деятельности, хотя и не создаются по чьему-то предваряющему замыслу, по какому-то Проекту. Согласно Ф.Хайеку, моральные нормы рыночного общества нельзя отнести ни к сознательным, ни к инстинктивным формам поведения человека, так как они не служат достижению

каких-либо конкретных целей и не обусловлены генетически, а потому лежат между инстинктом и разумом. Допустим, что мы согласимся с таким взглядом. Но тогда как быть с рациональными подходами? Как совместить это с признанием конвенционального характера этики предпринимательства? С.С.Аверинцев как-то употребил прекрасное выражение - "скромная этика контракта". Даже некоторые весьма далекие от восторженного отношения к рынку теоретики развивают идею, восходящую к Гоббсу, о морали как итоге соглашения по поводу взаимных обязательств индивидов, когда конвенция вводится еще до того, как выявляется резон действовать в соответствии с ее правилами - они исходят из кооперативного взаимодействия на основе принципов нерыночной справедливости, но отталкиваясь от личного интереса как причины быть моральным<sup>1</sup>. Однако, с другой стороны, если мы признаем, что люди поступают в соответствии с аффективной мотивацией, то как могут они следовать правилам *рыночной игры*, которые требуют рациональных подходов по преимуществу? Как совместить - в веберовской терминологии - *целерациональную* деятельность, столь характерную для предпринимателя, с традиционной ценностно-рациональной деятельностью? Не располагая готовыми и вразумительными ответами на эти мудреные вопросы, можно предположить только, что задача заключается в умении избежать крайностей в тех случаях, когда отдается предпочтение рациональным подходам, и в тех, когда высказывается готовность принять эмотивные подходы.

Но зачем, спрашивается, нужны какие-то средства сдерживания нравственного плана, когда в рыночный механизм чудесным образом "встроены" чуть ли ни автоматически срабатывающие сдерживающие факторы, - допытываются поборники технологизации морали? Такие механизмы действительно "наказывают" нарушителей правил рыночной игры, которые вздумали бы на цивилизованном рынке пренебречь интересами потребителей, поставщиков, заказчиков, партнеров как в отношении цен на предлагаемые товары и услуги, так и в отношении их качества (обострившаяся в наше время проблема фальсификации свойств товаров и предоставляемых услуг). То же касается отношений с наемным трудом: конкурентная ситуация позволяет избегать тех предпринимателей, что прославились злоупотреблениями на почве эксплуатации, и тем самым как бы "карает" их. К этому надо добавить и организованные акции профсоюзов, защищающих интересы наемных работников. Далее, если предприниматель нарушает договор, добровольно принятые на себя обязательства, свои собственные обещания партнерам, то и в этом случае "кара" обрушивается почти неотвратимо. Конкурентный "форс мажор", принуждая к благоразумию, к честному следованию правилам рыночной игры, к соблюдению "норм - рамок" (на языке социологии), выполняет функцию сдерживания столь безупречно, что этике предпринимательства на этом поприще уже ничего не остается делать, разве что вполне официально подать в отставку. Так ли это?

В поисках ответа снова обратимся к исследованию А.Этциони. Он критикует идущий еще от А.Смита взгляд на "совершенную конкуренцию", поскольку она предполагает, что отношения между действующими лицами, независимо друг от друга попавшими на анонимный рынок, носят безличностный, имперсональный характер и что только один личный интерес поддерживает процесс саморегуляции системы. Между тем *ценность конкуренции* менялась в историческом разрезе. Долго и почти безраздельно в Америке верили в моральную добродетельность конкуренции (наверно, это рудимент средневековых воззрений относительно органического *единства хозяйства и морали*), но уже в 60-е и

70-е годы конкуренция растеряла значительную часть своей легитимности под воздействием контркультурных настроений и отчасти социалистических симпатий. Большинство взаимодействий между лицами, действующими в легитимизованном бизнесе (о криминальном бизнесе мы уже говорили в первой части в связи с анализом тезиса А.Нуйкина об этической нейтральности рынка), основываются на *доверии*, которое вызывается возрастающей потребностью в объединении усилий людей по различным диагоналям их связей и возможностью удовлетворить эту потребность в связи с ростом демократических институтов, открытостью человеческих отношений. Доверие характеризует *честность* человека, и как добродетель оно противостоит подлогам, мошенничеству, обману, маниакальной подозрительности. Оно носит упреждающий характер, предшествуя фактическим отношениям людей, тем самым укрепляя их и расширяя зону доверительных отношений. Доверие, честность и особенно существенное для рыночных отношений *исполнение обещаний* образуют, как говорилось выше, систему моральных обязательств, которые предстают перед моральным сознанием индивида как его долг, который подчас легче исполнить, чем понять, в чем он состоит<sup>2</sup>.

Соглашения, подчеркивает Этциони, заключаются путем устных переговоров, и только незначительная их часть записывается, и уж совсем малая часть из записанных заверяется юристами. Доверие выше в некоторых отраслях производства и субкультурах, обществах, чем в других. Чем слабее относящиеся к делу нормативные факторы, и, следовательно, слабее доверие, тем выше затраты на взаимодействия.

Таким образом, нормативные ценности не являются лишь принципами, на которых люди строят свои обязательства: они несут специфические последствия для поведения, которые поддерживают или приуменьшают конкуренцию, расширяют или лимитируют ее пределы. Они-то и поддерживают систему, позволяя участникам конкуренции воспринимать друг друга как личности, заботиться друг о друге, внося тем самым вклад в продолжительность экономических отношений. Без данных связей (на что обратил внимание еще классик социологической науки Э.Дюркгейм) контрактные отношения не смогли бы сформироваться и стоимость их осуществления была бы стать высока, что они не имели бы практического применения.

Некоторые авторы утверждают даже, что альтруистический феномен, порядочность, доверие являются решающими в функционировании рынка. Во всяком случае они являются независимыми факторами, а не разновидностью одной переменной. Социальные связи, на которых покоятся доверие между предпринимателями и которые предшествуют и сопровождают экономические отношения, могут нарастать благодаря совместимости социального происхождения и образования, совместимости и взаимодополняемости личностей и благодаря разделяемым видам социальной активности (от гольфа до боулинга). И все это оказывает влияние на уровень конкуренции, а также воздействует на трудовые отношения, уровень партнерства и гармонизации в них. Поэтому на одном полюсе конкуренция приобретает угрожающий характер для общества, усиливает социальные конфликты (продолжительные и разрушительные забастовки, закрытие производства, неофициальные и безответственные забастовки, акты саботажа и насилия, штрейкбрехерство), а на другом полюсе конкуренция ограничивается. В социально плотном мире трибалистских систем она даже подавляется. Наконец, она процветает на среднем уровне там, где социальные связи и нормативные факторы достаточно прочны, чтобы поддер-

живать взаимное доверие и низкую стоимость сделок, чтобы ограничивать социально оскорбительное экономическое поведение, и эти связи недостаточно сильны, чтобы истребить вообще рыночную ориентацию<sup>3</sup>.

Как же действует уже не механизм автоматического сдерживания, "встроенный" в конкуренцию, а механизм социоморального контроля? Ведущую роль здесь играют санкции, то есть стихийные или же известным образом организованные реакции предпринимательской среды на поступки и поведение отдельных предпринимателей, действующих или независимо, или же в каких-то институтах рыночной экономики. Санкции - это апробации и осуждение, способы воздаяния, поощрения и наказания, которым предшествует оценочный акт, т.е. признание поступка, акции благом или злом с точки зрения этики предпринимательства. Положительные санкции предназначены для поддержания одобряемых поступков или акций, а отрицательные санкции являются репрессивными, призванными пресекать нежелательные поступки, отклоняющееся поведение, антинормативные действия.

Для выявления собственно морального аспекта санкций социология морали производит еще одну классификацию, которая рассекает санкции на формальные и неформальные, реакцию официальных институтов, политико-правового комплекса государственных и общественных организаций называют формальными санкциями. Они осуществляются с учетом строгой процессуальности (закон, регламент, дисциплинарная инструкция, организационный устав и т.п.), на основе однозначно определенных, "расписанных" норм, с четко обозначенным хранителем и предъявителем требований, а также исполнителем санкций: с заранее объявленным объектом контроля, будь то лицо, группа, организация, гражданское общество в целом, на основе кодифицированного набора санкций, в котором заметно преобладание репрессивных. Неформальными санкциями называют безынституциональные стихийные реакции среды, объединений, публики. В значительной мере эти санкции совпадают по объему с моральными, хотя абсолютное наложение здесь невозможно, ибо санкционироваться могут действия, поддерживающие или нарушающие и те обычаи, ритуалы, традиции, привычки, которые не имеют морального содержания. Возможна и несколько иная ситуация, когда динамически контролируются с помощью неформальных санкций действия, располагающие лишь косвенным моральным значением (большинство социальных церемоний и этикетов, манеры, моды, такт и т.п.).

Выше уже говорилось о том, что мораль нередко именуют безынституциональным способом социальной регуляции. Такое определение справедливо лишь отчасти. Во-первых, различия между этим и противоположным ему способом довольно расплывчаты. Сфера безынституциональности на протяжении всей истории нравственности "пульсировала", то сжимаясь, то расширяясь. В современном обществе ряд отношений, бывших в прошлом под "опекой" главным образом институциональной регуляции, перешел сейчас в "ведомство" регуляции моральной. Во-вторых, в ряде случаев моральные нормы подкреплялись (отчасти и сейчас еще подкрепляются) силой формальных санкций со стороны институтов или же, как иногда пишут, полуинститутов. Скажем, речь может пойти о судах чести, о товарищеских судах, клубных судах, которые контролируют поведение и предпринимателей. Неформальные санкции подкрепляются силой авторитета общественного мнения - группового, предпринимательского и общеобщественного, массового. Поэтому они не имеют строго определенного объекта контроля, не исходят из "разделения труда" при хране-

нии, полномочном предъявлении требований и исполнении санкций, не руководствуются "расписанными" нормами и эталонами одобряемого поведения, не являются кодифицированным набором реакций, располагая, по выражению одного нашего коллеги, "вселенской адресацией". В их наборе сравнительно высок удельный вес положительных реакций.

Все неформальные санкции можно, используя уже предложенные в литературе схемы, подразделить на положительные и отрицательные. Первые несут различные виды выражения морального признания группой или обществом тех или иных поступков, действий, акций, регистрируя наличие в них фактов усвоения объектом нравственных требований вообще и требований этики предпринимательства, в частности, способность к самостоятельному и творческому "прочтению" их социального и духовного смысла. Моральное признание проявляется в следующих санкциях: молчаливое, словесное или печатное одобрение, поощрение, доброжелательные слухи, выражение уважения, почета, славы, готовность считать авторитетом в сфере моральных суждений группы ("лидер мнений"), создание "позитивной легенды", нимбическое отношение и др. Отрицательные санкции следуют за нарушением нравственного требования или критерия целесообразности в выборе, за покушением на моральную ценность, за нетворческим применением предписания и оценочного шаблона в нестереотипной ситуации, которых в предпринимательской деятельности, пожалуй, больше, чем в любой другой. Порицающие и осуждающие санкции могут быть распределены по степени нарастания осуждения. За исходный пункт в этой шкале можно взять некий контрольный минимум, когда санкции пребывают на грани исчезновения. Затем выстраивается следующая цепь негативных санкций: выражение удивления, добродушная насмешка, вышучивание, выражение огорчения, неодобрения, недовольства, замечание, внушение, предостережение, издевка, недоброжелательная молва, отказ в коммуникации, бойкот, остракизм, требования признания вины и покаяния.

Укажем на главную характерную черту положительных и отрицательных неформальных санкций - они делают ставку на моральную самооценку, возбуждение нравственного чувства, то есть на внутренние контрольные механизмы поведения, и их поэтому нельзя истолковывать в духе "подкреплений", как это делают необихевиористы и как это часто встречается в речевой практике общения. Не случайно Ю.Хабермас настаивает на единстве "инструментального" и "коммуникативного разума". Прочитаем выразительный пассаж на эту тему из работы литовского философа К.Стошкусса: "Внешний нравственный контроль осуществляется в виде коммуникативных санкций, которые применяются к другим с целью изменения или поощрения их поведения. Такой контроль в обществе применяет каждый и особенно в тех случаях, когда сам человек лично страдает от поведения других. Стало быть, со стороны адресанта санкции приобретают характер самозащиты. Как силы внешнего давления, они могут достичь ожидаемого эффекта, только апеллируя к стыдливости, чувству страха, достоинства, амбиции адресата и т.п. Для адресата, который чувствителен лишь к таким санкциям, существует только прагматическая тактика жизни - скрывать негативные интенции и стороны своего поведения и выставлять на показ, фасадировать то, что поощряется. И чем больше его поведение не соответствует нравственным требованиям, тем старательнее он его скрывает. Для него не имеют никакого смысла апелляции к совести. Человек санкций может быть внешне вполне нравствен, но лишь до тех пор, пока получает вознаграждение... От санкций нет прямой дороги к совести. Они не способны ни раз-

будить, ни развить внутренних императивов. Особенность внутреннего контроля формируется на основе экспрессивной коммуникации, в которой люди не столько выражают требования, сколько ищут взаимной опоры, помощи, апеллируют к сочувствию, борются со своими недостатками и т.д. Внешний контроль направлен на других, он требует, принуждает, ограничивает; внутренний - на самого себя, он исповедуется, приглашает в свидетели, ожидает сочувствия. Для внешнего контроля другой человек - объект воздействия. Внутренний контроль формируется и через сопоставление и отождествление другого с самим собой, он способен войти в положение другого и открыться для него как для самого себя. Иначе говоря, когда индивид обнаруживает в другом самого себя, он общается с ним как с самим собой, т.е. как субъект с субъектом. С другой стороны, через сопоставление и отождествление себя с другим осуществляется внутренняя автокоммуникация. Принимая на себя роль другого и обнаруживая в себе другого, человек приобретает возможность посмотреть на себя с его стороны, оценивать свои поступки с внешней точки зрения, общаться, полемизировать с собой как с любым другим человеком"<sup>4</sup>.

Не оспаривая смысла этих положений, выразим и некоторую толику несогласия. Дело в том, что выражение морального признания или лишение такового исключительно сильно воздействует на протекание внутриличностной нравственной жизни. Выражение признания дает личности ощущение уверенности в моральной защищенности ее позиций, укрепляет чувство собственной порядочности, гордости и достоинства, усиливает целеустремленность и оптимизм, столь необходимые для предпринимательской деятельности. Оно оказывается одним из элементов специфической моральной удовлетворенности и через нее включается в личное счастье, которое как высшая удовлетворенность от продвижения к поставленным целям и их достижение (единство нормативного и результативного) обязательно содержит и положительную моральную самооценку. Напротив, отрицательные санкции лишают личность психического равновесия, создают угнетающее, нервное состояние, ощущение прокаженности, усиливают внутренний разлад, приводят в движение - пусть и не прямо, не сразу, не в полном объеме - механизмы совести, вины, раскаяния<sup>5</sup>. Хотя твердые убеждения помогают личности защищать и оправдывать свои поступки и свою линию поведения подчас вопреки давлению санкций, тем не менее, систематически лишая человека морального признания, мы подводим его к саморазрушению.

Проблема санкционирования поступков и линии поведения как их сдерживающий фактор имеет еще одну исключительной важности грань. Чьи интересы оберегают и проводят эти самые санкции? Вопрос, который напрашивается как бы исподволь. Предпринимательского корпуса, третьего сословия? Казалось бы, следовало не раздумывая дать утвердительный ответ. Однако подобный расслабляющий своей очевидностью ответ способен лишь вызвать новый вопрос, а не рискует ли здесь утверждающий сползти на позицию защиты группового эгоизма, который поздно или рано подрывает вообще основы всякой нравственности?

Вероятно, нормы этики предпринимательства не утрачивают нравственного смысла до тех пор и в той мере, в какой они озабочены регуляцией отношений среди "своих", внутригрупповых связей. Но какие метаморфозы им угрожают с того момента, когда они "прикладываются" к межличностным (и, разумеется, внутриличностным) отношениям за пределами этого расплывчатого "классово-сословно-профессионального" образования? Не восторжествуют ли в этом

случае массовое лицемерие и видимость регулятивной активности? Наверно, такова судьба всякой партикулятивно-нравственной системы, любого приложения требований общественной нравственности к конкретным видам человеческой деятельности - оно сильно рискует так конкретизировать эти требования и оценки, что в решающих пунктах может превратить желанное многообразие нравственной жизни современного общества в опасную ее сегментацию, когда центробежные силы опрокидывают целостность этой жизни, правило взаимодополняемого минимума всех партикуляций, грозя "линчевать" мораль.

Кстати, тенденции к сегментации, к расколу были заблаговременно зафиксированы многими западными исследователями духовной ситуации эпохи. Мы уже писали о рассечении общественной нравственности на "подлинную" и "неподлинную", о том, что это не просто фантом, а определенный сигнал, идущий от реалий нравственной жизни, о чем с тревогой предупреждали А.Бергсон, О.Шпенглер, Н.А.Бердяев, К.Ясперс, Э.Мунье и другие первоклассные мыслители XX века. О разновекторности различных "этик" писали И.Хейзинга (этика утилитарная и игровая, "хомо люденс" и "хомо фабер"), демограф А.Сови и антрополог М.Мид (этика производителей старшего поколения и этика культуры младших поколений), Г.Маркузе (этика удовольствия и этика производительности), Д.Белл (опять-таки бережливая "этика дня" и расточительная "этика ночи"), отмечая тот факт, что регуляция и ценностная ориентация деятельности в различных сегментах общественной жизни все больше оказываются не только различными, но и несоизмеримыми.

Выход из создавшегося положения подсказывают иные тенденции нравственной жизни современных обществ. Первая - это *массовизация* предпринимательской деятельности: современное производство, говоря ленинским языком, ежечасно и ежеминутно, стихийно и в массовом масштабе рождает предпринимательство, в чем и заключается залог его жизнеспособности. Это приводит к размыканию предпринимательского корпуса, который в экстремальном варианте способен совпасть со всем самодеятельным населением. А пока менталитет элитарного предпринимательства становится как бы заложником менталитета предпринимательства массового, и тем самым хотя бы частично преодолевается опасность социально-нравственной самоизоляции третьего сословия. Вторая тенденция связана с усилением *подконтрольности* предпринимательской деятельности, что распространяется и на ее этику. Главная из контролирующих инстанций - *авторитет* общественного, а не группового мнения, способный поощрять "праведников" рыночной площади и "карать" уклонистов от правил честного предпринимательства не хуже конкурентного механизма и санкций группового мнения. Другой надежный контролер, кровно заинтересованный в эффективности самого контроля, - Господин Великий *Потребитель* товаров и услуг, который располагает в наше время сильными организациями с внушительными информационными каналами. Благодаря всему этому этика предпринимательства покидает пределы узкой сферы приложения. Она вбирает в себя общецивилизационные ценности (активность, инноватику, деловую честность, трудолюбие, благотворительность, кооперативность и др.), впитывает все оттенки экзистенциальных ценностей, отшлифовывает нравственную мудрость как способность обеспечивать оптимальность и гармоничность человеческой деятельности. Скорее всего именно таким путем осуществляется "вассалитет" приложений общественной нравственности по отношению к своему же источнику.

Но сама этика предпринимательства не ютится где-то на окраинах нравст-

венного сознания человечества. Вполне правдоподобно предположение, что в каких-то срезах эта этика задает поведенческие эталоны для всего гражданского общества, так как она стремится сделать каждого свободным, ответственным и инициативным человеком, чтобы он смог участвовать своими организационными, интеллектуальными, культурными и иными достижениями в продвижении человеческой цивилизации и в ее самообновлении. Ценности предпринимательства берут на вооружение если и не самые тонкие и возвышенные натуры, то во всяком случае наиболее активные личности - пассионарная часть общества. И пусть они заметно отличаются от одержимого героического энтузиаста, некогда возведенного на пьедестал Джордано Бруно, однако они с ним одного нравственного корня, являя лишь особые формы подвижничества, отличного от привычного нам в этой роли "святого". В разделе об успехе мы говорили об обширной ветви литературной и исторической апологетики, нередко раздражающей своей примитивностью и вульгаризмами в попытках приподнять на котурны даже нецивилизованные фигуры мира бизнеса, чуть ли ни откровенное хищничество. Все это - из оперы камуфляжа и опошления ценностей предпринимательства, которое и само, сдается, готово предоставить немало поводов для постановки такой оперы. Это - из мира лакировки рыночной действительности, как сказали бы мы еще вчера. К сожалению, и у нас в стране наметилась - пусть пока только пунктирно - линия на возвеличивание нуворишей, воротил теневой экономики, спекулянтов, комчиновников-расстриг, которых поспешно выдают за настоящих бизнесменов, чистопробных предпринимателей, безупречных банкиров, галантных брокеров, толковейших менеджеров, за жрецов и жриц в храме Бизнеса.

Наконец, скажем и о том, что не следует переоценивать значение санкций в качестве сдерживающей силы - непосредственно воздействующих или косвенно влияющих через внутренние факторы самоконтроля над поведением. Немалую роль играет отмеченная выше индивидуалистическая ориентация, которая позволяет личности пребывать в обществе и не зависеть от него, то есть выходить за рамки тех конвенциональных норм и правил, которые определяются социальной конкретикой. Освоение уже не только этики предпринимательства, но и всех ценностей общественной нравственности, позволяет ослабить давление пресса исторического времени, возвыситься над уровнем социальной среды, вырваться из различных "Мы", которые санкционируют образ мыслей и действий личности, противостоять влиянию конформизма, одномерности. В этой линии духовного развития голос совести обретает автономию от социальности и выводит - через крен в сторону гиперморальности - к Роду, и тогда человек оказывается как бы лазутчиком, засланным из грядущей социальности с новыми рубежами свободы.

### Конфликт ценностей и "консенсология"

Теперь подойдем к проблеме инструментации поведения в рыночных отношениях с другой стороны. Рынок - сфера свободной (хотя и по правилам) игры интересов, конфликтующих структур, конкурирующих позиций. Все это требует от агентов рыночной экономики кроме всего прочего умения совершать выбор между сталкивающимися ценностями - в пользу одной из них и в ущерб другой, - и только разрешение этого противоречия позволяет реализовать свою цель. Сложность морального решения в такой ситуации заключается не столько в том, что этот агент не знаком с нормами этики гражданского общества и прави-

лами этики предпринимательской деятельности или не желает им следовать, сколько в самой необходимости разрешения их столкновения. При этом возможны конфликты между базовыми ценностями общественной нравственности и базовыми ценностями предпринимательства или же внутри этой последней ценностной подсистемы.

В условиях гражданского общества, когда конфликт легитимизируется, когда экономическое поведение в конфликтной ситуации полагается общественным мнением вполне нормальной вещью, естественным, а не аномальным или же роковым состоянием, то и этика получает возможность преодолеть барьеры ригоризма и "моральную кровожадность": она *отдает компромиссам приоритет перед конфронтацией*. И происходит такое по мере того, как формируются процедуры разрешения конфликтов, причем такие, при которых, по выражению конфликтолога В.Лефевра, обе стороны могли бы "сохранить лицо", не быть униженными и оскорбленными, и тогда достижение согласия на базе компромисса поднимает агента экономической жизни в его собственных глазах и в глазах других в большей степени, чем это было бы возможно при достижении его первоначальных целей<sup>6</sup>.

Невольно может возникнуть подозрение, что речь идет об апологии компромиссов этическим аргументом, о включении стремления к ним в качестве ценностей этики предпринимательства и соответствующих этим ценностям инструментальных норм. Это предположение недалеко от истины. Мы при этом отчетливо сознаем, что рефлектирующее сознание не всегда может сохранять спокойную, выдержанную, хотя бы нейтральную, позицию в отношении тезиса о компромиссе как нравственно допустимом, оправданном и тем более *достойном* решении ситуации морального выбора. Устойчивый стереотип - предвзвешенный рассудок табуирует даже попытку оправдать компромисс критерием выбора "наименьшего зла", накладывает вето на включение компромисса в инструментальную часть поступка.

Ясно, что ригоризм такого рода возник и продолжает существовать не на пустом месте. У нас - это реакция на имидж компромисса в деформированном общественном сознании, когда его привычно отождествляют с "попустительством", "сползанием с генеральной линии", "заигрыванием с врагом", "соглашательством", "оппортунизмом" и прочими отрицательными характеристиками. Он тянет за собой шлейф из отрицательных значений в этическом кодексе: "измена принципам", "сделка", "трусость", "ловкачество", "шкурничество", "цинизм" - и прочих богатств манихейской лексики двухцветной картины мира, выписанной нашим "краткокурсным этатизированным этосом". Ему противопоставляется несокрушимая моральная воля, самоотверженность, твердокаменная героика и т.п.: в антикомпромиссной этике угадываются десятилетия мрачной практики тоталитаризма. По выражению того же В.Лефевра, "бескомпромиссный герой, стремящийся к свободе и братству, ведет за собой, как пса на цепи, чудовище тоталитаризма".

Однако опасно и не услышать рациональные нотки в критике компромисса как метода разрешения конфликтов, даже в самом категорическом их отрицании, в сектантском отказе от них. Важно всегда помнить, что компромисс - особая зона риска. Поражения в этой рискованной зоне мы видели в нашей собственной истории с тиранией - пусть это не всегда оборачивалось политическим поражением, но всегда означало моральное грехопадение. И меньше всего нам хотелось бы выступить защитниками этического релятивизма и оказаться в стане поборников малодушия, охотно оправдывающих предательство или про-

сто соглашательство "невыносимостью обстоятельств". Речь не идет о компромиссе между добром и злом, не о "пакте с дьяволом", но о столкновении позитивных норм и ценностей. Допустим, когда вопрос может стоять о выборе космополитических, национальных или конфессиональных нормативных моделей этики гражданского общества и предпринимательства - вопрос в высшей степени не простой и по многим параметрам конфликтный. В этот конфликт может вторгаться и политическая этика со своими ценностями, и тогда мы имеем дело с известным столкновением долга человека и долга гражданина.

Восстанавливая честь и доброе имя компромиссов, надо подчеркнуть, что ошибочно мнение, будто при компромиссе, как при проигранной игре, одна из сторон жертвует своими интересами в пользу другой. Нет, здесь "жертва" увеличивает общее благо, идет на пользу социальной стабильности и устойчивости нравственного порядка. Не тождествен компромисс некоей дурной половинчатости, он не нечто "усредненное" в виде "ослабленных крайностей". Возможно и такое компромиссное решение, когда предпочтение отдается одной из крайностей (допустим, меньшинству или большинству, если речь идет о работе акционерного общества или какой-либо другой ассоциации с представительными органами), но такое решение оснащается обычно системой гарантирующих противовесов, сдержек.

Наконец, компромисс морален, если принимается по доброй воле, когда он - не проявление "мягкотелости", но выражение гуманистического мужества, решительности и достоинства. Иногда различают *добровольность и вынужденность* компромисса. Что это дает? Если лицо, принимающее решение, вынуждено иметь дело с прямым носителем зла, с существованием которого на рыночной площади нельзя не считаться, то как оценить такую ситуацию? Ведь может показаться более легким самоубийственное решение, в результате которого жертвами становятся, по шахматной терминологии, не только пешки, но и сам король. Как же все-таки разрешить это противоречие? Полагаем, что один из путей - рассматривать вынужденные компромиссы как *меньшее зло* (меньшее, но зло, зло, но меньшее).

Для этики предпринимательства важно выяснить мотивы компромисса - принимается ли такое решение из-за слабости, бессилия или из-за благородства сильной стороны. Если в последнем случае речь идет не о нежелании рисковать в трудно прогнозируемой игре, то компромиссное поведение сильной стороны конфликта - проявление нравственно-разумного кодекса предпринимательской деятельности.

Ориентация на компромисс должна быть окружена детализированными нормами и правилами. Например, "не следует воспроизводить тактику противоположной стороны", потому что с точки зрения ведения дела это всегда ловушка, а с точки зрения этики дела - унижение, утрата лица. Однако все это детализирующее ориентационный принцип "предписательное" окружение еще только предстоит осмыслить и кодифицировать в инструментальном секторе этики предпринимательства (в той мере, в какой он является продуктом не одной вольной моральной стихии, но и итогом организованных усилий). Компромисс - наиболее сложный и тонкий акт морального выбора, в нем особенно велик риск уничтожения или подрыва нравственного характера цели в процессе ее достижения. Тем более важно не просто осознать эту опасность, но и стремиться к ее преодолению, к соблюдению правила "меньшего зла", меры компромисса, за границами которой - уклонизм, перекладывание личной моральной ответственности, фактическое превращение "меньшего зла" в зло абсо-

лютное.

Всякое общество, в котором сформировалось правовое государство, как бы перезаключает Социальный контракт, в том числе с расчетом обрести конвенциональную этику. Его неперемennые условия таковы: общество способно развиваться, двигаться вперед, избегая сокрушительных катаклизмов, революционных потрясений, угрозы взаимоуничтожения в ходе гражданских войн, если в нем протекают "тихие" революции, если оно действует только на основе конституционных методов, признавая верховенство закона, о чем мы уже писали в первой части книги. Может показаться, что в этом случае возникло бы общество, где господствует идеология статус-кво, самодовольство и высокая степень склонности к социальному застою с моралью "одобрямса". Реальный исторический опыт, однако, полностью опровергает такого рода предположения. Правовые государства оказались динамичными, но вместе с тем и стабильными. Это устойчивые общества, в политической и рыночной культуре которых на передний план выходят этика ненасилия, "институты согласия", практика консенсуса. *Консенсус - это стержневая идея*, ведущий принцип и политической этики, и этики предпринимательства. Данная идея и принцип реализуются через систему социально-инструментальных процедур (норм, правил, традиций, этикетов), в которых моральные, правовые и административные аспекты оказываются почти неразличимыми.

Этика гражданского общества исходит из высокой значимости диверсификации интересов, разнообразия ценностных начал, целевых установок и идеалов. Общество не стремится нивелировать всю эту полифонию, оно усматривает свою силу, свое богатство в многообразии интересов и жизненных позиций, поэтому оно нуждается в институтах посредничества и согласия, оно упорно ищет способы не подавления данного многообразия, а цивилизованного разрешения социальных сил и отдельных индивидов как на политической арене, так и на рыночной площади. Иначе говоря, это общество ищет аксиологию и технологию консенсуса. Нет необходимости напоминать о том, что такой консенсус возможен только на фоне соответствующих изменений в социальной структуре общества, снижения антагонизмов между состоятельными и беднейшими слоями общества с помощью механизмов социальной политики, воздействий на конкуренцию, на перераспределительные процессы и при условии быстрого роста численности и социального веса среднего класса, наиболее заинтересованного в консенсусе. В этом случае слабеет дух нетерпимости, взаимного недоверия и подозрительности, а сторонников "четвертой идеологии", готовых играть без правил, на уничтожение одного или нескольких участников конфликта ("лучший противник - это мертвый противник"), готовых применить принцип "по отношению к врагу дозволены все средства", таких сторонников оказывается сравнительно немного. Вопрос стоит и о выработке технологии, инструментария взаимодополнения и взаимоограничения ценностей свободы и равенства, технологии, влияющей на процесс становления гибкого симбиоза данных ценностей. От этих базовых ценностных начал исходят и ветвятся самые разнообразные способы разрешения конфликтов, сумма которых образует "*консенеологию*" гражданского общества<sup>7</sup>.

Прикладной подход к этике гражданского общества выделяет в качестве наиболее представительного института консенсуса процедуру "круглого стола" как составной части более общей процедуры - *договорного процесса*. Опираясь на опыт игрового моделирования конфликтов, опыт этико-социологического эксперимента, попытаемся предложить своеобразное кредо и кодекс "круглого

стола".

Прежде всего следует зафиксировать признание всеми участниками договорного процесса ценностей *толерантности*. Современный немецкий автор различает слабую и пассивную форму толерантности как излишнюю терпимость к другому, известное снисхождение к своеобразию и слабостям ближних (признание различий между людьми в их запросах, вкусах, интересах, признание незастрахованности от заблуждений, ошибок, предрассудков как основы цивилизованного общения между людьми), а также сильную форму толерантности - свободное признание другого, его инаковости, что опирается на достоинства и свободы каждого человека. "К позиции толерантности причастен тот, кто признает самоопределение (право на жизнь, стремление к развитию и свободе инакомыслящего). В то же время об "ином" можно говорить лишь тогда, когда имеешь собственные убеждения, а о признании "иного" - когда не впадаешь в равнодушие или циничный нигилизм, который абсолютно все вплоть до собственного страшного бесправия оставляет в силе. Отсюда толерантность отнюдь не фиговый листок, за которым скрывается моральная индифферентность и интеллектуальная слабость. Она означает прежде всего независимость, которую нельзя представлять лишь в качестве средства решения определенных конфликтов в совместной жизни или основания для войн между различными конфессиями. Кто толерантен, тот не ищет лучшей жизни, опираясь на самоутверждение путем насильственного подавления противника, а стремится к сосуществованию на основе равноправия и взаимопонимания, используя способность войти в положение другого, способность серьезно воспринять его и открыться ему, постигать и изменять себя благодаря новым ситуациям и новой информации"<sup>8</sup>.

Итак, толерантность требует зафиксировать общий для всех участников "круглого стола" отказ от притязаний на монопольное владение моральными и иными истинами, отказ от притязаний на абсолютную непогрешимость, признание каждой из конфликтующих структур, лиц, их представляющих, морального равноправия всех сторон взаимодействия. Причем независимо от силы, стоящей за любой из них: равноправны великие и малые мира сего, большинство и меньшинство, "формалы" и "неформалы", "центр" и "периферия". Повторим - в моральном смысле. Тайна добровольного отказа от монопольного владения истиной вовсе не заключается в отказе от идейно-нравственной принципиальности и разборчивости. Тайна эта содержится в культуре ответственного сомнения в собственной правоте как обязательном компоненте убежденности. В вытекающей из сомнения самокритике - секрет жизненности убеждений, хотя в этом же - зерно трагизма, которым обременено всякое убеждение.

Природа нравственной мотивации, принуждающей сесть за "круглый стол" в поисках консенсуса, заключается в способности признать за каждой конфликтующей стороной не просто представительство групповых интересов как таковых, увидев в ней носителей одной только утилитарности, но и принять в лице каждого участника "стада" выразителя своей равной правоты, своей Справедливости, части универсума всечеловеческих ценностей. Такая мотивация диалога особенно важна сегодня, когда совершается переход от индустриально-урбанистической цивилизации культур, по-новому структурирующей человеческие отношения, способы общения и формы сотрудничества.

Еще одной нормой создания и работы "круглого стола" является недопустимость унижения или умаления одной из сторон конфликта. Из чего вырастает и чем обеспечивается такая норма? Прежде всего этизацией конфликта, отно-

шением к нему как к ситуации, в которой нет и не может быть победителей и проигравших (тем самым не допускается обязательность трактовки конфликта как игры с нулевой суммой), и из готовности продвинуть свою позицию в направлении к сотрудничеству.

Означает ли мотивация участия в "круглом столе" простую логику обмена полезностями, "арифметику выгод" или диктат условий? В кредо и кодекс "круглого стола" должна быть включена трактовка консенсуса как одного из воплощений *нравственной мудрости*, о чем мы упоминали выше. Она не строит отношения обмена полезностями *только* на принципе эквивалентности воздаяния, тем более простого "даю, чтобы ты дал", хотя и не может не считаться с ним - обстоятельство, открыто признаваемое этикой предпринимательства. Мудрость - это такое благоразумие, которое не стыдится ни расчета, ни страсти (без страсти, известно, нет никакой политики и никакого предпринимательства, как и без расчета нет политики реалистической, а предпринимательства делового). Нам десятилетиями внушали презрение к "обывательщине", к "мещанской морали", "мудрости ужа". Воспевались "безумство храбрых" и "счастье битвы". Мы нередко морщились, когда сталкивались с расчетливостью в житейских отношениях и даже в хозяйственных связях, воздвигнутых на принципах расчета. Мы проявляли высокомерие к тем, кто желал жить настоящим, не откладывая это желание на будущее. Нравственная мудрость - сплав пользы и добра, и именно такой сплав лежит в основе доброй воли участников "круглого стола". Можно предложить первые примеры норм функционирования такого стола". Уже упомянута ранее недопустимость ориентации на односторонний успех, на победу за счет попрания интересов и престижа других сторон. С ней тесно связана норма, побуждающая идти на жертвы без духа самозаклания и унижения. Никак не обойтись без нормы, согласно которой при отсутствии или временной невозможности полного консенсуса необходимо бороться за честный консенсус: "круглый стол" исключает максималистское "все или ничего" и, наоборот, ориентирует на то, что "худой мир лучше доброй ссоры". Этика такого стола основана на противостоянии самодовлеющей власти, в деталях посвященной в правила игры, подчас виртуозно владеющей "игровой техникой", так и охлократическому нигилизму, который не признает никаких норм переговоров, подпадая под власть дешевой демагогии, заражая атмосферу переговоров митинговой разнузданностью, стихией "дикого" рынка.

"Круглый стол" - не застольная беседа, а серьезная работа, требующая создания и реализации определенного алгоритма. К его основным этапам мы относим так называемую пирамиду консенсуса, когда конфликтующие стороны начинают совместный поиск не с анализа целей каждой стороны, а с критики арсенала средств, которые табуируются всеми участниками диалога в процессе реализации их собственных целей. "От каких средств мы отказываемся?" - таков первый вопрос для начала диалога. Следующий этап заключается в декларировании принципа "максимина" как оптимума сочетания интересов участников "круглого стола", согласования желательного и возможного. Решение декларированного "максимина" осуществляется поэтапно, в несколько итераций (неоднократное повторение операций), что позволяет выявить новые возможности. На всех этапах алгоритма "круглого стола" прикладная этика предлагает давно известной психологии морали способ понимания другого через отождествление с ним посредством "обмена ролями".

Меньше всего мы желали бы пуститься в погоню за "вечным двигателем" алгоритма консенсуса. Да и вряд ли существует такая алгоритмическая линей-

ка, способная заменить творчество заранее заданной и предписанной вымеренностью схем движения, на которой predeterminedены сами ступени, соотношение стратегий и тактик поведения участников "стола", установление ими высших, промежуточных и конкретных целей и средств и т.п.: каждый "круглый стол" по-своему уникален, таит в себе неожиданности в удачах и неудачах.

Добрая воля, ранее охарактеризованная как предпосылка "круглого стола", венчает его работу и кладет начало следующему ряду новых "столов". Подобно тому как у Сократа мы обнаруживаем не просто участие в нескончаемых диалогах, но и диалогичность всего его бытия, так и в "консенсологии" мы вправе говорить о соответствующем способе существования, в котором выражается сокровенная тайна свободы во всех ее ипостасях.

## ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ОДИННАДЦАТОЙ

<sup>1</sup> См.: Gauthier D. *Morals by agreement*. Oxford, 1986.

<sup>2</sup> Об исключениях из правила исполнения обещаний и о способах решения конфликтов различных видов долженствования см.: Atiyah P. S. *Promisis, morals and law*. Oxford, 1981.

<sup>3</sup> См.: Etzioni Amitai. *Ibil*. P. 208-209, 211. Феномен конкуренции имеет и другие отношения с этикой предпринимательства как части этики гражданского общества. По мнению Б.И.Славного, учение А.Смита о конкуренции, которая дает позитивный общественный результат вопреки антиобщественной субъективной направленности людей, и учение К.Маркса о конкуренции как регуляторе индивидуальных издержек всех представителей товарного мира до уровня общественно необходимых затрат, нуждаются в существенной коррекции. Современная фаза развития выделяет не столько ее балансирующую способность, сколько силу, которая выводит общество из равновесия. Она производит кумулятивный отбор субъектов, которые смогли угадать грядущее направление изменений в экономике, науке, искусстве, благодаря чему возносятся над другими и нарушают социальный мир (то, что ранее мы называли конкуренцией достижениями). Их побуждает к действию этика свободы, которая еще не являет нам этику гражданского общества в готовом виде. Ее антагонист - этика отрицания свободы, которая поддерживает либо враждебность конкуренции государственного монополизма, либо антиконкурентный монополизм как опасное продолжение конкуренции. Поборники этой этики ищут культурные корни, которые смогли бы осуществить идею отрицания свободы, сделав ее не внешней, а внутренней, духовной уздой для личности.

Это превращает этику антисвободы в этику несвободы, когда человеку предлагается ощущать свою несвободу как положительный момент. Еще глубже располагается этика отказа от сотрудничества с властью. Но настоящий выход из положения заключается в соответствии конкуренции, которая содействует расширению неравенства, с этикой добровольного ограничения изнутри собственной свободы, совершаемого для поддержания социального согласия, мира с природой (см.: Славный Б. И. *Человек и власть* // Полис. 1991. N 6. С. 49-52).

<sup>4</sup> Стошкус К. *Общение в процессе исторических изменений нравственности* // *Нравственность и общение*. Каунас. 1989. С. 42- 43.

<sup>5</sup> По мнению Н.О.Лосского, "муки раскаяния прожигают душу глубже, чем угрызения совести; они кончаются полным отсечением того злого аспекта воли, который привел к дурному поступку, и глубоким изменениям эмпирического характера человека. Когда у человека является сознание "я' уж не тот, каким был раньше", он так отделяется от своего злого дела, что оно перестает мучить его, и он способен начать новую жизнь, бодрую, полную веры в будущее. Задача изобразить правдиво этот глубокий перелом оказалась не по плечу даже такому гению, как Достоевский". (Лосский Н.О. *Условия абсолютного добра*. М., 1991. С. 140).

<sup>6</sup> См.: Лефевр В. *Два дома - два дракона* // *Московские новости*. 1989. 23 июня.

<sup>7</sup> Сказанное не означает, будто до гражданского общества не существовало определенного консенсуса, без которого невозможно воспроизводство общественных отношений (консенсус омниум). "В основе этого единства лежит определенная исторически складывающаяся система нравственности как ведущей формы культуры. Ее основные ценности можно резюмировать в качестве некоторого нравственного идеала, который является фокусом, организационным центром и одновременно формой нравственности... Но нравственные идеалы не остаются неизменными, могут также возникать новые идеалы, что создает крайне сложную основу для консенсуса, делает его проблематичным". (Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования // Полис. 1991. N 5. С.56).

<sup>8</sup> Хеффе Отфрид. Плюрализм и толерантность: к легитимации в современном мире // Философские науки. 1991. N 12. С.26.

## РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

---

### Фрагментариум-2

Фрагментариум-2 является продолжением фрагментариума, помещенного в первом томе книги, где трактовались преимущественно вопросы нравственной философии рынка. Не отрекаясь и здесь от сюжетов этой философии, мы попытались сместить акцент на проблемы собственно этики бизнеса, сохранив особенности жанра - отбор материалов в виде сравнительно коротких извлечений из монографий и статей, из рефератов и обзоров, переводимых в рамках проекта "Этика гражданского общества". В принципе мы имеем дело с огромным массивом материалов. Существуют десятки институтов и кафедр этики бизнеса, соответствующих журналов. Потребуется, по меньшей мере, десятки, если не сотни страниц, чтобы только перечислить научные и публицистические, учебные и академические работы по проблематике этики бизнеса. И все равно останутся вне нашего внимания многие радио- и телепередачи, целые теледиспуты по данной проблематике. При этом мы стремились ознакомить читателя с различными взглядами на предмет, представить весь спектр мнений по главным вопросам этой этики.

При всем этом надо помнить об опасности превращения в угоду бизнесу самой этики в бизнес особой статьи. Подобные интенции и настроения чувствуются во многих текстах, и наш долг предупредить об этом читателя. Наиболее распространена утилитаристская трактовка деловой честности как полезности. Тенденция рационализировать под запросы рынка универсальные этические ценности, такие как долг, честность, доверие и т.п., в полной мере раскрылась в соответствующей литературе XX века. Сейчас другая ситуация. Этику пытаются интегрировать в бизнес, в процесс повторных социализаций, а, кроме того, она становится академической наукой. Возникло суждение, будто этика бизнеса - по сути наука "нищая", сводимая лишь к набору однобоких, скучных, назидательных правил поведения между нанимателями и нанимаемыми, деловыми кругами и публикой. Так ли это?

Откроем раздел с достаточно теоретического фрагмента о природе ценностей и их изменениях. Такой ход хорошо согласуется с нашим разделом о базовых ценностях этики предпринимательства по всей гамме возникающих при этом отношений (мотивация, ориентация, оценка, санкции и т.п.). Предлагается текст - с неизбежными в этом случае сокращениями - второй главы объемистой книги "Понимая человеческие ценности. Индивидуальное и общественное", вышедшей под редакцией видного американского социолога Милтона Рокича. Написана глава Робинотом М.Вильямсом и называется "Изменения и стабильность в ценностях и ценностных системах: социологическая перспектива". Обширный и тщательно продуманный материал главы позволяет лучше ориентироваться в предшествующем разделе, что-то детальнее концептуализировать, а что-то с большим основанием отклонить или же ввести поправочные коэффициенты.

#### Природа ценностей

Термин "ценности" употребляется в различных значениях применительно к

интересам, предпочтениям, обязанностям, моральным обязательствам, желаниям, целям, потребностям, различным другим видам селективных ориентаций. Ценности объединяют в себе общие представления и привязанности. Они служат критериями для отбора в каждом единичном действии. В наиболее явной и полностью концептуализированной форме ценности становятся критериями в оценках, предпочтениях и выборе как таковом. В своей неявной форме ценности выступают в форме "как бы" присутствующих в качестве базиса для принятия решения в поведении. Ценности можно обнаружить в различных сочетаниях со *знанием и верой*. Ценности не представляют собой конкретных правил поведения; точно так же как и не являются они концепцией того или иного общественного института.

### Ценностные образцы

Различия между индивидами, возможно, заключаются не столько в наличии или отсутствии определенных ценностей, сколько в способах организации ценностей, их иерархии и приоритетах. Помимо иерархического порядка (обычно несовершенного и частичного) общества различаются по распространенности в них приверженности к тем или иным конкретным ценностям. Так, равенство может быть элитарной ценностью в аристократическом городе-государстве: олигархи соглашаются в том, что они равны, при этом никто другой в расчет не принимается. В условиях современной парламентской демократии равенство может разделяться как ценность среди всего населения. В качестве относительно, но не абсолютно совпадающего с реальностью образца ценности отражают степень приложимости (универсальность приложения). Ценности выступают определенным образом последовательности: в одном обществе метаценности задают логическую или "деонтическую" последовательность различных ценностей; в другом обществе последовательности уделяется мало внимания или же существует положительное признание двусмысленности, парадокса и иронии. "Непоследовательность" может высоко оцениваться в качестве богатства возможностей как определитель пределов и величия опыта.

### Как изучаются ценности

Основными способами культурного контроля над действием являются: 1) системы знания и родственной ей веры, 2) системы ценностей и норм. Как без энергии, так и без информации не существует социального поведения. Ценности являются компонентами руководства в поведении, ориентированном на определенные предубеждения или же цели; но они в то же самое время служат в качестве "постсуждений", используемых при оправдании или же "объяснении" прошлого поведения. Опросы показали, что тем или иным типам организаций или занятий соответствуют определенные образцы представлений относительно преобладающих ценностей. Особая значимость ценностного критерия в анализе социальных систем заключается в том, что он служит для *самооценки данных общественных систем*.

Так, ценности, входящие в структуру общественной системы, представляют собой концепцию желаемого типа общества, которая разделяется членами указанной системы и которая прилагается именно к тому специфическому обществу, членами которого они являются. Такое приложение осуществляется и применительно к другим типам общественных систем. Ценностный образец оп-

ределяет и *направление выбора*, и последовательное обязательство действия в соответствии с данным выбором.

Общий набор концептуально-предпочтительных критериев для избираемого типа поведения не только лежит в основе всего мироустройства, но и является неотъемлемой частью всякой развивающейся во времени и пространстве общественной системы. В качестве своеобразного "черного ящика" человека как общественно действующего лица ценности могут рассматриваться в качестве сложных кодировочных устройств поведенческого выбора - кодов, которые также постоянно меняются в зависимости от текущих "входных данных".

Когда мы хотим определить взаимосвязанные наборы ценностей и верований, которые описывают предпочтительное или же "должное" состояние общества, мы говорим об *идеологии*. Специфически конкретные формы поведения выражаются в *нормах*, которые, в свою очередь, соотносятся с ценностями для легитимации, для установления границ и для связи с другими нормами.

Ценностное пространство человеческой жизни с необходимостью становится заполненным стандартами поведения, относящимися ко всем значимым типам объектов жизненного опыта. Ценности, соответственно, всегда налагаются на физический мир, человеческий организм, другие организмы, биопсихические особенности личности, на социальных актеров и их взаимоотношения, культурные аспекты, а также на области космического или же трансцендентального. Специфические общественные ценностные ориентации входят в качестве составляющих в более широкое образование ценностей и могут находиться в сфере взаимовлияния со всеми входящими в данное образование ориентациями.

В каждой главной сфере общего ценностного пространства можно развить много различных измерений ценностей. Для области *общественных отношений*, например, в качестве *критериев желаемого* могут выступать:

равенство или неравенство;  
коллективный или индивидуальный интерес;  
приятие или же неприятие власти;  
индивидуальная автономность или же взаимозависимость;  
экспрессивность или сдержанность;  
диффузность или специфичность;  
партикуляристские взаимоотношения или категориальное членство;  
персонифицированные или универсальные стандарты поведения;  
враждебность или привязанность, или безразличие;  
господство или подчинение.

Ценности развиваются в процессе определенного жизненного опыта - через боль или удовольствия, через лишения или удовлетворение, через достижение цели или же расстройство, или неудачу, социальное признание или же непризнание, любовь или ненависть. Сообщение между наиболее общими оценками в конце концов создает ценностные стандарты, которые часто становятся широко приемлемыми через многочисленные социальные и культурные границы.

Взаимоотношения между ценностями и поведением

Ценности, похоже, включаются в мотивацию двумя основными способами:  
1) путем определения удовлетворения, которое может быть достигнуто и кото-

рое усиливает мотивацию; 2) путем определения источников удовлетворения.

Конечно, определенные нормы, которым подчиняется индивид, могут оставаться в основном неизменными в течение человеческой жизни даже в том случае, когда отношение всех ценностей к метапорядку ценностей сильно изменилось. Данные изменения появляются как следствие определенной последовательности от (1) требований, базирующихся на власти и внешних последствиях, к (2) таким изменениям, которые базируются на обмене и взаимной удовлетворенности, к (3) таким, которые базируются на поддержке легитимизированных ожиданий, к (4) таким, которые базируются на ценностях, идеалах или логических принципах социальной организации. Ценностные обязательства становятся в нарастающей степени стабильными благодаря систематической концептуализации.

Анализ данных национального (США) опроса показывает, что социальный класс является наиболее существенным элементом, влияющим на изменчивость и различия в ценностных образцах. Среди компонентов "класса" самым важным является образование, за которым следует профессия; доход добавляет очень мало в ценностные предписания по сравнению с образованием и профессией.

"Якорные" эффекты ценностных систем редко можно проследить через анализ, ограничивающийся рамками определенной локальной культуры или для локальных экологических, демографических, технологических и социальных серий процессов: *структурные факторы будут уже "насыщены" разнообразными эффектами от предшествующих социальных действий, которые, в свою очередь, были частично детерминированы ценностными компонентами.* Для того, чтобы определить эти кумулятивно-диффузные эффекты, требуется сравнительный анализ. На базе единичного общества (или типа общества) можно обнаружить, например, что родственные, семейные и близкие взаимоотношения явно восходят в способах регуляции к системам земельных владений и видам собственности. Так, "материальные" отношения к средствам производства не являются независимыми по отношению к приоритетным ценностным образцам.

## Ценности и социальные изменения в американском обществе

Сложные ценностные ориентации американского общества середины XX столетия пропитаны культурой как единым целым с упором на активное господство над событиями, а не пассивное их принятие; на внешний, а не внутренний взгляд на мир; на мировоззрение, которое воспринимает общество и историю как не имеющую еще завершенного конца; на веру в рационализм в противоположность традиционализму; на заинтересованность в неуказуемости поведения, скорее на универсальную, нежели партикуляристскую этику; на горизонтальные и эгалитарные, нежели иерархические социальные взаимоотношения; на высокую ценность индивидуальной личности по сравнению с коллективной принадлежностью и ответственностью.

Среди путей, которыми может идти изменение в ценностях и убеждениях, следующие заслуживают особого внимания;

1. *Создание.* Новый стандарт или убеждение вырастает из опыта и становится эффективным - до определенного уровня - регулятором поведения.

2. *Внезапное разрушение.* Существуют определенные инстанции, на которых большое событие сказывается как сравнительно неожиданное исчезнове-

ние ориентаций, которые ранее принимались всем обществом. Но это чрезвычайно редкий исход. Что может произойти, так это внезапное отклонение ценностей или набора ценностей, до сих пор преобладававших, в результате более пристального изучения, которому предшествует длительное по времени уменьшение в силе обязательств и постепенное ослабление внимания и усилий. Для своего поддержания ценности требуют определенных "инвестиций" - времени, внимания, усилий, предпочтений. Когда же не происходит регулярно "упражнения" в них, ценности атрофируются.

3. *Уточнение.* Сравнительно медленный отход от привязанностей и обязательств; интенсивное преуменьшение ценностей; все меньшее и меньшее число людей содействуют и поддерживают определенные ценности, обучают или же защищают убеждения или ценностные ориентации.

4. *Расширение, продление.* Приложение ориентаций к объектам и событиям в дополнение к уже включенным в первоначальную сферу применения.

5. *Разработка, уточнение.* Прогрессирует рационализация по поводу той или иной ценности или убеждения, развивается символизация, драматизация, документализация и другие виды более сложной вовлеченности в социокультурный контекст.

6. *Спецификация.* Общая ориентация все в нарастающей степени определяется в терминах определенных контекстов, в которых она считается применимой, в таких случаях, как обязательность посещения школы, воинская повинность, обязательная вакцинация - все они пришли через сравнение со свободой или с равенством, которые, в свою очередь, были вновь определены как равенство конкурентных возможностей.

7. *Ограничение.* Через конфронтацию с другими ценностями каждая данная ценностная позиция претерпевает изменения. Хотя изменение может происходить в направлении жесткой абсолютизации, наиболее частым исходом является случай, когда требующая ценность становится ограниченной общепринятыми требованиями, выдвигаемыми другими ценностями. В этом смысле, например, американские философы демократического направления, так же как и практики-демократы, вынуждены были ослаблять существующее напряжение между свободой и равенством: каждое из данных понятий нуждается в другом, но ни одно из них не может быть развито "чрезмерно", не отрицая при этом друг друга.

8. *Явность, определенность.* В форме народных представлений о добродетели ценности, как правило, имплицитны. Представленные в противоположном выражении, в высокой степени детализированные ценности закрепляются в виде убеждений или философских систем. Американское общество в течение длительного времени характеризовалось обширным распространением явных ценностных утверждений. Последняя половина двадцатого столетия, похоже, принесла нарастающую артикуляцию основных ценностей - частично это был результат быстрых изменений в нормах под влиянием прямого вызова современности, включающего подъем и распространение тоталитаристских политических течений, так же как и внутренних социальных конфликтов.

9. *Последовательность.* Не удивительно, что многими авторами поставлены два прямо противоположных диагноза: а) американские ценности становятся более последовательными; б) американские ценности становятся менее последовательными. Мы полагаем, что никакое глобальное обобщение не является гарантированным. Структурное разделение коллективов и групп разрешает сосуществование многих несовместимых ценностей внутри одного и того

же политического и экономического порядка.

10. *Интенсивность (абсолютизм)*. Ценность, которая ранее воспринималась лишь как одна из многих, может в результате решительной поддержки стать центральной в жизни. Ценность, ранее являвшаяся фокусом для рассмотрения всех остальных критериев, может утратить свой интеллектуальный и эмоциональный смысл, стать относительной и отойти на уровень ординарного критерия ежедневной жизни.

Разумно принять три основных предположения относительно убеждений и ценностей: 1) различные ценности имеют различную степень важности для каждого конкретного индивида; 2) сопротивление к изменению является более сильным в том случае, если данные убеждения и ценности являются наиболее значимыми, "центральными"; 3) если изменения затрагивают убеждения и ценности, находящиеся близко к центру, то это отражается на все большем количестве изменений, которые претерпевают другие убеждения и ценности. Мы могли бы предположить, например, что существуют различия или же сходства в наиболее значимых убеждениях и ценностях, которые окажут большое воздействие на взаимоотношения между индивидами и коллективами, например, различных этнических сообществ.

Очевидно, что предсказания относительно изменений в ценностях в результате их несовместимости, диссонанса или же несоответствия будут зависеть от определенной оценки относительных "весов", *относящихся к данным изменениям различий* в: 1) когнитивных убеждениях, 2) ценностях, 3) позитивных или негативных катехизисах личностей, 4) позитивных или негативных соотношениях индивидов или групп и 5) инструментальных интересах. Так, очень сильное совпадение ценностей может стать определяющим для дружбы, даже если многие родственные им убеждения расходятся, или сильный катехизис может отвергнуть острые противоречия в инструментальных интересах.

В общественных системах ценности, обладающие способностью сопротивления изменениям, занимают центральное положение, являются широко распространенными и получают поддержку в форме властных санкций и высокой степени консенсуса: сторонники данных ценностей занимают высокопрестижные позиции в обществе и связаны с властью. Будучи частью культурной системы, данные ценности являются конгруэнтными по отношению к другим ценностям и убеждениям и символизированы в самых различных видах. Ценности, у которых можно отметить вышеперечисленные 10 характеристик, будут получать сильную поддержку санкций, активно защищаться и им будет оказываться содействие.

Так, в условиях сильной политической и экономической нестабильности ценность *свободы* имеет тенденцию к уменьшению по интенсивности и "рангу" среди других обязательств. Равенство уменьшается в привлекательности среди победителей в соревнованиях.

Изменения идут медленнее под воздействием процессов конформности внутри установленных социальных порядков и под влиянием многочисленных взаимозависимостей внутри сложной системы убеждений и ценностей. Далее, высокий уровень обобщенности, представленный в каждой конкретной ценности, позволяет допускать существенную реинтерпретацию перед тем, как произойдет радикальное изменение в легитимизации ценностных обязательств. Поэтому неудивительно, что перечень наиболее важных ценностей в Соединенных Штатах изменился в очень незначительной степени за последние два века. Так, существует в общем-то единый образ жизни, который избирают рес-

понденты в Соединенных Штатах. Сравнение ответов в опросах 1950 и 1970 гг. показывает очень незначительные изменения. Тем не менее средство, с помощью которого осуществляется всякий раз культурное изменение, нарастает в своем измерении с 1925 по 1960-е годы, обозначая тенденцию ко все меньшей стабильности. Такая ценность, как "достижение", например, ослабла по яркости и интенсивности по сравнению с "успехом", но этот сдвиг затрагивает скорее выразительность (акцентирование), чем полное изменение соотношения ценностей, и это означает, что "достижение" по-прежнему остается выдающейся ценностной ориентацией. Убеждения и ценности, связанные с религией, за последнюю половину столетия переместились из ранга персонального утешения в социальную этику, от понимания их как сверхприродного порядка вещей и регулятора загробной жизни ко все большему интересу, проявляемому со стороны общества при привлечении внимания к каким-либо проблемам и людским страданиям "здесь и теперь".

Очевидно, что центральное место в американских ценностных ориентациях занимает та, что включает идею принципов морального долженствования, которые трансцендентны по отношению к целесообразности и апеллируют к каждому. Поскольку моральные принципы такого рода относятся к очень сильным интересам, импульсам и к другим ценностям, исследования показывают наличие отклоняющегося поведения и насилия. Произошло ослабление власти такой "абсолютной" ценности, как "честность", но при этом весьма вероятно, что нарастало эффективное применение гуманитарных ценностей. Превалирование этики в личных отношениях, возможно, стало менее суровым и жестким, но более добрым, чем это было ранее.

Общая тенденция апеллирования к универсальным критериям и принятия гуманистических ценностей, похоже, стала очевидной в социальной политике по отношению к этническим и расовым меньшинствам, бедным слоям населения, людям с физическими отклонениями, к детям, работающим женщинам и другим субъектам в особых случаях стрессов, нетрудоспособности и дискриминации. Вся сложность взаимоотношений между гуманистическими и другими ценностями может быть оценена только через внимательное изучение каждого конкретного случая.

В целом, несмотря на то, что очевидна фрагментарность и определенная противоречивость имеющегося знания, вероятно, что нарастало значение ценности *равенства возможностей* среди представителей последнего поколения. Можно говорить о том, что универсалистская этика получила более сильную поддержку со стороны государственных институтов. С другой стороны, никакого реального нарастания экономического равенства доходов и благосостояния не произошло.

## Проблемы ценностных изменений в современном обществе

Знание об основных тенденциях в изменениях ценностей должно быть аккуратно "наложено" на те ценностные образцы и убеждения, которые преобладают в тех или иных группах или коллективах. Только установив определенные связи ценностей со специфическими социальными позициями и изменениями в этих позициях, возможно будет идентифицировать точки напряжения, а также размеры и власть в консенсусе и расхождениях различных частей общества.

Дифференцированное общество всегда имеет сложный набор спецификаций его основных ценностей; более того, быстрые социальные изменения про-

должаются в непредсказуемых последствиях. Сложная специфика вместе с непредвиденными изменениями с необходимостью порождает многочисленные новые, проблематичные взаимоотношения между обобщенной ценностной системой и "операциональными" ценностями и нормами, применяемыми в специфических практических ситуациях.

Любое заметное изменение в экономическом положении или политической власти среди слоев населения или различных ранговых группировок порождает конфликт и широко распространяемый в обществе вызов власти высших слоев. Однако, по мнению большинства исследователей социальных ценностей, последние, если таковые легитимизируют и обеспечивают обобщенное направление для определенных институтов, обычно изменяются только после того, как изменилась структура или функционирование самих данных институтов.

Важно по сути, продолжительное по времени изменение возможно в том случае, когда происходит постепенное "изъятие из обращения" институализированного набора ценностей, убеждений и символов веры путем осуждения и установления обязательств по их неприменению. В конце концов, индивиды больше не вовлекаются в практику и те социальные отношения, которые ранее были выразителями определенного набора ценностей, и они больше не соглашаются с эксплицитно выраженными убеждениями и ценностями. Однако даже в том случае, когда индивиды уже расстались с прежними убеждениями, они будут продолжать - при условии своей первоначальной социализации в определенном социуме - очень часто и весьма типично удерживать в своем сознании набор имплицитных, неподтверждаемых убеждений и ценностей, созвучных их основному смыслу.

Поскольку моральные ценности - согласно определению - занимают место, близкое к высшей точке в иерархии "кибернетических" культурных контролирующих систем, и поскольку их контроль осуществляется только через посредство интернализации и согласия индивидуальной личности, постольку инновации в моральных ценностях как таковых или же значительные изменения в их социальных приложениях имеют довольно специфические характеристики. С одной стороны, изменение на данном уровне повлечет особенно сильное психологическое напряжение и амбивалентность. Защитники ценностей, подлежащих угрозе ослабления, будут подвергаться эмоциональному давлению угрозы как таковую. Эти психологические процессы стимулируются и затем акцентируются социальными процессами поляризации. Если бы данные компоненты изменений были только лишь оперативными, то тогда инновации в моральных ценностях всегда выливались бы в суровые социальные конфликты или же начинающееся изменение в них было обречено на быстрое затухание. Суровый конфликт последует, когда будет иметь место продолжительное противостояние между новыми в старыми позициями ценностей и когда те и другие получают поддержку большого числа сторонников с высокой степенью обязательности и социальной власти. Быстрое "затухание" новых приоритетов ценностей, с другой стороны, будет результатом непродолжительного противостояния нового и старого, следовательно, инноваторы *должны* первоначально представлять очень незначительную, аберрационную, отвергнутую и опасную часть сообщества.

Выражая согласие по поводу очень жесткого набора ценностей, определенные слои общества и связанные с ними виды активности, которые явно легитимизированы, имеют тенденцию к сужению; в то же самое время ценностный

абсолютизм, в конце концов, с благосклонностью воспринимает централизованное лидерство и контроль. Обязательство ценностных инноваций имеет тенденцию к перемещению или же к редуцированию других ценностных обязательств и к овладению огромным количеством ресурсов (время, энергия, деньги, умения, "социальный кредит") членов общества и приверженцев данных инноваций. Если борьбы носит очень интенсивный характер, то соучастники инноваций могут даже отказываться от своих семейных обязательств и нормальной работы, отклоняя рациональные процедуры. Опирающаяся на одну ценностную регуляцию этика мнения имеет тенденцию к предшествованию над этикой консенсуса, имеющей многоценностную мотивацию.

Если говорить в терминах стабильности власти и стратификации, может оказаться, что наиболее важный вид консенсуса заключается не в осознании соглашения относительно тех или иных ценностей, но в консенсусе знания и веры - например, какая власть существует, как она осуществляется, кто что контролирует, что делают власть предержащие и почему, как они будут отвечать на вызовы и тому подобное. В более широком понимании это когнитивно-концептуальный консенсус, и он не требует вовлечения высокой согласованности в оценках.

Внутри самой ситуации в обществах определенного типа - таких как аграрно-феодалных и противоположных им - урбанистически-индустриально-демократических - особые ценностные ориентации, много раз применяемые в практике и подвергаемые переформулировке большим числом людей в течение очень длительного периода, в конце концов становятся интеллектуализированными в качестве компонентов всестороннего взгляда на мир.

Наиболее существенной проблемой в высокодинамичных индустриальных обществах конца XX века является *проведение и канализирование* их огромной физической и социальной энергии. Сложное высокоэнергетическое общество является настолько запутанным, что его выживание в любой форме плюралистически-либеральной демократии является во многом открытым вопросом<sup>1</sup>.

\* \* \*

Переход от общей этической теории к прикладной теории мы открываем моделями этического поведения, предложенными редакторами книги "Этический взгляд на бизнес и общество" Е.Кугелем и Г.Грунбергом.

\* \* \*

Отличить "белое" от "черного" нетрудно. Но основная часть человеческих поступков (в особенности принятие решений в бизнесе) находится как раз между этими крайностями и заполняет собой сферу, которая может быть названа "серой". Именно в этой "серой" сфере процесс принятия решений для бизнесмена, разрываемого на части призывами разума, побуждаемого достигнуть наибольшей выгоды, и увещеваниями совести, зовущей поступать в соответствии с общепринятыми нормами морали, становится процессом морального выбора. Перед подобным моральным выбором постоянно находится каждый бизнесмен, и результат зависит от индивидуальных представлений о нравственности.

Профессиональный бизнесмен учитывает все возможные последствия принимаемых им решений и действует в соответствии со своими конечными интересами или с интересами нанявшей его корпорации. Так же и каждый индивид строит свои отношения в обществе с учетом как своих собственных, так и об-

щественных интересов. Но общественное и частное благо увязываются друг с другом в обществе с помощью закона, так что аморальные действия оказываются запрещенными законодательством, нарушители которого подвергаются наказанию. В свободном обществе законные действия поощряются (хотя многие бизнесмены и стараются избегать этого), а незаконные - осуждаются. Это особенно важно для свободной рыночной экономики, когда различные фирмы конкурируют друг с другом на рынке и нуждаются в поддержке общества для утверждения и поддержания нравственных основ конкуренции.

В условиях рыночной экономики очень важно создать такие условия, при которых законные и соответствующие моральным нормам действия в наибольшей степени отвечали бы интересам бизнесменов. В сущности только очень крупные и преуспевающие фирмы могут позволить себе нравственные действия из одних лишь филантропических чувств. Все другие нуждаются в определенном контроле со стороны общества. Но всегда существует опасность, что общественное регулирование окажется слишком назойливым и создаст такую ситуацию, в которой фирмы будут стремиться обойти закон. Поэтому необходимо и здесь соблюдать меру.

Некоторые считают, что для бизнесменов должен быть разработан специальный профессиональный моральный кодекс. Однако хорошо известно, что слабой стороной подобных кодексов является то, что они не в состоянии учесть всего многообразия различий в образовательном, культурном уровне тех, для кого они предназначены. Сам плюрализм, который делает экономику США разнообразной и свободной, восстает против унифицированных стандартов в бизнесе. Тем не менее определенный законодательный минимум может помочь бизнесменам действовать одновременно и в интересах общества, и не в ущерб своим собственным интересам. Общепринято, что рыночные отношения могут существовать только в атмосфере законности и порядка. Когда даже немногие начинают действовать "по законам джунглей", под угрозой оказываются почти все. Таблица, приведенная ниже, содержит широкий спектр различных видов поведения, характерных для определенных профессий. Это разнообразие позволяет каждому определить ту модель, которая соответствует его нравственным убеждениям<sup>2</sup>.

№ модели	1	2	3	4
Профессии	Специфические модели профессионального поведения			
Профессор	Получил степень с помощью обмана, фальсифицировал результаты исследования	Формально относится к работе со студентами, читает лекции исключительно с целью заработка	Занимается исследовательской деятельностью только с целью вознаграждения. Работа со студентами как один из способов включения в общественные отношения	Полностью отдается работе со студентами. Занимается исследовательской работой только из научного интереса

Поли-тик	Тайно оказы-вает помощь иностранным государствам	Продвигает за-конопроекты ис-ходя из личных интересов	Осуждает корруп-цию и не подвер-жен ей	Не преследует личных интересов. Отдает все силы защите общест-венных интересов
Бизнес-мен	Включен в преступные связи с кор-рупцированными чинов-никами. По-стоянно нару-шает закон	Не принимает никаких этичес-ких ограничений	Придает большое значение своему имиджу. Придер-живается общепри-нятым норм морали	Не нуждается в каком-либо материальном по-ощрении. Посвящает свою деятельность общественным интере-сам
Адвокат	Покровительст-вует преступ-ному миру. Защищает кли-ентов за неза-конное вознаграждение	Всегда готов обойти закон	Следует общепри-нятым нормам мо-рали. Подчиняется букве закона	Представляет дух за-кона
Журна-лист	Готов опубли-ковать любую ложную ин-формацию за плату	Представитель желтой прессы. Главный крите-рий в работе - вознаграждение	Находится под влиянием общест-венного мнения. Стремится придер-живаться общепри-нятым норм морали	Чувствует себя выра-зителем общественно-го мнения. Сооб-ражения истины и нравственности преоб-ладают
Клас-сифика-ция	Незаконное и неэтическое поведение	Законное и этическое поведение		
Общее	Ориентирован-ное полностью на личный ин-терес	Ориентированное в основном на личный интерес, но законное	Личный интерес не исключен. Нра-вственное в рам-ках обыденной морали	Самопожертвование. Полная ориентация на общественный интерес
Особен-ности А. Нравст-венные	Отсутствие нравственных соображений	Отсутствие нравственных со-ображений в слу-чае безнаказан-ности	Нравствен-ность соблюдает-ся лишь в той ме-ре, в которой это-го требует обще-ственное мнение	Нравственность в наивысшей форме
В.Закон-одате-льные	Полный пра-вовый ниги-лизм	Стремление обой-ти закон до перво-го серьезного на-казания	Подчинение букве закона	Подчинение духу зако-на
С.Эконо-миче-ские	Деньги - вы-сшая цель	Деньги - наиболее серьезная цель	Деньги имеют большое значение	Преобладает общест-венный интерес. День-ги - лишь средство достижения цели

	Преобладает забота о сегодняшнем дне	Стремление думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне	Умение строить планы на будущее с учетом общественных интересов	Готовность жертвовать сегодняшним днем ради будущего
	Отношение к профессии только как к источнику дохода	Минимум профессионализма. Главный стимул - вознаграждение	Профессионализм на уровне, необходимом для создания положительного общественного мнения	Все подчинено профессионализму. Мессианство
Наиболее типичный род занятий или профессия	Проститутки, наркоманы	Сексуальные маньяки, грабители, преступники	Бизнесмены, политики	Священнослужители, люди искусства

\* \* \*

Институт Джозефа и Эдны Джозефсонов в США занят дискурсивными, академическими и аналитическими исследованиями широкого профиля. Но он стремится выработать и профессиональные кодексы для современного бизнеса. Основатель и президент этого института Майкл Джозефсон предпринял попытку проанализировать наиболее общие идеи не столько об этике бизнеса, сколько о взаимоотношениях между бизнесом и этикой. Под бизнесом здесь имеется в виду не просто предпринимательство, но и вообще деловая жизнь. В статье, которую мы даем почти полностью, обсуждаются фундаментальные вопросы темы, и не столько в ней говорится о профессиональной этике бизнеса, сколько об универсальных ценностях верности обещаниям, честности, справедливости, "уважении лиц".

\* \* \*

Концепция бизнеса предполагает путь, на котором люди индивидуально или в организациях делают деньги. Люди, вовлеченные в гигантские корпоративные конгломераты, малые предприятия или в свободные занятия или профессии, - все заняты бизнесом. Этика, с другой стороны, сводится к стандартам оценивания мира в моральных терминах, особенно сферы взаимоотношений между людьми. Этика предполагает, что есть разница между добром и злом и что мы все обладаем моральным обязательством учитывать эту разницу и делать то, что должно. Этика дает нам основание для моральной точки зрения при оценивании человеческой деятельности, включая и деловые отношения.

Деловая этика становится важнейшей социальной проблемой тогда, когда этическими обязательствами пренебрегают во имя финансовой выгоды. К сожалению, это случается слишком часто. Часть этой проблемы заключается в том, что этические принципы - подобно честности, верности слову и верности обещанию, справедливости и уважения к другим - могут сдерживать и мешать деловым возможностям людей.

Суть в том, что многие видят в бизнесе нерешаемый, изначально заложенный конфликт между нравственными требованиями и требованиями деловой жизни. Многие отрицают этот конфликт, предпочитая верить в то, что этические решения всегда созвучны деловым решениям.

Является ли добрая этика всегда хорошим бизнесом?

Утверждения типа "добрая этика - всегда хороший бизнес" гораздо чаще просто произносятся, чем в них воистину верят; они образуют комфортабельный мир прочно стоящей на ногах рациональности, используемой для обуздания и демонстрирования социальной ответственности. Элегантно быть нравственным, ибо это в конце концов окупится.

В связи с этим встают две проблемы. Временами за мораль нужно платить. По большому счету утверждение, что добрая этика есть добрый бизнес, в целом правильное. Существуют вполне практические причины, почему людям должно оглядываться на этику в деловой жизни (просвещенный эгоизм). Виртуозным людям удается проявить верность слову и добиться позитивной репутации, что собственно и становится главным делом в бизнесе. Например, компании, обладающие высоким этическим стандартом, обычно имеют хорошую моральность своих служащих, меньше воровства и внутренней коррупции, они избегают дорогостоящих скандалов и процессов. В противоположность этому бизнес, ведущийся бесчестным путем, обманом или нечестной практикой, обычно приводит к платежам в государственную казну, криминальным наказаниям, гражданским тяжбам, а также отчуждению среди покупателей и рабочих.

Проблема же заключается в том, что многие деловые люди, понуждаемые принимать сложные этические решения, отнюдь не интересуются длительной жизнеспособностью компаний или пайщиков. То, что хорошо для автомобильной индустрии в целом или что хорошо для Дженерал Моторс, вовсе не должно быть хорошо для каждого делового человека или рабочего Дженерал Моторс. Добавим, что трудно найти убедительный пример, что в конце концов все окупается, что жизнь всегда справедлива и честна и что нынешние жертвы неизбежно будут возмещены будущими благословениями. Коммерческое поле сражений усыпано телами честных, задавленных людей, которые отдали предпочтение этике, поставив ее над необходимостями деловой жизни. Добрые люди могут потерять свою работу, пожертвовать карьерой, если их работа в организации контролируется плохими или морально нечистоплотными людьми. Виртуозные деловые люди могут в конце концов оказаться в безвыходной ситуации, когда скрупулезная честность будет стоить многого, даже стать фатальной для их компаний. Люди, предпочитающие вести себя неэтически, редко поступают так лишь из-за чистого удовольствия совершать злые поступки. Они убеждены, что поступать именно так, значит преследовать свой личный интерес. И часто, сталкиваясь с обратным эффектом наших высокоэтических поступков, мы редко думаем, что они поступают верно.

Этика не есть просто эгоизм

Другая проблема связана с максимой, согласно которой добрая этика есть добрый бизнес, в конечном итоге апеллирует к эгоизму, а не к совести, к выгоде, а не к должному. Таким образом, она принижает истинное значение и важность этики. И если кто-то полагает, что нет реального конфликта между этикой и бизнесом, то и нет необходимости фокусировать внимание на моральном фундаменте этики.

Моральный прагматизм, конечно, касается таких простых добродетелей, как

деловая техника и этическое поведение, усиливающих антиэтическое понятие того, что эгоизм есть наиболее легитимный стимул человеческого действия. Когда мы практикуем этику на основании теории о том, что она есть хороший бизнес, то мы практикуем бизнес, а вовсе не этику. Моральный прагматизм уводит нас от того, что наш долг есть как раз совершение правильных вещей, независимо от того, будет ли это в конечном итоге оплачено или нет. И этот призыв к поддельным добродетелям неизбежно терпит фиаско, когда действительно необходимо сдерживать подлинно эгоистическое, недолжное поведение людей. Те, кто относятся к этике как к манипуляционному средству, неизбежно приходят к заключению, что свершение добрых поступков отнюдь не может быть убедительно оправдано только лишь как добрый бизнес. Компания, которая находится на краю банкротства и пытается как-то избежать враждебного вступления в права владения чужака, или индивид, чья карьера оказалась разрушенной одним событием, легко могут прийти к заключению, что это даже элегантно, а подчас и неизбежно, врать, маскироваться, нарушать слово верности или нарушать доверие, поскольку цель оправдывает средства.

Если эгоизм, а не честь, долг или этические обязательства определяют выбор, то и не следует ждать от людей того, чтобы они жили в соответствии с их нравственным потенциалом. И те, кто относятся к другим как к чистым инструментам их индивидуальных целей, по сути учат и их поступать таким же образом. Более неотвратимый, правда менее привлекательный, повод быть этичным - это просто совершать должные поступки.

Является ли извлечение выгоды единственной обязанностью по отношению к бизнесу?

Другой тезис проще, хотя также несовершенен: "Не смешивайте этику и бизнес". Лишь очень немногие полагают, что в бизнесе нет места этике, большинство же людей считает, что могут быть разные стандарты этики. Фразы типа "бизнес есть бизнес" предполагают, будто личная лояльность, сантименты и всякие чувства недопустимы в сфере извлечения выгоды. Вывод из этого: разные правила поведения допустимы в деловой активности. Работа или благополучие человека предполагают, что бизнес всегда берет верх над прочими обязательствами.

Эта точка зрения поддерживается весьма влиятельными в деловом мире людьми. Экономист Мильтон Фридман, к примеру, категорически утверждает: "Единственная обязанность бизнеса - извлекать выгоду". А эта точка зрения предполагает, что всякое деяние рассматривается в терминах его влияния на максимизацию выгоды как главной этической обязанности.

Бизнес, подобно войне и любви, имеет свои собственные правила. Многие заключают, что он свободен от оков жесткой этики, до тех пор пока поведение легально и не подвергает риску выгодность, а посему они оправдывают и неверность слову, невыполнение обещаний, ущерб окружающей среде и готовность подвергать риску жизни людей. Большинство же занимает умеренную позицию, согласно которой люди обычно действуют этически не потому, что должно поступать праведно, а потому, что это - эффективная деловая практика. С другой стороны, когда традиционные этические принципы серьезно подвергают риску работу кого-либо или целое деловое предприятие, ими пренебрегают. Эффект складирования этики в индивидуальный и деловой домены приводит к тому, что фундаментально несправедливые люди начинают хотеть со-

вершать вещи в своей работе, которые они бы не пожелали делать в своей частной жизни. Вызов же этико-центрической личности заключается в том, чтобы сопротивляться искушению подчинения принципам целесообразности (выгодности) и при этом находить пути, чтобы добиваться успеха.

#### Каталог моральных трансгрессий (выход за пределы норм)

Абстрактные теоретические дискуссии о бизнесе и этике скрывают перво-степенное значение и сложности проблемы, с которыми сталкиваются люди, вовлеченные в деловые отношения и на их рабочих местах. Поведение лишь тогда обретает определенный этический параметр, если оно содержит в себе нечестность, лицемерие, неверность, несправедливость, нелегальность, безответственность или вредоносное действие. В деловых отношениях содержатся безграничные возможности и предостаточно мотивов для безнравственного поведения. В последующем списке сфер этического проблемы наиболее типичны.

*Отношения нанимаемых-работодателя.* Компании часто непреклонны в отношении моральности поступков их служащих, причиняющих ущерб: воровство, использование ксерокопировальных машин и телефонов компаний, мошенничество по поводу затраченных средств, прикидывание больными, искажение или фальсификация внутренних отчетов.

*Отношения работодателя-нанимаемых.* Служащие, с другой стороны, бывают предельно критичными по всякому поводу недолжного к ним отношения: сексуальная или расовая дискриминация при найме на работу или при оплате труда, небезопасные условия труда, отказ от дачи честных и справедливых оценок трудозатрат, ложь, обман и манипуляции при стремлении повысить производительность и понизить затраты, переводы, увольнения и закрытие предприятий.

*Отношения между служащими.* Служащие, нередко вовлеченные в конкуренцию друг с другом, часто прибегают к неэтичным поступкам: несправедливое перекалывание ответственности, взятие кредитов, протекционизм в продвижении чьей-то карьеры, нездоровая конкуренция, скорее приближающаяся к скачкам, чем к позитивному соперничеству, искажение, фальсификация информации.

*Отношения между компанией и потребителем.* Среди наиболее вынесенных на поверхность этических трансгрессий та, которая характеризует отношение компаний к их заказчикам (потребителям): мошеннические рекламы или маркетинг, сверхцены, недоброкачественные товары, товары низкого качества, несправедливое отношение к жалобам.

*Отношения между компанией и акционерами-пайщиками.* Корпоративный менеджмент содержит в себе много возможностей для злоупотреблений попечительскими функциями в отношении пайщиков: компенсация излишек, протекционистские контракты, неверное или ложное распоряжение и менеджмент корпоративными активами, ложные или фальсифицированные публичные отчеты.

*Отношения между компанией и публикой.* Многие фирмы, особенно крупные, способны совершать значительные социальные порчи: бездумные экономические разрушения, использование экономической силы для недозволенного влияния на политическую систему, реальное или даже символическое поддерживание бездумных правителей.

Одна из причин того, что существует такое напряжение между требованиями частной морали и требованиями этики бизнеса, заключается в том, что люди склонны рассматривать их карьеру и деловые соображения (цели) в категориях выживания и самооценки.

Почему же так трудно быть нравственным в бизнесе?

Многие из нас считают, что нравственные трансгрессии в деловых отношениях вызваны попросту жадностью людей или потворством их желаниям. В действительности же это причина лишь самой незначительной пропорции аморальных поступков в бизнесе. Если деньги и работа поставлены на карту, то мотивацией к недолжному поведению обычно бывает один из трех источников, но не жадность: 1) стремление победить, 2) страх, 3) самооценка.

*Стремление победить.* Понудительная потребность побеждать суть сила, куда более общая и могущественная, чем материализм. Многие чрезвычайно успешные и вполне богатые люди ведут себя этически двусмысленно только лишь потому, что для них самое важное победить, деньги и другие материальные блага - лишь способ для удержания победного очка. Кредо - "я должен победить" - свойственно любому деловому человеку самых разных рангов. Людям, для которых стать необходимо победить, совершенно легко рационализировать свой отказ от этических запретов.

*Страх.* Другой могущественной силой является страх. Зачастую страх базируется на глубоко запятанном (реалистическом или нет) сомнении в экономической безопасности. В других случаях - это страх перед оценкой их поступков как дурных. Наконец, в-третьих, это страх перед неизвестным. Однако суть всегда одна: люди, чувствительные к страху, действуют самозащитно, как будто на карту поставлен сам факт их выживания. Индивидуальное желание преуспеть и получить наибольшую прибыль сродни корпоративному стремлению к увеличению выгоды. Таким образом, решения, способные повлиять на безопасность положения некоего человека, диктуются необходимостью. Защита своего рабочего места, положения на рынке или выгоды становятся как бы нравственными императивами, оправдывающими все и вся. В этом контексте не остается места этическим абстракциям.

*Самооценка.* Многие люди определяют самих себя в категориях их работы или карьеры. И если они объективно неуспешливы в терминах статуса, власти или материальных богатств, то у них пропадает чувство самооправдания, самооценки.

## Заключение

Хотя сфера действия узких эгоистических соображений более очевидна в бизнесе, чем в любых других формах человеческой активности, деловые люди тем не менее не хуже и не лучше адвокатов, журналистов, политиков, солдат, кто, при осложнении их индивидуальной ситуации, склонен думать, что их профессиональные цели столь важны, что цель оправдывает средства.

Не будет никакого субстанционального продвижения в этике бизнеса до тех пор, пока не осознаем, что наши профессии ничем сущностно не отличаются от других форм человеческой активности. Как и в любой другой индустрии или профессии, этические инициативы должны быть предприняты лидерами, то есть теми, кто определяет чистые цели, которые должны поддержать свои сло-

ва делами. Наше исследование, как, впрочем, и многие другие, показывает, что этические ценности и принципы не могут быть просто заучены, поскольку все мы постоянно переопределяем их в наших жизненных курсах. Деловой опыт многократно показывает, что лучшим воспитательным средством является то, когда лидер или любое другое высшее деловое лицо, которое - через принципиальное резонирование во всех случаях принятия решений - моделирует позитивные ценности, которые он или она хотели бы видеть инкорпорированными в компании. Высшие деловые лица должны осознать, что нередко добрая этика предполагает плату, которая не окупается близлежащими делами. И поскольку выгода есть легитимизированный мотив, то он абсолютно не должен расцениваться как нравственный императив. Короче говоря, цели далеко не всегда оправдывают средства. Возможно, более значимо то, что мы всегда должны помнить: люди и есть наши наиболее ценные авуары, не только потому, что они могут помочь или навредить нам, но и потому, что они часть человеческого города<sup>3</sup>.

\*\*\*

Вышеназванный институт Джозефсона разработал этический кодекс для менеджеров и предпринимателей под названием "Этические принципы для представителей деловых кругов". В литературе уже давно идет дискуссия относительно положительных и отрицательных моментов в работе по составлению подобных кодексов. Мы пытались разобраться в "за" и "против" кодификации в предыдущих "приложенческих" работах, используя метод этических деловых игр (см.: Бакштановский В. И. Согомонов Ю. В. Введение в политическую этику. Москва - Тюмень, 1990; Бакштановский В. И., Потапова Е.П., Согомонов Ю. В. Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии. Томск, 1991). К соответствующим местам этих публикаций мы и отсылаем читателя.

\* \* \*

**I. Честность.** Этически деловые люди - честны и правдивы во всех своих деяниях, и они осознанно не вводят в заблуждение или обманывают других недомолвками, переоценками, частичной правдой, выборочными лакунами или любыми другими средствами.

**II. Прямота.** Этически деловые люди демонстрируют персональную прямоту и храбрость, делая то, что они полагают правильным, даже если и существует мощный пресс поступить по-иному; они принципиальны, полны чести и прямолинейны; они сражаются за свои убеждения. Они не будут жертвовать принципами во имя выгоды, не станут лицемерить или проявлять нечистоплотность.

**III. Выполнение обещаний и заслуживание доверия.** Этически деловые люди заслуживают доверия, они искренни и открыты в снабжении других информацией и исправляют искажения фактов, они предпринимают все достойные усилия для соблюдения своих обязанностей и обещаний. Они не переинтерпретируют договоренности в неразумной технической и юридической манере во имя рационализации уступчивости или для оправдания невыполнения своих обязательств.

**IV. Верность слову.** Этически деловые люди заслуживают доверия, демонстрируя благорасположенность и лояльность к лицам и институтам дружбой, поддержкой и преданностью долгу; они не используют или не переиначивают информацию, полученную конфиденциально, для личных преимуществ. Они на страже возможности делать независимые профессиональные оценки, скрупулезно, избегая посторонних влияний и конфликтов интересов. Они лояльны по отношению к своим компаниям и коллегам и, если они принимают решение по-

менять работу, то уважают право собственности своего предшествующего работодателя на информацию, отвергают всякую активность, в которой можно было бы нечестно использовать возможности своего предшествующего положения.

**V. Справедливость.** Этически деловые люди справедливы и честны во всех делах; они не распоряжаются властью по собственному усмотрению и не используют недолжные средства для достижения или удержания любых возможностей, не используют возможности, вытекающие из ошибок или трудностей других. Справедливые лица манифестируют обязанность по отношению к справедливости, равное отношение ко всем лицам, толерантность, они открыты; они готовы исправиться, если неправы, изменить свою позицию или убеждения.

**VI. Отношение к другим.** Этически деловые люди добросердечны, благотворительны и добры; они стремятся к золотому правилу; они помогают тем, кто в нужде, стремятся выполнить свои деловые задачи таким путем, который принесет наименьший ущерб и даст позитивное добро.

**VII. Уважение к другим.** Этически деловые люди демонстрируют уважение к человеческому достоинству, автономии личности, частной сфере, правам и интересам тех, кого затрагивают их решения; они вежливы и относятся ко всем людям с одинаковым уважением и достойно независимо от пола, расы или национальности.

**VIII. Верность закону.** Этически деловые люди верны законам, правилам и регуляциям, касающимся деловой активности.

**IX. Обязанность совершенствоваться.** Этически деловые люди стремятся к совершенству, исполняя свой долг, хорошо информированы и подготовлены, постоянно стремятся повысить свой профессионализм во всех сферах их ответственности.

**X. Лидерство.** Этически деловые люди осознают всю ответственность и возможности их положения лидера и ищут этически позитивные ролевые модели для собственного поведения, способствуя сотворению такого окружения, в котором этические решения будут высоко цениться.

**XI. Репутация и дух.** Этически деловые люди стремятся охранить и создать компании хорошую репутацию и дух служащих, не допуская поведения, которое может получить плохую оценку, и предпринимая всяческие действия, которые необходимы, для исправления и недопущения недостойного поведения других.

**XII. Ответственность.** Этически деловые люди осознают и принимают личную ответственность за нравственное качество своих решений и упущений своих коллег, своих компаний и их коллективов<sup>4</sup>.

\* \* \*

К этическому кодексу делового поведения примыкает статья Роберта Кука, директора института этики бизнеса при одном из университетов Чикаго. Привлекает статья своим началом, первые абзацы которого мы приведем полностью: "Сегодня трудно найти какую-либо газету или журнал, которые не ссылались бы на этику. От Поданка до Вашингтона "этика" стала словом, которое носится в воздухе в этом десятилетии. Такие разные группы, как политики, вегетарианцы, бизнесмены и доктора открыли важность этического поведения. Даже лесбиянки, трансвеститы и гомосексуалисты сейчас обсуждают этические затруднения их соответствующего стиля жизни. Ведущие журналы посвящают целые номера данному предмету. Даже публичное телевидение создало обширный сериал "Этика в Америке", который регулярно исследует этические ди-

леммы, встающие перед представителями различных профессий.

С точки зрения профессионального этика, такое обновленное внимание к этике нельзя не поддержать, но оно ставит вместе с тем серьезные вопросы. Когда я начинал работать в этике бизнеса десятком лет назад, отношение было совсем другим. Трудно было заинтересовать многие гуманитарные науки в этой зарождающейся дисциплине. Общей позицией было считать это прихотью, которая скоро пройдет, которая каким-то образом подпортила серьезную эрудицию. Кроме всего прочего, мысль о работе с индивидуумами, посвятившими себя обучению будущих лидеров бизнеса, наводила дрожь на многих коллег, которые полагали, что погоня за прибылью подрезает благородные цели образования. Реакция коллег по бизнесу была столь же враждебной. Их беспокойство, разделяемое большинством бизнесменов, заключалось в том, что любое внимание к этике могло бы подорвать первоочередную цель бизнеса и обучения бизнесу, а именно, максимизацию прибыли. Конечно, времена изменились. Пересмотренные учебные планы по бизнесу, которые делают ударение на этике в каждой функциональной области, крупные общественные инициативы и создание дюжины этических институтов и центров во всем мире демонстрируют эту перемену отношения..."

Но в статье Р.Кука содержится еще хорошо отработанный материал не об экономическом, а именно об этическом риске, который угрожает фирме. Речь пойдет не о внешних тенденциях, а о внутренних сигналах опасности, которые обычно подводят всякую фирму к такого рода риску. Существует, считает автор, по крайней мере, 14 индикаторов подобной опасности.

\* \* \*

Первое. Если фирма отдает предпочтение краткосрочным статьям дохода перед долгосрочными, что порождает климат, благоприятствующий неэтичному повелению. Этические дилеммы часто являются сложными, требуют объективной оценки, которая не должка постоянно сдерживаться близоруким фокусированием на зарабатывании на жизнь в следующем квартале. Разрешение этических дилемм может потребовать долговременных обязательств.

Второе. Любая фирма, рутинно игнорирующая или нарушающая этические правила, рискует. "Выгодная неискренность" в профессиональных нормах поощряет неэтичное поведение внутри фирмы. Этот риск уменьшается, если фирма интегрирует профессиональные нормы в корпоративную культуру.

Третье. Этически рискует любая фирма, которая всегда ищет простых решений этических проблем и удовлетворяется "быстрыми дилеммами". Как отмечалось ранее, некоторые этические дилеммы могут иметь простые, четко очерченные решения. Однако большинство представляют собой неопределенные ситуации, относительно которых разумные люди могут иметь различные точки зрения. Эта сложность требует осмысленного анализа, который может занять больше времени, чем ожидалось.

Четвертое. Если фирма не расположена занимать этическую позицию в тех случаях, когда решение требует финансовых издержек, что поощряет этические "сокращения", но не существует коротких путей к этическому поведению. История бизнеса полна бесчисленными примерами фирм, которые поняли это дорогой ценой. Любая краткосрочная выгода обычно затмевается последующими или в более длительном отдаленном будущем финансовыми потерями, следующими за обнаружением неэтичного поведения.

Пятое. Рискует любая фирма, которая создает внутреннюю среду, либо от-

бывающую охоту к этичному поведению, либо поощряющую неэтичное. Слишком много фирм игнорируют последствия неявно выраженных сигналов, посылаемых политическими решениями, которые прямо или косвенно отбивают охоту к этичному поведению. Они просто не способны увидеть, как важна внутренняя среда или культура корпорации в создании ценностей, которые определяют реакцию индивидуума на этические дилеммы.

Шестое. Если фирма обычно отсылает этические проблемы в свой юридический отдел, то и она рискует. Хотя историческая и теоретическая связь между законом и моралью существует, они не эквиваленты. Этика - это не просто дело соответствия существующим законам и правилам. Например, существующие законы и правила могут не покрывать этическую дилемму, либо сами они могут считаться неэтичными широкими массами. Этический анализ проходит вне простого соответствия закону и слишком много фирм открыли это обстоятельство постфактум.

Седьмое. Этически рискует любая фирма, которая рассматривает этику исключительно как орудие рекламного усиления своего имиджа. Сконцентрировавшись исключительно на выгодах, которые можно получить от доброжелательного настроения средств массовой информации, фирма ставит форму под некий испытующий взгляд, который может случайно открыть эти этические пороки самым вредоносным способом. Этическая репутация фирмы не определяется пресс-релизами.

Восьмое. Любая фирма, которая обращается со своими служащими иначе, чем со своими клиентами, поощряет неэтичное поведение. Это отражает самонадеянность, которая порождает недоверие и враждебность в организации - факторы, которые часто приводят к серии этических проблем во всей фирме. Более того эти недоверие и враждебность делают трудным, если не невозможным, справедливое разрешение этических дилемм, которые могут возникнуть вне фирмы.

Девятое. Рискует любая фирма, непостоянная или деспотичная в своих стандартах оценки производительности. Отсутствие стандартизации приводит к разновидности фаворитизма и потакания дружеским связям, которые разрывают социальную ткань организации и создают серьезную моральную проблему. Вытекающий из этого корпоративный климат лишь поощряет неэтичное поведение.

Десятое. Рискует любая фирма, не имеющая процедур или линий поведения для обращения с этическими проблемами. Тактика проб и ошибок иногда необходима в необычной ситуации. Однако если не существует руководств, на которые можно сослаться, любые предпринимаемые действия могут лишь усложнить этическую проблему.

Одиннадцатое. Рискует любая фирма, которая не разработала механизмы внутренней сигнализации. Если фирма заботится об этическом поведении, она должна обеспечить способы, которые могли бы довести потенциальные проблемы до внимания верховного управления и других заинтересованных сторон. Если индивидуум вынужден выходить из фирмы, чтобы высветить эти этические проблемы, страдает каждый - особенно служащий. Более того это делает ясным для всех в организации, что неэтичное поведение допускается, если и не прощается.

Двенадцатое. Каждая фирма, которая теряет открытую линию связи с организацией, поощряет неэтичное поведение. В слишком многих случаях нарушение приличий корпораций являлось результатом базовой неспособности к об-

щению. Таким образом, проблема вырывается из рук, прежде чем большинство менеджеров осознает, что это проблема. И во многих случаях попытки фирмы прикрыть ее без осознания этой стратегии только раздувают встречный пожар.

Тринадцатое. Этически рискует любая фирма, которая чувствительна только к потребностям и требованиям акционеров. Конечно, интересы акционеров являются кардинальными для функционирования современного бизнеса. Однако существуют и другие индивидуумы и группы, которые имеют долю капитала в деятельности фирмы. Этим пайщиков не следует игнорировать, так как некоторые ситуации требуют специального рассмотрения для этих индивидуумов или групп. Если это рассмотрение игнорируется, неэтичное поведение становится вероятным.

И, наконец, рискует любая фирма, которая побуждает людей оставлять свои личные этические ценности за дверью офиса. Всегда, когда существует четкая разграничительная линия между личными ценностями и рабочими ценностями, вероятнее всего осуществляется неэтичное поведение. Конечно, случай Уотергейта является примером того, куда может привести такой образ мыслей. Множества случаев нарушения приличий корпорациями можно было бы избежать, если бы люди спрашивали себя, согласуются ли ценности, принятые фирмой, с их личными этическими убеждениями<sup>5</sup>.

\* \* \*

Один из самых популярных тезисов в литературе по этике бизнеса гласит: "Хорошая этика есть хороший бизнес". Чтобы это могло означать? Что этика и выгоды не являются для фирмы взаимоисключающими понятиями ни в принципе, ни на практике? И можно ли преподавать курс этики бизнеса и каково должно быть его содержание в случае, если принят данный тезис? Два преподавателя такого курса в Техасе обсуждают данный вопрос. В кратких выдержках представим их мнение читателям.

\* \* \*

Как можно научить этике бизнеса? Это критический вопрос, с которым нынче сталкиваются администраторы и профессора школ бизнеса. Суть проблемы - в очевидной междисциплинарной природе такого курса. Как же наилучшим образом синтезировать академическое изучение бизнеса со столь же академическим изучением этики?

Надо прежде вникнуть в вопрос о том, что же является основой этического принятия решений в бизнесе. Мы могли бы определить это с точки зрения экономической эффективности, но с обязательной оговоркой, что такая эффективность должна рассматриваться как всеобъемлющая модель поведения. Под эффективностью имеется в виду производство соответствующего желанием потребителей видов и количества товаров и услуг при наименьших возможных затратах и в рамках закона. В прошлом веке Ф.Шлейермахер отстаивал моральную обусловленность мыслей, речей и действий. Он предполагал, что индивид проявляет себя больше в жестах, мимике и действиях, нежели в мыслях или словах. Поведение человека в большей степени отражает его реальную чувствительность, чем он может сказать или подумать. С такой точки зрения полезнее сконцентрироваться прямо на поведении, чем на размышлениях или речах, особенно для столь поведенчески ориентированной деятельности, как бизнес.

Понимая затем, что бизнес имеет свои собственные этические парадигмы,

не имеет смысла направить наши усилия на лучшую их оценку? Для ответа на этот вопрос следует проверить, почему синтез между бизнесом и философской этикой неосуществим для курсов "этика бизнеса". Почему для таких курсов предполагают наиболее подходящим язык и категории философской этики? Это предположение может быть проявлением страха или сопротивления части бизнеса определению своей собственной неотъемлемой этики. Такое сопротивление вырастает из почти универсального ощущения, будто общество бизнеса не способно само контролировать собственное принятие решений и активность. Оно может возникать также из ощущения неадекватности и неспособности людей бизнеса исследовать и анализировать свои решения и этический их смысл. Каков же выход из создавшегося положения? Пусть те, кто знает этику, научат этике! Допускается, что традиции этики как гуманитарной науки накладывались бы на бизнес, что приводит к созданию курсов, разработанных в первую очередь в соответствии с целями философской этики, с некоей философской конструкцией эталонов, в рамках которых происходит этическое принятие решений. Преподаватель и учащиеся должны быть вовлечены в процесс изучения этих категорий, в которых выражены эталоны и соответствующие языки.

Спору нет, такие занятия имеют свои преимущества. Студенты смогут узнать кое-что об обширных и богатых традициях философской этики, смогут научиться рациональным моделям когнитивного мышления и логической речи. Они даже смогут научиться переводить этот язык и эти модели в практическое принятие решений, даже в практическое принятие решений в ситуациях бизнеса. Центром, однако, оставалось бы изучение языков и моделей философской этики и, более того, ограничение времени и места обучения гарантировали бы именно такой центр тяжести. Студенты должны также научиться думать и говорить нечто об этике бизнеса. Но научатся ли они вести себя этично?

Так будет продолжаться до тех пор, пока этическое измерение хорошей практики бизнеса отодвигается запоминанием нового языка или изучением лежащих в его основе принципов и положений новой для студентов дисциплины, то есть перенесением основного внимания на речи и размышления, а не на действия. Более того бизнес потеряет из виду свою собственную, неотъемлемо присущую ему этику - экономическую эффективность. Любой, кто знаком с теорией бизнеса, знает, что экономическая эффективность не сводится к "деланию" денег любой ценой. Она относится к тотально деловому предпринимательству по обеспечению общества товарами и услугами. И, что возможно более существенно, она подразумевает честную и справедливую кооперацию между собственниками, управляющими, рабочими и клиентами - рыночную зарплату за работу, рыночные цены для покупателя и адекватную компенсацию риска для инвесторов. Проблемы возникают лишь тогда, когда менеджеры используют конфиденциальную информацию для своей собственной выгоды, а не для выгоды акционеров, или когда менеджеры отказываются платить рабочим рыночную цену за их работу, или когда профсоюз требует жалования и пособий больших, чем стоимость предельного продукта. Проблемы, стало быть, возникают лишь тогда, когда бизнес отклоняется от поведенческих принципов, присущих экономической эффективности. Другими словами, хороший бизнес подразумевает и хорошую этику, а научиться хорошему бизнесу означает научиться и хорошей деловой этике. Более того, в этом смысле экономическая эффективность становится парадигмой не только для хорошего бизнеса, но и для личного и общественного благополучия<sup>1</sup>.

\* \* \*

<sup>1</sup>Stieber S., Primeaux P. Economic efficiency: a paradigm for business ethics // Journal of Business Ethics. 1991. N 10. P. 335-339.

Логика рассуждений относительно этики предпринимательства выводит нас на извилистую и протяженную линию соприкосновения рынка с государством, на политику погашения негативных последствий рыночной экономики, выводит к связям политической философии с философией нравственной, к взаимодействию этической теории с политологической теорией. В этом случае обсуждаются проблемы, которые оказались затронутыми в предыдущей главе. Это - вопросы этики договорных отношений, консенсуса, терпимости, перераспределения, налогообложения, отношения к обществу "всеобщего благоденствия", социальной справедливости, равенства и т.п. Автор предлагаемого материала - Серж-Кристоф Кольм, профессор Парижской школы социальных наук, а теория свободного общественного договора, им развиваемая, определяется как часть предмета социальной этики (возможно, лишь иного наименования этики гражданского общества).

\* \* \*

## 1. Свобода, консенсус и государство

Свобода как фундаментальный принцип формирования общества, разделение регулирующих функций между рынком и государством, консенсус - эти три проблемы объединяет то, что они поднимают массу неразрешимых, как принято считать, вопросов. Мне думается, что причина из неразрешимости кроется в недостатках тех подходов к ним, которые практиковались в политической науке. Ответ может быть найден в той концептуальной конструкции, которую мы называем Свободный Общественный Договор (СОД).

Определение "свободный" относится в данном контексте к тому направлению в социальной этике (политической философии), которое рассматривает свободу как единственный в своем роде, уникальный критерий. Такой подход фактически совпадает с широко распространенными нравственными убеждениями, связанными с представлениями не только о важнейших правах человека и гражданина, но и о справедливости, хотя последнюю чаще отождествляют с материальным благополучием, а отнюдь не со свободой. Поскольку правительство является институтом, который реализует ограничивающие мероприятия, постольку свобода понимается как освобождение от правительственного вмешательства. Исходя из всего этого, некоторые предлагают максимально ограничить сферу деятельности правительства, например, передать функции определения бюджета общественным структурам (такая позиция восходит к Дж.Локку, а сегодня ее наиболее последовательно отстаивает Р.Нозик). Такой подход приведет скорее всего к повторению тех недостатков, которые уже не раз выявлялись в результате чрезмерного высвобождения рыночных механизмов. Большинство придерживается все же более реалистических позиций, считая необходимым предоставить достаточно большой простор для правительственных действий, особенно в таких сферах, как социальная защита малоимущих слоев, внешняя политика и т.д. (Ф.Хайек, М.Фридман).

В последнее время принято считать, что правительство должно действовать

так, как велит ему совокупная воля, выработанная на основе консенсуса. Но столь же распространенным является мнение, утверждающее, что достижение согласия в отношении деятельности правительства просто невозможно. В этом случае невозможен и этический консенсус. Но, на мой взгляд, наиболее близким к истине является утверждение, что разумные действия правительства всегда опираются на согласие, даже в том случае, если они направлены на ограничение свободы. Прежде всего, следует отметить, что существует несколько разновидностей консенсуса. Можно выделить фактический консенсус и нормативный, разного рода договоренности по поводу настоящего и будущего. Фактический консенсус достигается с помощью унифицирования. А вот нормативный консенсус может быть двух видов: основанный на единообразии и основанный на многообразии. Первый означает, что люди приходят к одним и тем же мнениям и суждениям под воздействием какого-то унифицирующего начала, например информации. Второй более напоминает сделку, при которой и продающий и покупающий остаются вполне довольными. Этот пример может быть распространен на неограниченное количество людей, каждый из которых принимает действия других и сам действует так, чтобы его действия были приняты другими. Их единодушное согласие, вырабатываемое в спонтанных коллективных действиях, и приводит к консенсусу, основанному на многообразии. Если первый вид подразумевает неприятие чужих пристрастий и вкусов, то второй, наоборот, основан на терпимости. Консенсус является результатом соглашения, которое базируется на признании естественных прав, таких, например, как неприкосновенность личности, являющаяся одним из важнейших аспектов свободы. В этом случае роль правительства сводится к тому, чтобы защитить права и поддерживать консенсус там, где какие-то практические трудности мешают делать это автоматически, естественным путем. К этому и сводится вся либеральная теория государства, которую мы и предлагаем Вашему вниманию.

## II. Либеральная теория

Свобода в социальной этике выступает в форме прав. Собственность, или право на обладание чем-либо, является суммой прав на использование вещи. Свобода личности является основным правом на обладание самим собой. От этого утверждения этическая теория переходит к этическому праву на результаты собственного труда, утверждая, что присвоение результатов чужого труда с помощью силы является нарушением свободы путем присвоения чужого времени, энергии, жизненных ресурсов, затраченных в ходе труда. Концепция свободы личности предусматривает также право личности отказываться от какого-то права, давать обязательства не пользоваться данным правом в будущем. Она также включает право добровольной передачи своих прав какому-то другому лицу или производить какие бы то ни было действия в интересах этого лица. Это, конечно же, подразумевает и право на принятие прав от другого лица. Эти права формируют другое право - право свободного обмена. Свободный обмен может являться добровольным соглашением между двумя и более лицами. В конечном счете права необходимо определять, исходя из естественных источников.

Говоря о законности, мы употребляем термин "легитимизация". При этом подразумевается либеральная легитимизация, то есть легитимизация в той форме, в какой ее понимает и трактует либеральная теория. По определению,

легитимизированной системой прав в каждый исторический момент признается самостоятельная трансформация ранее узаконенных прав. Другими словами, это трансформация ранее существовавших прав путем законных действий людей в дополнение к естественным изменениям общества, где законными действиями людей считаются лишь те, что основываются на уважении прав.

Современная законность является продуктом исторического развития. Результаты незаконных действий, предпринятых в прошлом, могут быть исправлены или компенсированы, и это дает серьезные импульсы для таких общественно полезных действий, как развитие системы налогообложения, перераспределения, образования. Тем не менее необходимы какие-то законодательно закрепленные ограничения, диктуемые действительностью и различные для каждого времени.

Некоторые добровольные соглашения, хотя и заключенные на законных основаниях, не могут быть реализованы на практике по причине хорошо известных трудностей. Эти трудности могут вырастать из недостатка информационного обеспечения, из споров о цене уступок, из проблем, связанных с оформлением и выражением интересов и требований, из незнания интересов и требований других партий, из отсутствия гарантий в осуществлении договоренностей, из проблем, связанных с лишением отдельных партий прав на пользование всеобщим достоянием, из выяснений отношений между теми, кто исповедует разные убеждения.

Этот бесконечный список факторов, осложняющих формирование добровольных соглашений, и лежит в основе политического процесса. Как и процесс общественный, он пытается осуществить то, что не удалось осуществить естественному, свободному ходу вещей. Политическая философия, социальная этика являются этическим руководством для деятельности правительства. Политическая философия, основанная на принципе свободы, выдвигает следующий тезис: любое законное и свободное соглашение, которое могло бы быть достигнуто, обязательно должно быть осуществлено. Таков моральный долг общественных организаций, правительственных учреждений и государства в целом. Такое подразумеваемое, но не выраженное прямо соглашение и называется Свободный Общественный Договор.

СОД - это потенциальное, предполагаемое, не выраженное непосредственно и не закрепленное ни в каких документах соглашение. Оно реализует коллективные, общие устремления всех своих участников и основывается на уважении их законных прав. Осуществление такого соглашения позволяет предполагаемым участникам использовать свои возможности и права, как бы отодвигая те ограничения, которые препятствуют заключению и осуществлению прямого и открытого соглашения. Таким образом, СОД расширяет и укрепляет свободу.

Тем не менее воплощение СОД в жизнь связано с разного рода ограничительными и даже принудительными мерами (например, налогообложение, регулирование и т.д.). Но он выводит принуждение из свободы, легитимизирует принуждение, исходящее от общества с целью защиты свободы отдельной личности. Он является нравственным побудителем к тому, чтобы общество принуждало людей делать свободно то, что они хотят и могут делать. Выражаясь словами Руссо - людей следует заставлять быть свободными. Принуждение, осуществляемое либеральным обществом на основе права, не только защищает свободу, но и усиливает ее, обеспечивает свободу выбора, применяя ограничения не только к тем, кто нарушает свободу других, но зачастую и к то-

му, кто не готов сделать свободного выбора.

Обязанностью правительства является защита прав граждан и осуществление СОД. Выполняя эту функцию, правительство как бы играет роль рынка. Кто-то будет утверждать, что государственные служащие действуют, исходя не столько из нравственных критериев, сколько движимые личным интересом. В этом есть доля истины. Но оба эти фактора не являются взаимоисключающими. Одним из интересов государственного деятеля или политика может быть стремление доказать, что он действует только под воздействием моральных стимулов и деятельность его отвечает самым высоким этическим требованиям. Это особенно верно для действия СОД, поскольку оно является реализацией наиболее распространенного и прочно утвердившегося в западных обществах убеждения: нравственная деятельность политика обеспечивает ему больше голосов на выборах и поддержку большинства.

Определения "свободное" и "добровольное" означают, что все участники заинтересованы в реализации соглашения. В отличие от этого, те, кто не задействованы в соглашении, могут относиться к нему отрицательно или равнодушно, могут даже препятствовать его осуществлению. Теоретически соглашение является законным, с их точки зрения, только в том случае, если оно не нарушает их законных прав. Так или иначе, но те, кто не участвует в соглашении, затрагивающем их интересы, будут оказывать влияние на его реализацию. Преимущественно они будут делать это, используя законные средства, пытаясь привести в договоренность те условия, которые защищали бы их права. Но может складываться и такая ситуация, когда эти новые, не участвующие в соглашении непосредственно (вторичные) партии предпочтут добиваться его предотвращения. Действия партий, заключающих договор (первичные), могут представлять угрозу для вторичных партий. В свою очередь, это новое, более широкое соглашение может затрагивать (положительно или отрицательно) тех, кого никак не касался договор первичных партий. Они также попытаются влиять на это соглашение, внося в него свои коррективы, пытаясь сгладить угрозу своим интересам. Так в процесс включаются уже третьи партии. Этот процесс исполнения все новыми и новыми субъектами договора может продолжаться бесконечно. СОД должен учитывать все эти нюансы, если они не противоречат изначальной цели. Но определить, каким будет характер конечного равновесия, практически невозможно...

...Экономический, политический и философский анализ дает богатый материал для осмысления того, что призывает осуществить на практике СОД. Ниже мы приведем ряд примеров из области экономики. Приложение теорий, изучающих разного рода сделки к определению СОД, осложняется тем фактом, что из самого определения либеральной теории вытекает наличие такого порядка вещей, когда интересы общества являются приоритетными по отношению к интересам тех, кто заключает договор. Исходная информация о приоритетах исходит из наблюдений за поведением, опросов и из наблюдений за развитием политического процесса.

Роль правительства с этической точки зрения в данном случае заключается в реализации потенциалов, заложенных в СОД. Правительство может применять принудительные меры или ослаблять их, при этом оно само ограничено политическими средствами. Воздействие политического процесса осуществляется через непосредственное влияние, а также через то, как распределяются приоритеты в обществе. Все это позволяет определить возможные аспекты развития политического процесса, влияя на тип выборов, референдумов и т.д.

Чем объясняется само название "Свободный Общественный Договор"? Самые разнообразные соглашения получали название "Общественный Договор". Если мы определим Общественный Договор как теорию в социальной этике, выводящую действия правительства из свободы граждан, тогда СОД принадлежит к подобной категории. Но он не является ни соглашением между какими-то мифическими предками, как часто представлялось в различных теориях XVI-XVIII вв., ни соглашением между неопределенными призраками, как у Роулза. Он заключается вполне реальными личностями. Каждый СОД заключается не между всеми без исключения гражданами, а лишь между определенными группами. В дополнение к этому, классические Общественные Договоры (между гражданами и правительством) в данном случае не уместны, поскольку СОД прямо указывает общественным деятелям, политиками и государственным служащим, что им надлежит делать.

Интеллектуальное содержание полной либеральной теории является результатом двух направлений, каждое из которых подвергается определенным изменениям. Одно из них - классическая либеральная этика свободного взаимодействия, взятая в ее опирающейся на право версии. Второе - теория общественной экономики, которая распространяет недостатки свободного нерегулируемого рынка на все без исключения свободные соглашения, сделки, договоры и на сам принцип свободы, выдвигая на первое место идею всеобщего материального благополучия. Джон Локк является родоначальником такого подхода, поскольку он создавал идеал правительства, исходя из Общественного Договора между законными собственниками, но забывал ограничить его деятельность защитой их собственности. Он провозглашал приоритет экономики над политикой, но не замечал недостатков свободного рынка. Правительство, созданное на основе СОД может быть названо суперхайековским, поскольку оно осуществляет то, что могло бы быть создано "спонтанностью", не будь последняя столь опутана многими ограничениями.

### III. Свободный общественный сектор

Либеральная теория отмечает, что должны делать для осуществления принципа свободы общественные организации, весь общественный сектор, правительство, государство. Экономический анализ отрицательных сторон свободного рынка предоставил нам возможность понимания социальной ситуации, в которой спонтанный свободный обмен оказывается затрудненным и в которой общество должно своими усилиями подкрепить традиционный способ защиты законных прав. Тот факт, что основным критерием либерализма является степень свободы, а не всеобщее материальное благополучие, придает применению СОД совсем иной аспект в отличие от того, какой предлагает "экономика благоденствия". В частности, СОД полностью определяет распределительный аспект любого корректирующего воздействия со стороны общества, в то время как экономика благоденствия чаще всего оставляет этот вопрос неопределенным.

Когда трудности с достижением коллективной договоренности заставляют прибегать к использованию перераспределения каких бы то ни было товаров, услуг или благ, одним из основных условий СОД является следующее: затраты на приобретение благ не должны превышать полезного эффекта, который приносит обладание ими, а тот, кто предоставляет эти блага, не должен оставаться в убытке. Выражаясь более точно, СОД гипотетически снимает проблему

отчуждения от распределения общественных благ, и если кто-то намеревается выйти из СОД, чтобы не вносить своей доли затрат, то остальные заинтересованы в том, чтобы угрожать ему исключением и потерей права распоряжаться результатами договора (так как в противном случае нарушаются их интересы). В СОД вносится элемент индивидуального рационализма участников.

Так давнишний принцип взимания "налога с прибыли" получил основание в исчерпывающей и четко выраженной этической теории. Утилитаризм, который являлся доминирующей этикой в предшествующей теории финансов, не мог найти для него разумной основы (за исключением, возможно, эффективности в вопросах интересов, что является довольно неубедительным основанием, базирующимся скорее на идее практичности, а не нравственности, тогда как мотивацию данного принципа правильнее искать в чувстве справедливости). Прибыль является фактически лишь верхним пределом налога, и, исходя из принципов СОД, излишек производства общественных благ (выгода от предполагаемого обмена) должен быть распределен как в пользу лиц, получающих блага, так и в пользу лиц, их производящих.

Одаривание одной личностью другой выглядит крайне редким явлением в нашем обществе прежде всего из-за отсутствия должного уровня альтруизма. Но тем не менее несколько лиц, которые в той или иной степени тронуты низким уровнем благосостояния одного и того же лица, могут сложить свои усилия в "коллективный дар", в который каждый вносит свою определенную долю. При этом требуется гораздо меньшая степень альтруизма, а потому это доступно многим. Сам акт дарения является благом как для получающего дар, так и для приносящих его.

Без понимания ситуации, в которой оказался принимающий дар, не может и возникнуть потребности в приношении дара. Таким образом, помимо спонтанного обмена между несколькими лицами, общество должно прибегнуть к принудительному осуществлению необходимых обменов. Три фактора подкрепляют это заключение: достижение договоренностей может даваться слишком высокой ценой, много сложностей может возникать с получением информации о том, кто нуждается в поддержке, частный договор о взаимопожертвовании может быть неосуществим при действующих законах. Делающие пожертвование могут быть заинтересованы в своих действиях как по этическим соображениям, так и по неэтическим. Такими могут быть, например, желание показать себя с лучшей стороны, воздействие кантрианской этики, чувство долга, стремление обеспечить себе право на получение пожертвования в будущем. В этом случае структура будет иной - в том смысле, что не существует истинно искреннего коллективного взаимопожертвования - иногда требуется даже некоторое ограничение (оно может быть необходимым, если стремление людей делать дары мотивируется исключительно подобными действиями других, что может происходить по разным причинам - чувство справедливости, имитация пожертвования и т.д.)...

...Наличие излишков означает, что требуемый эффект, которого ожидали все участники соглашения, не достигнут. Если данное соглашение не нарушает ничьих прав, то СОД предполагает возможность вмешательства общественных организаций для его осуществления. С этой целью могут использоваться налоги. Налоги помогают осуществлять права и предотвращать правонарушения, придают перераспределению законный характер. Существующая практика показывает, что самым распространенным инструментом перераспределения излишков являются регулятивно-ограничительные меры. С точки зрения утили-

таризма, целью которого является стимулирование производителей, к налогам прибегают из-за сложностей с определением затрат и прибыли производителей. Напротив, сторонники регулятивных мер стремятся определить качество и количество произведенной продукции, принимая во внимание и права производителей. Новая либеральная теория определяет в данных случаях (которые часто включают и распределение природных ресурсов) права с этической точки зрения и использует общественное посредничество, вызванное СОД, для реализации перераспределения, которое было бы невозможно в других условиях. Таким образом, либеральная этика создает наилучшие условия для применения налогообложения и субсидирования (с применением компенсационных мер) и дает ключ к их характеристике.

...Теперь о страховании. Оно обычно организуется следующим образом: в определенный момент люди, находящиеся в сложном положении, получают средства для того, чтобы облегчить его, причем оплачивается страхование другими людьми. На практике это выливается в целую систему взаимобмен, которые осуществляются посредством рынка за счет вкладов, производимых способными к конкуренции фирмами (с учетом того, что они в нужный момент тоже получают страховку). Однако подчас рынок оказывается не в состоянии с этим справиться. Тогда требуется дополнительное воздействие общества. В этом случае ("скрытое страхование") для выплаты страховок используют налоги. Хотя это выглядит как проявление солидаризма, дело здесь не в альтруизме и не в деятельности правительства.

Почему же не справляется с данной задачей рынок? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть две ситуации. Одна вполне укладывается в теорию СОД. Другая - названная "основное страхование" - нет, хотя она может рассматриваться как дополнение к данной теории.

Необходимо отметить, что логика "скрытого страхования" отличается от логики коллективного взаимопожертвования, хотя оба случая вызывают одинаковый обмен средствами с целью поддержать нуждающихся. "Скрытое страхование" часто комбинируется с коллективным взаимопожертвованием. Различные варианты "скрытого страхования" имеют важное значение, однако именно фундаментальное, основное социальное страхование многие страны предпочитают применять в общественном секторе вместо налогообложения.

В ситуации со "скрытым страхованием", которое вытекает из логики СОД, отсутствие спонтанного коммерческого страхования вполне объясняется отсутствием информации, сложностями с определением степени риска, оценкой возможностей, ценности риска и т.д. Когда существуют вполне приличные экономические условия, никто не думает о необходимости получения частного пособия по безработице, поскольку никто не предвидит ухудшения экономического положения. Правительство благоразумно избегает выступлений с предупреждением о грозящем ухудшении, так как это подорвало бы веру в возможность правительства обеспечить процветание. Но этика СОД требует постоянного создания фонда пособий по безработице за счет налогов.

Основное страхование является разновидностью взаимного "скрытого страхования" от чего-то уже свершившегося, хотя и имеющего влияния на сегодняшние события. Этот вид страхования обладает личностным своеобразием и может принимать различные формы, причем не всегда справедливые. Целью является в данном случае установление таких форм перераспределения, которые дали бы положительный результат в том случае, если страхование не учитывает личностную специфику той или иной ситуации. Это перераспределение

компенсирует издержки непривилегированного положения, и если это делается на основе единодушного согласия разных социальных слоев, то положительные результаты не замедлят сказаться. Страховой рынок не может дать сбоев в данном случае, так как событие, определяющее ситуацию, уже свершилось.

Например, низкий доход может быть обусловлен не только понижением цены на тот или иной товар или услугу, но и низкими природными способностями индивида, низким образовательным уровнем и т.д. Но никто не может быть застрахован от своего происхождения, врожденных способностей или образования, полученного в детстве. Так или иначе существует мнение, что людям, которые "вытянули проигрышный билет в лотерею жизни", необходимо оказывать помощь, потому, что они тоже оказывали бы такую помощь, окажись они в лучшем положении. Другим примером основного страхования может служить медицинское страхование. Необходимо, чтобы люди с хорошим и крепким здоровьем поддерживали людей, страдающих серьезными заболеваниями. Многим это кажется справедливым, поскольку отвечает принципам равенства.

Перераспределение, связанное с основным страхованием, не является по своей сути либеральным даже с точки зрения СОД, так как оно накладывает определенные обязательства на индивида, в то время как "скрытое страхование" подразумевает заключение соглашения не между конкретными индивидами, а между гипотетическими индивидами. Так или иначе, вся сумма ситуаций, связанных со "скрытым страхованием", включая и основное страхование, может быть рассмотрена сквозь призму солидаризма, взаимопомощи, равновесия в обществе, равенства. Например, страхование от разного рода заболеваний всегда горячо отстаивается и защищается. То же самое может быть сказано о необходимости оказывать помощь жертвам катастроф. Но все эти ситуации коренным образом отличаются от тех, которые связаны с коллективным взаимопожертвованием, описанным выше. Причина этого в том, что в случае коллективного взаимообмена дающий не думает о том, кто получит его дар, а думает о том, что он сам получит взамен.

#### IV. Несколько замечаний по поводу равенства

Свободный общественный сектор и его функционирование детерминируются принципами свободы и консенсуса, что является наиболее демократическим с этимологической точки зрения, поскольку он осуществляет то, к чему стремится народ. Но одним из наиболее употребляемых принципов взаимодействия общества и государства применительно к демократии является равенство. Сегодня равенство воспринимается как антитеза свободе, и их противоположность рассматривается в качестве центральной дилеммы как теоретической, так и прикладной этики. Анализ многих исследований показывает, что все зависит от того, как трактуется равенство и для чего оно предназначается. Очень важно решить, что должно быть равным или уравненным, как определить относительное равенство, какой критерий должен применяться в тех случаях, когда идентичность либо невозможна, либо нежелательна из-за отрицательных последствий. Обнаруживается, что все современные критерии социальной этики могут быть использованы для определения разных типов равенства. Это может быть равенство строго по смыслу, справедливость, симметрия, равенство прав, средств, возможностей, доходов и т.д. Либеральная этика не является исключением. Она тоже отстаивает принцип равенства, но лишь в том смысле, что все люди в равной степени свободны и равны в своих правах.

Свобода понимается как право индивида распоряжаться собой (право собственности на себя самого) и как основа всех остальных прав, поскольку, если индивид принадлежит другому лицу, то и права на всю его собственность и на осуществление всех его прав принадлежат этому лицу (имущество раба является собственностью хозяина).

Принцип "равенства возможностей" ведет к устранению ревности и зависти. Но зависть и ревность сами по себе не могут создавать этических обязанностей. Уравнение, исходя из квазиэтических побуждений, не выдерживает никакой критики. Честнее будет сказать, что уравниловку отстаивают в основном те, кто имеет мало, а хотели бы иметь больше. Многие авторы пытаются найти компромисс между равенством и свободой. Например Роулз "максимизирует" получение предметов первой необходимости за счет некоторого ограничения свободы. В подобной манере либеральные защитники идеи прожиточного минимума предлагают добиться ее осуществления за счет ограничения свободы рыночной системы. Но полная согласованность между свободой и минимальным обеспечением каждого может быть достигнута только на основе добровольного перераспределения в пользу малоимущих посредством скрытого страхования, на основе чувства долга, благотворительности, которые могут реализоваться, когда каждый участвует в коллективном взаимопожертвовании. СОД помогает определить, какие действия должны быть предприняты обществом для стимулирования и регулирования этих спонтанных процессов. Братство примиряет равенство и свободу<sup>6</sup>.

\* \* \*

Далее предлагается сокращенная версия журнального варианта книги канадского социолога Андреаса Басса, которая по духу и по форме следует известной работе Макса Вебера "Хозяйственная этика мировых религий", представляющей собой главную часть его сочинений по социологии религии. В самых общих чертах А.Басс пытается обрисовать мотивацию к экономической активности людей дореволюционной России. Не составляет особого труда понять, сколь важно такого рода знание для исследования возможностей зарождения предпринимательской этики и ее вариантов в наше переходное, еще не отлившееся в законченные формы время. Этими соображениями было продиктовано стремление предложить читателю материал Басса со сравнительно небольшими сокращениями (прежде всего в части справочного аппарата), хотя и в таком виде он узурпирует солидную часть "Фрагментариума-2".

В первой части канадский социолог пытается выяснить суть патримониально-бюрократического русского государства с присущей ему системой литургий. Затем он показывает, что, в отличие от западного христианства, русское православие оказалось интегрированным в патримониальное государство, о чем мы уже писали в первом томе настоящего труда. Басс считает, что само русское христианство отличается тремя характерными чертами: магическим традиционализмом, ритуализмом и мистицизмом. И это в целом существенным образом влияло на мировоззрение людей, вырабатывало скорее индифферентность к миру, чем стремление господствовать над ним, и что, пожалуй, самое главное - не формировало воли к сокрушению патримониальной государственности.

Во второй части своей работы А.Басс анализирует хозяйственную этику староверов и сектантов России. Он приходит к выводу, что именно развитие конгрегациональной (объединенной в общины) религии привело в России к ук-

реплению ответственности и дисциплины. Сектанты (скопцы и молокане, в первую очередь) впервые совершили отход от православного мистицизма и магических средств спасения. Именно они и развили в стране аскетический, обращенный вовнутрь тип поведения людей и достигли, как, впрочем, и староверы, достаточно выразительных экономических успехов. Считаем необходимым еще раз напомнить читателю, что позиции авторов книги и авторов тех или иных переводимых фрагментов могут не совпадать, притом весьма существенно.

\* \* \*

Андреас Басс

Хозяйственная этика русско-ортодоксального христианства

Введение

Одним из первых, кто приступил к изучению хозяйственной этики главных религиозных традиций мира, был Макс Вебер. Через несколько лет после публикации ошеломляющего эссе "Протестантская этика" и "дух" капитализма" (1904- 1905) он обратился к хозяйственной этике мировых религий, в частности к религиям Китая, Индии и древнего Израиля. Общеизвестно, что Макс Вебер в конце своего жизненного пути планировал дополнить свое исследование по хозяйственной этике мировых религий очерками по исламу, христианству (раннему, восточному и западному). И лишь во время первой мировой войны Вебер осознал, что не сможет в полной мере вернуться к своим былым интеллектуальным занятиям.

В любом случае задуманный Вебером, но не доведенный до конца исследовательский проект требует своего претворение в жизнь. Ниже мы попытаемся окинуть взором часть восточного христианства - русско-православное христианство - с веберовских теоретических и аналитических позиций. Вопрос о хозяйственной этике будет рассмотрен в типично веберовской манере, как это делал он сам в своих исследованиях: сперва будет раскрыта социальная система и затем располагающийся в ней "дух"; заключает же очерк анализ гетеродоксий и сект. Случайные заметки, которые можно обнаружить в трудах Вебера, о России, в частности, и не только в его книге "Хозяйство и общество", послужат нам навигационными знаками и будут включены в текст.

Начиная любую дискуссию по хозяйственной этике, необходимо внести некоторую ясность в сам термин "хозяйственная этика". Для Вебера он имеет отношение не только и даже не столько к этическим теориям и доктринам теологических книг (этика в узком смысле понятия), поскольку подобные доктрины вовсе не обязательно будили в людях психологическую мотивацию и производили на свет определенный тип поведения людей. Напротив, в центре веберовского анализа всегда была такая этика, которая была размещена в религиозном контексте (к примеру, смысл и средства спасения) и производила психологические санкции, то, как она "работала", и то, в каком направлении она "работала", зачастую существенно отличалось от действия теологических доктрин. Лишь понятая таким образом этика имеет согласно Веберу, независимое влияние на поведение людей. Более того, Вебер всегда интересовался в первую очередь психологическими мотивами, инспирированными религиозными

организациями, такими, как церковь или секты.

Определив этику таким образом, нам следует задаться вопросом, каким образом этика русско-православного христианства управляла установками людей в отношении мира и влияла на экономическое поведение. В то же время следует выяснить вопрос, почему в России так и не возникла этика западного образца, за исключением некоторых параллелей в сектантском движении. Формулировка этих вопросов отнюдь не предполагает нормативного этноцентризма, то есть того, что Вебер называл "железными клетями" западной культуры со всеми вытекающими последствиями для всех в ней проживающих. Хотя и следует добавить, что содержание средства получения знания в сравнительных исследованиях неизбежно проистекают концептуально и терминологически из той культуры, из которой происходит сам автор исследования.

### Патримониальная государственность

Россия всегда была в сущности страной материковой с сильной сельскохозяйственной направленностью. Плодородие земли в смешанно-лесных зонах, где располагался центр русского государства, было низким; в чащобах вокруг Новгорода и Ленинграда сельскохозяйственный сезон длился не более четырех месяцев, выпадение же осадков было ненадежным. Урожайность вплоть до XIX столетия была не выше чем в остальной Европе в средние века, когда одно зернышко давало три или четыре новых, в то время как урожайность в других европейских странах в XIX столетии достигала пропорции 1:10. И поскольку города никогда не играли существенной роли в России, то и число рынков сельскохозяйственной продукции было крайне ограничено, а, следовательно, не было стимула к повышению урожайности.

И хотя условия окружающей среды были неблагоприятны, а население невелико, и хотя драгоценные металлы имели хождение лишь в незначительных масштабах, несмотря на наличие благоприятной системы морского сообщения, новгородской системы правления и торговли, в целом соревнование между правителями во власти и идеях могло способствовать развитию капиталистических отношений в экономике. Надлежит поэтому задать себе вопрос, почему же этого не произошло ни раньше, ни позже? Ответ прост: с одной стороны, мы имеем патримониальную, а позже патримониально-бюрократическую государственность, с другой - "русский дух", берущий свои истоки в русско-православной религии.

Московские князья расценивали свою страну глазами лендлордов, как свою собственность (вотчина суть эквивалент латинского слова патримония), как товар и власть, унаследованную от своих отцов. Государственная администрация проистекала из патриархальной администрации княжеского частного домена. Вебер называл патримониальным такое государство, в котором патриархальное правление, основанное на определенных правилах наследования и легитимизированное традицией, распространяется с членов семьи на всех политических субъектов и новые территории с помощью административного персонала, но организованного по образцу патриархальной власти.

Традиция контрактных обязательств, происходящих от системы вассалитета, которая на Западе привела к разделению административной и юридической систем, отсутствовала в России. В диспуте с лордом западный вассал обращался к публичным юридическим процедурам (что привело в конечном итоге к независимости юридической системы), в России же отсутствовала такая неза-

висимая система вплоть до реформ 1864 года, а фактически и после. Словом, в русском патримониальном государстве не было ни рационально калькуляционного права, ни административной системы западного образца.

Патримониальная ментальность слегка изменялась после падения Золотой Орды в конце XIV и в течение XV столетий, но особенно заметные перемены произошли после крушения Византийской империи в 1453 году. Московские князья считали себя защитниками веры всех православных христиан и приняли на себя титул царя, но в то же время продолжали считать себя собственниками ("государь") государства и политической администрации, усиливая деспотизм и произвол. Опричнина Ивана Грозного - лишь один из крайних примеров тому. Медленно развивающаяся бюрократия действовала чисто в духе личной преданности правителю, так что она фактически служила лишь ему, а не нейтральным целям, несмотря на постепенно развивающуюся рационализацию и разделение их функций (официальные каналы, письменные записи и т.п.).

Система местничества подталкивала аристократов (причем чем выше был наследуемый ранг, тем больше) к вступлению в патримониальную бюрократию государства во имя сохранения социального статуса и новых возможностей карьеры. Вотчина как частное земельное владение теряла былое значение фундамента социального ранга, на смену ей приходило поместье (служилый феодал). С этой ситуацией столкнулся Петр Великий. Уничтожив листы фамильных рангов, содержащих притязания аристократических семей, и уравнив вотчины и поместья в легальных правах указом 1714 года, он фактически уничтожил традиционные социальные ранги и легальные права русского нобилитета во имя двух, как считал Макс Вебер, простых принципов: 1. Социальный ранг (чин) отныне получался лишь через службу в патримониально-бюрократической (цивильной или военной) позиции и зависел от персонального положения в официальной иерархии из четырнадцати чинов. Теоретически не было никакой монополии существующего нобилитета и квалификации согласно земельной собственности, скорее учитывалась образовательная квалификация. 2. Любые аристократические привилегии уничтожались, если в течение двух поколений их носители не служили.

Такая практика весьма близка китайской патримониальной бюрократии, но привилегии русской служилой аристократии включали в себя право владения землей вместе с крепостными, а эта сеньориальная бюрократия не была знакома Китаю. Справедливо и то, что в России для того, чтобы воспрепятствовать апроприации службы и избежать формирования местных чванливых монополий на должности, царское патримониальное государство никогда не посылало провинциального администратора (воеводу) в области, где находились его земельные владения. Правило утраты титула земельной собственности в случае отказа аристократии от службы было ликвидировано в правление Петра III и Екатерины II, но чин внутри системы патримониальной бюрократии продолжал служить официальным фундаментом социального престижа, и отныне все возможности в экономическом продвижении зависели от выполнения службы и связей со двором, а не просто от наследуемого титула.

Таким образом, местничество как формальная иерархия, основанная на позиции, которую семья и предки занимали ранее, была сменена новой иерархией, которая полностью базировалась на действительном выполнении службы. Стремление к бюрократической позиции и определенный бюрократический дух были естественными последствиями этого процесса. И поскольку официальные лица, соответственно их рангам, зачастую передвигались с одной сферы

администрирования (военной, юридической, судебной, дипломатической) в другую, то и современное специализированное знание чаще всего у них отсутствовало, а их карьеры скорее напоминали "круги знатности" римского нобилитета.

Власть же царя базировалась на строгой солидарности с его интересами тех, кто держал чины, и на полном отсутствии статусно основанной солидарности среди нобилитета. Вебер полагал, что в России не просматривается одна кардинальная черта западной средневековой аристократии: главная ориентация интернализированного поведения на социальную честь, подобно той, что была выработана западноевропейским рыцарством. Расщепленный базис социального ранга лишь ориентировал на внешние стимулы к экономическому интересу и никогда не производил внутреннего стандарта самооценки и чести, словом - "экспри де кор" (корпоративный бух). В этом смысле можно сказать, что в России был нобилитет, но без благородства.

Не существовали в России также и города в западном смысле слова, то есть с характерными институтами и свободами. Новгород и Псков в этом смысле были исключениями, но московское царство, поглотившее их довольно быстро, покончило с их свободами. Климатические условия и широкое развитие крепостничества были тормозом на пути развития крупных городов по всей территории.

Русский город был первым делом административным, военным центром, местом торговли и не шел ни в какое сравнение с западноевропейским городом с его общиной с автономным статусом. Не было изначально ни корпораций, ни гильдий в России, хотя позднее в XVIII столетии они были введены правительством. Богатые торговцы - купцы - принадлежали к двум высшим гильдиям, к числу остальных - бедные содержатели магазинчиков и торговцы-мещане, с которых взимали подушную подать. Различия между гильдиями устанавливались в четком соответствии с доходами. Вместе с небольшой группой так называемых гостей, участвовавших в международной торговле, богатые купцы составляли часть привилегированного класса и обладали практически всеми привилегиями аристократии, кроме владения землей и крепостными. Серьезные финансовые потери, в соответствии с классификацией по критерию дохода, приводили к падению в нижний класс мещан. Не удивительно поэтому, что богатейшие купцы всегда стремились попасть в аристократический ценз и рвались к общественным должностям, поскольку только это могло застраховать их от подобных падений. Именно это, а не распространение бизнеса или новых инвестиций, и было высшей целью, и, покуда они принадлежали к слою аристократии, их капиталы, как правило, не вкладывались ни в бизнес, ни в торговлю. Разделение на гильдии с разными привилегиями и разной фискальной и административной ответственностью перед государством, а также стремление наиболее богатых торговцев включиться в аристократические слои общества не создавали моральной солидарности и, следовательно, не добавляли к "экспри де кор" и общей социальной чести буржуазии.

Отсутствие в России независимо развивающихся корпораций или гильдий, которые в свою очередь в Западной Европе оказались способными контролировать как повышение доверия среди своих членов, так и качество продукции, было одной из причин слабого развития в России экономической этики в узком смысле этого понятия. Это, кстати, частично может объяснить и тот факт, что в России торговцы пользовались дурной славой; нечестность их в XVII столетии зафиксирована поговоркой: "Кто торгует, тот ворует".

Если принять во внимание чрезвычайно ограниченное хождение денег (бумажные деньги появятся лишь в 1768 г.) вплоть до середины XIX века не было фактически ни кредита, ни коммерческих банков, и, наконец, полное незнание бухгалтерского дела даже среди весьма успешных купцов, то многие препятствия на пути развития капитализма становятся более очевидными. Добавим к этому, что дифференцированный закон братства, подобно существующему на средневековом Западе, а также рациональная концепция корпорации как продукт римского и средневекового права так и остались неведомыми России. Наконец, в России не было римской юридической традиции с ее рациональным типом доказательства.

В целом же юридическое положение русского купечества было не унифицировано, а потому и не производило статусной солидарности. В московском княжестве они опасались аристократов, захватывавших нередко их товары, царя, способного конфисковать все. Ярмарки дозволялись только в предназначенных для того городах, торговля же за пределами государства в целом запрещалась. В XVI-XVII столетиях цари устанавливали свою монополию на оптовую торговлю, горнорудное дело и часть мануфактуры, если она, конечно, же была профитной. Самым гарантированным путем к богатству было получение концессии на дело, на которое распространялись царские монополии; позднее при Петре Великом и на протяжении всего XVIII века такое положение дел сохранилось и политический капитализм процветал. "Предприниматели", нанятые царями, обладали таксационными преимуществами, государственными контрактами, дешевой рабочей силой государственных крестьян, охранялись тарифами. Успех в таком случае равно зависел и от политических веяний, и от предпринимательского ноу-хау.

Поскольку в северной части России сельское хозяйство не было чересчур профитным, то крепостным зачастую позволялось выплачивать своим господам оброк в виде денежных выплат. Подобное крестьянство отличалось успешным предпринимательством, а их совестливость и честность нередко отмечалась иностранцами. В XIX столетии некоторые из них становились собственниками небольших хлопчатобумажных заводов. Но вся активность ограничивалась тем, что крестьяне эти были практически бесправными по отношению к своим господам и что они не только зависели от их покровительства и доброй воли, но и от их жадности.

Когда, наконец, после унижительного поражения России в Крымской войне пришло освобождение крестьянства и власть лендлордов над крепостными была уничтожена, то сохранились былые узы крестьянства к миру, крестьянской общине, земля которой была общей и перераспределялась периодически. Мир в смысле организации ответственности за налоги всей общины был известен с позднего средневековья, но значимость он приобрел как административный агент и средство перераспределения земли именно во время господства крепостничества, поскольку с точки зрения государства и дворянства мир отвечал за сельскохозяйственную организацию более рационально, в особенности после введения подушного налога.

Русское право, согласно Макс Веберу, отличается литургическими коллективными связями и соответствующими коллективными правилами дополнительной организации, к примеру, общинных коммуникаций. Система литургий, как Вебер именуется эту систему удовлетворения государственных нужд, использовалась многими патримониально-бюрократическими империями древности (в частности, в Древнем Египте). Население стратифицировалось согласно про-

фессиональным стратам, и тяготы государственного обслуживания возлагались на плечи этих профессиональных групп в соответствии с принципом взаимной связи, так что отдельные члены этих страт не могли ретироваться в одностороннем порядке. В этом смысле принудительная принадлежность к гильдии в древнем Египте или наследственная принадлежность к деревне у русского крестьянства вполне сопоставимы. Для Вебера очевидно, что там, где действует эта система, она препятствует капиталистическому накопительству, она же урезает образование частных капиталов. Вот почему политический капитализм никогда не может быть полноценно успешным.

Освобождение крестьянства есть прогресс, особенно если его рассматривать совокупно с революцией 1905 года, когда последние ограничения были сняты, и крестьянство получило право покидать мир, даже без согласия на то мира. С одной стороны, это было большим экономическим продвижением вперед, поскольку предоставлялась большая свобода для труда и конкуренции, но также и нравственным шагом вперед, поскольку способствовало усилению чувства ответственности. Старые патриархальные обычаи были ослаблены и заменены большим индивидуализмом. Но именно этот успех реформ и породил новые миллениаристские надежды и рост стремлений к более глубинным изменениям.

Патримониальное государство, без сомнения, тормозило развитие коммерческого (но не политического) капитализма из-за отсутствия рационально-калькуляционно функционирующей администрации и юрисдикции, а также из-за отсутствия четкого разграничения между ними. Как показал в свое время Макс Вебер, усиление патримониальной бюрократии всегда в истории и повсюду тормозило процессы формирования капитала и частной капитализации.

Он утверждал, что в условиях отсутствия протестантской этики современный капитализм не развивается (хотя он может быть импортирован как система), даже если институциональные или другие препятствия для этого крайне невелики. Напротив, когда препятствия даже весьма велики, капитализм развивается тогда, когда в обществе имеется протестантская этика. В этом смысле нам пора перейти к теме: было ли что-то в русском этосе, что способствовало развитию мотивации, способной внести свой вклад в развитие рационального способа поведения и капиталистического духа, или таковые мотивы отсутствовали. Русско-ортодоксальную религию, так же как и раскат, и многие секты, следует нам рассмотреть под этим углом зрения. Однако предварим это кратким очерком развития самой ортодоксальной (православной) церкви в русском патримониальном государстве.

## Церковь и православный "дух"

Православная церковь никогда не владела архимедовым рычагом в облике папы, существующего вовне и над государством. Священникам и монахам явно не хватало образования, и, как результат этого, религия долго сохраняла в себе магические и ритуальные аспекты. Русские цезарепапистские правители, как подмечал Вебер, никогда не претендовали на создание новых священных законов. В этом смысле восточный канонический закон всегда оставался неизменным и не имел влияния на экономическую жизнь общества. С точки зрения этой перспективы великая схизма (раскол) русской церкви во второй половине XVII столетия - должно ли креститься двумя или тремя пальцами - становится вполне понятной. Реакция на реформы, инициированные патриархом Никоном

и поддержанные царем, привела к отколу наиболее религиозной части населения и образованию так называемых старообрядцев, независимых от официальной церкви (названных церковью "раскольниками"), однако именно реформы никак не затронули отношений между официальной церковью и государством.

Более значимым в этом аспекте было проведенное несколькими десятилетиями позже Петром Великим фактическое упразднение патриаршества. Он трансформировал его административные, юридические и фискальные функции в подразделение патримониальной бюрократии и конфисковал его доходы в обмен на фиксированную государством заработную плату. Приблизительно в это же время началась секуляризация церковной собственности, которая завершилась во времена Екатерины II.

Организация православной церкви исключала всякую возможность защищать гражданские права и свободы от власти патримониального государства. Отсутствовала поддержка со стороны населения, многие крестьяне становились старообрядцами или уходили в сектантство, в то время как интеллектуалы либо оставались безучастными, либо отлучались от церкви, как Лев Толстой и Владимир Соловьев.

Исторический опыт Запада показывает, что дуализм императорской власти и папской, развитый в средние века как базовая форма статусного плюрализма, лишь усиливал другие статусные позиции (аристократию, города). Но поскольку в России отсутствовали напряжения между государством и церковью, то и не могли возникнуть социологические феномены, подобные автономной аристократии, независимым городам, основанным на принципе независимости гражданства.

Особым образом связано было монашество с официальной Церковью, сохранялись базовые идеи монашества, раннехристианский идеал монаха ("монахос" - уникальный, совершенный). Монашеский порядок Пахомия (4 век н.э.) устанавливал анахоретический режим для монахов, запрещавший им становиться священниками, дабы они не возжелали славы и контроля над другим, однако Василий Великий, который был авторитетом для православного монашества, избрал промежуточный вариант, допускал компромисс, в соответствии с которым в каждом монастыре некоторые монахи становились иеромонахами, то есть статусными священниками. Им дозволялось совершать таинства причастия, несмотря на то, что порядок православных монастырей полностью изолировал монахов от "мира". В результате, именно монахам разрешалось становиться епископами, поскольку обыкновенные священники должны были быть женатыми, что в целом приводило к значительным смещениям в монашеском образе жизни и напряжениям между ними и теми монахами, которые следовали букве схимы, монашескому правилу, и избегали епископского титула.

Здесь заключена, согласно Веберу, главная проблема всякой иерократии: каким образом осуществлялось харизматическое следование богу, если монахи ратовали за индивидуальное спасение через обнаружение прямого и персонального пути к богу, в то время как иерократическая церковь, как институт спасения, монополизировала путь к богу посредством причащения. Тем не менее всякая великая церковь вынуждена была искать компромисса с монашеством. Один из возможных вариантов был адаптирован римско-католической церковью. Это - реинтерпретация монашества как специфического посвящения внутри церкви: с одной стороны, посвящения, не свойственного простому верующему, с другой, монашество было представлено различными орденами,

выступающими в качестве обычных подразделений, необходимых церкви для миссионерских дел, работы в госпиталях и в системе образования, рыцарских образований. Начиная от святого Бенедикта и кончая иезуитами происходит эмансипация монашества от нецелевого отрешения от внешнего мира, монахи предаются забвению свои обеты, пытаются господствовать в миру. Соревнуясь, они распространяют свой образ жизни и на держащих приходы священников, участвуют в организации приходов. Интеграция монашества в бюрократическую организацию, в качестве военных подразделений, была своеобразным разрешением напряжения между церковью и монашеством. В то же время разрешение этого напряжения в восточных церквях, сохранивших высшие официальные церковные ранги монахам, по Веберу, было непоследовательным (прежде всего в силу механического сочетания личностной харизмы и харизмы официальной - церкви) и может быть объяснено лишь благодаря развитию на Востоке иерократии, ощутившей сильное влияние цезарепапизма.

Внутри православной религии не было фрагментации монашества на различные монашеские ордена, пытавшиеся активно вторгнуться в "мир". Православное монашество скорее искало средство спасения в литургиях, мистицизме и призрании, а посему в православных монастырях не складывалась благодатная почва для развития научных знаний, в то время как именно в западных монастырях появились всевозможные научные дисциплины.. В этом смысле западным монастырям можно поставить в заслугу становление рационально-теоретического знания (особенно в монастырях бенедиктинцев, францисканцев, доминиканцев), а также и специфически рациональную гармонию западной музыки.

Кроме так называемого черного монашества существовала особая весьма многочисленная группа белого монашества, то есть монахов, которым разрешался брак (попы). Они не облагались подушным налогом, были освобождены от телесных наказаний, а в ранние времена и от военной обязанности. Поскольку дорога в священничество для крепостных была фактически закрыта, а для аристократа это значило бы лишение всех привилегий, то священничество практически превратилось в наследственную миссию. Они располагали своей собственной образовательной системой; для обретения ранга зачастую выбиралась дорога женитьбы на дочери другого священника, сын от этого брака имел возможность стать священником. Их доходы во многих смыслах оставались неадекватными, и для того, чтобы их повысить, постоянно возрастали платы за всевозможные религиозные службы. По этой причине в народе попы нередко не пользовались большим уважением, что в ни коей мере не связано с постоянством уважения к церкви как таковой. Многие крестьяне по чисто финансовым причинам становились членами всевозможных гетеродоксальных и сектантских движений, но о них пойдет речь позже.

Что касается взаимоотношений масс и церковников, то справедливо отметить, что магическая сила, которой располагали священники и в которую верили во имя спасения, высоко ценилась, но она не оказывала равным счетом никакого влияния на общее мнение относительно церковников. Между черным и белым монашеством также существовал определенный антагонизм, происходящий от разницы интересов и претензий с обеих сторон на все возрастающее влияние. Согласно Веберу, вырождение русской православной церкви связано было, с одной стороны, с негативным воздействием цезарепапистской идеи, с другой - с колоссальной разницей между крестьянским и пролетарским белым монашеством и celibатным черным монашеством, для которого резервирова-

лись все высшие чины в канонической иерархии. Словом, монашество, находившееся под контролем, поскольку высшие ранги сами рекрутировались из монашества, и подчинение церкви патримониальному государству фактически разрушали саму идею монашества так, что его влияние на правящую структуру церкви, на образ жизни низших слоев церкви ни в коей мере не может быть сравнено с западным монашеством.

Что же за "дух" проживал в описанной выше системе и как он влиял на образ жизни русско-православного сообщества? Это был "дух", составляющими которого выступали магико-традиционные, ритуальные и мистические элементы. Дохристианский политеизм, сохранялся повсюду в виде веры в домовых, водяных и русалок, эти же мистические идеи переносились в христианский ритуал и обычаи. Предполагались магические пути спасения и искупления грехов (освобождения от наказания в этом и ином мире), однако мотивация к рациональному типу поведения была фактически сведена к нулю.

По представлениям крестьянства, ритуалы церкви были не более, хотя и не менее, чем эффективные магические представления; без знания Священного Писателя, догм и даже молитв, они были приучены к ритуалам и видели сущность христианства именно в них. Попытки изменить их, как это хотел сделать Никон, расценивались не только как акт покушения на святую традицию, но и более того в народе бытовало мнение, что, к примеру, креститься тремя, а не двумя пальцами будет попросту неэффективно.

В этом контексте следует попутно отметить, что вообще крестьянство, зависимое от органических процессов в природе больше, чем горожане, было меньше ориентировано на рациональную систематизацию. В то же время городские ремесленники, работающие на клиента, скорее развивают идеи долгов и наград, в том числе и религиозных наград, в особенности идеи спасения. Крестьянство же, как правило, более отдалено от понятий компенсации и старается ублажить своих богов магическими средствами. Теодицея и этические спекуляции вокруг всего этого, как правило, им не знакомы.

Более того, православный мистицизм проявил себя и в том, что высшим авторитетом, который определяет, кто принадлежит церкви и чье религиозное учение в догматическом плане корректно, является церковь, как коммунальная группа, объединенная в любви - так называемый консенсус экклезиэ - а вовсе не папа, как в римско-католической церкви, или Писание, как в лютеранской церкви (русский перевод Библии со старославянского был опубликован лишь во второй половине XIX столетия). В России легко обнаружить твердую убежденность в том, что (в увязке с мистицизмом) христианская братская любовь приведет к единению людей во всем или что люди, любящие друг друга мистической любовью, будут думать и действовать в одном направлении, более того действовать солидарно. Этот взгляд можно считать базовым для восточной концепции общности (соборности). Он символизируется братскими поцелуями в пасхальную ночь, которыми верующие обмениваются со всяким встречным, поскольку этот акосмизм, эта "сакральная проституция души" и есть путь к мистическому видению бога.

В этой связи также следует упомянуть и значение старшего. Некоторые монахи, живущие анахоретами в своих монастырях и концентрирующиеся на "духовных молитвах", обретают репутацию и большое влияние среди живущих в округе, которые приходят к ним за советами и помощью. Вспомним старца Зосиму из "Братьев Карамазовых" Достоевского. Всевозможные свидетельства указывают на то, что влияние старцев на людей было не только мистического,

но и магического характера. В этом мы находим некоторые переключки с образом индийских гуру.

Мистицизм в категориях Вебера противоположен аскетизму. Он увязывал аскетизм со спасением через труд и активность человека, подтверждающего свою религиозную добродетельность. Тем временем в мистицизме он видел пассивное призрение и тихое упование на бога. Ни аскетизм, ни мистицизм не утверждают мира как такового. Аскет отрицает этически иррациональный эмпирический характер мира, но в то же время утверждает рациональную активность внутри этого мира как личностного пути обретения божьей благодати. С другой стороны, мистик, обращенный во внутрь себя, соотносится действиями лишь с миром как искушением против которого он или она должны обрести божье спасение. При этом всякая активность весьма минимизируется покорностью рутине мира, а сама активность внутри мира характеризуется примечательной "сломленностью", поскольку для мистика нет значимого успеха во имя спасения. По Веберу, религии, обретающие спасение внутри себя, характеризуются мистицизмом, обычным следствием которого становится относительная индифферентность к окружающему миру и покорное принятие существующего социального порядка.

Принятие социального порядка вне отношения мирового безразличия может быть причиной откровенной апатии русской православной церкви и высших слоев общества к окружающей социальной нищете, особенно в XIX столетии; причем эта апатия не может быть объяснена исключительно скудостью сектантского движения, чье критическое отношение однажды буквально взорвало социальное сознание Западной Европы.

Мистицизм и аскетизм как методы спасения часто увязывались Вебером с концепцией божественного (будь то концепция трансцендентальности и всемогущего бога), которая весьма существенна для западной традиции в религии или будь то безличностный постоянный порядок, обнаруживаемый в традициях великих религий Азии. Концепция трансцендентального бога предполагает громадную дистанцию между богом и человечностью, что часто выражено в том, что люди рассматривают себя в качестве инструментов божьих и видят спасение в действиях убожания бога. В силу этого, писал Вебер, принципиальная разница между восточными азиатскими религиями (тип религий спасения) и схожими религиями спасения на Западе заключается в том, что первые чаще всего концентрируются на призрении и мистицизме, в то время как последние - на аскетизме. То, что это вовсе не обязательная корреляция, видно на примере русской православной традиции, которая, несмотря на мистические тенденции, воспринимала бога как трансцендентального и в этом смысле вечно "сломленного". На этом стоит несколько задержать наше внимание.

Прежде всего, в этой традиции отсутствует концепция предопределения, которая способствовала развитию методического образа жизни в аскетическом протестантизме; восточная церковь так и не разработала идеи о том, что транзиторные действия людей ведут к вечному проклятию; не адаптировала она также и западной идеи о легальных отношениях между богом и людьми. Православные христиане исходят из того, что греховные действия приводят лишь к сокращению их добродетельности, потере субстанции (а не к попранию легальных отношений между богом и людьми).

Дополнительно следовало бы отметить в этой связи то, что стало центральным пунктом протестантизма - сокращение времени, отведенного под молитвы, в пользу господствующей литургии. Значение моления обычно стоит

в обратной пропорции к магическим компонентам религии. Православная церковь не знала и проверки сознания верующих. С одной стороны, аскетический протестантизм предоставлял своим верующим возможность самим достигать спасения через свои собственные усилия, то есть развивая этически систематизированную методику поведения, безо всякого вмешательства извне. С другой стороны, католицизм поддерживал относительно эффективный контроль всех действий исповедью, постоянными погашениями грехов и милостью, усиливая при этом нравственные заповеди, однако освобождая индивида от необходимости развивать индивидуальный образец поведения, основанный на этических принципах. Согласно Веберу, слабо развитый и весьма общий принцип признания, свойственный русскому православию, зачастую облакаемый в форму коллективного прощения вины, был далеко не эффективным и непостоянным способом влияния на человеческое поведение. Весьма вялая форма исповедания, сводящая на нет влияние священников, по Веберу, связана с отсутствием целибата среди белого духовенства.

Наконец, упомянутое противоречие между концепцией трансцендентального бога и базовым мистицизмом религии в некотором роде проливает свет и на политическую этику православия. Вебер упоминает в этом контексте отрицание в православии этики, ориентированной на успех, поскольку принимаются только безоговорочные этические принципы как ориентиры позитивных действий. Как только выполнен долг и потому, что неэтические ценности элиминированы, тотчас же вступает в силу библейская сентенция (подчас бессознательно), столь сильно свойственная душе Толстого и всего русского народа: непротивление злу насильем! В этом, пожалуй, причина внезапных перемен между яростными штормами активности подчинения ситуации у русского народа. В этом смысле дух православной религии не проявляет никакой близости с любым типом политического режима, оставаясь индифферентным по отношению ко всем типам.

Экономическая этика в узком смысле понятия, которая должна регулировать вопросы "справедливой цены" и оправдывать интерес, так и не была развита в силу православного безразличия по отношению к внешнему миру. Тем не менее некоторые этические барьеры на пути развития ростовщичества все же были установлены. Работа сама по себе устанавливалась как чистый факт, с которым следовало свыкнуться; существовали даже вполне акцентированные соображения относительно плодотворной работы и честности в деле, сочетаемые с отрицанием игры и веселья, насколько можно судить по "Домострою", учебному пособию XVI века о том, как вести домашнее хозяйство. В остальном же наблюдается полное отсутствие здоровой накопительской гонки в Росши.

Но в чем резон этих соображений и стимулов, если экономическая этика в широком смысле слова, которая отнюдь не является продуктом теологического учения и доктрин, а есть психологическая мотивация - производная от рационально структурированных идей спасения, указывает на совершенно противоположное направление? В чем смысл восхваления труда, если высшие психологические награды расположены не внутри свободной активности, не внутри этого мира, а указывают на анахоретический стиль жизни монаха - образца совершенства человеческой жизни? А тем временем религия масс переполнена магическими идеями настолько, что не остается места для индивидуального этического поведения; советы и помощь ожидаются от старейшин, которые, в свою очередь, отвергнуты от этого мира, и предполагается, что самая общая исповедь способна помочь избавлению от грехов. Высшие этические идеалы

православия, для которого политический или экономический успех иррелевантен в терминах спасения, никак не связаны с мотивацией во имя рационального и методического преобразования этого мира или во имя капиталистической выгоды, как практического выхода и цели призвания. Никакие внутренние стимулы не выводили из духовных условий православной церкви к реорганизации политической и хозяйственной жизни. Дуализм между мистическими идеями и миром приводил к тому, что, с одной стороны, земные действия этически унижались, а, с другой - религиозные средства спасения с точки зрения самого мира выглядели иррациональными. Словом, этического преобразования ориентированной на выгоду деятельности в целом как этики спасения, столько необходимого для формирования современного капитализма, в России не было.

Ни Ренессанс, ни Гуманизм, ни Протестантизм с Лютером или Кальвином в главе не противоборствовали духу православия. Не произошло даже развития собственной науки, возвращенной из своих истоков, в частности, видимо, от того, что рациональная форма теологии не смогла сложиться в мистически ориентированном мире православия.

Словом, специфические корни русской православной культуры следует искать в исключительно механической комбинации официальной харизмы церкви и монашества; даже более того - в последующей интеграции официальной церкви в цезарепапистское государство. Это корни настолько были сильны, по крайней мере вплоть до последней трети XIX столетия, что они произвели весьма унифицированный тип культуры в том смысле, что не создали сильной и независимой интеллектуальной или институциональной силы: ни буржуазии, ни независимой аристократии, ни науки и юридической профессии и, главное, ни этической профессии (пророчества), способных разорвать оковы железной клетки патримониального государства. Исключение, пожалуй, из этой картины составят основатели сект, но о них пойдет речь дальше.

## Староверы

Когда в 60-е гг. XVII века патриарх Никон, поддерживаемый царем Алексеем, стал проводить некоторые литургические реформы, в церкви произошел раскол. Схизма (раскол) касалась весьма тривиального вопроса: креститься двумя или тремя пальцами, как произносить имя Христа и как совершать Церковное действие. По мнению многих, религиозная церемония, совершаемая неортодоксально, не имеет никакого действия и не имеет ценности для бога. В отношении к традиционному ритуалу суть принципиальной разницы между староверами (раскольниками), названными так официальной церковью, и протестантизмом, проявлявшим небольшой интерес ко всему тому, что касалось внешних форм.

Те, кто отважился на разрыв с официальной церковью, то есть собственно староверы, в будущем вынуждены были столкнуться с массой проблем, касавшихся не только ритуала, но и их жизненного поведения. Когда церковный собор 1667 года изгнал тех, кто продолжал придерживаться старых ритуалов, а их лидер Аввакум был казнен, когда согласно указу царицы Софьи в 1685 г. всем приверженцам старой веры грозила казнь через сожжение, а подозреваемым в схизме - пытки, староверы порвали с привычными условиями жизни и переселились в леса - либо в качестве одиноких отшельников, либо в качестве самодостаточных общин. Некоторые из них, прозванные странниками, пошли на полный разрыв связей с семьями, государством и обществом, многие пред-

почли смерть в тех случаях, когда приближались царские войска, силы Антихриста (тогда-то и прокатилась по стране волна самоубийств). На долгое время социально они были вычеркнуты из общества. Даже во времена Петра Великого, когда отношение к староверам стало более терпимым, поскольку Петр четко различал оппозицию политическую и религиозную, они, тем не менее, принуждались платить двойную подушную подать государству. Они не призывались в армию, а купцы-старообрядцы были освобождены от литургических повинностей, поскольку государство продолжало относиться к ним с подозрением. Большее доверие к ним проявилось в период правления Екатерины II. Тем, кто уехал за пределы страны или жил в недосыгаемом отдалении, было даровано право вернуться. Но уже в XIX столетии, в правление Николая I, снова началось преследование старообрядцев, и лишь в 1905 году они обрели полное юридическое равенство.

Если принять во внимание факт, что в долгом цикле правительственная политика по отношению к старообрядцам в целом была не толерантной, несмотря на все ее флуктуации, и если также принять во внимание тот факт, что староверы жили в весьма географически неблагоприятных условиях, то может показаться удивительным, что общее их число на протяжении XVIII-XIX вв. существенно возросло, что в целом они жили куда благополучнее, чем члены официальной церкви. В XIX столетии собственники и менеджеры фабрик и заводов предпочитали принимать на работу староверов, в первую очередь благодаря их честности и терпению; более того непропорционально многие из богатых предпринимателей, особенно в текстильной индустрии, чьи отцы были крепостными, выкупившими свою свободу, были из староверов. Они укрепляли репутацию наиболее честных бизнесменов России. Благополучные старообрядческие общины процветали не только на далеком Урале, вдоль русла Волги, но и в самой Москве.

Многие из исследователей склонны полагать, что связь, установленная Вебером между аскетическим кальвинизмом и развитием современного капитализма в Западной Европе, существовала и в случае со староверами в России. Биллингтон, к примеру, обнаруживает параллели между кальвинистами Западной Европы и русскими староверами прежде всего потому, что и то, и другое движение были не только пуританскими, заменившими сакраментальную церковь обращенным во внутрь аскетизмом, но и потому, что и те и другие видели в тяжелом труде единственное средство божьего избранничества (см.: Биллингтон Дж. Икона и топор. Лондон, 1966). С другой стороны, иные исследователи, например, Гершенкрон (Гершенкрон А. Европа в русском зеркале. Кембридж, 1970), напротив, приходят к заключению о том, что старообрядцы предоставляют нам совершенно уникальный случай тестирования веберовской гипотезы (или того, что они принимают за его гипотезу) именно для доказательства ее ложности. Согласно Гершенкрону, староверы никогда не покидали церковь во имя доктринальных различий; они как раз демонстрируют, что социальные условия гонимых и преследуемых групп есть самодостаточное условие для подталкивания их к профитной экономической деятельности и к выработке таких черт, как честность, бережливость, трудолюбие, зажиточность. В том же духе Крамми указывал на то, что с точки зрения учения староверы не отличались от официальной церкви (все отличия сводились к деталям ектлезиастической практики), а посему апелляция к веберовскому тезису несправедлива (в смысле сравнения старообрядцев с кальвинистами, в противном случае и староверы, и ортодоксальное православие должны были демонстрировать одина-

ковую степень успеха в экономике (см.: Крамми Р. Старообрядцы и мир Антихриста. Мэдисон, 1970). Взамен Крамми предполагает, что хозяйственный успех староверов происходит от их положения "парий" в обществе, наподобие тому же положению евреев, проанализированному в свое время Вебером.

С этим трудно согласиться. Если и правильно то, что еврейский образ жизни был автоматическим и систематическим, то он отнюдь не был мотивирован их положением "парий"; также маловероятно детерминировать хозяйственную этику староверов их позицией "парии" и только лишь. Ошибочно и обращение исследователей к доктрине, поскольку Вебер не выводил хозяйственную этику из теологических догм, а наоборот, как уже отмечалось выше, из психологической мотивации, вытекающей из концепций бога и спасения, и, с другой стороны, из самой организации церкви и епископальных институтов. Но об этом пойдет речь далее.

Вебер, конечно же, прекрасно осознавал тот факт, что национальные и религиозные меньшинства благодаря их вольному или невольному исключению из положения политического влияния всегда больше вовлечены в экономическую активность и что их наиболее способные члены искали удовлетворения желая быть "распознанными" по части их возможностей, и что не могло найти своего удовлетворения на службе у государства, то проявлялось в сфере хозяйствования. В этом смысле причины иного экономического поведения частично допускаемых религиозных меньшинств следует искать монокаузально в экстернатальных историко-политических условиях самих меньшинств, но в том числе и в характере их религиозной организации. Взглянем на староверов с этой точки зрения.

Старообрядцы по мере уменьшения влияния своих жрецов постепенно переродились в конгрегациональную религию, то есть религию, которая в большей степени испытывала на себе влияние мирян. Это можно сказать не только о беспоповцах, но и о поповцах, поскольку они подвергали ушедших из лоно официальной церкви священников и пришедших к ним, зачастую гонимых жадностью, уничижительной процедуре неправы и относились к ним скорее как к наемным работникам, которых можно было изгнать, чем как к своим религиозным пастырям. Власть и лидерство всегда находились в руках мирян, а это приводило к утверждению идеи, что посредничество между богом и человеком необходимо лишь крайне ограничено. Ответственность и жизненное поведение старообрядцев в таком смысле более автоматическими и систематическими.

Большая ответственность в жизненном поведении тем не менее не уводила старообрядцев от их традиционализма. Патриархальный стиль жизни и семейная дисциплина, наподобие описанной в "Домострое", весьма высоко почитались старообрядцами. В противоположность аскетическому протестантизму староверы всегда сохраняли магические и ритуальные аспекты своей религии (традиционное почитание икон и реликвий), и, таким образом, мир оставался для них магическим садом.

Более того староверы отличались от протестантов еще и потому, что в некотором роде они различали две этики - этику монашескую и этику светскую. Так, монашеская этика, практикуемая в скитах староверов, продолжала играть для них большую роль. Справедливости ради, отметим, что обычно в скитах было больше монахинь, чем монахов, но многие женщины, воспитанные в скитах, приносили в свои семьи более строгие этические и религиозные идеи, чем ушедшие в скиты взрослые женщины.

В отличие от английских пуритан староверы не несли политических идей русскому народу. Их отношение к миру предполагало не стремление к господству, но и не индифферентное к нему отношение, а скорее аттитюд некоторого терпения к миру с долей пассивного сопротивления.

Начиная с 1767 года Екатерина II издала законы, по которым дозволялось учреждение текстильных мануфактур без регистрации; это-то и было на руку непропорционально большому числу предпринимателей, которые принадлежали к староверам. Москва постепенно превращалась в город старообрядцев, переселявшихся с окраин империи. В течение этого периода официальной терпимости федосеевские купцы (федосеевцы - ветвь беспоповских староверов) основали в разгар эпидемии чумы в 1771 году так называемое Преображенское кладбище, совмещенное с госпиталем и домом для престарелых (приблизительно в это же время поповцы основали нечто подобное под названием Рогожское кладбище). Вскоре к этому добавились часовни, магазины и прочие жилые строения, и начиная с XIX столетия деятельность этих институтов, которые продолжали именоваться кладбищами, переросла в чисто коммерческую. Перефразируя веберовскую формулировку о том, что пуритане покинули монашеские кельи, дабы попытаться господствовать в мире, скажем, что федосеевцы стремились к личностному идеалу монаха, отрекающегося от мира, живущего в нищете и целомудрии. И если тем не менее стиль жизни федосеевцев приводил к постоянной аккумуляции богатств общины (а позднее и членов общины), то это был тот феномен, который многократно повторялся в истории монашеских орденов.

В 40-е годы XIX внутри стен кладбища - центральной коммуны монахов и монахинь - жило около полутысячи мужчин и свыше тысячи женщин, а за пределами стен множество светских последователей, которые в религиозном и финансовом плане были связаны с кладбищами. Вскоре кладбище приобрело монополистическое положение в производстве икон старого стиля, канделябров и священных книг. Более того, членам коммуны дозволялось на протяжении всей жизни продолжать свой собственный бизнес, временами совершая пожертвования, а временами и прибегая к общинной сокровищнице как к кредитодателю.

И поскольку в России по-настоящему не было кредитных или коммерческих банков вплоть до 60-х годов прошлого столетия, то общинные банки, учрежденные старообрядцами в силу своих убеждений о необходимости солидаристической помощи, имели особенное значение. Крепостные могли обратиться за кредитом для собственного выкупа при условии присоединения к федосеевскому кредо и дисциплине и при условии создания предприятия кладбища для покрытия долгов. Экономическая и финансовая деятельность кладбища контролировалась консулатом из 26 человек, многие из которых были весьма известными купцами, которые также могли обратиться в коммуну за кредитом и за инвестициями для собственных предприятий. Выдача инвестиционного капитала была важнейшей экономической функцией кладбища.

В XIX веке старообрядцы были уже среди богатейших купцов Москвы. Они использовали свои накопления тогда, когда необходимо было защитить себя от преследований, для взаимной солидаристической помощи и для улаживания дел с коррумпированной администрацией. Приватный стиль старообрядцев (предпринимателей и купцов), по крайней мере, на первых порах выдерживался на весьма умеренном уровне. Даже богатые предприниматели, обладающие миллионами, жили со своими семьями в небольших и жалких лачугах, не ку-

рили, не пили и растили длинные бороды. Их аскетический стиль жизни, естественно, способствовал накоплению собственности. Те, кто принадлежал к федосеевцам, отказывались от еды и питья с членами официальной церкви, а нередко и с другими старообрядцами. Их ритуализм скорее напоминал нечто схожее с индейскими кастовыми правилами, безусловно, препятствовавшими развитию рационального жизненного поведения.

Суждение Макса Вебера относительно староверов весьма примечательно нюансами: очевидно, в начале XX века они представляли собой вполне культурно и экономически обособленную группу. В нижних стратах ее, по Веберу, без труда можно обнаружить подлинную веру в то, что миром правит Антихрист, а, соответственно, аполитичный аттитюд; верхние же страты, отчетливо индивидуалистически настроенные элементы, по своим капиталистическим возможностям схожи с другими сектантами, словом - это был весьма оппортунистический высший эшелон. Вебер также подчеркивал, что характерной чертой хозяйственной и политической этики русских рационалистических сект (хотя и не всех русских сект) был отпечаток собственно раскола, то есть обращенного вовнутрь аскетизма. В самом деле, обращенный вовнутрь себя аскетизм, обнаруживаемый у многих старообрядцев, был надломлен традиционализмом и ритуализмом, табу и магическими влияниями на поиск спасения. И то, что сказано в "Домострое", было в большом почете у старообрядцев, особенно то, что касается бережливости в патриархальном хозяйствовании, в правилах многих общин относительно тяжелого труда и никак не может быть сопоставимо с религиозными мотивами аскетического протестантизма, который приводил к поиску подтверждения собственной ценности во внутримировом призвании и стремлении господствовать через рациональные обращения вовнутрь действия. Протестантская этика и дух капитализма, индивидуалистический аттитюд, объективирующий отношения между людьми, не обнаруживается в стиле жизни старообрядцев. И хотя в некотором смысле их учение может быть интерпретировано как стремление к жизни в бедности и противоборствующее техническим инновациям как деяниям дьявола, они тем не менее немало привнесли в копилку индустриализации России в XIX столетии. Но следует также принять во внимание и то, что аскетический отказ от потребления и воззвания в пользу бедности очень часто парадоксально производили экономический рационализм и многое сделали для благопроцветания ряда западных монастырей, и что подобный этический аттитюд сделал многое для хозяйственного благосостояния старообрядцев. "Дух" старообрядцев, несмотря на "антимаммонистический" настрой их веры, произвел на свет экономический рационализм, даже если он и был частично надломлен традиционализмом и ритуализмом. Постоянный рост личностной ответственности и систематический стиль жизни, производимые конгрегациональной религией, усиление солидаристической взаимной помощи, коммунальные банки и концепция собственности, которые частично были результатом воздействия самой религиозной организации, внести свой существенный вклад в хозяйственный успех староверов. Безусловно, преследования со стороны правительства и официальной церкви, исключение из общественной жизни, как кажется, лишь усиливали индивидуализм и коммерсализацию. Нечто подобное произошло и со многими другими меньшинствами в истории - армянами, евреями, коптами, персами.

## Русские секты

Староверы отличались от русских сект, по крайней мере, тем, что они апеллировали к старой интерпретации православия, в то время как сектанты создали совершенно новые системы веры, проявляли весьма слабый интерес к ритуалу, хотя во многих аспектах русский сектарианизм отнюдь не был инновативным. Сектантство, по мнению К.К.Грасса, являлось попыткой обращения монашеского аскетизма в рекомендуемый для всех мирян стиль жизни, то есть являлось попыткой уничтожения разницы между монахами и мирянами, устанавливаемой официальной церковью (см.: Грасс К. К. Русские секты. Т. I. Лейпциг, 1904. С. 320). Если мы согласимся с Грассом, тогда очевидна параллель между русскими сектами с западноевропейским протестантизмом, который также уничтожал разницу между религией "виртуозов" и светскими массами. Однако если протестантский аскетизм, ориентированный во внутренний мир, результировался в стремлении к господству в миру, то уводящий от мира аскетизм "хлыстов отличался скорее безразличием к внешнему миру.

В целом же "христововерие" может быть охарактеризовано как комбинация методического увода от жизни с экстатическим радением, который, как, впрочем, и всякий экстаз, никак не влияет на постоянство в поведении людей и оставляет лишь небольшие "зарубки" на повседневных образцах, а тем более на хозяйственной этике. И все же этот парадокс, как мы увидим, приводит к некоторому постоянству в формах стилей жизни.

Подобно тому, как литургия эвхаристии в православии изначально предполагала веру в секретные формулы, так и хлысты призывали своих последователей держать свою веру в таинстве. Причем это отнюдь не было только следствием преследований, от которых хлысты очень страдали, но и было связано с уверенностью в то, что происходит потеря святого духа, если поведать о нем тому, кто не инициирован в таинства веры. На их хозяйственном положении положительно сказывалась почитаемая ими честность, трудолюбие и солидарность, что тесно связано также с конгрегациональными основами их верования. Ценилось у них одалживание денег под процент, в целом любая коммерция, хотя они отвергали всякую возможность продавать сельскохозяйственную продукцию выше рыночных цен. О хлыстах следует сказать (как, впрочем, и о староверах), что они репрезентировали нравственные идеалы русского народа куда последовательнее, чем все остальные.

Существует множество гипотез о происхождении секты хлыстов. Но именно гностическая интерпретация космического дуализма, выраженного в том числе и в его иррациональных последствиях, как-то: уводящий от мира аскетизм, экстатические танцы как средство спасения, временное радение как цель спасения - не дает ровным счетом ничего для создания рационального типа поведения. При этом мы, конечно же, не отрицаем, что экономный стиль жизни конгрегационалистов создает у их последователей относительно устроенный порядок в экономическом положении.

Пока хлысты интерпретировали свой аскетический стиль жизни как подготовку к экстатическому радению, которое только одно и может дать спасение, скопцы настаивали на том, что только кастрация может дать спасение. Все остальное - вторично. В сравнении с хлыстами, они были аскетической сектой по определению. Первоначально они также предавались экстатическим танцам, однако это не оказалось связанным с их главным средством спасения - через кастрацию и другие аскетические процедуры (отказ от употребления мяса и ал-

когельных напитков, отказ от веселья, отказ от бесцельных прогулок и т.п.). Брак запрещался, хотя некоторым скопцам иногда разрешалось сохранять свой женатый статус (из-за опасения быть распознанными властями), однако, безусловно, при сохранении жизни "в целомудрии". Свобода от страстей и желаний, вызванная полной кастрацией, расценивалась ими как средство спасения. Сексуальное воздержание выступало темой многих молитв, так же как и отказ от суетного богатства.

Постепенный отход от экстатических средств спасения (из-за противоречия между кастрацией как единственным средством спасения и традиционными экстатическими танцами) и ледяной индивидуализм, который естественно следовал после кастрации, создали безличностный и рациональный тип поведения хлыстов, более сравнимый с аскетическим протестантизмом, причем не только в религиозных аспектах, но и в политической и экономической сферах.

Несмотря на их крайне незначительное число скопцам все-таки удалось добиться больших хозяйственных и финансовых успехов (даже несмотря на все преследования). Но все же следует задаться вопросом, оказывала ли их религия мотивирующее воздействие на их тип экономического поведения? Гораздо больше, чем хлысты, скопцы предпочитали жить в городах, где они занимались в основном ремеслом по золоту, коммерцией, индустрией и банковским делом. Часто полагают, будто они предпочитали городские профессии только потому, что это освобождало их от тяжелого сельскохозяйственного труда. Однако хорошо известно, что в сибирской ссылке жило много скопцов - прекрасных фермеров и ремесленников - красноречиво отличающихся от своих бедных соседей.

Обычно "корабли" (термин местных конгрегационалистов) купцов и промышленников основывались в таких местах, как Санкт-Петербург, Кострома, Саратов и Тула, а оскотенные крестьяне прибывали из близлежащих деревень в эти центры для того, чтобы работать на своих предпринимательскопцов; среди них нередко оказывались и женщины, которые также предпочитали работать на них в мастерских, организованных по принципу народной артели. В свое время Никольский пытался объяснить благосостояние и успех скопцов-предпринимателей эксплуатацией "послушных отар" рабочих, однако нам представляется, что гораздо важнее то, что Никольский говорил об их социальном положении в обществе: люди, вошедшие в секту и кастрированные, были тем самым полностью изолированы от всего остального мира; они были отгорожены от своих семей или от самой возможности завести традиционную семью; а если они были вырваны из привычного крестьянского окружения и прибывали в города, то встречались там с подобными себе людьми, которые поворачивались ко всему миру спиной. В этой специфической среде все старые идеи и ожидания менялись, складывалась новая социетальная форма с новой идеологией. В сознании скопцов сепарация индивида от прочих социальных уз вела к индивидуализму без иллюзий, исключала всякий традиционализм и открывала дорогу к чисто рациональному и безличностному действию. Неудивительно поэтому, что, с одной стороны, умеренность и трудолюбие скопцов восхвалялось, хотя, с другой, их поведение нередко интерпретировали как коварное, вредоносное, жестокое только лишь потому, что они не оправдывали никаких традиционалистских ожиданий.

Поскольку они делали упор в основном на аскетизм в противоположность мистицизму официальной православной церкви и поскольку они редуцировали пневматическую христологию хлыстов, скопцы менее всего были склонны счи-

тать себя орудиями божественного духа, скорее - орудиями планового мира, в котором Христос и Селиванов (их глава) играли центральную роль. Их аттитюд отрицал мир и тем не менее был повернут к миру (в экономическом и политическом смысле), ибо они полагали, что их задача способствовать росту числа скопцов во имя сотворения царствия скопцов на земле. Но поскольку царствие скопцов виделось весьма далеким, то неизбежно возникал вопрос о таком реформировании русской империи, чтобы скопцы могли весьма эффективно управлять ею.

Политические прожекты скопцов оказались куда менее удачными, чем их успех в экономике и финансах. Стремление к богатствам, с одной стороны, мотивировалось обстоятельствами (во имя финансовой возможности давать взятки официальным лицам для погашения временами разворачивающихся преследований секты); в то же время щедрые дарения православной церкви и монастырям также были необходимы скопцам по пропагандистским и политическим соображениям, несмотря на все презрение, которое в сердце своем они испытывали к ним.

Но не следует при этом забывать и о внутренней мотивации; прежде всего, хладный индивидуализм скопцов вел к объективации и далеко не братской расчетливости в человеческих отношениях; с другой стороны; отрицание сакраментальных средств спасения и связанный с этим аскетический стиль жизни; запреты на все радостные мирские забавы и необходимость экономизировать и спасать все то, что из этого проистекало. При этом все эти мотивы умножались и контролировались жесткой конгрегациональной дисциплиной и обязанностью по отношению к наступающему царствию скопцов. Совершенно справедлив Макс Вебер, полагавший, что рационально-аскетические русские секты (но не все секты) обладали экономическими чертами, близкими аскетическому протестантизму, а скопцы создали наиболее крайнюю комбинацию качеств предпринимательства с этическим отрицанием мира.

В другой секте, у духовоборов, среди причин к возрастанию капитала и благосостояния также не последнюю роль играла религия. Они также отрицали иконы и ритуалы как средства спасения. Только лишь добродетельная жизнь (важнейшей характеристикой которой выступал ручной труд) может привести к спасению или, по крайней мере, может выступать его симптомом. Но они прибегали и ко взаимному контролю над поведением, что создавало эффект конгрегациональной дисциплины внутри самой общины, так как они стремились иметь по минимуму связи с другими людьми, дабы предельно ослабить их влияние.

Молокане придерживались взгляда на бога как на трансцендентальное начало в их жизни; они отрицали православный ритуал и священничество, хотя не отвергали полностью все остальные религиозные институты; они имели своих собственных пресвитеров и свои собственные религиозные нормы. Крещение для них выступало не одноразовым ритуальным актом, а постоянным содержанием всей жизни. Они утверждали умеренность, честность и трудолюбие, а тезис о том, что каждый зарабатывает хлеб свой насущный собственным трудом. Монашество отвергалось в силу его "глупости".

Все эти черты, сильно напоминающие протестантизм, как-то: валидность Библии, особый тип религиозной службы, принижение значимости сакраментального, "духовных" интерпретаций, как влияющих на рациональное поведение - при этом сильно контрастируют с западно-протестантскими идеями, так как сводят на нет все тенденции по направлению к аттитуду господства над

миром.

Русское сектантство не знало лютеранско-кальвинистской идеи оправдания. В действительности многие догмы, причем не только молокан, но и почти всех русских сект, выглядят вполне аморфными из-за полного отсутствия организационной структуры в масштабах всей страны и институтов теологического обучения.

К этому следует добавить и нерешительность (неопределенность) в их отношении к миру. Поскольку они решительно отвергали сам мир, то вопрос о том, должен ли этот аттитюд привести к действиям, ориентированным лишь на внутренний мир человека, или к отрицанию самой идеи торжества в мире, остается нерешенным. Несмотря на свой активный образ жизни, ориентированный к миру, несмотря на то, что они никогда не отвергали царизма и всегда старались приспособиться к условиям империи, молокане также считали, что земная власть и человеческие законы значат что-либо лишь для "детей мира" и бессмысленны для "духовных христиан"; но они же, правда, отрицали крепостничество, военную службу, клятвоприношения, полагая, что лучший способ жизни для них - скрываться от государства, наподобие ранних христиан.

Словом, вопреки своим смешанным отношениям к внешнему миру, акцент, сделанный ими на конгрегационализме и отчетливо "протестантских" аспектах религии, дал многое для экономического успеха молокан. В сравнении, скажем, с православным населением Амурской губернии молокане составляли самую богатую группу населения. Они стояли во главе всех хозяйственных и публичных органов региона, контролировали ведущие компании, финансовые институты. Не меньшим был их экономический успех и в Закавказье.

Разница между молоканами и духоборами, приведшая к большому экономическому успеху молокан, заключалась прежде всего в наличии у них общего школьного образования и стремлении не попасть в гетто (несмотря на все сложности отношений с государством). К этому, правда, следовало бы добавить и разницу в отношении к баптизму (крещению) и концепции трансцендентального бога. В целом же молокане обладали более рациональной этической конгрегациональной религией, которая, согласно Веберу, сочеталась с постоянством капитала и рациональным предпринимательством во имя накопления прибыли.

#### Заключительные ремарки

Православная церковь предлагала людям разные формы спасения, требования к которым варьировались в зависимости от социальной стратификации. Крестьянские массы с их магическим мировоззрением разительно отличались от персоналистского идеала монашества, больше ориентированного на мистическое мировоззрение. В противоположность западной церкви, которая культивировала аскетические, но к миру ориентированные добродетели, в которой обращенный вовнутрь и мироуправляющий священник ценился выше монаха, в восточной церкви монах, уходящий из мира или по крайней мере безразличный к миру, инспирировал мистическое содержание спасения, а посему ценился выше обычного священника. Активная, ориентированная на господство в мире личность - специфический идеал западной личности, сделавший очень много для становления экономической этики - не имеет ничего общего с идеалами православной религии.

Старообрядцы и секты привнесли в русскую традицию новую струю. Секты

привлекали к себе наиболее интеллектуальные и энергичные слои русского населения; они неизменно продолжали расти численно, особенно после отмены крепостничества и правовых реформ. Тем не менее, в двух аспектах они адаптировались к духу и условиям русско-православного христианства. С одной стороны, их стремление к независимости от патримониального государства вряд ли было достижимо, и это неизбежно приводило к пассивному аполитизму и морали "парий"; в некоторых случаях, правда, особенно в вопросах военной службы, это приводило к сложным конфликтам с политическими властями. С другой стороны, староверы, как и многие сектанты, продолжали развивать акосмический (как писал Вебер) и мистический характер русско-православной религии и специфическое естественное право, основанное на концепции общинности, а не на концепции общества, выражавшее самое себя в требованиях к общинной собственности на товары или средства производства.

Религия как старообрядцев, так и сектантов была религией конгрегационалистов, то есть они объединялись в аполитические религиозные коммуны, в которых миряне нередко играли ведущую роль на фоне своих пророков, интеллектуалов яда администраторов традиции. Подобные рационально-этические конгрегациональные религии сочетались нередко, причем не только на Западе, с экономическим саморазвитием, даже если, как в случае со староверами, традиционализм и ритуализм оказывали разрушительное воздействие на это развитие. Отрицание многими русскими сектами религиозных обрядов, икон и сакраментальности, то есть отрицание магического начала как средства спасения, неизбежно приводило людей к поиску спасения путем своих собственных усилий без каких-либо посредников между ними и спасением. А это приводило к рационализации типа поведения, а также и экономического поведения, если, конечно же, спасение не понималось как временное радение, а как постоянство в этосе. Это было свойственно хлыстам, в некотором смысле скопцам, но в особенности и наиболее отчетливо секте молокан. В противоположность староверам русские секты, по крайней мере с момента развития идеологии "духовных христиан", полностью отвергли разграничение между монашеской этикой и этикой мирян, но ...без последствий для протестантской этики (в западном смысле понятия).

В истории немного случаев, когда крестьянство присоединялось к немагическим, рационально-этическим религиозным движениям, особенно в христианстве паганцы и крестьяне были фактически уравнены, а в средневековый период церковь считала крестьян христианами нижнего ранга. Вебер отмечал, что русские сектантские крестьяне оборачивались против официальной церкви, как союзника финансовой и земельной аристократии, но и тот же Вебер нередко говорил о "пария-интеллектуализме" русского крестьянства, которое находилось на дне социальной иерархии, не побуждаемое материальными соображениями, было способно на своеобразное отношение к миру и глубокие нравственные чувства.

Русское сектантство было трансфигурировано народничеством, аграрно-коммунистическим протестом против рационализма модерна в семидесятые годы прошлого столетия; а даже при режиме большевиков в Советском Союзе власти отзывались об экономических способностях сектантов, а вплоть до двадцатых годов религиозно-сектантские колхозы получали особую финансовую помощь государства. Эта политика, как нам кажется, исходила из того, что (это, кстати, и вывод настоящего исследования) не только политические и экономические системы, но и экономическая этика (в этом смысле всех: сектантов,

официальной церкви, староверов) сделала многое для экономического развития России не только в прошлом, но, видимо, и в настоящем<sup>7</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ ШЕСТОМУ

<sup>1</sup> Williams Robin M. Change and Stability in Values and Value Systems: A Sociological Perspective // Understanding Human Values. Individual and Societal. N.Y., L., 1979. P. 15-46.

<sup>2</sup> Kugel Y., Gruenberg G. Models of Ethical Behavior // Ethics Perspectives on Business and Society. Massachusetts. 1977. P. 1-4

<sup>3</sup> Josephson M. Ethics in Business: an Overview // Ethics: Easier said than done. Josephson Institute. 1988. P. 40-43.

<sup>4</sup> Ibid.. P. 49.

<sup>5</sup> Cooke R. A. Danger signs of unethical Behavior horn to determine of your firm is al ethical risk // Journal Business Ethics. 1991. N 10. P. 2J1-252.

<sup>6</sup> Kolm Serge-Christophe. The Freedom and Consensus Normative Theory of the State: Liberal Social Contract // Individual Liberty and Democratic Decision Making. Tubingen, 1987. P. 98-118.

<sup>7</sup> Buss Andreas. The Economic Ethics of Russian-Orthodox Christianity // International Sociology. 1989. Vol. 4. N 3. P. 235-258; N 4. P. 447-472.

## Раздел седьмой

### Этюд о "русской тройке"

"Забуксовал" совхозный механик Роман Звягин. Вот наказание-то! Это ж надо так... забуксовать. Вот же зараза-то еще - прилипла. Надо же!...". "Забуксовал" на своем открытии, сделанном вдруг, герой рассказа В.Шукшина.

Роман Звягин заставлял сына учить школьные уроки вслух. Валерка зубрил "Русь-тройку" из "Мертвых душ".

"- Валерк! - позвал он. - А кто на тройке-то едет?

- Селифан.
- Селифан-то Селифан. То ж - кучер. А ж кого он везет-то, Селифан-то?
- Чичикова.
- Так... Ну? А тут - Русь-тройка... А?
- Ну. И что?
- Как что? Как что? Русь-тройка, все гремит, все заливаается, а в тройке - прохиндей, шулер...

До Валерки все никак не доходило - и что?

- Да как же?! По настоящему заволновался Роман, но спохватился, махнул рукой. - Учи. Задали, значит учи. - И чтоб не мешать сыну, вышел из горницы. А изумление все нарастало. Вот так номер! Мчится, вдохновенная богом! - а везет шулера. Это что же выходит? Не так ли и ты. Русь?!.. Тьфу!...".

Казалось бы, консультация учителя должна была снять проблему.

"Николай Степаныч засмеялся. Но Роман все смотрел ему в глаза - пытливо и требовательно.

- Да нет, - сказал учитель, - причем тут Чичиков?
- Ну, а как же? Тройке все дают дорогу, все расступаются...
- Русь сравнивается с тройкой, а не с Чичиковым. Здесь имеется... Здесь движение, скорость, удалая езда - вот что Гоголь подчеркивает. При чем тут Чичиков?

- Так он же едет-то, Чичиков!

- Ну и что?

- Да как же! Я тогда не понимаю: Русь-тройка, так же мол... А в тройке - шулер. Какая же тут гордость?

Николай Степаныч, в свою очередь, посмотрел на Романа... Усмехнулся.

- Как-то вы... не с того конца зашли.

- Да с какого ни зайдя, - в тройке-то Чичиков. Ехай там, например... Стенька Разин, - все понятно. А тут - ездил по краю...".

"Не приходило в голову" учителю. "Надо сказать, что за всю мою педагогическую деятельность, сколько я ни сталкивался с этим отрывком, ни разу вот так не подумал. И ни от кого не слышал. - Николай Степаныч улыбнулся. - Вот ведь!.. И так можно, оказывается, понять. Нет, в этом, пожалуй, ничего странного нет..."

А приходило ли в голову ученым? По версии литературного критика Аркадия Белинкова, птица-тройка неотвратимо и безудержно стремилась в будущее с такой скоростью, что исследователи "просто не успели заметить" то решающее обстоятельство, что "тройка была заложена в бричку, а в бричку был заложен Павел Иванович Чичиков"<sup>1</sup>.

"Не приходило в голову". А если б пришло, то "забуксовали" бы сегодня не только все учительское сословие, не только исследовательский корпус, но общественное мнение в целом: ситуация такова, что Чичиков-комбинатор персонафицирует некий парадокс переходного - к рынку - периода. Отмеченный еще Д.С.Мережковским парадокс этот оказывается настолько современным, что нынешний публицист принялся размышлять вслух: "А что, если Чичиков и впрямь человек русского будущего, что если именно он и ведет нас в светлую даль?"<sup>2</sup>. И хотя, по мнению автора, "славянофилы смущены, а русофобы не могут скрыть довольной усмешки", подобная мысль "на данном завитке русской истории... не кажется такой дикой".

"Дикая" или нет, но мысль эта не дает возможности уклониться от ее обсуждения. Именно в рассуждениях, предстоящих нам в этом разделе об этике современного отечественного предпринимательства, такая актуализация классического художественного образа может дать своеобразную настройку всему процессу исследовательского поиска. А ведь и век назад и сегодня образ Чичикова воспринимается моралистической традицией как абсолютный негатив; наше образование и воспитание сориентированы на прямое отождествление этого образа с вечным антигероем, для которого в "светлом будущем России" нет и не может быть места.

И вот... "Возвращение Чичикова". Мало того, заговорили о реабилитации. Причем "никаких гипербол тут нет и быть не должно: Павел Иванович действительно нужный России человек; мы наконец-то подошли к краю такого понимания", - со всей определенностью полагает Б.Парамонов.

"Возвращение Чичикова". "Чичиков в роли Чацкого". "Разлюби быструю езду, русский человек". Случайны ли совпадения и переклички заголовков статей в популярных сегодня газетах, прямое или косвенное обыгрывание образов "тройки", ее "седока"? Ассоциации и сценарии весьма своеобразны. Здесь и образ тройки, трансформировавшейся... в тачанку. И версия выбора пути для объезда грязи, луж, вынуждающих петлять, идти в обход и по кривой: "Нам прямой путь заказан". И многозначный смысл образа седока: "Россия во мгле? Врешь, мужик. Россия в мыле! Россия хрипит и топчет, и скачет, как шарашливая лошадь по степу, зноем раскаленном. И все по кругу! И масть у ней каждый раз почему-то новая, только у седока-наездника лицо неизменное, и где-то я его видел..."

Чичиков - нужный сегодня человек? Ну, пусть "нужный". Но ведь не как эталон добродетели, не как нравственный герой? А общество задыхается сейчас прежде всего в моральном вакууме, напряженно ищет нравственный идеал. Ищет, разумеется, в нравственном опыте народа. Сколько уже раз в наши дни возникали надежды на коррекцию, которую можно было бы извлечь из сравнения того, "что народ сам о себе говорит, с тем, что о нем предполагают поводыри-наездники". И вот уже "бессмертные заповеди национального героя" в сказках об Иване-Дураке другой современный публицист комментирует в прямом "античичиковском" - "антипрагматическом", если угодно, "антипредпринимательском" и т.п. - духе. В сказке "Сивка-бурка" он обращает внимание на то обстоятельство, что место "народного фаворита" было на печи, а братья его вели хозяйство и торговали. Но не трудолюбивым братьям, а Иванушке отец отдал Сивку-бурку. И потому Иван стиля жизни не менял, добиваясь успехов "путем нещадной эксплуатации природных способностей Сивки-бурки". В сказке "Иван бесталаный и Елена Прекрасная" публицист выделяет сообщение о главном герое: "Всякое дело у Ивана из рук уходит, всякое дело ему не в поль-

зу и не в прок, а все поперек".

И вот развернутое рассуждение публициста. "...Основные заповеди Иван декларирует в апофеозной сказке "По щучьему веленью", где он действует (точнее - бездействует) под псевдонимом Емеля-дурак. "По щучьему веленью, по моему хотенью" колются сами собой дрова, таскается вода, ездит печь, давя пешеходов, свергаются цари и строятся каменные дворцы с золотой крышей, очень похожие на коммунизм. Причем здесь евреи, немцы и большевики? Коммунизм - это давнишняя типично русская мечта, чтоб именно "по щучьему веленью", чтоб "пойти туда - не знаю куда, принести то - не знаю что", а в итоге зажить с красивой бабой на берегу моря назло примерным работающим братьям. Как говорится, русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь. Поэтому, когда очередной отечественный мечтатель уверяет, что наш человек стосковался по серьезному делу, что надо только слегка раскрепостить его дремлющую энергию - и пойдет лесорубка, я слышу лукавый Емелин шепот: "Это зачем? Мне и на печи тепло, я вас всех и с печи вижу! Полезный наша-тырь от иллюзий..."<sup>3</sup>.

Разумеется, важна критически отстраненная позиция, чтобы понять связь типа цивилизации с национальным характером. По мнению И.Мартынова, "цивилизация - это не только высокий уровень экономики, культуры или сервиса. Это наилучшая приспособленность жизни страны к характеру, норову ее народа". Потому-то автор иронически предлагает проект такого приспособления, вплоть до извлечения выгоды из своих недостатков. "Ну не присущи нам усидчивость и бережливость. Ну не дано нам преуспевать в экономике или иметь ухоженные дороги. Но почему бы тогда не сдать свое бездорожье в аренду под испытательные пробеги западных автомобильных фирм? Пусть себе тренируются на раздолье! А вороватость наша? Так ли убыточна? Отчего бы не устроить для иностранных туристов толстосумов экзотический тур "Быть обворованным в Москве?.."

Трудно не понять воспитательной намеренности в односторонней интерпретации автором образов русских народных сказок. Критическая трезвость в понимании нравственных традиций - условие верного диагноза и прогноза, возможных сценариев реформ. И основания такой намеренности - в понимании значимости культурных стереотипов. Однако вполне возможна и иная интерпретация. В фольклорной мудрости заложена и парадоксальность: речь может идти о том, что нравственное сочувствие и сказителя, и читателя (слушателя) связано с теми общечеловеческими качествами народного героя, которые объективно отчуждаются у "человека дела", попадают в зону повышенного морального риска именно благодаря специфике предпринимательской деятельности. Ведь в традиционном народном сознании Иванушка отпускает Сивку, а Емеля - рыбку не корысти ради ("я тебе отслужу"), а из жалости, по доброте душевной.

Что касается "антипраксиологической" интерпретации этого образа, то она не столь самоочевидна, допуская отношение к нему как человеку, "обреченному на успех". Специальные исследования выдвигают версию, согласно которой Иван-дурак "воплощает особую сказочную стратегию", которая исходит из собственных - нестандартных - решений, нередко противоречащих здравому смыслу, а сказки, в которых Ивану-дураку "просто везет", оценивают как результат определенной вырожденности"<sup>4</sup>.

Парадокс философии успешной деятельности в образе Ивана-дурака многогранен. Первый вариант: он выполняет поручения "в соответствии с его "глу-

постью" крайне неудачно: кормит клетками свою собственную тень; выдирает глаза овцам, чтобы они не разбежались; ... солит реку, чтобы напоить лошадь и т.п.". Второй вариант: он применяет правильные знания неадекватно ситуации - "танцует и радуется при виде похорон, плачет на свадьбе и т.п.". Третий вариант: кажущиеся бессмысленными и бесполезными поступки Ивана-дурака раскрывают свой смысл в дальнейшем: "Отправившись служить, чтобы выбраться из нужды, Иван-дурак отказывается при расчете от денег и просит взять с собой щенка и котенка, которые спасают ему потом жизнь; увидев горящую в костре змею, Иван-дурак освобождает ее из пламени, а она превращается в красную девицу, с помощью которой он получает волшебный перстень о двенадцати винтах...". Есть и инвариант этой философии успеха в модели Ивана-дурака: "С помощью волшебных средств и особенно благодаря своему "неуму" Иван-дурак успешно проходит все испытания и достигает высших ценностей"<sup>5</sup>.

Принимая эту версию мифологемы об Иванушке-дурачке, вполне можно предположить, что по сказкам о нем можно создать не менее полезную книгу жизненного успеха, чем у Дейла Карнеги. Разумеется, в сказке нет образа "делового человека", но нет в ней и априорного приговора отечественной этике гражданского общества, основанной для утверждения об абсолютной моральной неприкаянности отечественного предпринимательства.

Не об ангельской чистоте, но о нравственном полифонизме образа идет здесь речь, о многоцветии добра и зла, бескорыстия и пользы. Без учета взаимообусловленности этих акцентов малоэффективными окажутся попытки привить культуру успеха, рожденную в традициях западной цивилизации, на отечественную почву. И тридцатитрехлетнее сидение Ильи Муромца на печи, и коэффициент интеллектуальности Иванушки-дурачка с точки зрения, например, американских критериев оцениваются вполне однозначно. Характерный аргумент в пользу принципиальной значимости различий в мировоззренческих пластах морали, в смысложизненных измерениях морального выбора приводит публицист А.Васинский: "Есть у американцев, пусть они не обижаются, какое-то простодушное убеждение, что с любой сложностью можно справиться, если владеешь методикой ноу-хау. Известный сердцевед Дейл Карнеги, книги которого и у нас раскупаются втридорога, обнаружил именно эту американскую самоуверенность. Достаточно сравнить, что он вскользь написал о бегстве Толстого и что написали на эту тему Мережковский или Шкловский, чтобы понять, о чем идет речь. Представляю, что мог бы написать Дэйл по поводу неадекватного поведения и состояния духа нашего Федя Протасова, героя толстовского "Живого трупа". Так и видишь, как умный прагматик трезво апеллирует к здравому смыслу Федя, учит его аутотренингу "против тоски и депрессии", тестам на умение расположить к себе окружающих и находить себе друзей, и как Дейл, постепенно теряет терпение, видя, что этот русский (Федя) не усваивает его ясные, бесспорно, идущие на пользу советы и даже не слушает его, а рассеянно смотрит куда-то в русскую даль и даже находит в своей тоске какое-то странное варварское оправдание..."<sup>6</sup>.

Последнее рассуждение "оправдывает" следующую реплику нашего "запева" к разделу - о несказочной литературе. Доминирующая традиция российской художественной литературы, классики в первую очередь, заключалась в явном моральном предпочтении образу Обломова, а не образу Штольца, в негативной оценке морального потенциала предприимчивости, противопоставлении Морали и дела таким образом, что деловой человек не мог рассматриваться в качестве подлинно духовной, нравственной личности. Такая роль отече-

ственной художественной классики, отражающей и выражающей моральную изоляцию буржуазии, не может не влиять и на процесс современных нравственных исканий.

На таком фоне версия о Чичикове как о положительном герое будущей России действительно парадоксальна. Но парадоксальна лишь в том случае, если, во-первых, не конкретизировать употребляющееся при характеристике этого образа понятие "мораль". "Художественный инстинкт гения вел Гоголя в нужном направлении, - отмечает Б.Парамонов. - Погубила же книгу - и самого автора - мораль. И тут, конечно, не одного темного отца Матвея Ржевского следует винить, но и буквально все окружение Гоголя - от славянофильских друзей до западных оппонентов. В русское сознание - сознание Гоголя в том числе - не влезла мысль о дельце, да еще плутоватом, как о позитивном герое". Парадоксально, во-вторых, если за внешним парадоксом увидеть экзистенциальное противоречие. "Тройка" Чичикова превратилась в птицу-тройку лишь потому, что цель движения являлась и целью пути жизненного, формируя атрибутивное противоречие пути к Богатству и пути к Истине.

Здесь мы следуем тезису А.Белинкова о том, что "неотложной задачей является синтезирование тройки, брички и Чичикова, потому что до сих пор тройка, летящая в грядущее, совершенно ненаучно отрывается от брички, а бричка - от Чичикова"<sup>7</sup>. Следуем с помощью специальной работы Игоря Золотусского "Тройка, копейка, колесо", в которой анализируется цепь гоголевских символов<sup>8</sup>.

Автор исходит из того, что парадокс Чичиков - седок "Руси-тройки" контрастнее, дополнительно ярче проявляется при обращении к "тройке Чичикова". По мнению критика, образ Руси-тройки был бы у Гоголя непонятен, неполон, беден, если бы мы не соотнесли его с тройкой Чичикова. "Сближая этот образ с той живой тройкой, из которой он вылеплен, мы осязаем его плоть и мечты-мысли автора".

Исследователь показывает, как совпадает изменение жизненных целей Чичикова и его самого с превращением лошадки, известной у лошадиных барышников под именем "сороки", в гнедого, каурого и чубарого, которые запряжены в бричку; самой брички, скромного "дорожного снаряда", в колесницу", которая несется в конце поэмы. "И этот "дорожный снаряд", в котором восседает Чичиков, Гоголь превращает в птицу-тройку? Да, этот. Потому что цели Чичикова в дороге меняются. Потому что меняется сам Чичиков. Потому что везет Чичикова колесо, и подчиняется оно не Чичикову, а автору, и, кроме того, колесо - это круг, и Чичикову в поэме придется возвратиться на круги своя".

Тройка Чичикова превратилась в птицу-тройку и в Русь благодаря экзистенциальной цели: "Чичиков гоняется за своей копейкой, он носится по свету, убегая от смерти, а та настигает его, становится поперек дороги и говорит: помни!", - отмечает И. Золотусский. Цепь символов писателя выстраивается по строгому алгоритму: "колесо - дорога (переходящая в путь) - ревизская душа (она же копейка) - капитал - миллион - ревизия (смерть и суд) ... Где колесо, там и дорога, где деньги, там и ревизия". Но эта ревизия не позволяет одномерного подхода к жизни и деятельности Чичикова, не дает исчерпать его характеристику зачислением в "подлецы". По мнению И.Золотусского, "подлец" - это еще только кличка, наклейка, знак, который каждый бы - по первому впечатлению - навесил на героя Гоголя. Сам автор, несмотря на то, что он видит в его душе "страшного червя", пожирающего "жизненные соки", видит и душу, может быть, "рожденную на лучшие подвиги". ...Недаром Достоевский считал

Чичикова одним из немногих героев русской литературы. В его списке Чичиков стоит рядом с Онегиным и Печориным, которых никто, надеемся, еще не считал "подлецами".

Итак, парадоксальность версии о Чичикове как герое будущего России очевидна. Парадокс этот - не вымысел. Но спросим себя: кто - или "что" - виноват в этом парадоксе - мораль? дело? А может, надо анализировать и уточнять: какая мораль? какое дело? какой способ их сочетания? И тогда за внешней парадоксальностью может обнаружиться более фундаментальное противоречие, а может, наоборот, их тотальное единство?!

Хотя, разумеется, парадоксальности шокируют не каждого. Вот, например, Б.Парамонов приводит сравнение, на его взгляд, весьма убедительное. "Вспомним Остапа Бендера, любимца советской читающей публики. Кто возьмется оспаривать, что это законный наследник Павла Ивановича, его советская модификация? И как понятны муки Остапа именно нынешнему советскому человеку, которому семьдесят лет коммунизма не только не давали разгуляться, но даже самую мысль о приятной жизни вытравливали из его сознания. Кто-то сказал, что Остап Бендер - единственный положительный герой русской литературы. Но тогда и Чичикова следует считать положительным героем русской литературы, которую неосторожно назвали святой. Сильно подозреваю, что искусство вообще святым не бывает, ибо святость - это, опять же, абстракция, а гениальное искусство всегда целостно. Жизнь выше морали, говорил Ницше, - святая правда", - заключает публицист.

Спорить можно и о том, что мораль выше жизни, и о том, что разумнее обратное отношение. В любом случае к "чисто" моральным парадоксам "возвращения Чичикова" подключается - пусть и без шока - парадокс морально-психологический. "Забавная получилась история", - замечает журналист Е.Чекалова в беседе с политологом И.Буниным, - упомянутая выше статья "Чичиков в роли Чацкого". - Гоголь мечтал, что Россия возродит душу Чичикова, а что вышло? России самой нужно возрождаться через Чичиковых?"<sup>9</sup>

Вероятно. А точнее - нет иного выбора. Другое дело, что такой выбор с неизбежностью драматичен не только в силу обстоятельств экономических, политических, но и социокультурных, он драматичен, а, возможно, и трагичен для "птицы-тройки". Вполне понятно, что даже в отношении уже принятого решения выдвигаются разного рода варианты выбора дороги и скорости движения по ней. "Выпуская в 1847 году "Выбранные места из переписки с друзьями", Гоголь с маниловской уверенностью обещал России близкое и великолепное преобразование. В веке двадцатом выяснилось, что "другие народы и государства постаранивались" лишь для того, чтобы поглядеть, как эти птица-тройка каким-то виевским наваждением преобразится в тачанку и под пулеметный треск рухнет в кровавую пропасть. И сегодня хочется воскликнуть: "Русь, не гони! Оставь быструю езду! Дай себе ответ, куда несешься ты. Построй сначала дорогу. Полегче на поворотах! Поучись у добрых людей, как надо ездить"<sup>10</sup>.

Анализ развернутой здесь лишь эскизно проблемы - в самом разделе. Нам теперь никуда не уйти ни от взвешивания возможностей "честной игры" в современной отечественной духовной ситуации, ни от характеристики отечественного предпринимателя как объекта и субъекта этической реформации. Но уже сейчас очевидно, что тема "русской тройки" - современна, именно как тема этическая, конкретизирующая общечеловеческую тему "Торговец в Храме". Конкретизирующая?! Да, нам предстоит сейчас понять базовые ценности предпринимательства в их приложении к "неклассической" версии. При этом опи-

санное в первом томе наше представление о природе этического приложения подразумевает именно развитие норм и ценностей в отношении к их общечеловеческому инварианту. Тем самым предстоит поспорить с иной версией сути этики предпринимательства, согласно которой, например, пионеры протестантской этики бизнеса не расписывали для себя "моральный кодекс строителя капитализма", ибо им хватало десяти заповедей, и достаточно было лишь неукоснительно их соблюдать. Предстоит показать и доказать, что этика предпринимательства сама есть конкретизация норм и ценностей общечеловеческой морали, а "неклассический случай" развития предпринимательства дает его этике новое сочетание общего и особенного.

Здесь классическая библейская тема "Торговец в Храме" обсуждается в контексте моральной атмосферы современного нам отечества, конкретизируя связь нравственных оснований гражданского общества на стадии его становления и нарождающегося предпринимательского этоса и помогая найти ответ на вопрос: является ли "экониша" современного отечественного предпринимательства по своей природе неморальной или речь может идти (и должна идти) о собственно моральной нише?

Строить дорогу к Храму торговцы, видимо, могут. А торговать около Храма - тоже? Но изгнал их из Храма Христос за то, что они торговцы, т.е. как бы по природе своей грешники? Или потому, что занимались своим делом не в том месте, которое для этого дела предназначено?! Изгнал из храма "разбойников" - или как торговцев, так и покупателей, как людей, так и волов и овец?

Но "наши" торговцы - те же, что в древней Иудее? Те же, что и во времена Чичикова? Может быть, они - модификация "нового человека"?

И, наконец, а судьи кто?

#### ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ СЕДЬМОМУ

<sup>1</sup> См.: Белинков А. Поэт и толстяк // Байкал. 1968. N 2. С. 104

<sup>2</sup> Парамонов Б. Возвращение Чичикова // Независимая газета. 10.09.91.

<sup>3</sup> См.: Мартынов И. Так говорил Иван-дурак // Собеседник. 1991. N 38.

<sup>4</sup> См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Иван-дурак // Мифологический словарь. М., 1990. С. 225-226.

<sup>5</sup> Там же. С. 226.

<sup>6</sup> См.: Васинский А. Прощание с иллюзией // Известия, 05.07.91.

<sup>7</sup> См.: Белинков А. Цит. соч. С. 104.

<sup>8</sup> См.: Золотусский И. Исповедь зоила. М., 1989. С. 357- 382.

<sup>9</sup> См.: "Московские новости", 1992.

<sup>10</sup> Ефимов И. Разлюби быструю езду, русский человек! // Независимая газета. 17.10.91.

## Глава двенадцатая

### Экология отечественного предпринимательства: потенциал трансформации современной духовной ситуации

Поиску ответа на вопрос о существовании благоприятных и неблагоприятных духовно-нравственных предпосылок для становления цивилизованной этики отечественного предпринимательства нелишне предпослать ответ на далеко не риторический вопрос о существовании соответствующего научного знания или хотя бы методов его получения. Имея на первую часть этого вопроса вполне определенный ответ - по меньшей мере скептический, мы исходим из оптимистической гипотезы по поводу второй части вопроса. Речь идет о концепции гуманитарной экспертизы ситуаций морального выбора<sup>1</sup>. В этой главе мы представляем результаты проведенного в рамках концепции гуманитарной экспертизы консультативного опроса экспертов "На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции"<sup>2</sup>.

Сверхзадача этого опроса - характеристика восприимчивости (невосприимчивости) духовно-нравственной ситуации в обществе.

Три задачи стояли перед нами. Во-первых, диагностика конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку, трактуемой нами как ситуация морального выбора. Во-вторых, прогноз относительно возможностей и путей разрешения этих состояний. В-третьих, обсуждение идеи консенсуса, формирование системы необходимой рациональной аргументации для обеспечения диалога конфликтующих сторон по отношению к моральности рынка в целом, этике предпринимательства в том числе.

Конкретные этапы работы, предложенные экспертам: а) экспертная оценка пакетов ценностных суждений "про" и "контра" рынка; б) дополнение набора ценностных суждений; в) акцентирование наиболее существенных и ценностных суждений как в группе "рынкофилий", так и в группе "рынкофобий"; г) выяснение мировоззренческих оснований того и другого пакета ценностных суждений; классификация нравственных конфликтов в современной ситуации; е) определение возможного феноменального поля консенсуса между рынкофобическими настроениями и аргументацией в защиту рынка.

Реализация первых четырех пунктов осуществляется предложением для экспертной оценки таблицы, в которой левой и правой стороной (столбцами) демонстрируется набор типичных ценностных суждений против рынка и за него. Реализация пункта "д" осуществляется предложением для экспертизы типологии конфликтов, разбитой на три группы. Реализация последней задачи

---

<sup>1</sup> См.: Бакштановский В. И. Лаборатория в Храме Свободы (ч. 2). Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования // АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т пробл. освоений Севера. Тюмень, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю. В. Выбор будущего (к новой деонтологии воспитания). Томск, 1991; Бакштановский В. И., Согомонов А. Ю. Конфликт инновации и традиции: дилеммы, ценностные суждения, выбор // Тюменский научный центр СО АН СССР. Тюмень, 1990; Гуманитарная экспертиза: возможность и перспективы. Новосибирск, 1992.

<sup>2</sup> Материалы полностью опубликованы в одноименной книге (Москва - Тюмень, 1991).

опроса предполагает высокую самостоятельность экспертов в конструировании алгоритма консенсуса в процессе критического осмысления предложенных нами "шагов" в диалоге сторон.

Участники консультационного опроса экспертов - ученые, деятели культуры, публицисты - дают свой диагноз и прогноз динамики массового морального сознания. В отличие от материалов, включенных в "Фрагментарии", это не просто изложение концепций самих специалистов, но конкретная экспертная оценка того модельного состояния морали общества на этапе переходного периода, которые предложили для экспертизы авторы Программы консультативного опроса.

И, наконец, с нашим способом работы с экспертами, их материалами и о способе предъявления полученных результатов читателю. Как уже было сказано выше, нам потребовалась консультация по Проекту. И иного метода, кроме сбора экспертных оценок, не было: имеющаяся литература посвящена предпринимательству лишь в его "классическом случае" (ее "избранные места" и даны во "Фрагментарии"). В то же время мы не можем - из-за объема экспертных материалов, составляющих более 20 п.л., - привести здесь их целиком. Не могли мы - были не вправе - себе позволить анализировать ("взвешивать" и "считать") итоги опроса, ибо полученный материал - не предмет для трепанации социолингвистом или специалистом по политической риторике. Мы прибегли к способу нарративного изложения суммы экспертных оценок в их логико-структурной последовательности.

И на стадии разработки "анкеты для эксперта", и на этапе нарративного анализа мы исходили из гипотезы экспертно-ролевой репрезентации внутри интересующего нас публичного дискурса. Учитывая строгую направленность опроса-консультации, мы условно исходили из приоритетности внутри социально-гуманитарного знания следующих экспертных специализаций (научных жанров): философия, социология, этика, психология, филология. Кроме этого, естественно, представлены и другие гуманитарные специализации - политология, правоведение, футурология и т.д.

В свою очередь, приоритетные научные жанры конкретизировались через специфические ролевые функции. В частности, этическая экспертиза представлена такими ролями, как Моральный Философ, Историк Этики, Этик-Теоретик, Этик-Аксиолог, Моралист. Психологическая экспертиза дана в ролях: Психолог, Психолог-Публицист, Социальный Психолог, Психолог-Педагог. Социологическая: Социолог-Теоретик, Социолог-Эмпирик, Социальный Историк, Урбано-социолог. Роли в философской экспертизе: Культуролог, Методолог, Социальный Философ, Философ Права. Филологическая: Литературный Критик, Журналист. Другие роли: Правовед, Политолог, Публицист, Экономист.

Разумеется, наша классификация не исключала экспансионистских набегов экспертов на "соседние" (и даже совсем "чужие") территории.

Избранный подход позволяет, на наш взгляд, рассмотреть материалы консультативного опроса экспертов еще и как предмет работы для Читателя, взявшего на себя нелегкий труд эксперта, что, в свою очередь, дало нам основание включить в главу не просто готовые результаты, но и сам процесс их созидания, а заодно и "строительные леса научной теории", которую еще предстоит создать. Мы полагаем, что потери во времени, выпадающие на долю Читателя в работе с этой главой, окупятся эффектом диалога "автор - читатель".

Материалы экспертных суждений и их анализ разбиты здесь на три этапа, соответствующих названию следующих ниже трех параграфов. Каждый пара-

граф начинается с фрагмента анкеты, обращенного к экспертам.

### 1. "Рынкофилы" и "рынкофобы"

Первый этап опроса предлагал вниманию экспертов материалы предварительной диагностики обыденного морального сознания в его отношении к рыночной экономике. В соответствующей таблице были даны характерные для современных речевых практик ценностные суждения носителей двух условно выделенных нами модельноидеализированных позиций - "рынкофобов" и "рынкофилов". Их полярность отражает, на наш взгляд, реальность схизмы в моральном сознании общества, дух нетерпимости и недиалогичности, интонации и методы идейно-нравственной борьбы. Очевидно, что познание наличного этоса отечественного предпринимательства и тем более тенденций его развития не может быть хоть сколько-нибудь адекватно вне контекста противостояния этих позиций.

<b>Ценностные суждения против рыночного общества ("рынкофобия")</b>	<b>Ценностные суждения в пользу рыночного общества ("рынкофилия")</b>
<p>Рыночное общество стоит на идее "всеобщей полезности". Оно ставит знак равенства между Добром и Пользой, при их конфликте побуждает делать выбор "в пользу Пользы". Тем самым беспринципная сила расчета оставляет Добру жалкий удел быть бесильным принципом общества чистогана. На долю бесполезного, невыгодного, бескорыстного выпадает лишь равнодушие, в лучшем случае - унижительная жалость. Словом, "принцип пользы" губит совесть, душу человека, иссушает его нравственные чувства.</p> <p>Вовлеченность в рыночную экономику изгоняет из человека устремленность к Идеалу, духовные Начала, тягу к Вечности. Тем самым заводит его в болото мещанства, мелкобуржуазной обывательщины. "Идеалом" здесь служат "доход", всего только "умеренность и аккуратность", отсюда - крохоборство, мелочные расчеты ("даже нос должен иметь свой интерес, прежде чем он решится понюхать").</p>	<p>Магистральная тенденция человеческой истории демонстрирует не просто ущербность, но архаичность самого принципа альтернативности выбора между Добром и Пользой. Инвективы против рынка были бы отчасти справедливы относительно периода первоначального накопления капитала и раннеиндустриальной цивилизации. Современная же история показывает, что именно насаждаемое казарменным социализмом "бескорыстие" в первую очередь глушит инициативу, губит душу человеческую, рождая множество форм показного и фальсифицированного бескорыстия.</p> <p>В цивилизованных рыночных отношениях преодолевается кажущаяся несовместимость "Интереса" и "Идеала". Личный интерес все меньше воспринимается как элементарное своекорыстие. С другой стороны, снимается "очарование" жертвенности, аскетизма, ходульного "героического энтузиазма" и повышается значимость повседневного существования, непреложное достоинство частной жизни. Ориентация на личный интерес оказывается полезной и для всего обще-</p>

<p style="text-align: center;">***</p> <p>Частная собственность привязывает к себе человека таким образом, что разъединяет его с другими людьми. Она порождает индивидуализм, эгоизм, ведет к росту аморализма, подрывает основы человеческой солидарности. Даже если частник и не станет рантье, выступает как человек работающий, но работает-то он лишь на себя. А потому, пусть даже и принося пользу обществу, в моральном отношении он имеет подозрительный статус. Если наше государство и стеснит экономическую свободу частного собственника, то это столь же морально оправдано, как и преследование наркомании, проституции, мошенничества и т.п.</p> <p>"Героями" рынка являются предприниматель, коммерсант, бизнесмен, а вовсе не простой труженик. Их цель - богатство, их методы - "игра без правил", моральная вседозволенность. Предприниматель живет по закону сильного, он безжалостен к слабому. Его душа, если и молится, то лишь идолам Успеха. Его кураж - риск, его услада - победа любой ценой. Стало быть, законы бизнеса - антипод законам морали. Конкуренция - борьба хищников.</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Рынок, с его обожествлением экономической свободы, несовместим с подлинным равенством, а потому рыночное общество по сути своей и антидемократично, и антинародно, как</p>	<p>ства, благоприятствуя - через самореализацию - самосовершенствованию человека.</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Обвинения частной собственности суеверно догматичны. Вопрос сейчас стоит об индивидуализации собственности, которая в смешанной экономике существует в разных и равных ипостасях: как общественная (акционерная, кооперативная и т.п.) и как частная. Только разгосударствленная и приватизированная (т.е. обретшая конкретного Владельца) собственность делает человека независимым, служит гарантом и условием его достоинства: хозяином нельзя командовать. К тому же индивидуализм предполагает сочетание установок на самореализацию и сотрудничество, служит противовесом как стадному коллективизму, казарменности, так и мелочной бюрократической регламентации.</p> <p>Предприниматель, коммерсант, банкир, менеджер - пассионарии рынка, их ключевые фигуры. Но они отнюдь не мафиози, не спекулянты, не "теневики", не коррупционеры. Требования рынка утверждают непреложные нормы честности, порядочности и доверия в качестве обязательных условий эффективности деловых отношений. А это в целом благотворно влияет на состояние нравов во всех сферах жизни. Конкуренция - воистину суровая борьба, но эта "игра по правилам", соблюдение которых бдительно контролируется общественным мнением.</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Сокровенность демократии заключается прежде всего в свободе, а справедливость и уравнительность - не одно и то же. Ведь равенство в бедности неизбежно приводит к кризису об-</p>
--	--

бы оно ни маскировалось под "ценности" формальной демократии. Равенство в бедности куда достойнее "свободного неравенства". Народная нравственность всегда выражает классовые интересы трудящихся: не тех, кто гребет прибыль с помощью предпринимательской изворотливости, а тех, кто честно живет на свою зарплату. Мораль - это особая свобода благоденствия, любви и альтруизма, а не рыночная "свобода", которая зиждется на равенстве "эквивалентного обмена" по принципу "я тебе ровно столько, сколько ты - мне". Именно этот принцип навязывает расчетливую "честность", выталкивает сокровенную суть морали: доброту без меры, любовь как неэквивалентное воздаяние.

\*\*\*

Рыночное общество ведет к отчуждению. Люди относятся друг к другу лишь как к средству, функции, нарушая тем самым золотое правило нравственности, категорический императив. Однако непреложные законы морали требуют рассматривать человека только как цель. В товарной же цивилизации человек и самого себя привыкает рассматривать как средство, а его себялюбие тоже оказывается односторонним, побуждающим использовать свои силы и способности по бесчеловечным законам рынка.

щественной нравственности и порождает пороки (массовое воровство, лицемерие, лень, иждивенчество, показуха и т.д.). Необходима моральная реабилитация прибыли (которую нельзя смешивать с наживой) как продукта очень сложного и ответственного труда и богатства, приобретенного по законам правового общества. Бедность, разумеется, нуждается в социальной защите (как, впрочем, вся сфера культуры, здравоохранения, фундаментальной науки и т.п.), но в моральной и правовой защите нуждается престиж, статус "сильных" - от подозрений в алчности, от зависти со стороны ликующей посредственности, от бюрократической ретивости.

\*\*\*

В рыночном обществе, безусловно, "заложена" возможность отчуждения личности. С одной стороны, недопустимо в одностороннем порядке противопоставлять статус человека как цели практическим целесредственным отношениям в деловой практике. С другой - в развитом гражданском обществе существует множество норм, которые ограничивают функциональные, ролевые отношения между людьми. Это позволяет противостоять тенденции к абсолютизации отчуждения. В таком обществе вырабатываются способы погашения отрицательных последствий функционального подхода к человеку, их морально-психологической компенсации.

Прежде чем сформулировать наши вопросы, мы подчеркнули вновь условность выделенных культурно-нравственных "лагерей" - "рынокфобов" и "рынокфилов". Более того, активные борцы с рынком и его адепты вряд ли сегодня составляют значительную часть населения страны. Однако уже проявившегося размежевания достаточно для утверждения все усиливающейся тенденции к духовно-нравственной поляризации. Вероятно, надо иметь в виду изменения формы и акцентов ценностных суждений "про" и "контра", характерных для на-

ших дней, по сравнению с предшествующими этапами исторического развития гражданского общества.

Далее фиксировались конкретные шаги, которые мы предлагали экспертам на первом этапе работы:

а) просим Вас определить степень полноты представленной совокупности ценностных суждений. Мы будем благодарны за все внесенные Вами дополнения и коррективы. При этом мы меньше всего ждем от экспертов редакционных, стилистических и даже смысловых уточнений к предъявленным позициям. Нам важнее:

б) анализ реальной силы, влияния того или иного совокупного суждения и связанного с ним имиджа рынка (антирынка). Мы, разумеется, понимаем неравнозначность сил "фобии" и "филии" в восприятии их моральным сознанием: "левая" колонка таблицы дана в опыте каждого либо как система догматов, либо через личное знание извращений рынка, в то время как "правая" - почти не дана в непосредственном опыте советского человека и потому может восприниматься как сумма "измов";

в) просим Вас также дать комментарий относительно тех ценностных суждений, в которых сфокусированы наиболее острые грани современного нравственного конфликта;

г) наконец, последний аспект нашей заявки на этот этап консультации: экспертам предлагается провести анализ мировоззренческих оснований (идеалов - ценностей - норм), детерминирующих социальное бытие предъявленных суждений".

Начнем с анализа материалов, которые посвящены прежде всего характеристике предложенного набора ценностных суждений "рынкофилов" и "рынкофобов" с точки зрения их полноты.

Как мы и предполагали, одни эксперты достаточно буквально следовали поставленной перед ними задаче, другие не захотели ограничиться анализом "полноты" и "дополнением" или "корректировкой" и взялись за "сверхзадачу" - рефлексию по поводу самих оснований предложенной им оппозиции (прежде всего с точки зрения своих представлений о соотношении морали и рынка) и по поводу способа выстраивания оппозиции. Разумеется, такое разделение экспертов на две группы весьма приблизительно и поэтому, а также в силу принятых авторами книги "правил игры" с читателем, которому предложено стать читателем-экспертом относительно материалов двух последних глав книги, мы даем материалы консультативного опроса экспертов в алфавитном порядке (опуская тексты тех авторов, которые не содержат прямых оценок по определенному этапу опроса).

Со специфики отечественной ситуации, в обстоятельствах которой формируется как самосознание предпринимателей, так и общественное мнение о них, начинает свои размышления литературный Критик. Отметив "рельефность" и "драматургичность" оппонировавших рядов ценностных суждений, эксперт интерпретирует их в форме условного диалога. "- Вы торгаши, беспринципны, для вас Добро только материально. - А вы, апологеты бескорыстия, - лицемерны, вы идеальным Добром только прикрываете свое бессилие. - А вы, торгаши, мелочны и бескрылы, вы - обыватели. - А вы, крылатые мечтатели, обманываете себя и других, ваш идеализм ложен, ходулен, вымучен. - А вы, апологеты высоких целей, вообще человека теряете, он для вас абстракция, мираж, ибо цель от средств неотделима, и если торговля - путь к реальному улучшению жизни, то здесь и путь к человеку... и т.д."

Прервав свою интерпретацию предложенного для оценки ценностного противостояния, эксперт сразу же пытается заострить проблему, указав на специфику российского бытия и российской духовности. "Хитрость в том, - отмечает он, - что в реальности (в русской, российской реальности, исторической, современной, традиционной) два эти подхода всегда соединяются в бытии каждого человека. Но - тайно, лукаво, непредсказуемо. Скрытно. И в этой скрытности, в этой схороненности концов - вся специфика русской жизни (в отличие и от западной - с ее откровенной ставкой на "борьбу всех против всех", и от восточной - с ее откровенным растворением индивида в "солидарном целом"). У нас - все смешано, сопряжено, подменено, и чем громче кричат сегодня спорщики, разделяясь на "рыночников" и "антирыночников" (на сторонников "свободы" и сторонников "порядка" или "социалистического выбора", или "научного подхода", в зависимости от системы фраз), тем хитрее все это сплетается в сознании каждого отдельного человека, на всякий случай готового к любому обороту дела".

По мнению Морального Философа, в наборе ценностных суждений, характеризующих позицию "рынкофилов", упущено потенциально самое сильное суждение - об эффективности рыночной системы. Эксперт подчеркивает, что это аргумент наиболее существен не только с экономической, но и с ценностной точки зрения: "Сведение ценностного к моральному... есть выражение ограниченности патриархально-романтического, в частности, социалистического сознания". О единстве и противоположности аксиологических и праксиологических аргументов морального выбора мы уже говорили в первом томе книги. Здесь же заметим, что замечание эксперта вполне справедливо, если, правда, не противопоставлять так резко редукцию ценностного к моральному и потенциал этико-праксиологической аргументации.

В предложенном наборе Журналист нашел лишь один аспект для дополнений. Суть его он объясняет тем, что оценки инноваций связаны у людей не только с конкретными интересами и тревожащими перспективами входящего в их жизнь социального явления, но - порой неосознанно - с привычными для людей конфессиональными рекомендациями. Так, граждане, находящиеся под влиянием христианской морали, особенно морали православной, испытывают двоякое отношение к рынку. Рынок, с одной стороны, воспринимается как возвращение в христианской морали, благодаря тому, что переход к рынку связан с осуждением тоталитаризма, атеизма и прочими видами зла. С другой стороны, все рыночные отношения имеют отрицательный моральный оттенок, ибо прямо ассоциируются с "торжищем". По мнению эксперта, известный лозунг, выдвинутый в свое время А.Рыковым и Н.Бухариным по отношению к крестьянину, - "Обогащайтесь!" - был осужден не только партийными решениями, но и массовым религиозным сознанием, ибо легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому - в царствие небесное. Заметим, что эта была одна из важнейших реалий, позволивших Сталину безнаказанно провести всеобщее обеднение, т.е. коллективизацию. Сегодня об этом не говорят, но за данным суждением стоит какая-то часть истины, объясняющая, в частности, почему крестьянство не восстало в 1929-1931 гг.". Вероятно, в этом суждении эксперта не столько дополнение к набору оппозиций, сколько аргумент для решения вопросов третьего этапа консультации, но все же справедливо введение в сам контекст нравственного конфликта мотивов и аргументов религиозных этических систем.

По мнению Социолога-Теоретика, рассуждения о полноте и силе предложенных ценностных суждений, об их мировоззренческих основаниях необходи-

мо предпослать анализ "оснований самих оснований", и потому он считает простительным нарушение "инструкции эксперту", чтобы поставить вопрос об основаниях отождествления авторами анкеты оппозиции "рынкофилия - рынокофобия" с нравственным выбором.

Прежде всего эксперт стремится "обозначить топику, в пределах которой возможно судить о существовании нравственного выбора". В этой связи предложенная оппозиция являет, с его точки зрения, "не просто общественное мнение о рынке, но парафраз архетипичного нравственного решения: чем руководствоваться в своих поступках - долгом или склонностью". Поэтому он считает целесообразным до рассуждений о степени полноты и силе ценностных суждений "филов" и "фобов" и до анализа их мировоззренческих оснований разграничить "с одной стороны, вербальные и "смутные" образы рынка, бытующие в массовом сознании, где рыночная и антирыночная альтернативы переводятся на язык нравственно-оценочных установок и диспозиций, а с другой - формирование нравственного конфликта внутри каждого из этих двух (?) типов социальной организации". С точки зрения эксперта, важен разговор о том, как сам рынок повлияет на генезис и само-развертывание нравственного выбора. Прогнозируя такое влияние, он допускает, что рынок "может внести дополнительные aberrации в уже искривленную оптику путем создания настоящих фантомов-фальшценностей".

Оценивая степень полноты предложенных оппозиций как "вполне достаточную", Социолог-Теоретик предлагает описывать "рынкофилию" и "рынкофобию" не только в терминах идеологом, но и в терминах проективных ситуаций, демонстрирующих выбор стиля поведения в различных "игровых пространствах". На уровне идеологом, говорит эксперт, все оппозиции снимаются путем разъяснения основных понятий: добро, польза, интерес, делец-пассионарий и т.п. Тем самым, подчеркивает он, "снимается и необходимость нравственного выбора, который, как правило, дает человеку шанс явить автономию воли, стать свободным и на рынке, и в лагере, и на необитаемом острове". С этой точки зрения нравственные оппозиции "лучше всего искать в критериях нормативности, принятых в той или иной системе координат, когда осуществляется проекция выбора линии поведения". И в дополнение к предложенным авторами Проекта оппозициям предлагает ввести еще одно измерение, называемое "жизненной" схемой. Так, например, "жизнь человека, руководствующегося эталонами рыночной деловой морали, подчинена жестким дисциплинарным правилам, соблюдение которых легитимизирует его социальные роли. Эти правила обладают силой внутренних императивов, безразличных к внешним обстоятельствам, и, по существу, являют собой автономную волю, реализованную в "мирском служении". Человек должен неукоснительно соблюдать свои обязательства, тщательно калькулировать каждую минуту своего времени, никогда не тратя его на пустяки, то есть бесполезно. Каждый отвечает за себя» поэтому нельзя вмешиваться в дела ближних".

Читателю послышались иронические нотки в словах эксперта? Это дело читателя. Он же подчеркивает, что придумать правдоподобную противоположную версию "антирыночного" стиля жизни вряд ли возможно. Но неправдоподобную он конструирует. "Непрерывные размышления о последних причинах бытия, изматывающее безделье, постоянная борьба со злом в трудовом коллективе, в трамвае, на лестничной клетке, в обществе в целом. Я отвечаю за все. Если не я, то кто? Как правило, день начинается с вопроса: "Что делать?" Этот вопрос сопровождает человека всю жизнь и не дает ему покоя до тех пор, пока борьба

за торжество идеалов не доведет до конца по пути самосожжения. Страданием все очищается. Конь блед".

И здесь слышится ирония?

Чтобы дифференцировать этические критерии, эксперт предлагает набор проективных ситуаций. Вот первая из них. "Ночь. На улице - ни души. К пешеходному переходу приближается гражданин "рыночного" типа. Светофор является красный сигнал. Автомобилей нет. Что делать?.. Этот хрестоматийно-русский вопрос никогда не возникает у человека, чьи правила жизненной игры сформировались в рыночной системе поведения, потому что рынок - это не просто свободная купля-продажа, а прежде всего неукоснительное соблюдение правил даже тогда, когда, казалось бы, их можно нарушить без всяких последствий. Все равно нельзя. Запредельные вопросы, связанные с последними причинами, здесь отвергаются как нелегитимные. Не положено... Человек же, руководствующийся рефлексиями над вопросом "Что делать?" в плане судеб русской революции и перестройки, даже не взглянет, какой сигнал горит на табло светофора. Этот сигнал для него не значим, значимые иные обстоятельства и императивы: милиционер, "с толпой можно..."

Итак, в качестве главного измерения оппозиции "рынкофилия-рынкофобия" нам предлагают оппозицию целерациональной схемы и схемы ценностно-рациональной. "Целерациональность интерпретируется, конечно, по Веберу, как техника, безразличная к моральным ценностям. Поэтому в расколдованном мире технических схем поведения нет и не может быть морали в том предельном смысле, когда слова о блаженстве "плачущих, кротких, милостивых..." воспринимаются как подлинные", - заключает Социолог первый этап работы над анкетой.

Очевидная нерасчлененность в тексте всех трех шагов 1-го этапа ("полнота" - "влиятельность" - "мировоззренческие основания"), "примеры", взятые из любой сферы, кроме предпринимательской деятельности - что же "дает" нам этот текст? Во-первых, четкий образ "жизненной схемы" предпринимателя (ведь она не может быть у него иной, чем у "рынкофила" вообще?!), заставляющий примерить ее и к реальному этосу отечественного бизнеса, и к отражению образа в зеркале общественного мнения. Во-вторых, актуализирует в сознании читателя-эксперта наши рассуждения о разноуровневости морали и морального выбора в контексте темы "приложения" как конкретизации норм общечеловеческой морали в сфере этики гражданского общества, о нравственном содержании "правил игры" в этике предпринимательства.

Предлагаемую авторами анкеты парадигму "рынкофилии" - "рынкофобии" Фуруролог сравнивает с предложенной им самим альтернативой, суть которой видится ему не в проблеме нравственного выбора "за" или "против" рынка, а "в способе выхода общества из противоестественного состояния реализованной утопии". Стремясь проникнуть к более глубоким - относительно вербального, представленного в анкете - срезам, он подчеркивает, что "при реализации утопии рынок во всех его чертах, проклинаемых в представленных суждениях "против", полностью сохранился, только, естественно, в уродливых, извращенных, большей частью в "теневых" или даже открыто преступных; как это и должно быть при любом противоестественном состоянии. Так что все приведенные суждения, с этой точки зрения, - не более чем проявления эмоций, так сказать ругань, не относящаяся к сути дела и лишь скрывающая (прикрывающая) стремление одних социальных слоев и соответствующих им политических сил сохранить статус-кво, а других, противостоящих им слоев и сил, - изменить

положение в направлении нормализации ненормального общества, дезутопизации утопии". Не отказываясь от гипотезы о значимости анализа именно "вербального среза" состояния нравственного сознания общества, о весьма высокой влиятельности на это состояние именно того, что названо экспертом "проявлением эмоций", отметим тем не менее, что социологический анализ реальных сил, стоящих за тем или иным имиджем рынка в его ценностном измерении, разумеется, обязателен, как это и будет показано при характеристике мнений экспертов о влиятельности того или иного ценностного суждения.

Как мы уже говорили, некоторые эксперты поставили себе "сверхзадачу", подвергнув экспертизе прежде всего заложенные в анкете представления о соотношении морали и рынка, а также о соотношении рынка и гражданского общества. Так, Культуролог определяет свое отношение к предложенным оппозициям следующим образом: "Очень точно и напряженно сведены оппозиции "рынкофобов" и "рынкофилов". Но только почему и на каких основаниях отождествлены прелести и мерзости рынка и ... гражданского общества?". По мнению эксперта, именно "в их растождествлении весь корень проблемы и зарыт".

Прервем его размышления и подумаем вслух, а что "дает" для понимания темы главы очередное ее "возвышение" до культурологического уровня? Тем более, что мы уже посвятили практически весь первый том этике гражданского общества? Ответим и самим себе, и читателю (пусть даже он и отклонил предложенную ему роль эксперта): приложение материалов консультативного опроса к исследованию этоса отечественного предпринимательства, к характеристике его экологической ниши в обществе осуществляется нами посредством анализа менталитета переходного периода. И авторы Проекта, и эксперты рассматривают не абстрактные оппозиции, а реальное состояние нравственного сознания наших дней, стремятся уловить и оценить конфликтность ситуации моральной реформации, в которой одним из ведущих субъектов, пассионарием, является слой предпринимателей. Это в его "классовом" (и индивидуальном) сознании происходит внутренняя борьба между "филией" и "фобией", это ему приходится постоянно рефлексировать по поводу собственного этического кодекса и его восприятия в общественном сознании.

Попытаемся продемонстрировать это материалами экспертизы, проведенной Культурологом. Поясняя проблему растождествления рынка и гражданского общества, он говорит, что "антитеза рыночных "фобий" и "филий", о которой идет речь в оппозициях, порождена только внерыночными отношениями и особенно - отсутствием гражданского общества. И "за" и "против", как ни странно, существуют тогда, когда мы живем в страшноватом вакууме, в котором пушкинская "тайная свобода" индивида поглощена и разжевана произволом внешнего принуждения. А дальше - в зависимости от личных пристрастий - возникают оценки рынка со знаками "плюс" и "минус".

Прежде всего эксперт формулирует свою концепцию гражданского общества и его этики (ничего не поделаешь, без характеристики оснований малоэффективен анализ оппозиций; более того это профессиональная обязанность эксперта - предъявить основания своих суждений и оценок, соотнеся их с предполагаемыми или очевидными основаниями Проекта экспертного опроса). "Сама детерминация рынка или, точнее, общества, в котором индивид - хозяин, собственник своей плоти и воли, сама эта детерминация определяет освобождение индивида от чисто экономического детерминизма. И глубина ситуации - не в рынке (это поверхность, пленка, оболочка), но именно в возможности отделяться от собственных сил и способностей, распоряжаться ими, быть сво-

бодным по отношению к самому себе. Такая экономическая детерминация (в сфере "чистой экономики") создает лауну между свободным и рабочим временем, позволяет вступить в свободные договорные, а не амебоподобные отношения с другим столь же отдельным и свободным индивидом. Возникает пространство собственно гражданского общения. Рынок, рыночные отношения не нравственны и не вненравственны. Это о другом. Нравственны те отношения, и те мотивации, и те поступки, что возникают в свободных решениях и договорах гражданского общества".

В соответствии с концепцией тождества и различия структур "рыночных отношений" и "отношений гражданских" оппозиция "филий" и "фобий" выглядит иначе. Вот как сам эксперт иллюстрирует "общий сдвиг темы" применительно к исходным оппозициям. "В первой "фобии" речь идет о том, что рынок изгоняет тягу к Вечности и Идеалу, развивает "крохоборство" и мелочный расчет; в первой "филии" говорится об архаичности самой альтернативы Добра и Пользы. Но в преломлении через "двойное обращение", присущее гражданскому обществу, все выглядит иначе. В общественном договоре, где причинные связи перенормируются в связи смысловые, и затем в векторе, обращенном вниз, в стихиях рынка смысловые связи вновь оборачиваются связями причинными, в таком договорном общении Польза рынка, действительно, не должна иметь ничего общего с Идеалом, а идеал - Пользой; путать две эти сферы нельзя, невозможно, бессмысленно. Но в нравственном сознании свободного гражданина "польза" и "расчет" уходят в нети, а Идеал приобретает форму не ценностного - вверх указующего перста, но - тайной свободы воли и творческой сосредоточенности". Аналогичные изменения должны приобрести и другие оппозиции. "Феноменологически они сформулированы точно и остро, но каждый раз отсутствует схематизм переключения этих оппозиций через опосредование гражданского общества, и в итоге - оппозиции "рынка - внерыночности" смешиваются с оппозициями "гражданского общества" и общества, организованного по схеме военно-партократической. А это, повторяю, не одно и то же. Хотя и "тепло", но еще не "горячо".

Читателю, принявшему на себя задачу "экспертизы экспертиз", самому решать, что важнее: материалы с непосредственным диагностико-прогностическим потенциалом (большинство их впереди) или теоретико-методологическая рефлексия, изменяющая сам способ анализа темы (а, значит, и познания, и самопознания этики предпринимательства на современной отечественной почве). Самостоятельный выбор предстоит сделать читателю и между концепциями соотношения морали и рынка, одна из которых представлена авторами Проекта в 1-ом томе данной книги, а вторая - в тексте Культуролога. Выбор, который вряд ли может быть свободен от учета переходного характера современной ситуации, который и "схвачен" представленными на экспертизу оппозициями.

По мнению Психолога, "суждения в обеих колонках роднит стремление обосновать справедливость защищаемой общественной системы, ее соответствие нравственным нормам. Я думаю, что порочным является само стремление к справедливому обществу. Мало того, что концепции справедливости было принесено в жертву неисчислимое количество жизней; именно эта идея лежит в основе тоталитарного государства". Поэтому, по его мнению, выход из представленной в анкете нравственной коллизии следует искать не в самой дискуссии по поводу отдельных ценностных суждений каждой из сторон оппозиции "рынокфилов" - "рынокфобов", "а в отказе от самого стремления к спра-

ведливому, нравственному обществу. Задача человека - нравственное поведение, справедливость в конкретных ситуациях, в контексте индифферентных к нравственным понятиям, ориентированных на прагматические критерии социальных условий. Нравственные критерии относятся к человеку, отнесение их к социуму легко оправдывает безнравственность самого субъекта".

Размышления следующего эксперта принадлежат к ряду текстов, акцентирующих метауровень предмета опроса, и рассматривают предложенные оппозиции прежде всего с точки зрения правомерности квалификации их взаимодействия как конфликтной ситуации выбора. "Авторы исследовательского проекта, на мой взгляд, очень точно реконструировали состояние сознания советского общества на рубеже 80-90-х годов и его отношение к рынку: проблема рынка оказалась важной для общественной самоидентификации индивидов, а отношения к ней полярны", - пишет Историк Этики. Однако, признавая "известную ценность сравнительного анализа обозначившегося различия позиций и аргументов", он полагает, что "нельзя согласиться с тем, что именно выбор среди них совпадает с поиском истины".

Напомним - и себе, и читателю-эксперту, - что мы уже неоднократно приводили свои аргументы по поводу квалификации рынка как неморального механизма и о возможности оценивать предложенные на экспертизу оппозиции в парадигме ситуации морального выбора. Потому здесь нам важно, во-первых, предложить читателю дополнительные аргументы для "экспертизы экспертизы", содержащиеся в рассуждениях автора о деэтизации конфликта "фобов" и "филов" и, во-вторых, аргументы его критики состояния общественного сознания в переходную - к рынку - эпоху.

По мнению эксперта, раскол людей на сторонников и противников рынка при абсолютной уверенности каждой стороны в своей полной правоте свидетельствует и о непонимании природы рынка, и о неготовности-неспособности общества к нему. "Быть "рынкофилом" или "рынкофобом" - все равно, что быть, например, "зернофилом" и "зернофобом", "солнцефилом" или "солнцефобом". Рынок - это единственная нормальная форма общественных связей между людьми в условиях разделения труда". Поэтому, полагает эксперт, "сама замкнутость общественного сознания на проблеме рынка является болезненной, свидетельствует о патологии общественного сознания и служит препятствием на пути к гражданскому согласию. Консерваторы и либералы могут между собой договориться, но "тупоконечники" и "остроконечники" - никогда".

Рассматривая бытующие в общественном сознании оппозиции, Историк Этики приходит к выводу о том, что "и те, и другие основываются на большом количестве несомненных фактов и, расположившиеся симметрично - соответственно на правой и левой сторонах листа, - являются одинаково истинными, как и вообще правое и левое. Когда говорят, что рынок - механизм выявления общественной полезности (производительности) труда, что он стимулирует личный интерес и утверждает достоинство частной жизни, что экономика оказывается процветающей в той мере, в какой она становится рыночной, и т.д., то спорить, возражать против этого невозможно. Но невозможно опровергнуть и утверждения тех, кто видит в рынке злую силу, соединяющую добро с пользой, дегероизирующую человеческий дух, привносящую в человеческие отношения недоверие, скрытность и т.д. Это приблизительно так же, как если бы кто-то утверждал, что солнце является источником энергии, а другой возражал ему, что оно порождает засуху. Правы обе стороны. Ошибкой (недоразумением, злым умыслом, иллюзией?) является столкновение и сталкивание "рынко-

филов" и "рынкофобов" и само существование этих позиций (больше чем позиций - социальных типов).

Предъявляя этическую квалификацию к этим оппозициям, он предлагает "исходить из того, что стремление к собственному счастью и нравственные обязанности по отношению к другим являются двумя атрибутивными характеристиками человеческого существования", и на этом основании заключает, что "нравственные оппозиции, предметом которых является положительное или негативное отношение к рынку, представляют собой уродливо односторонние искажения образа человека. Из этого - прогноз: "Можно сколько угодно сопоставлять этико-романтическую критику рынка и его этико-утилитарную апологию, выявлять их вполне очевидные различия и скрытые детерминации, однако совершенно несомненно, что ин одна из этих позиций в конкретных условиях нашей страны не создает духовного пространства для возвышения общества, в том числе и прежде всего для его экономического развития".

Аналитический подход к противостоящим блокам ценностных суждений, их декомпозиция до уровня реальных нравов и не менее реальных идеалов позволили Этику-Теоретику дать критическую характеристику истинности оппозиции "рынкофилии" и "рынкофобии", вскрыть за "риторическим орнаментом" контекст, привнесенный в полемику того и другого оценочного ряда, контекст, "архаически идеологизированный": "прорелигиозные, идеалистические морализации, с одной стороны, и нравственно-правовые утопии средних слоев буржуазии эпохи Реформации - с другой". Анализируя конструкцию оценочных рядов, эксперт подчеркивает, что "в морали есть один слой, состоящий из императивов и норм, который люди должны обязательно обсуждать и обдумывать. Здесь переплетаются общее и конкретное, надуманное и реальное, субъективно-личностное и общественное. К сожалению, в указанных оппозициях этот аспект показан плохо. Но менее всего люди знают самих себя. Поэтому, аттестуя других и восхваляя себя, они скорее бывают неточны". И еще одно замечание по предложенным оценочным рядам: рассматриваемые оппозиции не дают информации о том, как ценностная система включается в деятельность. Обращаясь к ценностной системе "рынкофилов", эксперт полагает, что "сторонники рынка подменяют вопрос о долге "правилами игры" и добросовестным выполнением деловых обязательств, данных обещаний, то есть профессиональным кодексом чести. Они совершенно безоружны в нравственном отношении вне своего корпоративного пространства. Им предоставляется возможность действовать "по закону", "по экономической необходимости", по обстоятельствам, по договоренности, "по логике своего капитала", а также рисковать. Наивно было бы думать, что все эти нормы поведения безупречны с моральной точки зрения, в высшей степени очеловечены и никогда не станут действовать против "человека" во мне или против "человека" в ком-то другом".

Приняв "правила игры" авторов анкеты, Социолог-Эмпирик предложил свою конкретизацию всей схемы консультативного опроса экспертов. Применительно к первому этапу он считает целесообразным противопоставлять "рынкофилическую" и "рынкофобическую" идеологии "по отдельным, образующим их категориальным компонентам так, чтобы в основе каждого лежала одна определенная категория". Такие компоненты он делит на две группы: а) в основе компонентов лежат категории, используемые в споре обеими сторонами, пусть и в противоположной интерпретации; б) в основе компонентов лежат категории, используемые лишь одной из сторон.

Свою характеристику он начинает со второй группы (б). Рассматривая ком-

поненты, морально обосновывающие безрыночные общественные отношения, он выделяет: 1) бескорыстие, альтруизм, принцип самоотдачи как противостояние корысти, выгоде, принципам эквивалентного обмена, на котором основаны все товарные отношения; 2) стремление к идеалу, духовному как противоположным приземленности, филистерству; 3) стремление к сотрудничеству против рыночных конкуренций, разъединения, отчуждения и т.п.; 4) честную жизнь на трудовую, отработанную собственными силами зарплату дорыночного общества в противовес изворотливости, стремлению нажиться, обогатиться за счет других; 5) заботу о благе всех людей, всего народа, а не только о своей мощи, как это диктуется законами рынка.

По мнению эксперта, эти компоненты являются основными в обвинениях "рыночников", которым остается лишь оправдываться. В свою очередь, позиция оправдания "антирыночников" перед "рынокофилами" связана со следующими аргументами: 1) активная, инициативная, деятельная личность, способная преобразовать общество, сделать его цветущим, способная помочь другим, а не иждивенец, пассивно ожидающий помощи, совета, указания со стороны; 2) развитие личности через самостоятельность, самореализацию, раскрытие всех своих способностей и возможностей, а не прежняя нивелировка людей, освобождение человека из состояния "винтика", целиком предназначенного для выполнения узкого круга своих функциональных обязанностей; 3) прогрессивное развитие общества, его техники и технологии, подъем культуры и благосостояния всех людей как основной нравственный критерий человеческого поведения".

Далее Социолог-Эмпирик характеризует те компоненты нравственной позиции "рынокофилов" и "рынокофобов", которые при категориальном своем совпадении противоречат в своем этическом толковании: "человек как самоцель", "равенство", "коллективизм", "героизм", "собственность", "конкуренция", "расчет", "рынок", "прибыль". Расхождения в этической интерпретации каждого из них проиллюстрируем на одном примере - на противоположной трактовке расчета. Вот версия "антирыночников". "Холодный и мелочный расчет, лежащий в основе всех рыночных отношений, заменяет меркантильными интересами все другие естественные человеческие отношения: любовь, дружбу, сочувствие, желание помочь. Аморальна прежде всего та холодность, та рациональность, с которой сторонник рынка подходит к решению человеческих проблем. Он не пошевелит пальцем, если это не сулит никакой выгоды или доходы не будут превосходить сделанных затрат. В условиях рынка рыночные отношения проникнут даже в обычные отношения между людьми: друзьями, супругами, родителями и детьми. А вот, что говорят "рыночники": "Расчет в жизни человека означает прежде всего рациональность. Рациональность, разумность, являются непременным качеством истинно человеческого поведения, а потому не могут быть безнравственными... Человек, который добился успеха, приобретя многочисленных врагов или потеряв в общественном мнении, - одержал пиррову победу. Иррациональное поведение, основанное на сиюминутных настроениях, а не на точном анализе долгосрочных последствий, может толкнуть человека на благородный альтруистический поступок, но может привести и к таким действиям, которые, будучи совершены из самых благих побуждений, принесут неисчислимы бедствия окружающим и ему самому". Предложенное экспертом разделение по категориальным компонентам вполне успешно продвигает наш замысел и может быть использовано на следующих этапах исследования.

Отвечая на вопрос о степени полноты представленной совокупности сужде-

ний, Социальный Философ отметил, что "этот вопрос провоцирует эксперта на "экстенсивный подход" к задаче, тем более что априорно можно считать любой список ценностных суждений неполным". Отказываясь идти по этому пути, он обращает внимание на "принципиальную неполноту самой дихотомии "люблю - не люблю рынок". Неполнота этой дихотомии в самом способе образования ее - через отрицание. Когда речь идет о ценностных суждениях, позиция отрицающего более ущербна, неконструктивна, чем позиция утверждающего. Поэтому, с его точки зрения, предпочтительнее дихотомия, у которой обе части позитивны. "Современная наша экономика - не чистый лист, на котором предстоит написать "люблю" или "не люблю". В ней уже действуют определенные правила (назовем их "план"), и есть люди, которым эти правила нравятся. Но есть люди, которым нравятся другие, рыночные правила. Значит реальная дихотомия: "планофилы - рыночные филы", а то, что те и другие еще и "фобы", - вторично". Только один комментарий к убедительному рассуждению эксперта. "Неконструктивная дихотомия" взята нами из все той же речевой практики. Именно эту практику мы стремились сделать предметом экспертизы (что ж делать, если моральное сознание не соответствует стандартам научного мышления), оставляя иные возможные конструкции, в том числе и те, которые возникнут в процессе консультативного опроса экспертов, для дальнейшей работы.

Между тем Моралист отмечает, что говорить хотя бы об относительной полноте представленных в анкете ценностных суждений трудно не только из-за обилия в речевой практике "соответствующих идеологических клише", но в связи с явлениями "своеобразного бриколажа" в современном отношении к рынку - "когда различными семантическими средствами обслуживается уравнивающая их на более глубоком уровне общая "антирыночная" интенция". По его мнению, при анализе ценностных суждений по поводу рынка важно учесть, что наш современник, испытывающий легко объяснимое недоверие к понятиям типа "социалистическая идея", "коллективизм" и т.п., тем не менее "зачастую хватается за них, чтобы прикрыть безотчетное, глубоко укоренившееся отвращение к рыночной организации жизни... Понятно, что наличие такой настроенности составляет часть ценностных суждений о рынке принципиально открытыми: подвернуться под руку может все, что угодно, вплоть до отсутствия у адептов должного патриотизма и т.п."

Следующий шаг в работе экспертов над первым заданием - характеристика влияния того или иного ценностного суждения и связанного с ним имиджа рынка ("антирынка"). Учитывая практически нулевую исследованность стратификации нарождающегося гражданского общества, Журналист предложил в качестве способа организации своих оценок выделить "знакомые типы" - известные по художественной литературе, по расхожим политическим оценкам образы, не требующие детального описания и выступающие как целостные модели. При помощи такого приема он предпринял попытку оценить влияние - определив ее как степень распространенности, социальной "приземленности" оппозиций в тех или иных слоях общества - "рынокофобии" и "рынокофилии", анализируя каждый ряд противостоящих ценностных суждений.

"Оппозиция N 1" названа им "имени Чернышевского" - тезисы обеих сторон достаточно полно обсуждались в романе "Что делать?", хотя и "в несколько иных терминах, характерных для философско-политического словаря эпохи XIX века, где польза и чистоган подменялись понятиями эгоизма, а оппонирующие - разумным эгоизмом". По мнению эксперта, обе эти позиции распространены широко в слоях технической интеллигенции, впитавшей эти понятия

на уроках литературы. Характерное противоречие этой позиции: распространенность и влияние велики, но не в конкретных действиях. В момент выбора между "пользой" и "непользой" все моральные соображения отходят на второй план - на поверхности общественного сознания моральные понятия этого ряда появляются лишь при участии в дискуссиях, в письмах в газету и т.п. "Если расценивать силу и влияние оппозиции N 1 в менталитете нарождающегося общественного сознания, то я бы оценил их на сегодняшний день в 4 бала (из 10 возможных)".

Намного серьезнее "Оппозиция N 2" - она "чревата конфликтами, которые будут опираться на нравственные критерии". Дело в том, что "роль так называемых Абсолютов сегодня преувеличивается почти бессознательно: до сих пор они просто замалчивались, но за последние пять лет сделали как бы гражданской целью общества. Тяга к Вечности, к высшим духовным началам, к абстрактным идеалам противопоставляется всем иным интересам и устремлениям, снижая нравственную ценность последних".

Оба суждения второй оппозиции имеют, по мнению Журналиста, хождение в одном и том же слое людей, который "можно приближенно окрестить как современных потомков незабвенного Лоханкина, не добравшегося в гимназии до физики Краевича, но уже перелиставшего пудовые тома "Мужчины и женщины". Представляется, что "именно слой городской интеллигенции, ощущающий себя как бы дворянством по отношению к выходцам из села, одержимым карьерой и современным бизнесом, создаст со временем один из самых серьезных нравственных конфликтов. В особенности по той причине, что суждения правого ряда оппозиции логически кажутся сомнительными и частенько опровергаются фактами обыденной жизни". По десятибалльной шкале этой оппозиции эксперт дает оценку 8 баллов.

"Оппозиция N 3" рассматривается как наиболее сильный конфликт и оценивается в 10 баллов. Здесь заложен "наиболее взрывоопасный участок формирующейся новой нравственности, здесь будет проходить скрытая, более того тщательно скрывающаяся от посторонних глаз зона разрыва с нравственностью "рынкофобии". Причина в том, что масса слабо прислушивается к аргументам "правого ряда", а реальность сняла с человека защитную форму коллективизма и не дала ему никакой социальной защиты в нарождающемся новом обществе. По мнению эксперта, "конфликт этот будет затяжным, растянется на несколько поколений. Социальный слой его ясен: это низшая бюрократия, рабочая и колхозная аристократия, учительство, школа вообще (в том числе и высшая).

"Оппозицию N 4" эксперт считает ориентированный на сознание малоквалифицированного рабочего слоя, ибо и при тоталитаризме, и при рынке он страдал и будет страдать от эксплуатации и собственной неразвитости. "И пока этот слой существует, пока он практически широко представлен в стратификации реального общества, нравственный конфликт здесь неизбежен. Причем конфликт суровый, жесткий, который должен быть оценен, полагаю, в 7 баллов". "Оппозиции N 5 и 6" оцениваются близко к нулю.

Футуролог стремится в своей экспертизе акцентировать не столько социально-нравственные, сколько социально-политические основания влиятельности различных ценностных суждений, к выявлению тех социальных слоев и политических сил, которые стоят друг против друга в позиции, сведенной к упрощенному "черно-белому" противостоянию "за" и "против" рынка". В такой предельно упрощенной схеме, отвлекаясь от взаимопереплетений и внутренней противоречивости, он выделяет четыре социально-политические силы.

К вопросу о реальной силе тех или иных ценностных суждений Психолог-Публицист подходит с позиции приоритета личности и ее свободы. И взвешивает вес "антирыночных" и "рынокфильских" настроений не по критерию "большинства - меньшинства". "Поскольку, - рассуждает он, - свобода человека самодовлеет, с несвободой не следует особенно считаться. Я понимаю, что эта мысль звучит недемократично, но проблемы личности... не решаются большинством. Абсолюты нельзя ставить на голосование. Если один фермер хочет взять землю в собственность, - он должен иметь на это право (других никто не заставляет). Немыслимо проводить референдум среди питекантропов по вопросу, хотят ли они становиться людьми. Столь же немыслимо ставить на голосование вопрос: не желает ли наш народ в полном составе отправиться в сталинские лагеря? Даже если желает - этого не должно быть, и невозможна сама постановка такого вопроса. Но точно такая же нелепость - решать большинством голосов вопрос о рынке, об экономической самостоятельности производителей". Из этого и ответ на вопрос о реальной силе предложенных на экспертную оценку ценностных суждений. "Не следует преувеличивать силу "антирыночников", так сказать "снизу". Категорические противники рынка, как правило, - лица социально пассивные и обществу, прямо скажем, не очень нужные. Консерваторы, чаще всего, - женщины, пожилые, люмпены, преступники и т.д. Не они делают погоду. (Другое дело - консерваторы "сверху" - те могут быть очень опасны. Но с ними и другие методы борьбы). Вероятно, А.Янов сильно преувеличивает, когда он говорит, что наш народ сейчас - "западник", но в принципе он прав: активная масса народа устала от равенства и предпочитает сытость. С прочими на каком-то этапе можно не считаться".

Высказывая свое суждение о самой острой "болевой точке" конфликта "рынокфилов" и "рынокфобов", Социальный Психолог замечает, что был готов "включиться в эту увлекательную игру и придумать еще целый ряд "за" и "против", однако задача репрезентации реального нравственного сознания общества требует от экспертов-гуманитариев вспомнить, что представленные ценностные суждения отражают спор скорее о рынке, ставшем, осуществившемся, как это прежде всего видно в позиции "филов". По его мнению, в нашем обществе "на первых порах (а это в масштабах одной человеческой жизни отнюдь не кратковременный период) рынок может быть только нецивилизованным (и это вовсе не специфика нашей страны, а общая закономерность). Поэтому и аргументы "против" будут иными. Добро и Польза, действительно, не противоречат друг другу в системе развитой рыночной экономики, но противоречат, и довольно резко, на этапе перехода к ней. Думается, исходной противоположностью являются все-таки не ценностные противоречия "фобов" и "филов", но противоречия двух сфер - нравственной справедливости и экономической эффективности, а самой "болевой" точкой будет такая категория нравственного сознания, как справедливость".

Тема "переходного периода" и ее отражение в этосе отечественного предпринимательства - ключевая в этом томе. И, конечно, аргументы "рынокфилов", обращенные к "светлому будущему" рыночной экономики, не могут быть достаточными. Правда, и "рынокфобские" настроения нуждаются в конкретизации своей критической направленности, чтобы не свестись к критике "рынка вообще". Но что более сложно в научном плане, это категорично определить конфигурацию ценностей гражданского общества, их отношения между собой. Во всяком случае, вряд ли какая-либо из ценностей будет занимать стабильно одно и то же место.

Завершающий шаг I-го этапа работы экспертов - анализ мировоззренческих оснований ценностных суждений, предложенных для оценки. И трудность выявления "собственно" мировоззренческого уровня исследования, и сопряженность разных аспектов анализа в одном и том же тексте экспертов, не буквально следующих за алгоритмом анкеты, проявились достаточно сильно.

В качестве "материала для коллективной рефлексии" Психолог-Педагог предложил сравнительный анализ базовых ценностей, который призван помочь и в диагнозе, и в прогнозе трудностей переходного периода, связанных с конфликтом "рынокфобии" и "рынокфилии" - базовых ценностей, сконцентрированных в "культуре полезности" и "культуре достоинства". Он отмечает, что "общество не выйдет из кризиса, если не осознает со всей отчетливостью и болью, что наша культура - это "культура полезности".

Поясняя эту оценку, он говорит, что мозаику культур в ходе истории человечества можно условно расположить у двух полюсов - полюса полезности и полюса достоинства". Первая характерна для безликой общественной системы, в которой люди оцениваются - как муравьи в муравейнике - по своей служебной функции, способности стать винтиком безликого механизма. "Культура, ориентированная на полезность, всегда стремится к равновесию, к самосохранению, всегда озабочена тем, чтобы выжить, а не жить. Ее единственная цель, прикрываемая тем или иным благостным идеалом, - воспроизводство самой себя без каких-либо изменений. Иное дело - культура, ориентированная на отношения достоинства. В такой культуре ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли получить от этой личности что-либо для выполнения того или иного дела или нет. И именно культура достоинства гораздо более готова, чем культура полезности, к преодолению социальных катаклизмов, выходу из кризисов в драматическом процессе человеческой истории".

Для понимания этоса предпринимательства (и антипредпринимательских настроений) интересно объяснение особенностей той слепой веры, источник которой - в административно-командной системе тоталитарного государства. Сердцевиной этой веры эксперт считает "бегство от принятия собственного решения, от личностного выбора в ситуациях, жестко регламентируемых командами Центра, и неприятие права других на выбор". Суть эффекта "выученной беспомощности" заключается в том, что "человек, раз за разом убеждающийся в неподконтрольности ситуации, в невозможности изменить своими действиями ход событий, в конечном счете вообще отказывается от поиска. Неотъемлемыми чертами его характера становятся послушность и исполнительность, беспрекословное выполнение приказов. Он уже сам стремится избежать жизненных перемен, так как они сулят неизвестное, вынуждают к поиску, а поиск атрофирован". Понятен и заключительный вывод: "Ясно одно: путь от культуры полезности к культуре достоинства еще не пройден".

По мнению Этика-Теоретика, "в нынешней морали и ее фонограммах зияет мутная бездна на том месте, где должны быть гражданские идеалы и общезначимые цели. Их нет. И это трагедия для людей, которая бросает их в сторону пессимистической медитации или в сторону мелочных сует... Сторонники рыночных отношений полагают, что общезначимые цели складываются как-то сами собой, в конечном итоге взаимодействия самостоятельных индивидов. Им не страшно от того, что эти цели пропали из виду... Подход, который хорош и эффективен в борьбе за средства личного существования, совсем не годится для "существования в Истории", то есть в сфере высших человеческих устрем-

лений. Человеческие проблемы могут решаться на базе личного интереса лишь до какого-то момента, после чего индивид должен ориентироваться на другие ценности и исходить из других мотивов. Личный интерес не может обеспечить моральное самосовершенствование.

Противники рыночных отношений некорректно, на наш взгляд, высказываются о моральном идеале. Они грешат абстрактностью. Недостаточно сказать, что добро превосходит пользу, а принцип добра отличается от принципа полезности, что идеал есть некоторая духовная, возвышенная сущность. Идеал и добро - не просто слова, обозначающие самое высокое состояние моральности, ее апогей и местопребывание. Такой идеал только прикрывает нравственные конфликты в обществе, усугубляет морализаторство. В живой речи употребление поучительного тона и абстрактных понятий считается почтенным делом, но при ближайшем рассмотрении эти риторические упражнения отдадут бессмыслицей. Обязательно нужно раскрывать содержание определенного морального идеала, ставить его в патетический, экономический, социальный, эстетический контексты, переводить на язык практической морали, императивов действия, разъяснять этапы его осуществления и возможные затруднения.

Моралист специально выделяет наиболее острые грани нравственной ситуации вокруг рынка, связанные с мировоззренческим обоснованием "рыночных" и "антирыночных" ценностных ориентаций. По его мнению, "архаичным" альтернативность Добра и Пользы "полагает именно "рыночное", ориентированное на Пользу сознание, но отнюдь не нравственное чувство современного человека, корреспондирующее с целостностью нашего присутствия в мире. Связь идей свободной жертвенности и Добра в какой-то мере компрометирует история XX века, но и в наши дни ее заново утверждает двухтысячелетнее христианство, которому не откажешь в том, что оно относится к "магистральной тенденции человеческой истории".

Особое внимание уделяет эксперт анализу оснований лозунга "права сильного", "сильной личности" как нуждающейся в особой защите. "Мало того, что эта идея антихристианская по своему существу, в нашей социальной среде еще слишком ощутимо присутствие "сильного человека" совсем иной, нерыночной формации, который также имел до недавнего времени прекрасную социальную защищенность. Вообще роковым парадоксом всей нашей системы изначально являлось то, что беспощадно подавляя человеческую индивидуальность, она вместе с тем в "лучших" ницше-горьковских традициях всегда проповедовала мораль "сильной личности", всегда возвышала силу и "сильных мира сего".

Среди наиболее ярко выступающих мировоззренческих позиций, обосновывающих антирыночные ориентации, Моралист выделяет традиционалистскую систему ценностей. Он отмечает, что в условиях России требования возрождения социал-органических форм общественных связей и натурализации экономики связаны с апелляцией к "народному духу", традициям крестьянской общины, ценностям православной духовности, "препарированным с неоязыческих позиций современного национал-шовинизма". И наряду с "насаждением индивидуализма" основные нравственные изъяны рынка усматриваются в этом контексте "в некоей "антинародной" хитрости, избыточной рассудочности, всякого рода "гешефтмахерстве". Вместе с тем, как показывает опыт демократического движения в нашей стране, наиболее естественно рыночная ориентация вписывается в последовательно гуманистическую систему взглядов, приоритетом для которой выступают неотчуждаемые права и свободы человеческой лично-

сти". Существенные моменты в современный подход к рынку вносят "утверждающиеся ныне глобальные мировоззрение и мораль, также дистанцирующиеся от индивида, однако таким образом, который отсылает к его собственному нравственному самоопределению и вместе с тем учитывает мировой опыт "прохождения через рынок". В рамках такого воззрения возникает вопрос о конкретной вписанности цивилизации (и, соответственно, рынка) в мир, осознанный в полноте его собственных измерений".

Этик-Аксиолог предлагает анализ структурных пластов морального сознания. Исходная методологическая позиция заключается в разделении морального сознания на три самостоятельных пласта (сферы). Первый из них - мировоззренческий - он характеризует как наиболее заметный ("вершина айсберга"), а его центральными элементами считает идеалы. Второй пласт - это слой престижных ориентаций, выступающих реальными целями деятельности. Повседневные, обыденные стереотипы поведения являются сферой третьего пласта морального сознания. Среди многообразия особенностей взаимодействия всех трех слоев эксперт выделяет одну: "В обычных, "спокойных" условиях функционирования нравственности связь первого (мировоззренческого) и третьего (обыденного) слоя сознания осуществляется в основном через "посредника" (ориентационный пласт). И лишь в кризисных, экстремальных ситуациях наблюдается непосредственное взаимодействие".

Исходя из заявленной методологии, он предпринимает попытку оценки состояния каждого из пластов морального сознания современного общества. Состояние первого из них характеризуется здесь как "эрозия идеалов", второго - как "разброд в ценностных ориентациях". "Моральная перестройка" не могла не стать и переоценкой идеалов, мировоззренческого слоя нравственности". Не получив вдумчивого, конструктивного, научного обоснования, такая переоценка привела к незащитности мировоззренческого слоя морального сознания "перед оголтелым, нередко невежественным остракизмом, переориентировавшим массовое сознание на 180°". По его мнению, в политических целях была использована "внутренне присущая примитивному массовому моральному сознанию особенность - максимализм, непререкаемое деление всего только на "черное" и "белое". Существование морали "без идеалов", как и "жизни без идеалов", и затруднительно, и опасно. И именно в мировоззренческой сфере морали можно, полагает Аксиолог, найти ценности, которые в практическом плане жизни пересекаются. В качестве аргумента этого тезиса рассматривается вошедший с огромным успехом в этот пласт нравственности идеал обладания богатством. "Может показаться, что он органически несовместим ни с социалистической, ни с религиозной нравственностью. Но это не совсем так - по крайней мере, теоретически. Богатство само по себе не является злом, тем более благосостояние, достигнутое личными усилиями, энергией, изобретательностью и пр. Богатство - это совокупность условий для всесторонней самореализации личных жизненных ориентаций. Но таковым оно становится лишь на определенной фазе своего развития - это конкретная мера количества капитала и качества ценностей, которыми индивид обладает".

Обращаясь к оценке другого пласта общественного сознания, эксперт подчеркивает, что "этот ценностно-ориентационный пласт" претерпел за последнее время существеннейшие изменения. Ранее - две морали. Одна - пропагандируемая, но не исполняемая - "по труду". Она содержит в себе внутреннюю неприязнь к "нетрудовым" доходам (трактуя рынок в значительной мере как "поле спекуляции"), занижает престиж ряда профессий (торговца, ремесленни-

ка и т.п.). Вторая мораль - синекурная - не столько "по труду", сколько "по статусу" на иерархической, бюрократически-корпоративной лестнице (открыто не пропагандируемая, но всем знакомая и признаваемая). ...Наряду с этими "двумя моральями", двумя ориентациями всегда существовала частнособственническая ориентация на богатство (причем в различной мере и форме практически у всех слоев общества). Сейчас она захватывает ключевые позиции в "среднем" (втором) пласте морального сознания. Это установка на всемерную, крупную, скороспелую наживу. Свою окончательную форму и нравственно-психологическое содержание эта ориентация еще не выработала. А старые ориентации - подорваны. Результат - нравственный хаос, широкий диапазон возникновения разнообразнейших нравственных позиций".

## 2. Типология нравственных конфликтов

На втором этапе консультативного опроса экспертов мы сформулировали для них следующую преамбулу задания.

"Вы, наверное, уже обратили внимание на разнотипность и многоярусность явных и неявных конфликтов в отношении к этике гражданского общества - реакцией на них и явились ценностные суждения каждой из сторон. Представляется, что попытка классификации нравственных конфликтов, связанных с ситуацией выбора при переходе к рыночной экономике, поможет объяснить специфику ситуации идейно-нравственной конфронтации в обществе, ввести момент конструктивности в разрешение нравственных конфликтов или, по меньшей мере, придать им цивилизованные формы.

Мы полагаем возможным предложить для экспертизы и консультирования один из вероятных вариантов такой классификации, в котором выделяем три типа конфликтов, инициируемых переходным этапом становления гражданского общества.

1. Конфликт норм и ценностей моральной традиции, нравственного опыта "гомо советикус" с характерным для него до-рыночным образом жизни, формами общения, правилами делового поведения, с одной стороны, а с другой - моральных инноваций, обусловленных взрывом перемен: в отношениях собственности, трудовой мотивации, развития предпринимательской деятельности, сферах потребления и досуга и т.п.

Особый пласт этого конфликта составляет столкновение идеологизированной морали, этической догматики и современной версии общечеловеческой морали, в основе которой лежат базовые ценности свободы и ответственности.

2. Конфликт внутри самой нормативно-ценностной системы, связанной с рыночной экономикой, т.е. атрибутивный конфликт этики гражданского общества, который отражает, особенно в переходный период, несбалансированность этой системы (например, между свободой и ответственностью, индивидуализмом и солидарностью, ориентацией на прибыль и благотворительностью, подчинением кодексам организации и личной инициативой).

Особый пласт типа конфликтности встроен в процесс конкретизации общечеловеческих норм и правил, так называемых Абсолютов, в исторически изменчивый контекст этики гражданского общества, в противоречивый процесс морального творчества. В общем виде здесь уже выявляется (?) проблема "нового зла" (моральное отчуждение, фурии частного интереса и т.п.).

Еще один пласт - конфликт в так называемых пограничных зонах этики гражданского общества - с политической этикой, этикой семейно-бытовых отноше-

ний.

3. Конфликт, активирующий нравственные проблемы первых двух типов в ситуации их приложения к историческим, этно-национальным и политическим особенностям нашей страны ("русская идея", "особый путь", регионы "мусульманской цивилизации" и т.д.).

Пожалуйста, дайте экспертизу предложенной классификации. Если Вы ее принимаете - целиком или частично, - приведите, пожалуйста, поддерживающие и развивающие примеры. Возможно, итогом Вашей работы явится консультация в виде типологии, построенной на иных началах.

\*\*\*

Переходя к материалам этапа опроса, связанного с типологией нравственных конфликтов, рискнем предъявлять их в организованном нами (минимально!) виде, сгруппировав по трем основаниям: а) общая оценка эффективности типологии, предложенной авторами Проекта; б) критические - в конструктивном плане - аргументы; в) собственная типология, предложенная экспертами. Разумеется, ряд экспертов и на этом этапе консультации Проекта не могли уйти от выявления оснований классификации. По мнению Социолога-Теоретика, в советском обществе, вероятно, происходит конфликт двух способов нормативной регуляции поведения, которые он, поддерживая авторов Проекта, называет традицией и инновацией. Здесь, однако, эксперт делает уточнение. "Рыночные схемы поведения выступают в роли инноваций лишь в той степени, в какой они переходят из статуса маргинальных в статус институциональных. Например, спекуляцию (скупку и продажу с целью наживы) нельзя считать в нашем обществе инновацией - спекуляция известна со времен Анны Иоанновны, когда были предприняты первые попытки регулировать цены указанием начальства. Предстоящая декриминализация указанного состава означает, что запрещенная схема поведения легитимизируется. Таким образом, данный конфликт является собой вытеснение традиционных схем нормативной регуляции маргинальными и нелегальными. Это можно было бы назвать деморализацией общества, но о морали как извечном столкновении долга и склонности здесь говорить неправомерно. Один вид техники замещает другой, казалось бы, устаревший".

Социальный Историк стремится подчеркнуть то "трагическое обстоятельство, что нравственные, этические противоречия, связанные со становлением рынка, носят в известном смысле антиномический, до конца не разрешимый характер". С его точки зрения, постановка вопросов в анкете "допускает некоторое упрощение, как бы невольное делающее взгляд на проблему более оптимистичным, чем он, по-моему, есть в действительности... Как мне кажется, становление рынка связано с противоречиями внутри самой нравственности: дело не просто в том, что некий безрыночный порядок допускает неэффективное, но нравственное устройство жизни, а рынок дает возможность, благодаря в том числе безнравственности, добиться эффективности. Дело, мне кажется, в том (боюсь, это вообще коренится в самой человеческой природе), что невозможно полное осуществление требований нравственности в любой системе - рыночной или безрыночной".

По мнению Политолога, поставленные перед экспертами вопросы в своем решении зависят от того, удастся ли моральному сознанию общества избежать опасности "смены знаков на противоположные", "простого выворачивания тоталитарного мышления наизнанку". "Похоже, - замечает он, - что "новое мышление" - это иной раз все то же тоталитарное сознание, поменявшее знак. Если

раньше считалось, что нравственная экономика не может быть основана на товарно-денежных рыночных отношениях, что нравственность - это нечто более высокое, чем деньги, то сейчас все чаще приходится слышать, что ничего более нравственного, чем деньги, человечество вообще не придумало. Перед нами тот же тоталитарный тип мышления, стремящийся отождествить вечное, абсолютное с преходящим и относительным, или, говоря конкретнее, опять, хотя и на новый лад, отождествить экономику с нравственностью".

Следуя приведенной выше конкретизации предложенных оппозиций, Социолог-Эмпирик предъясняет свою версию конкретизации типологии нравственных конфликтов. В лагере "рынкофобов" он выделяет конфликт между непримиримыми позициями неприятия рынка, неприятия по разным основаниям: позицию "коммунистических фундаменталистов" и позицию "люмпенов". Во внутренней логике "рынкофилов" - конфликт между нравственными позициями "торгашей" и "менеджеров".

В первой "паре" эксперт выделяет характеристику нравов "люмпенов", к которым относит значительную часть самых разных слоев общества, включая и интеллигенцию. Не имея достаточной квалификации для продажи на рынке своей рабочей силы, "люмпены выступают за равенство материального положения и, соответственно, раздел имущества "богатых", требуют социальной защиты и т.п. Практическая мораль этой категории населения основана на эгоизме, иждивенческих настроениях, враждебном отношении ко всем переменам в своей жизни, а также ко всякому начальству, которое, по их представлению, стремится решить свои и государственные проблемы за их счет, на полном равнодушии к общественным - производственным и региональным - проблемам, нежелании что-либо сделать для их решения". "Торгаши" ориентированы главным образом на прибыль и сиюминутную выгоду, всегда готовы нарушить правила и нормы рыночных и вне рыночных отношений, для них характерна моральная вседозволенность; осознание временности, непрочности положения порождает тип поведения, связанный с временностью успеха, а потому и лишенный чувства социальной и моральной ответственности. "Менеджеры", ориентированные не на прибыль, а на коммерческий успех "как успех свободного и компетентного профессионала", когда "прибыль является только общезначимой оценкой его профессионального успеха", имеют высокое чувство социальной и моральной ответственности, заботятся о своей личной репутации и фирмы в целом, стремятся оказать влияние на развитие общества и т.п.

Кроме того, Социолог-Эмпирик выделяет "существенные коллизии в нравственном отношении к рыночному обществу... в отдельных культурных и политических группах. Так, переход к рынку ставит моральные дилеммы перед "русской идеей" и близкими к ней духовными концепциями. С одной стороны, рыночная экономика и основанное на ней общество должны быть приняты как альтернатива семидесятилетнему пути России к социализму в условиях тоталитаризма и всеобщей планируемое™. С другой - традиция славянофильства, в русле которой развивается "русская идея", не может принять таких вещей, как прибыль, конкуренция, предпринимательство и т.п., которые оцениваются как продукты западной, следовательно, глубоко чуждой России, культуры".

И еще одна тенденция внутренней конфликтности - противоречивое отношение к рынку в моральных позициях групп творческих профессий. С одной стороны, с рынком они связывают свободу творчества, условие соревновательности талантов, в которых ясно видно, кто чего стоит. С другой стороны, в рынке же они видят среду, враждебную высокому искусству и чистой науке, без

которых не могут развиваться ни наука, ни искусство.

По мнению Психолога-Публициста, авторы Проекта точно отметили, что "важнейшим является конфликт между двумя нравственными системами, одна из которых сама внутренне конфликтна". Характеризуя "антирыночную" систему ценностей, он подчеркивает, что она "нацелена на бесконфликтность, на образ непротиворечивого человека. В этой утопической системе человек как идеал "легко и свободно" (в теории, разумеется) реализуется в конкретной исторической ситуации, оставаясь там таким же идеалом - "не пачкая рук". Бесконфликтность этой моральной системы эксперт прямо связывает с тоталитаризмом. "Недаром слово "тоталитаризм" происходит от слова "целостность". Тоталитарное нравственное сознание целостно, бесконфликтно. Если долг перед государством - то только долг перед государством, и нет никаких ограничений, и для человека уже нет ни Бога, ни семьи, ни истины. Любая нравственная максима, уже если она принимается, принимается как абсолют и тем самым раз и навсегда снимает с субъекта бремя нравственного выбора".

В противоположность этому "сами ценности рынка (они же ценности свободы) внутренне противоречивы, ибо они учитывают человека и как существо конечное, стремящееся к конкретному результату, к выгоде, пользе - т.е. как существо вещного мира, - и одновременно как существо бесконечное, существо потустороннего мира, которое в погоне за, казалось бы, преходящими ценностями только и может реализовать самое непреходящее, что в нем есть, - творческую энергию, активность, инициативу, иными словами, то самое начало, которое делает человека Образом и Подобием".

Противопоставляя свободного человека тоталитарному, эксперт отмечает, что социум свободного человека не целостен, ни одна из структур, в которые он включен, не подчиняет себе другие, потому такой человек находится в постоянном внутреннем конфликте. "С точки зрения интересующей авторов спроса в первую очередь этической системы рынка можно представить себе целый ряд перманентных нравственных конфликтов. Например, бизнесмена: конфликт между сиюминутной пользой и долговременным успехом, что толкает на прямо противоположные стратегии поведения; конфликт между свободным включением в торгово-промышленный процесс и необходимостью подчинения этому процессу (иногда настолько, что поведение становится вынужденным, детерминированным, что теряется возможность хоть как-то использовать для себя получаемую прибыль и т.д.)".

Социальный Философ полагает, что предложенная авторами Проекта типология конфликтов "достаточно логична". Это относится, прежде всего, к конфликту моральных традиций и инноваций, являющемуся, по мнению эксперта, основным в настоящее время. Относительно конфликта внутри становящейся ценностной системы гражданского общества он предлагает учесть вариативность этого общества. Так, "если утверждается общество со смешанной экономикой, то различные ее секторы будут представлены отличающимися подсистемами ценностей, отношения между которыми будут иметь конфликтный характер". Он полагает, что в последнее время начинает преобладать третий тип конфликта, обусловленный культурно-историческими особенностями страны, и этот тип затеняет и даже блокирует основной.

Считая предложенную классификацию конфликтов приемлемой, Моралист дает к ней поправку. "Выдвижение в качестве центрального, наиболее содержательного момента данной классификации внутренней противоречивости "рыночной" нормативно-ценностной системы порождает прогрессистскую ил-

люзию, согласно которой упомянутой системе остается лишь самосовершенствоваться на основе этой внутренней противоречивости. Между тем мир ныне стоит перед катастрофой, приближенной многолетним пренебрежением к внешним границам человеческой деятельности, в том числе и предпринимательской. В связи с этим представляется, что уместнее было бы говорить... о конфликтности вписывания рыночной экономики в целостный мир человеческого бытия и уже в этой связи - о внутренних стимулах совершенствования, свойственных данной системе ценностей. Таким образом, нравственная коллизия рынка предстала бы перед нами в трех измерениях: в проекции на опыт "гомо советикус", на национальные и культурные особенности нашей страны, а также в общебытийном контексте развития человеческой цивилизации и культуры".

Конкретизируя первое из этих измерений с точки зрения специфики нравственного конфликта, эксперт отмечает реальность семидесятилетнего опыта нашего социалистического бытия, реальность, таящую в себе свои очевидности, требующие, разумеется, коррекции с точки зрения общечеловеческого опыта, но с которыми, опять же разумеется, нельзя не считаться. "Одной из них является очевидность нравственного превосходства "борьбы за счастье человечества" над любой преследующей частные цели меркантильной активностью, очевидность, отойти от которой можно, лишь осознав заключенное в ней непреходящее зерно". Другой, не менее глубоко укоренившейся "очевидностью советского опыта предстает ощущение непреложной истины страдания, подвига - ощущение, которому нелегко примириться с бессмысленностью принесенных жертв и конечной правотой пути, предполагающего совершенно иные критерии оценки человеческой деятельности". И еще одна очевидность - "колоссальная усталость общества, семьдесят лет подряд находящегося "на крутом переломе", усталость, которая отнюдь не располагает к бодрому и оптимистическому восприятию того, что вновь заставляет все начинать сначала. Люди нуждаются в каком-то смягчении собственной участи..."

Нравственный конфликт сам противоречив по своей роли для развития общества и личности, в нем содержится потенциал балансирования традиционности и инновационности морали. В этом плане самостоятельный аспект конкретизации типологии нравственных конфликтов, связанных ситуацией вхождения в рынок - это, по мнению Моралиста, "осмысление онтологии рынка, его вписанности в целостность человеческого бытия (в том числе и нравственного, духовного) как проблемной зоны, порождающей определенные конфликты и требующей определенных решений".

С одной стороны, важно познать меру, в которой рыночная экономика способна влиять на нравственную реформу общества, с другой - взвесить меру оправданности сопротивления рыночной экономике со стороны духовно-нравственной культуры как своеобразного "противовеса". Первые попытки анализа позволяют ему утверждать сочетание в рыночной экономике стимулирующего воздействия на совершенствование нравственной культуры общества с известной ограниченностью эффекта такого стимулирования. "В принципе активизм этики и психологии рынка при любых обстоятельствах нуждается как в своем необходимом противовесе в этике ограничения деятельности и даже отказа от деятельности". Речь идет о такой этике, где "доминирующей является не должностная, а ценностная модальность, где речь идет об утверждении неповторимых, выходящих за грани всеобщих определений деятельности ценностях человечности, природы, культуры. А отсюда следует, что ника-

кой подъем идеологии рынка не в состоянии отменить или сделать менее настоятельной противостоящую ей нравственную культуру милости, сострадания, любви, индивидуального человеческого призвания". И, в заключение, рассуждение-вывод об отношении к нравственным конфликтам: "Бесспорно, соотношение упомянутых двух типов нравственного сознания немыслимо без конфликтов, порою трагедий, но не из таких ли конфликтов и трагедий и состоит наша жизнь?"

Перейдем теперь к анализу группы текстов, авторы которых предлагают критику типологии нравственных конфликтов, заявленной в Проекте. Лишь условно отделенные нами от первой группы, представленные ниже тексты объединяет конструктивизм отношения к предложенной гипотезе.

Не соглашаясь с предложенной в Проекте типологией конфликтов, сориентированной на переход к рыночной экономике, Моральный Философ полагает, что "социальные конфликты, разверзшиеся в перестроечные годы, это не конфликты "бытия-к-рынку" или "к-гражданскому обществу", это - конфликты, спровоцированные детоталитаризацией, деэтизацией советского общества, его плюрализацией... Это - конфликты, вызванные появлением новых субъектов, причем этнически, конфессионально определенных субъектов общественной жизни. Экономическая "неприкаянность" этих субъектов провоцирует прикованность их внимания к идеологическим противоречиям, в то время как реальные экономические основы этих столкновений невозможно зафиксировать".

Конкретизируя свою оценку современной ситуации предпринимательской деятельности с точки зрения "дорыночной" - но не "предрыночной" - ситуации, он считает целесообразным в формулировке первого конфликта акцентировать то обстоятельство, что "с самого начала социалистическая мысль продолжила критику капитализма с позиций, порожденных внеэкономическим мышлением, в этом смысле традиционалистским, архаически-патриархальным мышлением, более того, инфантильными интуициями стихийно-гедонического мышления, противящегося, протестующего против дисциплины, функциональности, взаимности риска отношений, построенных на денежном расчете. И эта оппозиция капитализму (даже в самых гуманных его формах, которые подарил миру XX век на своем исходе) неизбывна".

В характеристике второго типа конфликтов он видит не столько атрибуты системы, связанной с рыночной экономикой, которой еще нет, сколько противоречия, возникающие в процессе предпринимательской активности "в условиях экономики, только начинающей свой переход к чему-то, что должно стать рынком". Мощное противоречие, которое несет в себе предпринимательство, эксперт усматривает прежде всего в том, что, с одной стороны, "оно является формой интенсивного социального творчества, созидания новых социальных форм", а с другой, "предпринимательство разрушает старые формы, которые так или иначе всегда персонифицированы, подрывает привычные человеку с детства личные отношения".

Приступая к характеристике типологии нравственных конфликтов эпохи перехода к рынку, Психолог высказывает сомнение в самой концепции "гомо советикус". Концепция эта, отмечает он, существует в двух видах - диссидентском и апологетическом ("моральный кодекс строителя коммунизма"). Сходились апологеты режима и их критика на том, что системе все-таки удалось создать "нового человека". При одинаковых описаниях феномена отличалась лишь оценка качеств - само их наличие сомнению не подвергалось. Но "гомо

советикус", превыше всего ценящий равенство, определенность и безопасность, не умеющий принимать решения, брать на себя ответственность, органически неспособный к жизни в условиях политической и экономической свободы, - это скорее идеал идеологических отделов и кошмарный сон интеллигенции, чем реальность". Для подтверждения своей версии эксперт ссылается на опыт адаптации наших эмигрантов в США, считая, что "это чуть ли не самая успешная группа за всю историю Америки" и на поведение некоторых наших "новых богатых". Его вывод: "Нравственные конфликты перехода к рынку носят не столько советский, сколько общечеловеческий характер". Первый и второй тип предложенной авторами Проекта классификации он считает заложенными еще ранним христианством, и человек сталкивается с этой дилеммой в любой экономической системе: взять себе или отдать другому, а переход к рынку только обостряет эти конфликты, делает их более открытыми. В свою очередь, это, "в соответствии с психотерапевтическими принципами, дает шанс на разрешение этих конфликтов, так как переводит их из подсознательного в сознание". Не имея общего решения, эти конфликты требуют от человека решать их для себя в каждом конкретном случае, но ситуация рыночных отношений, как представляется эксперту, "более способствует честному и открытому решению".

Третий тип конфликта, "о котором много говорят фундаменталисты в разных регионах страны", Психолог считает "скорее пропагандистской уловкой, чем реальной проблемой". С его точки зрения, мировой опыт убеждает в сочетаемости рынка со всеми религиями и политическими режимами. "Право любого народа (или интеллигенции любого народа) искать свой особый путь, но в истории нет доказательств тому, что какая-либо особенность - русская, мусульманская или любая другая - может служить препятствием на пути развития экономики, основанной на здравом смысле".

Свои типологии нравственных конфликтов предложили несколько экспертов. Так, Социальный Психолог предлагает типологизировать конфликт двух моральных систем - дорыночной и рыночной - "по форме и субъекту проявления". Первый тип - "четкое идеологическое противопоставление двух форм нравственного сознания (что и сделали авторы экспертного Проекта на первом этапе консультирования)". На этом рефлексивном уровне репрезентируются массовые тенденции нравственного сознания. Второй тип - конфликты социальных групп в обществе. Ссылаясь на очевидность того обстоятельства, что рыночная экономика несет обществу не только блага, он предполагает, что противостояние в обществе в первую очередь будет выражаться в столкновении экономических интересов, которые приобретут, однако, моральную окраску, - "ведь человеку трудно признаться в своей неконкурентоспособности на рынке труда, для самооценки проще сослаться на безнравственность рыночной экономики и предпринимательской деятельности". Третий тип - внутри индивидуального нравственного сознания. Здесь характерна мозаичность сознания, в котором причудливо, а то и парадоксально сочетаются принципиально различные менталитеты. В сочетании несовместимого эксперт выделяет закономерность: "Нравственным признается все выгодное, из внерыночной и рыночной экономики хотелось бы взять "все хорошее". Так, рынок нравствен, если он обеспечивает широкий выбор товаров, ликвидацию очередей и дефицитов, но все эти товары должны иметь низкие цены и быть доступны всем". На этом основании он заключает о слабой надежде на "мирный" исход нравственного конфликта "рынокфила" и "рынокфоба" даже в одном "отдельно взятом" инди-

видуальном нравственном сознании - "без серьезных внутренних стрессов, мировоззренческих потрясений, ощущения смыслоутраты и пр."

Комментируя предложенную в рамках второго этапа экспертизы типологию, Публицист обращая внимание на суть разногласий сторонников и противников рынка. "А она (суть) заключается, как мне кажется, в том, что сегодня нам выпало еще раз в полную силу разыграть драму, которая с незапамятных времен пронизывает все духовные, нравственные искания человечества. Смысл ее можно передать так: неразрешимый спор двух правд - ну, скажем, правды Дон Кихота и правды Санчо. Нет никаких бесспорных нравственных оснований для того, чтобы одну из них предпочесть другой. Если выбор все-таки делается, то он отражает иные, посторонние для чистой нравственности, влияния: если не грубые экономические расчеты и политические пристрастия, то уж обязательно личные нравственно-психологические склонности. Чистая нравственность останавливается на заповеди "не убий" и далее с уважительной терпимостью принимает к сведению все доводы обеих спорящих сторон. Иначе, нравственно осудив красных, приходится оправдывать (опять-таки нравственно) белый террор. И наоборот". Главным конфликтом эксперту представляется тот, что в Проекте идет под пунктом 2. Этот конфликт "тысячелетиями сидит внутри так называемых общепринятых нравственных ценностей. Ложь - грех, но бывает ложь во спасение и т.д." Современные жизненные преломления этих внутриморальных противоречий составляют, по его мнению, обширную группу классификации, включающую и все упомянутое в пунктах 1 и 3.

### 3. Скромная этика контракта: потенциал намеренности

Заключительный этап нашей консультации с экспертами посвящен возможностям сближения позиций, выявленных на первом этапе, снятия атмосферы нетерпимости и взаимного раздражения, налаживания диалога противостоящих сторон. Предстоит поиск принципов, основываясь на которых можно преодолеть антирыночные "фобии" морального сознания, его неподготовленность и потому неприятие гражданского общества в целом, а также преодолеть рыночную эйфорию, идеализацию бизнеса, обожествление гражданского общества. Меньше всего нашей фиксацией конфликтной ситуации мы хотели бы обострить и углубить противостояние "западников" и "почвенников", "инноваторов и традиционалистов". Трудно переубедить любую из сторон, тем более, если она считает себя единственным и безраздельным депозитарием и распорядителем моральных ценностей. Наша задача - стимулировать фундаментальное мировоззренческое и ценностное обоснование идеи и практики гражданского общества, опираясь на метод, который избавляет участников противостояния от изнуряющего упорства и жажды победы. Эффективным методом такого рода мы считаем аксиологию и праксиологию консенсуса с учетом ценностей гражданского согласия и этики ненасилия.

Итак, для экспертной оценки и консультирования были предложены варианты разрешения, точнее, алгоритм разрешения некоторых из обсужденных выше нравственных конфликтов посредством снятия взаимной подозрительности, выявления диалогового потенциала каждой из позиций, определения неустойчивых моментов, положений в ней, допускающих трансформацию, что открывает саму возможность налаживания честного диалога. Речь при этом должна идти для каждой из сторон не о пассивном механическом выборе из заданных альтернатив, но о конструктивном, творческом выборе, создающем новые аль-

тернативы.

Ставя задачу "выращивания" морального консенсуса, мы видели проблему не только праксиологическую, организационно-технологическую и т.п., но и теоретическую: технология консенсуса морального аналогична ли консенсусу политическому? А если "да", искать ли точку согласия в "центре" (аргументами "одной лодки" или "баланса сил") или, понимая неизбежную поляризацию общества, именно в наши дни скептически отнестись к потенциалу "золотой середины"? А если "нет", то какие моральные аргументы сведут за "круглым столом" сторонников и противников рынка, когда каждая из структур конфликта оценивает другую только в черно-белом измерении?

"В основе предлагаемых ниже вариантов конструктивного выбора лежит попытка гибкого симбиоза идеалов свободы и равенства, либеральных и демократических систем ценностей. Мотивацией разработки этих вариантов служит понимание недостаточности аргументов "логики выживания" (в одной лодке не может быть ни "своих", ни "чужих" и т.п.) и "обмена полезностями" (с которыми, конечно, нельзя не считаться) и осознание необходимости поиска и нахождения моральных оснований решения конфликта.

К фобии против "Принципа полезности". Она связана с убежденностью противников рыночной экономики в том, что мораль - качество, присущее только им, тогда как в нравственном багаже их оппонентов она отсутствует. "Предпосылка" консенсуса - апелляция к истории. Диалоговым потенциалом обладают прецеденты ранее предпринятых человеческой мыслью попыток морального оправдания гражданского общества, основывающегося на рыночной экономике. Возможно, консенсус в этом конфликте будет стимулирован преодолением ригористического отношения к утилитаризму, прагматизму, персонализму и их этическим системам. И вообще поиск консенсуса требует определить, из каких этических парадигм целесообразно исходить, для того чтобы "наводить мосты" между оппозициями (этика любви, солидаризма, общественного договора, этика долга, пользы, справедливости и т.д.).

Ясно, что особая задача в этом поиске - сделать предлагаемое поле консенсуса понятным и убедительным для обыденного морального сознания. И в этом помощь консультанта-гуманитария не менее важна.

К фобии против аморализма бизнеса. Возможное поле консенсуса здесь формируется вокруг сюжета о социальной (а не просто технологической или юридической) ответственности. Бизнес обычно ориентировался почти исключительно на прибыль. Однако современная этика предпринимательства и менеджизма, не отказываясь в принципе от этой традиционной ориентации, новую акцентирует на социальную ответственность. Соответствующая ей мотивация связана с принципом "собственность обязывает" (к учету близких и отдаленных последствий предпринимательской деятельности - экологических, воспитательных и т.п.). Смежный - развивающий - сюжет поиска поля консенсуса связан здесь с идеей достижения социальной гармонии.

К фобии против конкуренции. Здесь возможное поле консенсуса - вокруг темы культурного лица конкуренции. Конкуренция способствует развитию агонального (соревновательного) духа в обществе и тем принципиально меняет его культуру, опираясь на творческое, позитивное начало индивидуализма. При этом в "правила игры" вписана особая этика - этика успеха и поражения в конкурентной борьбе. "Игра по правилам" исключает бесстыдство победителя и унижение (и самоунижение) проигравшего.

Рыночная конкуренция - механизм, который обеспечивает справедливое

распределение прав и обязанностей, базовых ценностей в обществе. Конкуренция сохраняет элемент саморегуляции социальной справедливости, стимулирует самореализацию дифференцированных индивидуальных потенциалов.

Снятие фобии возможно, далее, через обсуждение темы "Конкуренция на основе достижений" - технологических, интеллектуальных, организационных и т.д. Эти достижения ведут к росту общественного богатства и таким путем благотворно влияют на состояние общественной нравственности (повышают роль творческого элемента в трудовой деятельности, снижают агрессивность в межличностных отношениях, расширяют возможности для благотворительности и т.п.). Условия рыночной конкуренции, соревнования за лучшее удовлетворение потребностей потребителя цементируют расшатанную трудовую мораль, ограничивают возможности бесхозяйственности, наживы на ней, влияют на качество продукции и т.д."

Предъявление материалов третьего этапа работы экспертов организуем по той же условной группировке текстов. Начнем с анализа отношения экспертов к самой идее морального консенсуса. Заявив эту идею в главе о базовых ценностях предпринимательства, мы рассмотрим здесь ее потенциал в испытании на экспертные оценки - в суждении тех авторов, которые высказали не только отношение к предложенному в анкете алгоритму консенсуса, но и взвесили основания идеи, основания "метафизические", "физические", "собственно моральные".

Именно о таких основаниях говорит Литературный Критик: "В замкнутом пространстве нужно договариваться: европейская ментальность начинается с греческого ощущения равновесия и римского ощущения пределов - эстетика и этика помогают оформиться юридическому обществу, юридическому мышлению. А Русь от века - пространство разомкнутое; договориться можно, но всегда можно и сбежать из "зоны договора": "с Дону выдачи нет". Какую критическую массу надо было скопить (и какую империю сплотить), чтобы эта масса перестала распадаться, растекаться, рассеиваться? И какие бегучие силы загнаны внутрь имперским обручем; два-три выхода из норы - это самый невинный вариант спасения в непредсказуемой ситуации, а непредсказуемость - главная черта всех русских ситуаций - и бытовых, и исторических, в этих-то ситуациях русский человек и действует по-настоящему, ставя в тупик иностранцев.

От того и "империя". От того и "наука" в качестве религии. От того и "план" в качестве закона. Компенсация хаоса, противовес распаду и бунту, ошейник, чугунный котел для гремучей смеси народов.

Кто такие русские? - "Те, что здесь смешались". Русские - это не нация. Русские - это судьба.

Те, что не обрусели в этом котле народов, пытаются сейчас "отвалить", спастись, отбиться. Отсюда и национальный вопрос, совершенно, так сказать, абсурдный и безумный, с точки зрения происходящей во всем цивилизованном мире интеграции хозяйственных и культурных связей. Теоретически - да, абсурдный. Но практически национальная сфера - эта та печень, куда веками сбрасывалось все, что не усваивалось, отторгалось общей "русской установкой". А установка эта - единство любой ценой. Однако любая цена - понятие, с рынком не совместимое. Рынок - это разумная цена. Поэтому империя, пытающаяся спастись через рынок, трещит по национальным швам.

Ставить проблему рынка "вообще" - не вполне корректно, ибо отношение к рынку в России - одно, в Прибалтике - другое, в Средней Азии - третье. Пути

рынка и пути к рынку должны быть разные, но они могут реализовываться только при условии распада империи. Она и пытается сейчас распасться (или переродиться, не распаясь, - вопрос не решен). Что перевесит: страх распада или страх имперской давящей мощи?

Поэтому в общей форме рыночный консенсус практически не осуществим: слишком много сошлось и перепуталось тут разноуровневых и несводимых ценностей. То ли "рынокфоба" от "рынокфила" отделять, то ли эстонца от туркмена, то ли в городе Львове греко-католика от греко-православного, а еще православного этой кефалии от православного той кефалии, и все - горлом, и все - кровью".

"Вечный диалог или временный консенсус?" - так обозначает предмет своих размышлений по третьему этапу Проекта Журналист. И сразу утверждает, что поиск аналогии политического консенсуса с технологией консенсуса морального - такой ему представляется позиция авторов Проекта - невозможен и практически, и теоретически. Предприняв историко-философский экскурс, эксперт находит у Карла Поппера точку зрения, противостоящую мнению о непродуктивности спора между логически противоречащими друг другу исходными позициями, не дающими оснований для диалога. В доводах К.Поппера он принимает аргументы, относящиеся к принципам научной дискуссии. "О некоторой дискуссии, - пишет К.Поппер, - можно сказать, что она была тем более плодотворной, чем больше участники узнали в ходе нее; иначе говоря, чем больше интересных и трудных вопросов было задано участникам дискуссии, чем больше им пришлось обдумать новых ответов, чем больше пошатнулись их мнения, чем радикальнее изменились их точки зрения в результате дискуссии, короче говоря, чем шире стал их интеллектуальный горизонт. Понимаемая таким образом плодотворность дискуссии практически всегда будет зависеть от первоначального несовпадения мнения участников дискуссии". Но "одно дело научная дискуссия, где спор решается на основе аргументации, иное - следование обычаям, верованиям, традициям. Здесь споры бессмысленны, ибо в аналогичных случаях доверяют не доводам, а чувству, нравственной оценке, позыву души".

В виде редчайшего исключения зададим автору, самим себе и читателю-эксперту вопрос: противостояние обычаев и противостояние рационально обоснованных моральных суждений - одно и то же? "Технологизируя" свою позицию, эксперт предупреждает, что "не следует ожидать от спорящих смены идеала, надеяться найти в этом споре моральный консенсус (он не существует в подобного рода дискуссиях), но, чутко прислушиваясь к разным идеалам свободы, обществу следует "расценивать требования равенства, либерализации, демократизации и т.п. как второстепенные, где действительно возможно устанавливать предложение: "Моральные конфликты, возникающие из "фобий" к "принципу полезности", "аморализму бизнеса", "конкуренции" и т.п., действительно возможно устранить путем обсуждения предложенных авторами Проекта оппозиций в прессе". По его мнению, "сама по себе публикация этих оппозиций и обсуждение их открыто, с привлечением ведущих публицистов страны, специалистов по экономике, этике, политологии и культурологии принесут в результате неплохие плоды... Проект, начавшийся, казалось бы, с келейного и очень узкого обсуждения поставленных проблем, может оказать существенное влияние на ход самого формирования гражданского общества в нашей стране".

По мнению Культуролога, "консенсус", "симбиоз", "гибкость" и т.п. - это "не из той оперы". Такой вывод, относящий все перечисленное к сфере политиче-

ской жизни, социальных интересов, общественной жизни, где "все это необходимо", следует из понимания оснований предложенных оппозиций - они не в противостоянии моральных навыков и назревающих инноваций, но в дорыночном, внерыночном, "не в гражданском обществе". И "фобии" и "филии" возникают тогда, когда отсутствуют гражданские структуры общественного договора - "в зависимости от меры устроенности человека в таком внерыночном социуме". Кроме того, "выход", по его мнению, не в поиске "сбалансированности", гармоничности "рыночной этики". "Рынок, во-первых, ничего не балансирует, во-вторых, - это вообще, к счастью, не сфера морали или аморальности, это - сфера ... рынка. И все. В-третьих, ... это не сфера "баланса" и "гармонии", не сфера внеисторического Абсолюта, но сфера предельных перипетий свободного (и ответственного) поступка. Перипетий, исторически определенных и неповторимых, и сопрягающихся - как годовые кольца в стволе дерева - в душе каждого человека". Отсюда следует вывод: "Для любой нравственности "симбиоз" - это смерть, да еще без права захоронения".

Задачу третьего этапа экспертизы сформулировал Историк Этики следующим вопросом к себе: "Каковы моральные основания решения конфликта (какие моральные аргументы сведут за "круглым столом" сторонников и противников рынка, когда каждая из структур конфликта оценивает другую только в черно-белом измерении)?" В поисках ответа эксперт пришел к выводу о том, что "нравственное самоопределение индивидов через отношение к рынку оказывается губительным для нравственности в такой же мере, в какой и для рынка. До тех пор, пока сторонники и противники рынка оценивают друг друга в черно-белом измерении, какого-либо консенсуса между ними быть не может. Но, с другой стороны, в той мере, в какой отношение к рынку осмысливается в этических терминах, это взаимовосприятие не может не быть черно-белым". Из этого вполне логичен парадоксальный итог экспертизы: "Этическое решение конфликта состоит в том, чтобы снять его в качестве этического, развести мораль и рынок как явления, у каждого из которых свои основания и свои сферы функционирования".

Экономист высказывает настороженность по поводу идеи консенсуса, видя в ней "стремление найти систему или построить ее. Поиски алгоритма разрешения конфликта в некотором роде сходны с поиском философского камня. Всегда, наверное, есть и будут люди, стремящиеся к "надпозиции", предполагающие за собой способность "видеть целое" и поэтому претендующие на роль учителей жизни. Мне глубоко неприятно стремление свести противников за круглым столом и помочь им выработать консенсус. Многие, если не все, наши беды связаны с тем, что находились "те, кто знает, как надо", в том числе и как надо разрешать конфликты. А.Галич убеждал не верить таким. Я уверен в том, что моральные нормы вырабатываются в совместной позитивной деятельности, но вовсе не профессорами марксистско-ленинской этики".

А вот первые строки текста Психолога-Публициста. "Думается, лучше всего начать с самого наиглавнейшего: с проблемы консенсуса и, соответственно, с границ возможного консенсуса. Таковой границей служит понятие личности, ее прав и ее места как ценности N 1. Является ли человеческая личность (единичная, единственная, неповторимая) сама себе конечной целью, или она только средство на пути реализации чего-то более высокого, чем человек - Государства, Идеи, Исторического прогресса и т.п.? Вот в чем вопрос. С нашей точки зрения (точки зрения, принятой в современном цивилизованном мире), высшей ценностью является личность и ее свобода. (Правда, есть еще Бог,

ценность которого может быть равна ценности единичного человека, - но не выше!). На базе этого возможно согласие или нахождение компромисса по любому вопросу, возможно примирение любых без исключения точек зрения - если и только если обе точки зрения признают примат личности".

"Известное критическое отношение" вызывает у Этика-Аксиолога третий этап экспертизы, ибо "на этом этапе заранее заданно для экспертов предлагаются выводы для нравственно-психологического преодоления любых настроений против рынка, опрос как бы заранее причисляет всех участников к "рынокфилам".... Но не нарушается ли здесь непредвзятость опроса, т.е. условие его объективности?"

Перейдем теперь к группе текстов, в которых содержится конкретная реакция на предложенные авторами проекта варианты снятия взаимных "фобий".

В целом соглашаясь с предложенным в Проекте подходом, Моральный Философ уточняет прежде всего, что "в обществе всеобщего благосостояния моральный и идейный консенсус даже вреден", и, таким образом, консенсус необходим не сам по себе, но как условие консолидации сил. При этом предпочтительность метода "круглого стола" перед авторитарными приемами - в процессе утверждения рыночных отношений - подразумевает непременно первым решением такого "стола" запрет на взаимные этические квалификации сторон. Что касается "фобий" рыночных образов - полезности, конкуренции и т.п., - то они "могут быть преодолены в процессе их конкуренции с образами социалистического коммунизма - солидарности, коллективистской взаимопомощи, безответственности вышестоящих перед нижестоящими". Так, например, отмечает эксперт, что касается полезности, то надо провести различие между полезностью и корыстью, выгодой. Относительно образа бизнеса он считает необходимым признать, что образ этот, "поддерживавшийся в советской пропаганде, был позаимствован в основном из литературы эпохи свободного предпринимательства конца XVIII - начала XX века; при этом полностью замалчивался смысл антитрестовского законодательства, гибкой налоговой политики, системы социального страхования; наконец, игнорировались идеи политического и экономического либерализма. Заслуживает внимания проект системы просвещения, раскрывающий истинный смысл богатой традиции либерализма во всех его современных вариантах".

По мнению Социолога-Теоретика, "выработка консенсуса - роль скоро она возможна - означает победу целерациональной схемы поведения". Парадоксальность эффекта такой победы представлена им предельно наглядно. "Даже сам факт участия "почвенников", "традиционалистов" и вообще "партейцев" в консенсусе-сделке означает принятие ими этих ненавистных им правил игры. Компартия фактически разрушила себя, допустив свободные выборы и завоевав большинство мест - ее попросту обманули. Торговля "рынокфилов" и "рынокфобов" означает победу "рынокфилов" даже тогда, когда они будут кормиться с руки нуворишей-"рынокфобов". Бред какой-то".

Не менее парадоксально представляет автор и конструктивную часть такого консенсуса, где "наиболее оптимален диалог об "этике бизнеса" как технике делания денег. Аргумент заключается в том, что честная игра возможна здесь только при свободном рынке, насыщенном товарами. Тогда начнет выигрывать не оборотистый проходимец, а бизнесмен-профессионал, для которого обманывать невыгодно. Этика бизнеса создается не на пустом месте, а самим бизнесом, конкуренция справедлива при игре без блефа. Однако формирование делового менталитета проходит через коррупцию, девиантное поведение и

массовую деморализацию".

Оценивая гипотезу авторов Проекта о консенсусе, Социальный Психолог полагает, что предложенный для экспертизы алгоритм разрешения нравственных конфликтов "в действительности представляет собой "уговаривание" "рынкофобов", дабы противники рыночного сознания ... приняли иную систему ценностей, что, конечно, утопично. Здесь нет никакого творческого синтеза, консенсуса противоположных нравственных позиций, а есть уговоры перейти в иную систему координат. И это не случайно, поскольку консенсуса противоположных нравственных ценностей в принципе быть не может, в отличие от консенсуса политического. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить лишь о праксиологии консенсуса, а не аксиологии". Но этика и может, и должна повлиять на переориентацию общественного сознания, перестроив собственные свои мировоззренческие основания, так как прежние выступали продуктом идеологии дорыночного общества. Здесь этике предстоит культивировать признание правомочности различных этических систем, "разведение их в пространстве функционирования (скажем, этика любви - в межличностных отношениях, этика общественного договора - в политических отношениях как основа правового сознания, этика полезности и целерационального действия - в деловых отношениях и т.д.)". При этом предлагается и аргумент согласия "фобов" и "филов", в основе которого лежит истолковываемый как моральный аргумент логики выживания: "Здесь, кроме отвергаемого авторами опроса аргумента "одной лодки", вряд ли можно придумать что-нибудь новое. Это - общечеловеческие гуманистические ценности, в первую очередь - абсолютная ценность человеческой жизни, независимо от взглядов ее носителя, терпимость к разномыслию, неприятие насилия в любых его формах".

Не используя понятия "консенсус", Социолог-Урбанист тем не менее показывает его реальные способы, отражающие мнение эксперта по поводу тезиса о том, что рынок и его следствия не даны в непосредственном опыте советского человека. С его точки зрения, "рынок "присутствует" в жизни и сознании нашего общества, но через двойное его отрицание". Конкретизируя эту мысль, он отмечает, что "советское общество концептуально замыслено и выстроено как отрицание прошлого (дореволюционного) и настоящего (западного) "рынка", каждой своей структурной клеточкой и принципом полагая их как "свое чужое", многими своими подробностями настаивая на упрямом желании сделать "вопреки", пусть даже и в ущерб своим прагматически понятым интересам... Негативистский импульс формирования "образа рынка", разрушая монолитность общественной "рынкофобии", делает не менее разрушительной и "рынкофилию", деструктивный потенциал которой явно превосходит созидательный". Приходя к выводу о том, что "рыночная ориентация в обществе достаточно устойчива, хотя, возможно, и не в состоянии на равных конкурировать с идеологической догматикой насильственного равенства", эксперт выдвигает свой "консенсологический" тезис о задаче распрямления этой рыночной ориентации. Он предлагает ее "развернуть в массовую установку, раскрыть согражданам глаза на то, что рынок, который большинством полагается как возможная перспектива, в значительной степени - уже реальность их сегодняшнего состояния. Как же все-таки приличнее сказать о веревке в доме повешанного?".

Психолог, естественно, особое внимание уделяет психологическим аспектам "рынкофобии" как условию углубления консенсологической идеи. Отмечая целесообразность предложенных в Проекте вариантов преодоления антирыночных аргументов, он выделяет ситуации, в которых за искренними инвекти-

вами безнравственности рыночной экономики стоят неосознаваемые мотивы. "Можно предположить, что в основе неприятия рынка лежит не пресловутая уравнилельная психология, к которой часто обращаются руководители страны в попытках оправдать медлительность реформ, а неуверенность в собственных возможностях прожить в условиях рынка, продать что-то. За этим стоит низкий уровень самооценок и самопринятия, характерный, к сожалению, для многих наших сограждан.

Смена образа рынка - преодоление "фобий" прежде всего, - когда он представляется обществом сильных людей, в котором страдают слабые, возможна не с помощью объяснения нравственности рынка (это понятие нерелевантно по отношению к социально-экономической системе), а через объяснение того, что "в условиях рыночной экономики государство, страховые системы и общинные связи гарантируют каждому человеку определенный минимум, не бросают его в беде. Страхи наших сограждан связаны больше всего с ситуациями непредсказуемых или не зависящих от человека несчастий - аварий, болезней и т.д. Но именно от последствий таких несчастий и защищает гражданина общество, основанное на рыночных принципах. Имея защищенный тыл, человек может экспериментировать, пускаться в экономические авантюры, изобретать и в случае успеха выступать гарантом минимального благополучия и социальной защищенности своих менее удачливых соотечественников".

И для самой мотивации консенсологической гипотезы, и для ее "технологического" обеспечения значимы "трезвость" и "грустные выводы" относительно установок на разрешимость конфликтов, содержащиеся в тексте Социального Историка. Речь идет, во-первых, о нападении на опасность думать, что "на одной стороне - нравственность, а на другой - эффективность. На обеих сторонах и нравственность, и безнравственность". Ссылаясь на опыт религии в европейской культуре, он напоминает, "что так называемая хилиастическая ересь (представление о том, что можно построить царство Божие на земле, т.е. добиться абсолютной нравственности и абсолютно идеального построения общества) была объявлена одной из первых ересей, одним из первых заблуждений христианства". Речь идет, во-вторых, о скептическом прогнозе относительно возможностей науки найти рациональные пути разрешения конфликтов относительно этики рынка. "Ученый (и политик) может - это его долг - поставить диагноз и показать глубокую, повторяю, почти неразрешимую противоречивость этих сторон нравственности. Но я не уверен, что возможен рациональный рецепт их решения. Полагаю, что, как бывало до сих пор, человечество реп/ало такие противоречия, все-таки с помощью людей, которых мы обычно называем пророками, харизматическими личностями, фигурами, способными внушать здравые этические идеи. С моей точки зрения, необходимость отказа от крайностей и сочетания двух противоположных рядов ценностей умели внушать не просто рациональными средствами, а какими-то иными".

В свою очередь Социолог-Эмпирик, рассматривая возможные пути достижения консенсуса, демонстрирует потенциал способа, заключающегося в "более расширенной трактовке той категории, которая находится в фокусе противоречий. В этом случае используется прием диалектической логики, показывающей внутреннюю взаимосвязь противоположностей, в которой каждое выступает как определяющее и предполагающее другое". Из рассмотренных им категориальных компонентов дискуссий вокруг нравственной приемлемости рыночных отношений (прибыль, принцип полезности; имущественное неравенство; собственность; доход, полезность) выберем здесь тему предприим-

чивости. Аморально культивировать в обществе пассивность, беспомощность, ожидание поддержки. С другой стороны, предпринимательство, бизнес опираются на собственную мораль, которая в мире деловых людей соблюдается достаточно строго. В узком смысле эта мораль предполагает честность, доверие к партнеру, обязательность в выполнении обещаний, соблюдение коммерческой тайны и т.п. В широком смысле этика менеджмента включает представление о своей социальной ответственности, исторической миссии в деле развития общества, его техники, культуры и технологии, заботу о своих работниках и т.п."

Разделяя идею морального консенсуса, Социальный Философ подчеркивает, что "нельзя потребовать консенсус, его можно лишь "вырастить". Отвечая на фундаментальный вопрос, "как?", он полагает, что "по технологии моральный консенсус отличается от политического: в последнем участвует относительно небольшое число делегатов, а в первом - массы людей; в последнем велика роль рациональных аргументов, в первом участвуют эмоции, верования и другие компоненты возможного консенсуса. Первый - тот, который предложили авторы Проекта: снятие "фобий". Его можно охарактеризовать как процесс деидеологизации исторического опыта человечества, в особенности опыта XX века, для нас во многом неизвестного или представленного превратно". Другой путь - "искать в конфликтующих позициях совместимые, хотя и различные элементы. Они могут оказаться отнюдь не в "центре", а в любых точках структур. Важно показать участникам конфликта, что нередко их позиции лишь кажутся черно-белыми, а по сути они - многоцветные и имеют общие оттенки". Путь третий - "через взаимные уступки (в парадигме теории социального обмена). Искать зоны приемлемых уступок, пропагандировать их". И общее замечание: "В выращивании консенсуса нельзя быть ригористами и считать результатом лишь решение конфликта. Успехом будет и смягчение конфликта, введение его в правовые, цивилизованные рамки".

Вполне соглашаясь с тем, что оптимальным подходом в разрешении конфликта представленных в Проекте оппозиций является обнаружение диалогического потенциала "на основе общеприемлемых нравственных очевидностей, не подменяемых штампами современной политической мифологии", Моралист "предпочел бы говорить не столько о "фобиях" (от которых нужно избавляться), сколько об озабоченностях, связанных с переходом к рынку (которые необходимо распознавать и учитывать)". Предложенное различие подходов он конкретизирует предположением о том, что людей "следует убеждать не в высоко-нравственности рынка (тенденция к чему прослеживается в представленных вариантах снятия "фобий"), а в том, что других путей действительно нет, что нравственный риск, связанный с переходом к рынку, оправдан, причем сама способность идти на такой риск утверждает определенный уровень гражданской зрелости и сознания человеческого достоинства". Особое внимание при этом подходе эксперт обращает на то, что "становление рынка и обслуживающих его социальных и идеологических структур оставляет простор для альтернативных нравственных позиций, а в ряде существенных отношений и актуализирует их поиск".

Для анализа предложенной в Проекте гипотезы морального консенсуса Социолог-Публицист предлагает "парадокс Будды": "Настоящая победа - та, когда никто не проигрывает и выигрывают обе стороны". Рассматривая этот парадокс как вершину гуманизма в способе разрешения противоречия интересов - и по нравственным соображениям, и по соображениям практической пользы, - он

подчеркивает: "Для прошлого - и для настоящего - этот принцип во многом утопичен: на самом деле действенным он станет, видимо, только в благоприятном будущем, если в жизни человечества воцарятся законы сотрудничества, а не борьбы, вражды. Но чтобы попасть в гуманное будущее, конфликты настоящего надо решать методами такого будущего". Различая "два лика рынка" - варварский рынок первого этапа, высший, цивилизованный, выросший из начального и уравновесивший его изъяны своими достоинствами, - эксперт полагает, что основанием согласия конфликтующих позиций может стать подход, исходящий из того, что "плюсы рынка можно развивать по-настоящему, только нейтрализуя его минусы". Конструктивная идея, исходящая из диагноза-прогноза о неизбежности взрыва безнравственности в дебюте рынка (среди основателей рынка будут преобладать психологически активные люди, среди которых, в свою очередь, преобладают "малонравственные "я - центристы и прагматики"), состоит в том, что, собирая нравственные силы общества для ослабления такого взрыва, важно понять большую роль "врагов рынка" - настроенным на его минусы проще отыскивать лекарства против таких минусов.

Методолог исходит из своего стремления "поместить и "этику гражданского общества", и спор "рынкофилов" и "рынкофобов" в контекст целостной человеческой общности и адекватной ей морали". Вариант снятия фобии принципа полезности представляется Методологу неудовлетворительным, ибо "в багаже морального оправдания рынка - не аморализм; его аргументы просто вне сферы этики, ибо добро для них - одна из функций полезности, а не самоценность". Нужна "идея взаимной дополнительности принципов пользы, долга и добра".

Оценивая варианты снятия фобии против аморализма бизнеса, он отмечает, что "социальная ответственность в бизнесе (преобразовательной деятельности вообще) может означать только одно: дополнение юридической, технологической и т.п. ответственности ответственностью моральной, эстетической, религиозной. Быть в мире ответственным не просто как в лаборатории, но как в Храме. А это уже не просто социальная, но также экзистенциальная и трансцендентальная ответственность.

Рассматривая предложенные варианты преодоления фобии против конкуренции, он задает вопрос: "Конкуренция - вещь полезная, но зачем технологии придавать нравственный ореол?". Отвечая на свой же вопрос, эксперт конкретизирует свою позицию четырьмя репликами. Во-первых, отмечает он, "игра по правилам" - это категория права, социальной психологии, но только не этики. Требования этики здесь такие же, как и везде: честность, отсутствие злорадства, унижения и т.д.". Во-вторых, он считает некорректным распределение прав и обязанностей наряду с "базовыми ценностями". "Базовые ценности - это не блага, а внутренние ориентации выбора". В-третьих, саморегуляцию через конкуренцию он считает хорошей технологией, "но причем здесь мораль?". В-четвертых, он считает неубедительным, когда состояние общественной нравственности раскрывается через повышение роли творческого элемента в трудовой деятельности - разве нет аморальных творцов? - и через расширение возможностей для благотворительности - ведь она может осуществляться и не по нравственным мотивам. "Тем более из того, что конкуренция ограничивает бесхозяйственность, влияет на качество продукции и т.п., следует лишь, что это - хороший экономический механизм и не более того. Но еще и еще раз: если не сводить мораль к обслуживанию пользы, то причем здесь она? Основа для консенсуса тут совсем другая: как совместить экономически полезный механизм конкуренции с приматом нравственной атмосферы в обществе".

Этим текстом мы фактически перекидываем мостик к третьей группе материалов, в которых эксперты предлагают собственные основания для консенсуса и его модели. Вернемся к сборнику материалов опроса, выбирая соответствующие публикации.

Политолог высказывает предположение о том, что "новая духовность будет складываться по линии экологии, которая в наших условиях может сыграть несколько иную роль, чем на Западе". Речь идет именно об особенности перехода к рынку в ситуации нравственного конфликта. Без личности, духовно предрасположенной к рынку, переход невозможен. Из двух же основных способов "складывания" такой личности - "или посредством формирования нового духовного уклада рядом с существующим с их последующей конфронтацией, как было в Западной Европе (протестантизм и "протестантская этика"), или путём использования национальных культурных механизмов и приспособления их к требованиям современной экономики (классический пример - Япония)" - выбор пути развития современной России пока прогнозируется с трудом. В этом неопределенном прогнозе ясно наверняка одно: "Культурные традиции большинства наших народов вряд ли можно считать благоприятными для перехода к товарно-денежным отношениям. Скорее наоборот". Отсюда и гипотеза об особой роли экологии. "Там экологические ценности (ценности спасения природы и человека как природного существа) выступают альтернативой экономической "одномерности" ценностей общества потребления, основанного на рыночных регуляторах. У нас же нет ни рынка, ни избытка потребления, но есть административно регулируемое хозяйство, которое в принципе не способно справиться с экологическими проблемами и сохранение которого неизбежно приведет к катастрофе. Избежать этого можно только посредством перехода к экономическим методам хозяйствования, которые, конечно, с экологической точки зрения тоже не безупречны, но с административными - попросту не сопоставимы. Если учесть, что ощущение экологической опасности все стремительнее проникает в массовое сознание, то можно предположить, что это ощущение и станет болевой точкой, в которой образуется завязь новой системы ценностей".

Правовед полагает, что "для формирования нравственного консенсуса в нашем обществе в любом случае необходимо первоначально добиться общего согласия в вопросе о судьбе социалистической собственности, о принципе ее всеобщей и справедливой индивидуализации. Без такого исходного социально-экономического консенсуса на базе всеобщего правового равенства всех граждан в отношении десоциализируемой собственности все остальные "консенсусы" будут беспочвенными, мнимыми, случайными. Никакая технология, аксиология и праксиология консенсуса - при всей важности в надлежащем контексте - не в состоянии справиться с последствиями неправомерной и несправедливой подмены всеобщей индивидуализации социалистической собственности ее произвольной приватизацией лишь в пользу части собственности". Переходя к вопросу о вариантах снятия фобий против рынка, он полагает, что "фобии" против "принципа полезности", "аморализма бизнеса", конкуренции и т.д. могут быть реально, а не мнимо сняты лишь тогда, когда каждый (а не только некоторые) будет наделен адекватным и действенным механизмом защиты своих интересов в рыночной ситуации и получения своей надлежащей доли от "принципа пользы", бизнеса, конкуренции и т.д."

"То, что предложено к размышлению под знаком "третьего этапа", заставляет поставить встречный вопрос, так сказать в порядке уточнения: а чего, собственно, мы хотим, чего добиваемся?" - спрашивает Публицист. Он видит два

варианта. "В анкете выразительно просматривается настрой создать "протестантскую этику - 90". Если, отбрасывая исторические метафоры, речь действительно идет о том, чтобы поспособствовать становлению в обществе нравственного климата, благоприятного для развития рыночных отношений, то это одна задача. Если же, как это следует из других тезисов анкеты, имеется в виду поиск пути к общественному согласию ("консенсусу"), то это уже другое - и цель иная, и средства для ее достижения должны быть, вероятно, иными".

Эксперт исходит из неизбежности торжества рынка и непереносимости движения к рынку, общественных распрей, схваток. Потому-то "перед всяким "рыночником" (я из них) стоит очень трудный выбор: либо бросать все силы на борьбу против "плановиков", "государственников", доказывая несостоятельность и порочность их линии, либо все-таки воздерживаться от чрезмерного обострения борьбы с ними, сознавая, что дело может обернуться кровью".

В ситуации выбора находится, по его мнению, и противник рынка. "Объективно ему тоже приходится выбирать между деятельной верностью собственным убеждениям и ограничительными велениями нравственности". В разработку "правил игры", способствующих разрешению или, хотя бы, смягчению конфликта, эксперт вносит строгое ограничение "деидеологизации морали" - в полемику между позициями не следует включать доводы, взывающие к нравственности, - это только подольет масла в огонь. Он видит три опорных камня на стройке "консенсуса": признание неизбежности рынка, политико-экономическое его оправдание и нравственная его критика.

С точки зрения Философа Права, "консенсус внутри гражданского общества надо искать преимущественно не в сфере действия морали, а в области права". Он предлагает искать основу консенсуса через подведение юридического, правового фундамента под общечеловеческие гуманистические ценности". Вот аргументы такого подхода: "В массовом обыденном сознании сохраняется вера в них, поскольку эти ценности всегда декларировались в нашем обществе, и рядовой советский человек воспитывается на них с детства. Но в условиях тоталитарного государства идеология "опеки", превращая его в винтик государственной машины, создавала видимость компенсации в форме "гаранта" его прав, взявшего на себя заботу о благе личности. В атмосфере свободной рыночной экономики у нее появляется чувство обреченности, одиночества и незащищенности, что и становится источником агрессивного неприятия рынка. Поэтому правовой фундамент гуманистических ценностей мог бы внести в эту атмосферу подозрительности и недоверия известное успокоение в виде реальных социальных защит...".

\*\*\*

Этим текстом мы завершаем столь рискованное "предприятие", как предъяснение материалов консультативного опроса экспертов. Нам представляется, что материалы эти самоценны, - консультация экспертов по нашему Проекту сама по себе уже дает максимально возможный набор ответов на вопрос о потенциале современной духовной ситуации для развития этики предпринимательства. Но есть ли предел совершенству на пути к истине?

Мы до конца соблюдали "правила игры" - авторы Проекта не спорят с консультирующими этот Проект экспертами и не комментируют суждения экспертов для читателей, взявших на себя "экспертизу экспертизы". И все же попытаемся сделать только один вывод, который вытекает из нашего поиска и, веро-

ятно, существен для того, чтобы диагностировать и прогнозировать развитие этики отечественного предпринимательства в переходный период. Очевидно, он вытекает из рабочей гипотезы Проекта и ее трансформации по результатам консультативного опроса экспертов.

В образной форме этот вывод предельно лаконичен: консенсус "рынокфилов" и "рынокфобов" - и **Судьба** страны, и ее **Выбор**.

Их конфликт не может быть решен по правилам игры "с нулевой суммой", посредством искоренения какой-либо из сторон: длительный переходный период к гражданскому обществу предопределяет их сосуществование. Итог же сосуществования и его характер не могут быть абсолютно стихийными ("Судьба"), хотя иногда полагают, что этика гражданского общества формируется исключительно спонтанно, органически. Такой итог и характер подразумевают известную намеренность ("Выбор"). А где намеренность, так и ответственность. За конструктивный диалог, за консенсус как способ выращивания ситуации нового выбора. Идеология, аксиология и праксиология консенсуса - непреложные правила общежития в том Доме, которым является гражданское общество для всех своих субъектов - и "филов", и "фобов", в том числе и для пассионариев рынка, предпринимателей.

## Глава тринадцатая

### Этос предпринимательства: неклассический случай (Практикум)

Характеристика "неклассический" вряд ли обязывает - в конце всей нашей работы - к комментированию. Но она требует обоснования соответствующего метода познания этоса предпринимателей. Практикум - способ совместного (авторов и Читателя) исследовательского поиска корней этого этоса, его типичных проявлений и вероятных сценариев последующего развития, какими все они предстают в своеобразном мониторинге, ведущемся на страницах прессы (проблема репрезентативности источников здесь не ставится).

В отличие и от "Фрагментариума", с которым Читатель работает в традиционном режиме освоения новой информации, и от главы об экологии предпринимательского этоса, в которой Читатель принимает (?) на себя роль эксперта "со стороны", в Практикуме меняется характер и степень личностной включенности Читателя. Происходит это в процессе условного ролевого поведения Читателя посредством введения игрового элемента в его со-исследовательскую деятельность.

Речь идет, во-первых, об условной роли предпринимателя, возможно, совпадающей с реальной жизненной ролью части читателей. Во-вторых, о роли человека, еще только "примеривающего" к себе такого рода деятельность. В-третьих, это роль наиболее массового субъекта рыночных отношений - потребителя (клиент, наемный работник, госслужащий и т.д.). Идеально, если в каждой из этих трех ролей содержалась бы оппонирующая позиция. Это могла бы быть условная роль некоего "адвокатус-дьяболис" (когда в католической церкви совершается процедура возведения в сан священника и идет обсуждение его кандидатуры, один из приторов этой церкви и берет на себя роль "адвокатус-дьяболис", т.е. показывает все теневые стороны кандидата).

Элемент игрового подхода, известная условность взятой Читателем роли, модельное отношение к предписаниям, которыми авторы сопровождают тексты Практикума, могут и должны стать эффективным методом при соблюдении двух требований. Прежде всего Читатель должен принять "правила игры" и саму игровую условность. Вспомним сказку о золотом ключике, фрагмент урока арифметики, который Мальвина дает Буратино. "Мальвина: - Предположим, что у вас в кармане два яблока. Один вы дали Пьеро... Буратино: - А я ему не дам...". Очевидно, что отказ от игрового поведения исключает эффективность Практикума. Кроме того, мы предлагаем, что Читатель доверяет авторам - они не "играют" с ним в том смысле, как это делают опытные педагоги с учениками, имитируя совместный поиск ответа, хотя он уже давно найден, а то и прямо содержится в конце "задачника". Эффект Практикума заключается только в подлинной совместной рефлексии, в диалогическом труде, где игровой момент - не "воспитание" или "обучение", а собственно исследовательский метод. Более того взаимоотношения этической теории и морального сознания менее всего допускают иерархию "преподаватель-ученик". Активирование моральной рефлексии посредством анализа и оценки классических и неклассических ситуаций морального выбора, размышлений и обобщений о "нахождениях" и "ненахождениях" в результате предпочтения определенных альтернатив - вот максимум, на который может претендовать любой этический практикум. Отсюда, кстати, и стиль наших вопросов к текстам - не "учебный", а скорее в жанре практической

герменевтики.

Программа нашего Практикума - конкретизация тех проблем, которые уже были поставлены в процессе характеристики "русского пути" и "квазицивилизации" (в первом томе) и в разделе о базовых ценностях. Неизбежен и дополнительный поиск в сфере собственно этоса предпринимательства в переходный период к рыночной культуре. Три ключевые темы определяют эту программу. Во-первых, это нравственный "портрет" отечественного предпринимательства наших дней (истоки, типология, характерные черты). Во-вторых, это исследование предпринимательского сословия как объекта и субъекта этической реформации общества. В-третьих, это прогнозирование моделей и сценариев вариантного развития предпринимательского этоса. Чем обоснована такая структура программы Практикума?

Если говорить о нравственном "портретировании" современного российского предпринимательского сословия и типологизации его корней, то исследование этоса трудно представить себе без сюжетов, связанных с его исторической эстафетой (включая и "новейшую историю"). Самый распространенный сюжет на страницах популярных газет и журналов, выбранных нами для подбора материалов, - прямая реконструкция идеальных типов, нравственных героев до-революционного предпринимательства. Такая озабоченность поиском эталонов в собственном историческом прошлом вполне понятна. Но не иллюзорный ли это эталон? Куда уйти от семидесятилетнего опыта, когда в стране не просто изводился дух предпринимательства, но создавались его извращенные формы? Не уйти и от эволюции западного бизнеса - в сторону усиления в нем мотивов социальной ответственности. И как знать, быть может, "зарубежье" российского предпринимательства явит синтез национальных традиций с инновациями постиндустриального развития?

Другой, "собственно" этосный, сюжет о формировании предпринимательского сословия во всем его генетическом многообразии связан с определением того, какие ресурсы, стороны, элементы, духовные традиции прежнего бюрократического, хозяйственного и политического этосов могут быть использованы, мобилизованы при выращивании этоса современного. Как знать, может быть, это магистральный канал воссоздания предпринимательского этоса из, так сказать, "наличного ментального материала"? Но, с другой стороны, поддается ли этот материал "переплавке" и не придушит ли его инерционная природа ростков нового? Итак, способны ли внести свой вклад в потенциал нравственного развития общества в целом и его предпринимательского сословия "деловые люди" - герои не так уж давних лет?

Особо отметим рискованность самой попытки составить "нравственный портрет" предпринимателя, да еще "методом гоголевской невесты". Вероятно, прав был известный русский предприниматель В.П.Рябушинский, писавший, что при дефиците книг по "теории хозяина" "хуже всякого отсутствия книг было бы написание сразу сочинения о хозяине вообще - некоем среднем франко-германо-англо-испано-русском американце".

Характеристика этоса предпринимательского сообщества как объекта и субъекта этической реформации общества переходного периода - тема, которую еще только предстоит очертить в строгих границах, с достаточной глубиной и всесторонностью. В программе Практикума намечаются лишь контуры поиска, предпринимается попытка легитимизировать тему как предмет прикладной этики, осваиваются первые плацдармы.

Прежде всего здесь акцентируется особое, но не мессианское, предназна-

чение этического реформаторства предпринимательского сословия: не просто дискредитировать и отринуть принятую систему ценностей, но и вернуть обществу уважение к норме, к нормальности как таковой, реабилитировать моральную значимость повседневности. Не девальвируя при этом ценности самоотверженности, героизма, а лишь восстанавливая законное место обыденного в шкале значимых ценностей. Нельзя уклониться от обсуждения вопроса о том, что этическое реформаторство заключается, возможно, не в конструировании Идеала, а в культивировании Нормы, обычной порядочности. Специфика предпринимательской этики, возможно, состоит в том, что она не требует от человека ничего сверхъестественного, ничего большего, чем желания и способности играть по правилам? И так ли уж это мало - деловая честность, партнерское доверие, уважение к закону, социальная ответственность?

Программа Практикума не уклоняется и от противоположного акцента. Достаточно ли даже неукоснительного следования правилам игры для того, чтобы реализовать человеческое Призвание? Не является ли сакральная сфера, отделенная в современном обществе от повседневной жизни, способом обеспечения обыденности смыслами, значениями, т.е. соединения конвенционального начала с Абсолютом, гармонизации их соотношения?

Другая грань программы Практикума связана с проблемой этического реформаторства. Известно, что в моральной регуляции главный момент - саморегуляция, веления совести. Но этим не умаляется и регулятивная значимость общественного мнения, его оценок и санкций. В переходный же период пока почти не работают ни механизмы конкуренции, ни, в достаточной мере, механизм общественного мнения. Поэтому слишком мало внешних факторов, побуждающих предпринимателя стать этическим реформатором, человеком, который собственными поступками, личным примером являет обществу новые этапы, образцы человеческих отношений, стилей жизни.

Более того внешние условия препятствуют реализации реформаторской миссии предпринимателей, побуждая обходить неадекватные законы, взятками преодолевать сопротивление армии чиновников, задерживая включение механизмов конкуренции, подталкивая к противоестественным нормам прибыли, гипертрофируя посреднические функции в ущерб производству, проматывая прибыль в потребительских расходах, а не инвестируя ее и т.п. В итоге каждый нормальный нравственный поступок выглядит или становится чуть ли не подвигом.

В то же время общественное мнение пока еще не благоволит к предпринимательству, склонно лишить нарождающееся сословие презумпции невиновности, не способно к дифференцированному подходу. Тем самым вместо положительного влияния социоконтрольной функции общественного мнения предприниматели провоцируются на столь же недифференцированное негативное отношение к общественному мнению, его оценкам и санкциям, подчас пытаясь и манипулировать ими.

И еще две грани программы Практикума. Способствует ли этическому реформаторству внутрисословная социоконтрольная функция группового мнения? Предпринимательству предстоит явить свой реформаторский потенциал и в преодолении той амбивалентности, которой обременена не только политическая, но и экономическая власть, сила денег.

Третий раздел программы рассматривает вероятные прогнозные сценарии развития этоса предпринимательства в его неклассической версии. Важный сюжет: как избавиться тезис об этическом реформаторстве предпринимательско-

го сословия от почти неизбежного морализаторства со стороны общества в отношении к пассионариям рынка, их жизненному стандарту, образу жизни? Предстоит ли современному предпринимательству повторить в онтогенезе весь долгий и сложный путь духовной эволюции, начав его с аскетических идеалов, причем религиозного свойства? Не лишится ли предпринимательство в этом случае реальных мотивов деятельности в десакрализованном обществе, не ослабит ли побуждений к этой деятельности в массовых масштабах? И вот пессимистический прогноз: известная деморализация общества, которое ориентируется на жизненные стандарты третьего сословия - неизбежная цена реформации. А возможен ли здесь выбор наименьшего зла?

Особый - и, не исключено, интегрирующий три раздела программы Практикума - сюжет связан с темой взаимного (предпринимательства и общества) морального риска.

Кроме очевидного экономического риска, которому всегда подвержена предпринимательская деятельность, пассионарии рынка обречены и на риск моральный, о чем уже говорилось в первом томе. Играя - пусть даже и не осознанно - роль реформатора нравственных отношений, они вызывают "огонь на себя": моральная традиция патерналистской системы безошибочно усматривает в них своего могильщика. Естественно, что за социально-нравственной коллизией встает и коллизия политическая. В то же время, вступая на предпринимательскую стезю, человек выбирает для себя зону повышенного риска, образуемую свободой, инициативой, индивидуализмом, личной ответственностью, конкуренцией и другими атрибутами инновационной деятельности с неизбежным для них конфликтом целей, средств и результатов.

С другой стороны, и общество, принявшее предпринимательские ценности, вовлекает себя в зону повышенного морального риска. Здесь и влияние всех тех противоречий, которые предпринимательское сословие приносит вместе с ценностью свободы. Здесь и усиление вероятностного фактора общественного развития, фермента неопределенности, негарантируемости, непредсказуемости, превращающее общество с укорененным духом рутинности в беспокойное "общество тотального риска". Здесь и весь набор опасностей, связанный с экспансией этики предпринимательства на иные сферы нравственной жизни общества, на другие подсистемы его морали (феномен "тотальной рынкунизации" общества и культуры). Моральный же выбор общества, вероятно, заключается в предпочтении либо риску от затяжного пребывания в стагнирующей стадии, либо риску цены и последствий выхода из этой стадии. Верный выбор - основа оптимального сценария.

Программа Практикума, разумеется, не претендует на то, чтобы охватить все стороны процесса становления и выращивания предпринимательского этоса в современной России. Многие из них еще только предстоит открыть. Возможно, совместная работа с заинтересованным Читателем выведет исследование на новые рубежи.

## 1. Принцип гоголевской невесты: корни, типы, черты портрета

1. В конструировании портрета нравов современного отечественного предпринимателя весьма эффективен поиск аналогов в типологии деловых людей предшествующих лет. *Имеет смысл проанализировать предлагаемую публицистом Л.Радзиховским типологию, оценив степень актуальности выделенных им трех уровней русского социалистического предпринимателя, рас-*

*сма­три­вае­мых как "наш портрет сегодня"<sup>1</sup>.*

На самом низшем уровне Л.Радзиховский помещает "великолепного Остапа". "Он, слов нет, прекрасен, но его социальная роль - роль его молочного брата, Шуры Балаганова. Остап просто как человек - куда интереснее своей роли, а сама роль - роль лишь микроба в общем бульоне делового мира. Да, он стремится делать бизнес, но - с какими же целями?". Здесь автор цитирует классический роман: "Там внутри есть все: пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход, малопоношенный смокинг, лакей-японец, собственный бильярд, платиновые зубы, целые носки, обеды на чистом животном масле и, главное, мои маленькие друзья, слава и власть, которую дают деньги".

Комментируя цитату из Ильфа и Петрова, Л.Радзиховский проводит прямую аналогию с отечественным предпринимательством. "Это и есть главный тип нашего современного "бизнесмена" - не зря же г-н Стерлигов собирает на свои деньги ставить памятник своему духовному отцу О.Бендеру в Рио! Боюсь, что если заглянуть иному нашему стерлигову в рот, то и впрямь увидишь платиновые зубы. Не знаю, как у них с носками, но лакей-японец, пальмы, девушки - этого добра навалом. Это, естественно, для богатого человека. Забавно лишь (в этом и отличие нашего миллионера от западного), что наш: а) ни о чем другом и не думает и б) "Я бы взял частями. Но мне нужно сразу". Здесь же автор комментирует претензию "сразу". "У нас, - пишет Л.Радзиховский, - часто задают риторический вопрос: почему, мол, наши бизнесмены ничего не производят? Позвольте встречный вопрос: а на кой черт они будут производить? Чтобы "взять сразу", всякий разумный человек будет не кредит - помещение - сырье - рабочих - сбыт и т.п. искать, а займется шантажом и рэкетом - чем и занялся О.Бендер. Вот он тип нашего бизнесмена: рэкетир. Образец, которому так наивно следует г-н Стерлигов и К<sup>0</sup>".

В качестве второго - более сложного типа бизнесмена Л.Радзиховский рассматривает Корейко. А отличие Корейко от "чистого паразита" (Остап) характеризует цитатой из Ильфа и Петрова: "За что же вы хотите получить деньги? Я их заработал, а вы...". И еще цитата. "Так дела не делают, - сказал Корейко с купеческой улыбкой. - Может быть, - вздохнул Остап, - но я, знаете, не финансист. Я - свободный художник и холодный философ".

"Корейко, - комментирует Л.Радзиховский, - бескорыстно любит деньги. Этот Скупой Рыцарь, таскающий с собой свой чемоданчик, похож на В.Б.Шкловского. Того как-то спросили: как он умудрился написать столько книг? Шкловский ответил - это куда проще, и легче, и привычнее, чем отдыхать. Так и Корейко. Его не любит Зося Синицкая - и не полюбит. Он трудяга, он мрачный фанат работы, вкалыватель и к тому же жмот и скопидом, каких мало. Кому же ты такой пакостный нужен?! В Рио и на белом пароходе такому жлобу делать нечего. Уж если кто и может двигать экономику, то не Остап, а он... Здесь уже теплее. Такой человек, фанатик своего дела, может быть мотором экономики. Только такой и может".

Однако здесь Л.Радзиховский видит одно "но". "Корейко ведь тоже ничего не производит. Он хищник, разрушитель, вор. Финансовый бандит чистойшей воды. Механизм его разбоя описан в "Золотом теленке" идеально - хоть в учебник советской экономики (или, что то же самое, - в учебник криминалистики) ...".

Обобщая анализ двух типов (уровней) совбизнеса, автор пишет: "Да, если стремишься взять и смыться - становись рэкетиром-шантажистом. Если хочешь поставить солидное дело - будь медленным бандитом. Но и то, и другое - чис-

тое разрушение. Впрочем, иначе и быть не может, если иметь в виду структуру советской экономики, где посредине огромный, с гору, мешок ничейного бесхозного добра, которое только ленивый не украдет".

И, наконец, характеристика третьего уровня, высшего типа дельца. "Безенчук. Алкаш, дурак, презренный лавочник... Впрочем, как русская литературы глумилась над всеми почтенными профессиями - это мы уже проходили. Безенчук не только трудяга, любящий свое дело ("у меня гроб - огурчик!"), классифицирующий своих клиентов и т.д. Безенчук - производитель, дающий дешевый товар высокого качества, борющийся за клиента в высшей, самой достойной борьбе - в открытой, честной конкуренции. Вот если бы вместо... да нет - вместе с Корейко действовали бы Безенчуки... Тут бы "из России социалистической была бы Россия человеческая". Но Безенчук не нужен в Москве. И Остап (он-то здесь нужен, конечно) дает мастеру точный совет: "Поезжай в Париж. Там подмолотишь!". Хоть и с опозданием на 65 лет, но сегодня миллионы Безенчуков следуют этому совету. А Бендеры - Бендеры, похоже, все больше остаются в Москве... Правда, воровство идет столь успешно, что грех отрываться. Правда и то, что оно идет **СТОЛЬ УСПЕШНО**, что скоро и воровать-то будет нечего. Но билет на Рио - "я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза!".

2. Современная моральная ситуация и, особенно, перспективы предпринимательского этоса в нашей стране во многом определяются тем, из каких социальных групп, слоев, формируются индивидуальные и коллективные субъекты рынка. Проще всего принять распространенные мнения о том, что корни такого этоса - сплошь потенциальные преступники, тем более если принять трактовку современной ситуации как эпохи первоначального накопления капитала. *Принимаете ли вы такую трактовку? И разделяете ли точку зрения, согласно которой современные аналоги марксового представления о ключевых фигурах "той" эпохи - ландскнехта, ростовщика, купца и фермера - это: "функционер", "кооператор, спец", "теневик"? Оцените аргументы и факты этой классификации<sup>2</sup>.*

"Священнодействие смены экономической структуры в стране творится представителями четырех жреческих каст.

Представитель самой внушительной может быть условно обозначен как "функционер"... Широкомасштабный кадровый десант из административной системы управления народным хозяйством в его недирективные новообразования стал заметным общественным явлением", - пишет автор, предполагая, что не менее половины руководителей МП, СП, АО, концернов, ассоциаций и т.д. - бывшие номенклатурные (и неноменклатурные) функционеры. И далее фиксирует нравственно-конфликтную ситуацию, которая, видимо, отражается и в этосе предпринимательства?

"С некоторых пор в протоколах заседаний правлений акционерных обществ, коммерческих банков и т.д. замелькали фамилии народных депутатов всех уровней. Трудно себе представить парламентария Западной Европы или Северной Америки, способного сколько-нибудь долго равно полезно трудиться на благо избирателей и частной фирмы одновременно. Ни закон, ни морально-этические принципы, ни общественное мнение не позволят ему реализовать в такой форме профессиональный универсализм. У нас же такие вещи являются открыто, часто в обрамлении тернового венка борьбы за полновластие Советов и идеалы рыночного хозяйства. Если бы за данными программно-философскими установками не стояли люди с безупречной репутацией (широ-

ко известна, например, соответствующая позиция вице-мэра Москвы С.Станкевича), можно было бы заподозрить их сторонников в элементарном цинизме.

Нет, конечно, искренне подвижничество, хотя и в весьма оригинальной форме, тут не исключение. Но все же это и не правило. В большинстве случаев народный депутат-соучредитель фирмы, член ее правления, наблюдательного совета, ревизионной комиссии и т.п. мало чем отличается от выступающего в этой роли вчерашнего инструктора РК КПСС или зампредрайисполкома".

Среди морально-психологических черт портрета предпринимателя этого типа - "его гипертрофированное чувство собственного достоинства, "которое граничит с чванством", а "не критическое отношение к советам людей, уже достигших успеха в предпринимательстве, поражает воображение". Кроме того, "квалифицированным, самостоятельным людям, знающим дело, он предпочитает лично преданных подчиненных..."

Итак, "новая рыночная структура заимствует у старой наряду со зданиями, оборудованием, денежными фондами и руководителями".

"Представителей второй социальной группы, - продолжает автор, - лидеров процесса первоначального накопления капитала в нашей стране, правильнее всего было бы назвать "кооператорами". Каковы их отличительные признаки?

"Парадокс! "Кооператор", пересевший в 1990 году из кресла председателя скромной артели в офис СП, АО или концерна, - фигура современного бизнеса, куда более привлекательная по своим прошлым заслугам перед этим бизнесом, нежели "функционер". Хотя бы уже тем, что он повел за собой многих сомневающихся. Но по своему социально-психологическому облику этот бизнесмен производит куда более отталкивающее впечатление, нежели экс-владелец административного поста, принявший купеческий сан.

Было бы, однако, удивительно, если бы продолжительный бег с препятствиями по минному полю первой пятилетки перестройки - времени, когда те же кооператоры и ИТД то приветствовались, то осуждались, то получали потрясающие налоговые льготы, но наталкивались на шлагбаум юридических запретов и обрезывались рэкетиров, не трансформировал человеческой сути "выживших". Чуда, однако, не состоялось. И вот результат. Если, скажем, бизнесмен-функционер в своей самоуверенности чванлив, часто вполне безобидно, то бизнесмен-кооператор в той же ипостаси заносчив до агрессивности. Нередко даже вопреки экономической выгоде".

Следующая группа - "спецы". По мнению автора, так можно определить социальный лик представителя третьей, пока немногочисленной, но стремительно набирающей мощь когорты отечественных предпринимателей. И снова авторские оценки портретных черт этого типа. "Спеца-предпринимателя трудно спутать с представителями названных социальных групп. Они значительно демократичнее в общении с персоналом и представителями других коммерческих и государственных структур. Не уличишь их и в заискивании перед потенциальными иностранными партнерами: ранг и финансовые потенции контрагента значения, как правило, не имеют. В меньшей мере подвержены они "звездной болезни": сказывается наличие общей и технической культуры. Во всяком случае спесь тут редко вытесняет соображения целесообразности".

А вот более близкая к проблемам этики предпринимательства характеристика. "Среди "спецов" немало людей, совершенно искренне полагающих, что честный советский бизнес может быть нетеневым. Хотя бы в перспективе. Куда меньше среди них имеющих мужество и честь практически следовать этим искренним своим верованиям. Тем не менее можно уверенно говорить о них как о

ярком экзотическом явлении реальных рыночных отношений. И если у нынешнего мафиозированного советского народного хозяйства вообще есть некриминальное будущее, оно, безусловно, будет выпестовано этими романтиками честного бизнеса".

Переходя к описанию последнего типа, автор отмечает, что "теневики" - полпредов четвертого класса лидеров процесса накопления капитала - в общей их численности неизмеримо больше, чем было в "старой доброй Англии" - полигоне "Капитала" К.Маркса, в период колонизации "дикого Запада" США и даже в следующих вроде бы по тому же пути бывших соцстранах Восточной Европы. Но очевидно, что на стезю официального предпринимательства они не вступают. Искусно маскируясь, они предстают миру как уже известные нам "аппаратчики", "кооператоры" и "спецы".

*Завершив анализ текста, посвященного характеристике социального состава корпуса предпринимателей в нашей стране, попытаемся в заключение определить, что же привнесла положительного и негативного в общий этос отечественного предпринимательства каждая из рассмотренных групп? Вероятно, для этого предстоит от социально-психологических и этикетных портретов, содержащихся в анализируемом тексте перейти к характеристике собственно нравов, правил и образцов житейского поведения?*

3. Продолжая анализ "корней" нового класса, обратимся еще к одной классификации. Авторы статьи в газ. "Московские новости" выделяют в когорте советских миллионеров три основных типа: "акулы", "новая волна", "старые зубры"<sup>3</sup>.

"Акулы" - это "бывшие номенклатурщики". Всем больше тридцати, чаще 40-45 лет. Офисы фирм "акул" обычно в центре, порой прямо в "цитаделях" - зданиях, принадлежавших горкомам партии или комсомола. Предпочтительные сферы деятельности: посредничество, компьютеры, международный туризм. Многие фирмы начинались в центрах НТТМ. Особая разновидность этой группы - бывшие хозяйственники. Привилегии юридические, финансовые, возможность получать удобные офисы - вот то главное, что отличает "акул" от других бизнесменов.

"Новая волна" - те, кого труба позвала в 1986 - Закон об индивидуальной трудовой деятельности и в 1988 - Закон о кооперации. Две возрастные категории. Сорокалетние - публика разношерстная, бывшая научно-техническая интеллигенция, люди свободных профессий, "дворники", "вахтеры" (но не из богемных "сторожей"), бывшие рукастые бригадиры шабашек. 20-30-летние - следующее поколение, позволяющее судить о грядущих переменах в коллективном портрете нашего бизнесмена. Молодые коммерсанты - чаще без конкретной "специальности" в привычном нашем представлении. Если "старшая" категория считает невозможным отъезд из страны, то "младшая" четко ориентирована на Запад - при повороте вспять уедут тут же. Если "акулы" доверяют лишь коллегам с аппаратным прошлым, здесь самыми надежными считаются родственные узы.

"Старые зубры" - пожилые, с давними миллионами "цеховики", те, кто делал состояние еще во времена моды на "болоню". Осторожные, продолжают числиться в госсекторах народного потребления, считая биржу и консалтинг мальчишеством. Это - по уважительным рассказам "новой волны" - великие таланты, они умели создать дело еще при старой системе, и оно работало до сих пор".

Попытаемся "приписать" каждой из трех групп вероятные этосные характеристики. Возможно, есть смысл в аналогии с классификацией и этосными зарисовками в предшествующем тексте (N 2)?

4. Обсуждая тему "человеческого материала" становящегося гражданского общества, предположим, что Читатель, безусловно приверженный ценностям этого общества, в том числе и этике предпринимательства, не может быть безразличным к законам "сопромата", обуславливающим поведение "материала". Наш Практикум, обращенный к самим предпринимателям, дает им "зеркало" (а не тренажер карнегианского искусства); для тех же, кто еще самоопределяется в мире ценностей гражданского общества, дает игровой способ "примеривания". С этих точек зрения попытайтесь приложить к теме Практикума (оценив правомерность и эффективность для такого приложения) характеристику ситуации выбора, в которую, вольно или невольно, вовлекается представленный в тексте тип человека - "совок"<sup>4</sup>.

"При жизни Советской власти неоднократно заявлялось, что такой человек уже существует. Казенные философы перечисляли его характерные черты: непримиримость к недостаткам, коллективизм, готовность прийти на помощь товарищу, непреклонность в борьбе за повышение производительности труда, чувство социальной справедливости, честность, нравственная чистота. Все это вместе называлось "советский человек".... Потом... появился и заскакал по страницам наших книг и газет диковинный персонаж - хомо советикус. Вроде бы тот же самый "советский человек", но увиденный из западного далека ироническим глазом. Он, в общем, такой же, но на манер негатива белое стало черным: вместо коллективизма - конформизм, вместо товарищеской взаимопомощи - назойливое вмешательство в дела чужих людей, вместо неуклонного повышения производительности - элементарное отсутствие сообразительности, вместо социальной справедливости - бандитские ухватки экспроприатора, а вместо честности - простота, которая хуже воровства, а вместо нравственной чистоты - нравственная пустота. Портрет его, как оказалось, написан давно и только ждал своего часа. Появился на публике и был мгновенно узнан - булгаковский Шариков.

Однако оба - и "советский человек" и "хомо советикус" - были неживыми. Один - героическая фигура на котурнах, другой - злобная карикатура. Одним надо было гордиться, другого следовало бояться. На роль нормального соседа не годились ни тот, ни другой. А мы-то ведь живем с соседями. И тогда что-то хлюпнуло в недрах, и из гущи нашей жизни родилось неожиданное слово "совок".

"... Совок - это и оказался советский человек без кавычек - не злобный "хомо" и не парадный образ, а сосед по дому и лестничной клетке, с кем делим очередь в магазине и сиденье в трамвае. Не мерзавец и не герой, но человек, сразу и отчетливо опознаваемый как советский", - пишет автор.

После разносторонней характеристики он переходит к "психологии совка", описывая ситуацию выбора, от которой "совку" трудно уклониться. "Сравнительно спокойные времена застоя миновали, и новый генсек, а впоследствии президент закружил головы совкам, да так, как не в силах был никто из предыдущих. Будто жонглер, держит он в воздухе одновременно пять-шесть-десять блестящих шаров. Одновременно он пропагандирует социалистический выбор и рыночную экономику, демократию и ограничение гласности, правовое государство и чрезвычайные полномочия, ускорение и замедление, возвращение к ленинским нормам и движение к общечеловеческим ценностям, сильный

центр и сильные республики. Он жонглирует программами, а совок вертит головой и уже не понимает, что происходит и как ему жить дальше.

Но, войдя в магазин, он соображает, что дела плохи и ничего хорошего его впереди не ждет. В телевизоре премьер опять обещает, что опять цены ни за что не повысятся. В газетах мелькают "брокеры", "биржа" и "безработица". Не работать - это он умеет, но не умеет не получать зарплаты.

Над входом в рынок висит приветливое "Добро пожаловать", но он-то знает, что не для него, а для самоуверенных "брокеров", он-то знает, что для него бедного, плохо одетого, дезинформированного, не привыкшего к ответственности, - вряд ли найдется место под пышными сводами рыночной экономики.

А рядом - дверь без вывески. И из нее партийные функционеры выносят что-то стоимостью в десятки, сотни тысяч и миллионы. Это выносят привилегии. Совок бросается на борьбу с привилегиями. Борьба с привилегиями - это, говоря словами Маркса, опиум для народа, вздох угнетенной твари. А что еще делать совку, если его работа, та, к которой его приучали десятилетиями, стоит все меньше и меньше, в конечном счете ничего не стоит.

... Не останется ничего особенно зловещего и ничего особенно героического, останется только простой советский человек, которого фарца, интердевочки и прочие извлекатели так называемых нетрудовых доходов кличут "совок" (а еще "лох", "пинжак" и так далее) и на усталом горбу которого - сбываются предсказания коммунистов - общество собирается въехать в новое светлое, теперь уже капиталистическое будущее".

5. Для проблематизации вопроса о совместимости требований рыночной экономики и советского "человеческого материала", или, на современном жаргоне, вопроса "рынок" и "совок", легче всего привести сюжеты, суждения о невозможности решить задачу о прививке "классической розы к советскому дичку". Выдвигаются, однако, и иные подходы.

Американский социолог Леонид Хотин полагает, опираясь на результаты своих исследований и опыт жизни в СССР до эмиграции, что данный вид "хо-мо" ничем не отличается от других видов<sup>5</sup>.

"...Что все-таки самое трудное для советского человека, решившего стать деловым американцем? - спрашивает корреспондент.

Л.Х. - Научиться уважать закон и власть. Согласитесь, здесь тот руководитель добивался успеха, который умел обойти закон и перехитрить власть.

Кор. - Народная мудрость давно отлила эти способности в поговорки. Не обманешь - не продашь. Хочешь жить - умей вертеться. Не подмажешь - не подъедешь...

Л.Х. - Только не надо утверждать, что эти поговорки выражают русский характер. Я как-то сравнивал фольклор разных народов. И особых отличий не заметил. Сравнивал мораль советского и американского служащих. И тоже не увидел разницы... Впрочем, кое в чем разница есть. В России, скажем, считается постыдным информировать начальника об ошибках коллеги. А в Америке - в порядке вещей. У нас в институте, например, надо было уволить одну совершенно безнадежную даму. Но уволить за плохое преподавание трудно. А за расистские и антисемитские высказывания - легко. Эта дама действительно не любила негров и евреев, что постоянно демонстрировала в оскорбительной форме. Но надо было, чтобы люди это подтвердили. Американцы подтверждали с легкостью, а эмигранты из СССР стеснялись...

Кор. - Существует такая точка зрения, что разница между людьми, в рамках христианского мира, во всяком случае, только в количестве, но не в качестве.

Здесь воруют больше, там - меньше. Здесь взятки берут больше, там - меньше... Просто можно так устроить жизнь, чтобы дурные проявления свелись к минимуму. А можно поставить людей в условия, при которых они лучшим своим качеством не найдут применения.

Л.Х. - Я убежден, что так оно и есть...

Все эти модные разговоры об особом менталитете русских не просто чепуха. Они очень вредны. Во-первых, вас лишают стимула: мол, раз вы такие, то ничего не изменишь. Во-вторых, бьют по общественному мнению Запада: зачем помогать России, если она обречена? А я к разговору о менталитете вспомнил такой эпизод. Было это в чикагском аэропорту. Я летел до Нью-Йорка. Это, что называется, маршрут бизнесменов. Вижу парня - классический тип менеджера. Аккуратный, подтянутый, улыбающийся. Но тут выясняется, что в кассе осталось два билета. И на моих глазах этот бизнесмен стал работать локтями, грубо толкнул старую женщину. Почему? Потому что попал в ситуацию стресса. И немедленно повел себя, как нормальный советский человек. А были бы билеты, он, может быть, той старушке чемодан поднес. Вот и весь менталитет. В тот момент, мне кажется, я понял очень важную вещь. Просто люди в СССР живут в состоянии постоянного, непрекращающегося стресса. А когда вы в этом состоянии, то очень трудно улыбаться, проявлять любопытство к незнакомым, внимание - к друзьям, трудно быть обязательным, аккуратным... Отсюда вывод: не русский характер - кошмар. Кошмар - дефицит, который распоряжается вашей жизнью и вашим настроением. Кошмарны беззаконие, беспорядок, невозможность понять, что можно, а что нельзя, кошмарна постоянная неуверенность в завтрашнем дне... И я уверен: если бы не стресс, вызванный политическими причинами, то страна могла бы в ближайшие годы сделать огромный рывок. Во всяком случае, человеческий потенциал это позволяет".

Вряд ли следует обстоятельно доказывать связь классической этической темы "Личность. Среда. Воспитание" в ее модификации "Рынок и Совок" с темой "этнос предпринимательства" - и с точки зрения тех истоков, которые определяют состав формирующегося корпуса отечественных предпринимателей, и с точки зрения "экологии бизнеса", духовной среды, в которой он функционирует. *Можно ли принять суждения автора о мнимой специфике советского менталитета, о причине и соответствующем ей способе разрешения нравственных конфликтов? Для более взвешенного анализа обратимся к текстам Практикума, посвященным иным версиям этической модели "совка", "новых русских" и т.п.*

6. Перспективы этики предпринимательства в нашей стране связаны с тем, как будут сбалансированы апология и критика этоса становящегося предпринимательства, в какой мере будут взаимодополнительны моральная поддержка "делового человека" и беспристрастный анализ его "родимых пятен". В этой связи заслуживают анализа аргументы А.Шишова в статье "Униженные и оскорбленные" (газ. "Русский курьер", N 21, 1991. С. 3).

Автор начинает свои рассуждения с констатации исторической традиции. "Наша прогрессивно-демократическая интеллигенция всегда жаждала кого-либо возлюбить из рядов "обиженных и угнетенных" и подчас готова была идти на смертный бой ради защиты интересов предмета своей любви". Описав этапы такого рода любви к "мужику", к "пролетарию", к "рок-музыке", автор переходит к сегодняшней ситуации. "И вот о радость! Наша прогрессивная интеллигенция, вроде бы, опять нашла предмет для любви и защиты от нападков всякого рода ретроградов. На этот раз таковым оказался нарождающийся предприниматель-

бизнесмен". И далее рисует ироническую картину: "О, как же ему, новому предпринимателю, тяжело!" Сначала классификация "тяжестей". "Тут тебе и Советская власть, и интриги коммунистов, и никудышная психология народа, и отсутствие традиций, и зависть соседа, и сон чиновников-бюрократов, которые высасывают соки из бедного предпринимателя". В этой классификации реальных препятствий развитию отечественного предпринимательства иронии еще нет. Но вот дальше... "И ведь все, вроде бы, правильно - и Советскую власть у нас пока никто не отменял, и коммунисты еще кое-где и кое в чем пакостят и соседи норовят дом спалить. А что же сам предприниматель? А ничего, он себе тихо-спокойно ездит на скромном "мерседесе", мечется из Парижа в Нью-Йорк и дерет с нас, даже не три, а десять шкур в своих коммерческих магазинах, в кооперативных ресторанах и забегаловках. Ему, предпринимателю, в отличие от пылких и любвеобильных интеллигентов, глубоко наплевать и на "судьбы отечества", и на "благосостояние народа", ему дело надо делать - драть с нас шкуры".

Правда, автор не медлит с уточнением. "Разумеется, я не могу говорить огульно обо всех предпринимателях, кооператорах, бизнесменах. Главным образом я имею в виду тех, кто связан со сферой обслуживания, чья бурная деятельность бросается в глаза на каждом шагу, с кем ежедневно приходится иметь (а вернее, не иметь) дело нам, несознательным обывателям". И тем не менее, уточнив, строит на этом аргументе обобщение и предлагает способ преодоления нового фетишизма.

"Сегодняшний фетиш прогрессивной интеллигенции именуется одним коротким и емким словом "рынок". Грубо говоря, все, что "рынок" - хорошо", все, что "не рынок" - плохо. Позволительно обругать самых демократических демократов, лягнуть Ельцина и уж тем более Горбачева, но все, что так или иначе имеет отношение к рынку (в их понимании этого слова), все святое. Не тронь. Как в XIX веке демократическая интеллигенция, пылко отстаивая интересы крестьян и пролетариев, имела весьма смутное представление о так называемом простом народе, так и сегодня она имеет столь же смутное представление о так называемом простом предпринимателе и цивилизованном рынке".

И, наконец, после такого диагноза и анализа причин рыночного и бизнесфетишизма автор предлагает средства демифологизации: "... если интеллигенция XIX века могла жить, мало соприкасаясь с реальным бытом и с реальным крестьянином и пролетарием, то нынешние демократы (журналисты, депутаты, научные сотрудники и т.д.) вряд ли столь изнежены и отгорожены от нашей сегодняшней "бытовухи". И трудно поверить, что нынешняя "забитая и угнетенная коммерция", обитающая везде - от бывших "мороженных" ларьков до бывших общественных туалетов - вызывает у них такие бурные восторги и умиление.

Когда же мы, наконец, поймем: для того, чтобы разобраться "в рынке" и не рынке не обязательно читать толстые экономические трактаты и пространные газетные Статьи. Достаточно пройтись по собственному городу и станет ясно, что если завтра закроются все до одного коммерческие ларьки и магазины, то вряд ли у кого-нибудь из москвичей защемят сердце от жалости. Но стоило на несколько дней, например, закрыться Тишинскому рынку, как не сердце защемяло, а в желудке засосало и весь район, так сказать, встал на уши. Так что реальный быт и обывательская "бытовуха" - вещи весьма мудрые и поучительные. Не стоит ими брезговать, господа демократы. Себе дороже".

*1. Сначала просьба парадоксальная: не подвергать анализу очевидное, на наш взгляд: актуальность замеченной автором тенденции к фетишизации*

предпринимательской роли в современном обществе. 2. Но насколько распространена такая фетишизация? 3. Мы, разумеется, ждем традиционного результата в анализе текстов: взвешивания аргументов автора. 4. Здесь мы включили в текст свои комментарии. Поэтому предлагаем дополнительное предложение: определить правомерность наших сомнений в том, найден ли автором баланс между актуальным упреком в бизнесфетишизме у интеллигентов, и приведенными им аргументами-примерами в защиту своего предупреждения, а также и предлагаемое им средство антифетишистской профилактики? Если, разумеется, с вашей точки зрения, баланс аполгии и критики бизнеса необходим и возможен?

7. Вот одна из распространенных позиций человека, пытающегося познать мир предпринимательства (чтобы написать о нем журналистский очерк).

"Отправилась я туда, честно говоря, от страха. Мне казалось, что эти новые деловые люди своим приходом сменяют, или вытесняют, или обесценивают тот тип людей, кто в моих глазах всю сознательную жизнь был двигателем жизни: альтруисты, бессребренники, мыслители, мечтатели, подвижники... Словом, духовные люди. Пусть затравленные, задавленные, подпольные, но - духовные? И вот опять приходят Лопатины, и опять вырубают Вишневы сад? Точнее, редкие одиночные деревца, которые каким-то чудом все же выжили на нашей земле. Приходят, вытесняя общинность, душевность - индивидуализмом, духовные искания - деловой хваткой, высокие помыслы - жестким расчетом", - пишет О.Мариничева<sup>6</sup>.

А теперь - фрагмент, показывающий изменение позиции автора, ее настроения "на выходе" из познавательной ситуации, после встреч с одним из бизнесменов.

"Я слушала Марка и думала, что мы как-то привыкли, что философ - это тот, кто сидит и думает. А делец - тот, кто не думает, а действует. А если и думает, то как компьютер. Тонкий, чуткий, глубокий, духовный и нравственный Обломов лежит на диване и погибает. А менее чуткий и менее глубокий Штольц действует и побеждает. Но чтобы духовное вот так напрямую находило выход в практическом, материальном, экономическом?! И чтобы не просто стяжание прибыли вело человека - а "жажда бессмертия"?! Ощущение странное, как если бы давние наши знакомые Штольц и Обломов слились в одну, малознакомую для нас личность... Неужто в нашей истории им все же дано хоть когда-нибудь соединиться?"

Попытаемся ответить на вопрос автора, выделенный здесь курсивом?

8. Размышляя о мере стихийности и управляемости процесса становления предпринимательства, мы обнаруживаем различные подходы к вопросу о косвенном и прямом регулировании рынка государством и гражданским обществом. Так, Вадим Соколов в статье "Золотое дно" (Литературная газета. 15.05.91) пишет, что "вступая в рынок, мы легализуем тот "донный тип", который прежде шельмовали с самых высоких трибун. Но этим дело ограничиться не может. Придется практически заново создавать на его основе целое сословие людей, которые умеют владеть производительной собственностью, а главное, умножать ее трудом...". И далее формулирует нередко встречающееся сегодня сомнение и не менее часто высказываемое решение по поводу этого сомнения. "Вот только бы не впасть нам в очередную иллюзию - что де всякий предприниматель есть непременно Савва Морозов или Циндель, вкладывающий прибыль в просвещение и здоровье своих работников. Увы, большинство фабрикантов не были Морозовыми, откуда и произошла революция с ее иллю-

зиями, будто партия рабочих лучше этих кровопийц организует производство и справедливое распределение. С партией, пожалуй, наступила ясность. Теперь не промахнуться бы с упованием на забытое предпринимательство. Ибо "невидимая рука" (и об этом свидетельствует опыт развитых стран) действует эффективно и справедливо лишь под неусыпным контролем общества, государства. Развиваясь стихийно, частный капитал ввергает нас в еще большую депрессию, чем партийный диктат, в лучшем случае знак кризиса поменяется с недопроизводства на перепроизводство".

*Предупреждение об опасности новых крайностей, иллюзий убедительно и своевременное. Но попробуем отрефлексировать: не является ли упование на общественный и, тем более, государственный контроль аргументами все той же социалистической логики?! Не призывает ли нас автор всего лишь смягчить зло, якобы атрибутивное для предпринимательства? А может быть, бизнес с его экономической свободой как базовой ценностью и будет погублен контролем? Разве дело в том, чтобы заставить бизнесменов заниматься благотворительностью, подобно Морозову и Цинделю? Может быть, целесообразно - и нравственно - ограничиться контролем со стороны самого рынка, потребителя? А все остальное отдать этике предпринимательства, т.е. самоконтролю?*

*В то же время и у этого контраргумента есть слабая сторона: как идея самоконтроля звучит в условиях тотального дефицита, в которых невозможен потребительский контроль? Но, возможно, эта слабость контраргумента смягчится, если предложить в условиях переходного периода сдерживать не столько развитие рынка, сколько социальное напряжение?!*

9. Моральная парадоксальность предпринимательской деятельности связывается нередко с самой природой этой деятельности, с прибавлением капитала. Так, С.Соловейчик пишет о необходимости для бизнесмена иметь специфический талант, "редчайший талант производителя капитала. Это не талант хозяйственника, руководителя, организатора, менеджера, это все другое; нужен специфический талант приращения капитала, вкладывания денег туда и таким образом, чтобы капитал возрастал". По мнению автора, эта специфика таланта заключается в том, чтобы "в беспощадной борьбе выстоять, не разориться, прибавить к капиталу капитал". И тут же зафиксированное автором противоречие: "Капиталист жаден? Да, но только эта жадность, это отвратительное качество может потушить огни крематориев, остановить Большой бесхоз (так автор называет систему социалистического хозяйствования. - В.Б., Ю.С.)... Гений и злодейство несовместны лишь в искусстве, а в предпринимательской деятельности нельзя быть гением, не будучи злодеем"<sup>7</sup>.

*1. Автор говорит о предпринимательстве вообще; адекватно ли это применительно к переходному периоду, когда дело часто сводится не к приращению капитала, а к мгновенному обогащению ("схватил и убежал")?*

*2. Что доминирует сегодня: "жадность с приращением" или только "жадность"?*

*3. О "жадности" ли надо вести речь? Может быть о рациональности, духе накопительства, даже о долге, аморальной миссии служения капиталу? И тогда злодейство ли такая "жадность"?*

*4. Наконец, обязательно ли быть "злодеем", чтобы поступать как гений бизнеса?*

10. Акцентируя специфику переходного периода к гражданскому обществу, мы, вольно или невольно, можем потерять баланс между этим акцентом и общецивилизационными ценностями предпринимательства. Однако это - неизбежный риск. Никуда нам не деться от вырванности "советской цивилизации" из общемировых тенденций. Другое дело, что понимание природы этой "цивилизации" связано с пониманием самими ее субъектами природы своего менталитета.

Попытка вжиться в это понимание предпринята в данном тексте<sup>8</sup>. Проанализируем ее результаты.

"Я думаю, что нэп в 1929 году провалился не только из-за козней Сталина, не только вследствие завистливой алчности люмпенов, как пишут сейчас. Идеи нэпа, культивирование *обогащения любой ценой*, были противны наивной, почти религиозной трактовке идеала коммунистического ("подлинного") труда как труда бескорыстного, достаточно укоренившейся в народном сознании.

Как бы мы не нахваливали ныне цивилизованный капитализм за его экономическую эффективность, те черты свободного предпринимательства, которые окружают нас непосредственно (а тому доказательство - превращение слова "кооператор" в массовом сознании в синоним рвача), не привлекают нас. Мы видим, что бескорыстные (просто честные) кооператоры не так стремительно сбивают свои капиталы и в конкуренции проигрывают. Вот и вся логика, вот и весь опыт! И вывод - конкуренция ставит на пьедестал, на вершину пирамиды социального успеха отнюдь не любителя бескорыстных пожертвований, а стяжателя-бизнесмена, бросающего всю прибыль до последней копейки опять-таки в дело, в дело, в дело...

Что нам до разъяснений того, что конкуренция - неизбежная черта всякого раннего, зачаточного рынка (стадии первоначального накопления), что при определенном насыщении рынка конкуренция сама собой, естественным путем приобретает цивилизованные формы. Нет, это нас убедить не может! В нашем сознании легальный делец лишь прикрывает своим тщедушным тельцем мощную и зловещую фигуру дельца подпольного - главаря мафии, пользующегося легальным рынком лишь для отмыwania своих бесчестных капиталов, замешанных на потакании порокам, на продаже тела и души, на крови... В наше сознание внедрен образ бандитского капитализма, главный клич которого "деньги не пахнут"! И мы считаем твердо, что с этим кличем, с таким звериным рынком всякий бандит может легализовать свои деньги, купить себе удостоверение на имя почтенного гражданина, вложить деньги в солидный устойчивый бизнес и жить себе на проценты где-нибудь на собственном ранчо. Этот образ наша пропаганда формировала в сознании советского человека долго и усердно. И наивно было ожидать, что теперь это не выйдет нам боком - что не станет этот образ для некоторых руководством к действию в новых экономических условиях... Долго доказывали, что коммерция - это искусство взаимного надувательства, а теперь ждем, что откуда-то сама собой возьмется определенная культура и этика коммерции?..".

11. Несмотря на многочисленные попытки дать понятие предприимчивости, "духа предприимчивости", личностных качеств, связанных с формированием этого "духа", определить организационные структуры, способствующие развитию таких качеств и т.д., существует и смешение понятий, и их размытость, и прямые противопоставления терминов. *Предлагаем для анализа версию А. Гиббса, автора статьи "Культура предпринимательства: риск и шансы"*<sup>9</sup>.

"Предприниматель - это предприимчивая личность, демонстрирующая оп-

ределенные черты и стандарты предприимчивого поведения и мышления, причем в сфере деловой жизни. Предпринимателя, таким образом, лучше всего описать через набор личностных качеств, в который входят: инициативность; сильная воля; скорее умеренная, чем высокая склонность к риску; гибкость; творческие способности; независимость (автономность); аналитичность; явно выраженная потребность в достижении успеха; развитое чувство хозяина своей судьбы; лидерство; работоспособность".

*Итак, первый этап анализа. 1. Оценим предложенный набор качеств с точки зрения их необходимости и достаточности. 2. Попытаемся выделить в этом наборе качества личности, которые наиболее сопряжены с нравственной жизнью человека (как субъекта морали в целом, как субъекта профессионально-нравственной деятельности).*

Далее автор характеризует природу предприимчивости в ее зависимости от вида деятельности и характера бизнеса. "Являются ли эти качества врожденными или каждый может приобрести их по мере развития личности и обучения? Истина, видимо, лежит где-то посередине. Некоторые люди от природы более предприимчивы, чем другие, но вместе с тем образование и личный жизненный опыт могут как подавлять, так и поощрять развитие предприимчивости. Некоторые из указанных личностных свойств обязательны для успешного начала собственного дела, необходимость других больше зависит от специфических особенностей данного предприятия.

... Обычно в характеристике предпринимательства подчеркивают самостоятельность (независимость) предпринимателя. Но если говорить строго, то культура предпринимательства предоставляет индивиду возможность выбирать не между свободой и подчинением, а между разными по характеру видами зависимости: хозяин дела не является независимым, он меняет зависимость от работодателя на целый ряд зависимостей - от потребителя, заказчика, рабочей силы и т.д.", - отмечает автор момент, который весьма важен для понимания структуры этоса бизнеса - специфика свободы порождает и специфическую ответственность. Можно ли согласиться с таким предположением? Если "да", попытаемся испытать его истинность на примере следующей ниже характеристики автором особенностей "собственного бизнеса", или "бизнеса малого", отличающегося им от предпринимательства в целом.

"Предпринимательские задатки у человека могут проявляться в организациях самой разной структуры и размеров. Но наибольшего их развития по самой природе задач и условий функционирования требует собственный бизнес. Хотя какие именно {и до какой степени развитые} личностные качества необходимы, определяется, как уже отмечалось, спецификой бизнеса и характером изменений окружающей деловой среды. Так, чтобы держать мелочную лавку, вряд ли необходимы большинство из вышеотмеченных черт, кроме разве что повышенной трудоспособности. А вот чтобы владеть керамической мастерской, уже необходимы определенные творческие способности и воображение. Занятие же бизнесом в сфере высоких технологий (например, телекоммуникаций) требует наличия едва ли не всех перечисленных качеств.

Сущностной чертой малого бизнеса как раз и является непосредственное владение делом (собственностью) теми, кто им руководит. Это может быть частное лицо или группа лиц, общество с ограниченной ответственностью или кооператив. Важна именно внутренняя связь собственности и контроля, тождество собственника и управляющего, предполагающие принятие на себя полной ответственности и связанного с ней риска".

*И, наконец, попытаемся соотнести с особенностями переходного периода в нашем обществе, его политической этики в ситуации перехода от административной к рыночной экономике суждения автора о связи предпринимательства с политической ситуацией. "То, что одни люди от природы предприимчивее других - факт очевидный, как и то, что в определенные периоды жизни люди ведут себя более предприимчиво, чем обычно им это свойственно. Менее очевидно, что побуждать к предприимчивости могут различные мотивы. Так, в полном противоречии с общепринятым мнением предприимчивость часто проявляют как раз люди консервативного склада, противостоящие переменам (например, лица и группы лиц, борющиеся за сохранение окружающей среды, или рабочих мест, или даже против прокладки дороги через их приусадебные участки. Важно также принять, что дух предприимчивости может сохраняться и при таких политических режимах, которые, казалось бы, мало благоприятствуют развитию предпринимательства. В действительности предприимчивость может даже усиливаться именно благодаря отсутствию нормальных политических условий для ее проявления. Однако в наибольшей степени предпринимательство отвечает этике капитализма".*

12. Понимая, что мы живем в переходный период и находимся лишь на стартовой фазе развития этики предпринимательства, важно все же определиться - считать ли эталоном нормы, характерные эпохе первоначального накопления капитала или эпохе цивилизованного бизнеса, т.е. нормы и ценности развитого гражданского общества? С одной стороны, можно ли уже сегодня ориентироваться на моральные достижения, к которым цивилизация шла веками - не утопизм ли это? С другой стороны, можно ли позволить себе принять мораль, от которой человечество уже давно ушло? И, с третьей, от нас ли зависит этот выбор? *Попытаемся проанализировать ниже следующий фрагмент статьи журналиста В.Баскова с точки зрения этих вопросов.*

"Пока многие наши деловые люди по старинке предпочитают ловчить и называть это бизнесом. Как некогда хитрый г-н Луазс - один из сословия тех, кто "делает деньги". Голые деньги. "Делать деньги" - это и есть тот самый упрощенный, вульгарный бизнес времен зарождения общества деловых людей.

Для современного бизнеса деньги вовсе не самоцель. Самоцель - применение своих способностей в полной мере на благо людей, каждого человека в отдельности. Такая предприимчивость никогда не будет обесценена. И, наоборот, бизнесмен, делающий деньги, оказывается выше человеческих страстей и забывает о сострадании..."<sup>10</sup>

13. Обсуждая нравственный "портрет" предпринимателя как ключевой фигуры среднего класса, выявляя его признаки в настоящем, соотнося их с желаемым будущим, мы обычно исходим как бы из доказанной теоремы об отсутствии такого класса в современной ситуации нашего общества. Приходится, однако, учесть и иную версию. *Предлагаем для анализа парадоксальные суждения Николая Климонтовича*<sup>11</sup>.

Автор начинает с фиксации парадокса: "То и дело сторонники скорейшего проведения экономической радикальной реформы, которая на сегодняшний день свелась лишь к многократному росту цен и дальнейшей инфляции, прибегают к такому "аргументу", на первый взгляд, кажущемуся довольно разумным: нужно создать "средний класс" - и добавляют: "класс собственников". Этому, по их мысли, должны послужить и приватизация жилья, и "справедливое" распределение национальной собственности путем раздачи всем поровну акций при-

ватизируемых предприятий. Но вольно или невольно происходит подмена понятий: у нас не нужно создавать "средний класс", он у нас уже есть. Более того, у нас фактически нет ничего другого, кроме "среднего класса".

Автор имеет в виду такую специфику нашего государства и общества, когда "повсеместная возможность извлечения дополнительной выгоды на каждом рабочем месте по отношению к зарплате наемного работника и делает абсолютное большинство бывшего советского общества "средним классом", и относятся к нему и совхозные, и колхозные рабочие, и военнослужащие, и бюрократия, и большая часть так называемой интеллигенции, и самого разного рода "служащие" - будь то в конторах, магазинах или на железной дороге".

Уточняя понятие, выделяя "обтрепанные края" этого класса, - с одной стороны, люмпенов, маргиналов, а с другой - "элиту", не случайно "закавыченную", ибо старая почти исчезла, а новая еще не устойчива, - автор подчеркивает, что "когда идет речь о "создании среднего класса", имеют в виду, конечно, создание более или менее мощного слоя богатой буржуазии", который "нельзя" создать "в одночасье". И вот здесь- то он фиксирует одну из трудностей жизни такого рода созидания. "На сегодня нет стандарта жизни богатого предпринимателя, нет культуры буржуазии, нет людей собственно буржуазного склада, но есть лишь отдельные нувориши-выскочки, которые, по сути дела, исповедуют все стандарты жизни среднего класса, из которого они вышли в первом поколении, лишь количественно их наращивая. При этом опять-таки все упирается в полное отсутствие гарантий сохранности их собственности, а главное - их капиталов. Эта нестабильность психологически делает их лишь мелкими бургерами, охваченными лишь теми чувствами, что и малоимущий остальной средний класс".

14. Самопознание предпринимательского сословия - процесс, которому, вероятно, только еще предстоит "пойти" в обозримом будущем. Кроме очевидных причин такого запаздывающего развития не забудем трудности самого выбора модели, ибо вряд ли альтернативы выбора сформированы с достаточной строгостью и полнотой."

"Ярлык "гомо советикус" постсоветская публицистика приклеила и нашим предпринимателям, хотя их поступки большинству пока непонятны", - говорят Л.Резе и О.Полукеев. - Объяснения располагаются в весьма широком диапазоне: от безапелляционных обвинений в криминогенности (якобы неотъемлемом свойстве всех бизнесменов СНГ) до рассуждений о пресловутой загадочности славянской души"<sup>12</sup> .

И если зарубежный бизнес является предметом внимательного исследования, то отечественный еще только становится таким "предметом". В этом плане, по мнению авторов, полезным для нас может оказаться учение об идентичности американца Эрика Эриксона, согласно которому явления общественной жизни в целом и в бизнесе, в частности, рассматриваются как соответствие определенному имиджу, паттерну, идентичности. Несоответствие ведет к кризису.

Разъясняя содержание неизвестной на русском языке работы, авторы предваряют применение концепции Эриксона к характеристике отечественного делового мира следующими разъяснениями: "Под идентичностью Эриксон понимает психосоциальную тождественность личности или социальной группы. Достижение идентичности означает умение прочно занять свое место в жизни. Обладать идентичностью - значит иметь устойчивые цели и специфические личные (групповые) качества, необходимые для успешного выполнения уста-

новленных обязанностей". Не всем удается реализовать эту задачу. "Если в окружающей действительности нет социальной модели (паттерна), с которой предприниматель стремился и мог бы себя идентифицировать, наступает кризис идентичности". Только достигнув идентичности, "согласно теории Эриксона, бизнесмен обретает чувство монолитности со своей средой. Но эта синтетическая деятельность тем более трудна, чем более противоречивые ценности нуждаются в примирении".

И, наконец, приложение описанного подхода к отечественной реальности. По мнению авторов, "очевидно, что в состоянии кризиса идентичности пребывает все наше общество, в том числе и деловой мир. Одна из иллюстраций - поведение известного бизнесмена Артема Тарасова, демонстративно заплатившего некогда огромную сумму партийных членских взносов. Последовавшие за тем не менее демонстративные его поступки вкупе с широко вещательными заявлениями по различному поводу в средствах массовой информации вызвали негативную по преимуществу реакцию общественного мнения относительно деловых людей вообще. Отъезд Тарасова из страны стал неизбежен. Он не нашел себя, не сумел идентифицироваться с ролью и образом бизнесмена, необходимого в данный момент. По-видимому, только предприниматели СНГ способны по-настоящему осознать, почему возвращение Тарасова на родину воспринимается как нежелательное...".

Трудная ситуация самоопределения для отечественного предпринимателя: с кем же себя идентифицировать? "С Артемом Тарасовым? западным бизнесменом? дореволюционным купцом, фабрикантом? Он догадывается, - полагают авторы, - что следует выработать некий собственный стиль, но какой? Этапу перехода к рынку ни одна из этих моделей не подходит".

"Состояние диффузии идентичности, характерное для всех отрядов отечественного бизнеса" проявляется в целом ряде неадекватных стратегий, вызывающих негативную общественную реакцию. Во-первых, речь идет о том, как предприниматели "играют в политику". Поиск (психический мораторий) затянулся еще и потому, что отечественным предпринимателям поневоле приходится взваливать на себя нелегкий груз политической деятельности. В стране с неразвитой системой цивилизованного лоббизма бизнесмен просто вынужден "играть в политику", не имея достаточных навыков ни бизнесмена, ни политика. Усилия на этом поприще представляют определенную угрозу обществу, благополучие которого прямо связано с состоянием дел в бизнесе. Страдают и сами бизнесмены. От своей же собственной неадекватности, непрофессиональной политики. О чем красноречиво свидетельствует углубляющееся противостояние крупнейших московских финансовых пулов (МТБ и РСТБ)...".

Во-вторых, неадекватность в собственно предпринимательской стратегии. Авторы выделяют здесь суетливую погоню "за сиюминутной выгодой в ущерб возможным в будущем стабильным прибылям, чего подлинный бизнес никогда себе не позволяет. А все это, естественно, ведет к негативной реакции по отношению к нуворишам как в стране, так и за рубежом. Впоследствии это способно привести к тому, что к руководству малым и большим бизнесом у нас придут представители структур, имеющих длительную традицию управленческой деятельности и обладающих прочными навыками аппаратной солидарности".

В-третьих, поиск собственной идентичности вне сферы своего бизнеса современные ведущие предприниматели ведут, по мнению авторов, растрачиваясь "в борьбе за распространение в массах категорий так называемого юриди-

ческого мировоззрения - классической системы взглядов буржуазии, суть которой выражается словами Гельвеция "законы могут все". К каким противоречиям это приводит? "Пропаганда идей правового государства - дело отнюдь не наших нынешних бизнесменов, - отмечают авторы. - И прежде всего потому, что они ими глубоко проникнуться еще не успели. Поэтому любые заявления и призывы на сей счет в их устах - пример, как легко в период всеобщей потери идентичности дискредитируются и правильные идеи, и их пылкие неофиты". А кроме того, полагают авторы, "подобные факты - следствие (порой и причина) потери конкретными предпринимателями инициативы в бизнесе".

В качестве примера приводится два случая. "Недавно Валерий Неверов, президент нефтяного концерна "Гермес", в самой массовой газете СНГ посетовал: полученный призовой автомобиль иномарки долго не регистрировала ни московская, ни тюменская ГАИ. Кому он на это жалуется! И когда?! По всей видимости, нынешние трудности "Гермеса" в немалой степени объясняются и тем, что компаньоны от "диссидентствующего" президента с его "правозащитными" заявлениями постарались спешно дистанцироваться. Вынудил своих некогда верных соратников к похожим шагам и бывший президент АО РТСБ Константин Боровой, когда стал вдруг огульно обвинять в коррупции государственных чиновников...".

*Вопросы для анализа: 1. Применимо ли учение об идентичности к познанию современного отечественного предпринимательства? 2. Степень убедительности поставленного авторами диагноза (факты и их интерпретация) и прогноза последствий каждой из неадекватных стратегий? 3. И все же, правомерна ли сама попытка оценки поиска моделей успеха переходного периода по критериям "подлинного предпринимательства"?*

15. Немного нужно усилий, чтобы прийти к выводу о необходимости конструировать собирательный моральный портрет современного отечественного предпринимателя с помощью двух "зеркал": самооценки предпринимателей и образа предпринимателя в общественном мнении. Очевидно "плюсы" и "минусы" самодиагностики можно увидеть в материалах круглого стола, проведенного популярной газетой с целью "глазами предпринимателей взглянуть на тот портрет третьего сословия, который сформирован в нынешнем политико-экономическом контексте"<sup>13</sup>.

Предмет анализа - "плюсы" и "минусы" не очевидные.

### **Каха Бендукидзе, предприниматель.**

" - Начнем с того, что никакого третьего сословия у нас пока нет. Как, впрочем, первого и второго. Мы все - люмпены. Люмпен-журналисты пишут статьи для люмпен-интеллигенции, люмпен-пролетарий нанимается на работу к люмпен-предпринимателю. Я прежде всего имею в виду менталитет. Недавно предложил одной из своих молодых работниц возглавить торговый отдел. Отказалась. Нехорошо, говорит, покупать подешевле, а продавать подороже. Спросите биржевика, чем он занимается. Разве он скажет вам гордо, что вот, мол, я создал замечательную вещь, где можно купить и продать все, приходите и торгуйте? Нет. Покраснеет и начнет сбивчиво лопотать, что он-де вкладывает деньги в производство, что у него мозоли и пот с него льется ручьем. Стыдно торговать, плохо быть богатым... Даже в демократической прессе это сидит. Сколько раз спрашивал в лоб: "Вы за эксплуатацию человека человеком?". В ответ: "Что вы, как можно!" Значит - за коммунизм? А причина нашего люмпенского сознания одна: отсутствие собственности. Вот здесь сидят люди, ко-

торые контролируют десятки миллионов. Спросите их: могут они купить, скажем, парикмахерскую, если, конечно, раньше не купят какого-нибудь парикмахерского министра?"

**... журналист Виктор Лошак:**

- Меня вот что интересует: раньше, когда бизнес наш был в младенчестве, мы получали от вашего брата массу писем с просьбой помочь, защитить. Теперь - тишина. Что, вы настолько выраста и окрепли, что больше в нас не нуждается?

**... Андрей Белов, предприниматель:**

" - Наша компания "Российский дом" - это бывший АНТ. И мы, наверное, как никто ощутили на себе силу прессы. Не знаю, как власть, но массовое сознание по-прежнему из нее черпает свои ориентиры. Пока это ориентиры люмпенов, где бизнес - синоним зла. Так что та пресса, которая действительно ратует за рынок, должна попытаться сломать этот абсолютизм. Как? Бросать на чашу весов все новые положительные примеры".

**Константин Затулин, предприниматель.**

" - Пресса и раньше и теперь выполняет по отношению к предпринимателям роль щита. Но она по-прежнему идеологизирована, разве что поменяла кумира. Раньше воспевала ценности социализма, теперь балдеет от бизнесмена, ворочающего миллионами. И, как прежде, старается не замечать недостатков. На определенном этапе это нормально. И это сыграло свою роль в охране ростков предпринимательства. Но если бы прекрасноразумные журналисты сейчас проникли в лабораторию предпринимательской мысли, то, наверное, совершенно неожиданно для себя обнаружили бы там клубок весьма "нечистых" мыслей. Например, о прибыли, о желании жить на Западе и совсем ничего - об отечестве и народе. Это тоже нормально. Потому что бизнесмен по правильности своих идей вовсе не должен быть секретарем райкома предпринимательства. Он не должен, как директор госпредприятия, думать, каким образом увеличить производство на 25 процентов. Если ему ту же прибыль даст снижение производства, он пойдет на его снижение. Другое дело, что этого не позволит конкуренция. А вот когда в этой конкурентной борьбе будут участвовать сотни тысяч предпринимателей, когда эта борьба преобразит страну и народ, вот тогда появятся и мысли об отечестве и гордость. Чем быстрее пресса избавится от прежних иллюзий, тем быстрее с образом предпринимательства сживутся люди".

16. Вполне доступные здоровому взгляду и подкрепленные результатами социологических исследований изменения в общественном мнении в пользу перехода к рыночной экономике налицо. Более того намечается тенденция к сбалансированности реакции на эту неизбежную стадию развития общества: уходят или ослабляется как эйфория о рынке-рае, надежде на безусловно счастливую жизнь, так и отождествление рыночной экономики с адом.

Сложнее обстоит дело с нравственной интерпретацией рыночных отношений вообще, предпринимательской деятельности в том числе. Если рынок - неизбежность, то склоняющееся к такому представлению общественное сознание разорвано в нравственной оценке этой неизбежности, в ее моральном оправдании.

Ученые Института социологии в рамках опроса работников предприятий промышленности задали вопрос: "Можно ли предпринимателя назвать "человеком труда"? Да - 69,8 %, нет - 19 %. А вот более близкий к теме нашего Практикума вопрос: "Выберите из списка три слова, наиболее близкие по смыслу к

слову "предприниматель": "бизнесмен", "эксплуататор", "хозяин", "капиталист", "деляга", "рискованный парень", "ловкач", "работяга", "махинатор", "деловой человек", "коммерсант", "жулик". Первые три места заняли: "бизнесмен" (47,6%), "деловой человек" (38%), "хозяин" (23,9%)<sup>14</sup>.

*Прежде всего проанализируем точность альтернатив, предложенных социологами участникам опроса для выбора. Затем проанализируем, свидетельствуют ли полученные в итоге опроса приоритеты о том, что предпринимательству дана моральная санкция. Если нет, попытаемся предложить адекватный для ответа на вопрос о санкциях набор альтернатив.*

17. "Нравственный портрет" отечественного предпринимательского сословия еще только предстоит создать коллективными усилиями исследователей. Но уже первые штрихи к такому портрету дают возможность выделить задачу анализа преобразующего влияния "правил игры" на становление нравственного мира нового сословия. Рассмотрим с этой точки зрения зарисовки и рассуждения М.Бергера и М.Гуртового в статье "Биржа: дом свиданий рыночной экономики с командой"<sup>15</sup>.

Биржа, с точки зрения авторов, "не механизм рынка, как считают многие, а только площадка для игры по честным правилам. Сделку можно заключить где угодно, даже в подворотне, этом излюбленном месте советской купли-продажи, но там никто не гарантирован от надувательства. На нормальной же бирже можно говорить только по правилам".

Авторы подчеркивают этическую проблематику брокерского дела: "Как ни странно, главные проблемы не экономические, а этические".

И вот зарисовка с выводами. "Главный результат экономических реформ - "новые люди" - так выразились в разговоре с нами эксперты Всемирного банка. Пока новый класс советских бизнесменов таких людей не дал. Вглядываясь в них, мы постоянно обреченно повторяем: "Маска, я тебя знаю". В новом предпринимателе узнается старый партаппаратчик, в посреднике - фарцовщик... Пока не появятся новые люди, говорить всерьез о перерождении режима бессмысленно.

А вот общение с людьми биржи породило некоторые надежды. Они приходят сюда отовсюду. Например, управляющая 310-й брокерской конторой РТСБ Ольга Зверькова пришла из телепрограммы "Добрый вечер, Москва!", где делала передачи об экстрасенсах. Брокер Михаил Негин - бывший инженер-электронщик секретнейшей воинской части. Какими они были в свой добиржевой период? Наверняка немногим отличались от прочих сограждан. Сейчас же их отличие в том, что они стараются играть только по правилам, и их выгода зависит именно от соблюдения правил и приличий.

Брокер, раз обманувший клиента, больше его не заполучит. А всерьез заработать на бирже можно, лишь получив постоянный "канал", то есть, скажем, чтобы вся норильская медь шла только через тебя. Ты получаешь определенный процент и даешь определенные гарантии. Эта определенность формирует и новый тип отношений, и новый тип людей. Конечно, в брокеры попадают и жулики. Но вот именно здесь и начинаются метаморфозы, обусловленные открытостью процесса. Вначале, как и принято у нас, а РТСБ доходило до мордобоя между брокерами. Сегодня вошло в правило обращение "господа". Честная репутация, которая обеспечивает тебе привязанность постоянной клиентуры, начинает цениться больше, чем умение хапнуть. При близком знакомстве поражает именно это нежелание урвать и сбежать, едва ли не определяющее в советской психике. Здесь же, напротив, стремление обеспечить прибыльность

не только себе, но и партнеру, сделать операцию обязательно взаимовыгодной, только тогда она будет повторяться и, значит, принесет по-настоящему серьезный доход".

## 2 Предприниматель как субъект и объект этической реформации

18. "Вы, или никто". Этим названием своей статьи драматург Александр Гельман (Газета "Третье сословие", N 2, 1992), казалось бы, по нашему заказу для темы "предприниматель как субъект этической реформации" высказал свои суждения, в которых, представляется, очертил ситуацию становления предпринимательского этоса и его влияния на нравственную жизнь всего общества.

"Новое сословие не имеет прошлых заслуг, какие имели большевики, когда пришли к власти. Те сидели в тюрьмах, на каторгах, страдали за народ. Тех было за что уважать. Те потом были к народу беспощадны, а народ их все равно любил. Эти еще почти ничего не успели сделать, а их уже чуть ли не проклиняют. Почему так?

Потому что работает такая сила, как власть прошлого. Люди полагают, что если в прошлом, когда вы власти никакой не имели, вы были честны и порядочны, то теперь, когда вы обрели огромную власть, вы будете такими же. Люди никак не могут усвоить, несмотря на множество уроков истории, что то, как в настоящий момент ведут себя властители, очень мало зависит от того, как они вели себя в прошлом, когда властителями не были. Поведение властителей предопределяется экономическими и правовыми взаимозависимостями в обществе, и особенно внутри правящего сословия, а не традициями или заслугами в прошлом.

В этом смысле внутрисословные отношения в мире предпринимателей устроены разумно. Уже в силу требований рынка предприниматели просто вынуждены поддерживать дух свободы критики. Ведь конкуренция есть не что иное, как взаимная критика предпринимателей, и это очень серьезная, беспощадная критика. Эта взаимная, критика деятельности, но не словами, а товарами, технологиями, ценами. А теперь вспомните внутрисословные отношения в правящей КПСС - там царствовала круговая порука, засекреченность, таинственность, чиновничество. И такими же были не только политические, но и экономические отношения. Ясно, что при такого рода нравах нельзя рассчитывать на устойчивый успех. Крах при такой системе отношений неминуем".

В какой мере адекватно реальным нравам нашего времени представление о внутреннем кодексе предпринимательского сословия, воплощенном в конкурентной деятельности? Является ли механизм конкуренции достаточным механизмом социального контроля и моральной регуляции?

19. Неизбежно, что наиболее реалистичные авторы публикаций о переходной ситуации в стране в своих диагностических рассуждениях стремятся отличить "суррогат предпринимательства" от той тенденции, которой принадлежит цивилизованное будущее нашего общества. Пытаясь преодолеть собственный скепсис и охватившие многие группы общества сомнения, такие авторы делают ставку на рост свободы, укрепление реалистического мышления, видя в этих феноменах и моральную надежду общества.

*Проанализируйте, пожалуйста, программное заявление редактора отдела экономики популярной газеты, взвесив аргументы его оптимистической оценки созидательной роли предпринимательства в обновлении страны<sup>16</sup>.*

"Страна умирает, как древний ящер с новым вирусом в клетках", - пела еще три года назад популярная рок-команда. Более точного определения того, что с нами происходит, я еще не встречал. Действительно, все признаки "умирания налицо": бешеная инфляция, небывалое по своим масштабам опустошение потребительского рынка и разрушение хозяйственных связей, ветшающие города с беспокойным населением, бегство умов из страны, уголовщина, распад Союза на административно-территориальные составляющие... Но однажды я поймал себя на мысли, что я лично не испытываю уныния и отчаяния. Наоборот, во мне лихорадочное ощущение того, что я вот-вот упущу внезапно открывшиеся передо мной возможности. Независимо от своей воли я начинаю прокручивать в голове различные прожекты: как из нищей городской библиотеки сделать комфортабельный центр культуры и досуга, что нужно для того, чтобы организовать рекламное агенство, и - в конце концов, не взяться ли за разведение крокодилов? Сегодня ВСЕ ВОЗМОЖНО!

Вижу - то же самое происходит с моими друзьями, коллегами, знакомыми. Предпринимательский ажиотаж! Говоря языком социологическим, из глубины общества на поверхность выбивается новый класс людей, алчущих СОБСТВЕННОГО ДЕЛА, рассматривающих бизнес как ЦЕЛЬ, а не средство.

Пока еще золотое времечко для тех, кто пользуясь внезапно воссиявшей на горизонте экономической СВОБОДОЙ, снимает "пенки", скоротечно набивая свой карман легкими деньгами. Мне подобный "бизнес" скучен. Он процветает благодаря товарному, информационному и культурному голоду... Это не рыночная экономика и не предпринимательство, а их суррогат, с которым мы вынуждены мириться в условиях отсутствия нормального рынка и правовых гарантий предпринимательства... Рынок для меня - это прежде всего сообщество новых людей, для которых экономика - такое же творчество, как для поэта - писание поэм. И как в любом творчестве, здесь большая доля смелости, риска, бескорыстия и подвижничества, а также уникальность, "штучность" каждого отдельного опыта, человека...

Слишком много сегодня есть поводов для сомнений. Сомнений в том, что рост деловой активности и становление рынка будут идти без губительных выходов в политике, в законотворчестве... И все-таки я верю, что вирус свободы, с космической скоростью плодящийся в недрах "ящера" - нашей уже не управляемой страны, - спасет нас. За чувством свободы приходит неизбежно и чувство реальности. Мы головокружительно падаем. Но падаем не в бездну, а на землю. Падаем с высот мечты-идеологии в объятия смысла, труда и любви. Мы становимся реалистами - любящими реалистами, а не холодными фанатиками блестящей, но бесплодной идеи. Мы возвращаемся из небытия. И мое человеческое, профессиональное желание - чтобы эта посадка-возвращение была как можно более точной и мягкой...".

20. Самооценки - и самовозложение долга - предпринимателей, в том числе тех слоев складывающегося сословия, которые активно формируют его идеологию, дают возможности прояснения эталонов, на которые ориентируются - в декларациях - отечественные деловые люди. *Проанализируем по критерию необходимости и достаточности (если это возможно, дополним) сформулированные вице-президентом Российского Союза промышленников и предпринимателей А.Владиславлевым программные положения*<sup>17</sup>.

"Я убежден, что без людей, которые создают материальную базу общества, двигаться вперед не сможем. Но они должны отчетливо понимать, в каких условиях сословие возрождается.

Первое, Развивая бизнес, с самого начала думать не только о доходах "любой ценой", но и об этике предпринимательства. Эта среда должна развиваться цивилизованно, интеллигентно. От отношений, которые складываются в словесии, зависит его судьба. Если сегодня оно, грубо говоря, "передерется", люди начнут наступать друг другу на горло, - будущего нет.

Второе. Я часто слышу: кооператив "отвалил" детскому саду пять тысяч. И все горды и счастливы. На самом деле благотворительность должна быть лишь дополнением, твоим личным делом. Главным же материальным вкладом должны стать налоги, которые третье сословие платит государству на реализацию социальных программ.

И еще: возрождающееся третье сословие обязано принести, вернуть обществу новое отношение к труду, создать новые рабочие места...".

21. Гипотеза о предпринимательском сословии как субъекте этической реформации общества в самой себе содержит ограничение, связанное с необходимостью для всех социальных групп, формирующих это сословие, быть еще и объектом этической реформации. А "сопротивление материала" в таком случае прямо связано с потенциалом моральной трансформации этих групп. *Проанализируем в этой связи диагноз и прогноз Л. Радзиховского относительно ситуации, квалифицируемой им в виде парадокса "Капитализм как высшая стадия развития социализма"*<sup>18</sup>.

Автор оспаривает мнение о том, "что разрушив социализм, мы начинаем построение капитализма. Это не совсем так. Точнее было бы сказать: мы пытаемся с одной, абсолютно тупиковой и упершейся в обрыв ветки капитализма (коммунизм) перейти на другую ветку капитализма, с которой съехали 7 ноября 1917 год. Однако реально, скорее всего, получится нечто среднее. Будет возвращена в свои права частная собственность (как в "их" капитализме), но постарается остаться и только поперек себя шире обогатиться четкий класс капиталистов-паразитов, эксплуататоров чистой марки (как в "нашем" капитализме). Это и будет российская банановая республика".

Автор полагает, что "мы присутствуем при борьбе трех куч коммунистической номенклатуры или - что далеко не одно и то же! - связанных с коммунистической номенклатурой". В первую группу входят "те "господа-большевики", которые успели (а было у них для этого сперва 70 советских лет, а потом 4 года "перестройки" после принятия Закона "О кооперации в СССР", которые с лихвой стоят предыдущих 70 лет!) приватизировать "государственную" собственность в свой карман. Вот они составляют самый серьезный отряд нашей "новой буржуазии". Их задача - сохранить награбленное и, главное, получить и дальше возможность именно грабить, т.е. быть чисто паразитическими эксплуататорами".

Во вторую группу автором включены "политические лидеры демократов, вышедшие из номенклатуры (вернее, никуда не вышедшие, если не считать шуток с партбилетом) и сегодня соревнующиеся, кто смачнее плюральнет в поваленную статую Маркса. К ним примыкают и лидеры из числа "тонконогой прослойки" - из числа вчерашней "подноменклатурной" интеллигенции. Впрочем, данная группа очень разнородна. В целом, однако, сознательно или бессознательно, она является идеологом нового посткоммунистического капитализма".

Пропуская характеристики "третьей кучи ("собственно коммунисты-большевики твердой ленинской кладки..."), приведем прогноз автора (N 3: текст конца 1991 года), надеющегося, что "восторжествуют бывшие номенклатурщи-

ки "первой" и идеологически обслуживающей ее "второй" кучи и примкнувшие к ним спекулянты. Сегодня это единственный путь от наибольшего уродства к все-таки чуть меньшему. Наилучшее из наихудшего. Путь той самой мирной эволюции в направлении мира, о которой мы слышим уже 7 лет, а думаем и того больше...".

22. Квалификация предпринимательского сословия как субъекта и объекта этической реформации и явно, и косвенно ставит нас перед проблемой конфликта ценностных систем, требует анализа ситуации нового морального выбора. Но трансформация "правил игры" - процесс, в котором важен ориентир общечеловеческих норм нравственности. *Механизм взаимодействия этих правил и высших норм человечности - таков предмет поиска авторов приводимых здесь текстов и предмет нашего анализа*<sup>19</sup>.

Первый текст - письмо в газету из Америки. "Когда читаешь сегодняшнюю прессу из России, прежде всего поражаешься желанию выглядеть "точно как на Западе". Идет этакая игра в капитализм. Взрослые люди, как дети, повторяют непонятные слова, выдавая, с одной стороны, похвальное желание присоединиться и быть принятым в "цивилизованное" богатое общество передовых стран; но, с другой стороны, полное нежелание отказаться от старых игрушек зрелого социализма.

Учитесь у Запада, дорогие мои соплеменники, но запомните одну истину: не доброта и альтруизм сделали "цивилизованный Запад" богатым, а жестокость и эгоизм, беспощадная жестокость конкуренции, борьба каждого за себя при уважении этого же в других, т.е. в условиях свободы и неприкосновенности каждой личности и частной собственности.

Давайте посмотрим на вещи просто. Так же, как и в старой, дореволюционной России, капиталистическое общество постепенно продвигалось вперед инициативой отдельных индивидуумов, наиболее талантливых, предприимчивых, смелых, сильных (способных вести за собой остальных), неограниченных никакими правилами, уставами, законами. Целью введения правил и ограничений было естественное желание помочь и поддерживать сильных и энергичных, а не затормозить, оборвать, оштрафовать успех, богатство или начинание".

Далее автор фиксирует парадокс: "Условия беспощадной конкуренции формируют мораль более высокую и ценную, чем мораль регулярной и регулируемой извне взаимопомощи". И стремится показать мнимость парадоксальности в ситуации, когда "в стране, построенной на принципе "человек человеку друг, товарищ, брат", отношения между людьми сложились поистине звериные. В стране, где откровенно "все люди враги", на практике отношения всегда корректные, если не доброжелательные и даже теплые. Ибо ложь создает и атмосферу ложную, а правда... Что ж, правда всегда вдохновляет на подвиг".

Вот один из аргументов. "На самом деле смерть даже одного неудачника от голода ли, от холода ли, настоящая, реальная смерть настолько пугает остальных, что тем самым фактически спасает от медленной (или быстрой) гибели тысячи людей. (Если только они не развращены до конца уже какой-нибудь моралью или религией, проповедующей безделье). Конечно, нужно поддерживать человека поскользнувшегося, но постоянно поскользывающегося поддерживать вредно для него самого, а потому и аморально. То есть - не сиди дома, не жди, а пораскинь мозгами, перебери в уме друзей, родственников, перелистай газеты, помозгуй, где бы как бы заработать".

В заключение автор письма призывает смотреть этой жизни в глаза. "Тем,

кто пытается ломать ее законы, она не прощает и наказывает безжалостно. Случай с марксизмом и всеми, кто ему поверил, - один из последних примеров этого. Те, кто идя в ногу с законами Природы, добивается успеха, богатства и т.д., заслуживают настоящего Триумфа. И если с его высоты они найдут в себе дополнительное благородство поделиться с остальными своими секретами - это прекрасно! Мы же должны устремить свои взоры на них - сильных, здоровых, счастливых, преуспевающих, учиться у них, подражать им и следовать за ними, конкретными людьми".

Второй текст - "ответ из России", написанный журналисткой Ольгой Мариичевой. Начинает автор ответ с констатации принадлежности к "неисправимым альтруистам и коллективистам". А затем формулирует ключевую проблему этической реформации - проблему смены нравственных идеалов, ценностей, ориентаций.

"Я смело соглашаюсь с авторами из Америки: надо, очень надо - и как можно быстрее! - нам учиться у капитализма, причем не только коммерции, бизнесу, но и - морали. Хорошая штука: индивидуализм. Очень полезная для здоровья. Но подумаем с точки зрения элементарной выгоды: будет ли человек вышвыривать нажитое добро только на том основании, что заморский, куда более удачливый купец, предлагает ему новый товар? Нет, конечно. Тем более, что добро это - из его собственной души соткано. А ведь примерно такую вот хирургическую операцию предлагают нам всем сейчас свершить оптом, без разбору, да еще без боли, с радостным оптимизмом - будто смена нравственных ориентаций в жизни так же легка, как смена производственных технологий.

Но о смене технологий, о смене социально политического устройства хоть шум отовсюду стоит. А о том, что с безудержным напором идет на нашей земле ломка нравственных образов, морали в целом - об этом мы теперь только в подушку плакать привыкли, ведь эти темы - не сенсационны, это раньше о душе писали, когда "гласности" не было...".

Допуская плодотворность раздумий "о конвергенции двух моралей, двух систем нравственности - индивидуализма и коллективизма", отмечая, что "утверждение "человек человеку волк" всегда и во всем - такая же ложь, как и брат - всегда и во всем", автор выводит нас на проблему морального выбора в мировоззренческих его аспектах. "Никуда не деться человеку от духовных, от высших потребностей, - в самоотдаче, самоотверженности. Кто их испытал - спокойно смотрит на азартную, какую-то подростковую суету общества по поводу "новых идеалов" личного обогащения и преуспевания как вершины блаженства. Есть в этих идеалах и несомненное, на мой взгляд, благо: акцент на самостояние, самовыживание, вообще на самость человека как основу, как фундамент всего остального. Ну, а дальше - дело выбора. Благо уже в том, что теперь насильно не заставляют быть альтруистом и "другом, товарищем, братом". Ложь была - в насилии!"

И далее аргументы в пользу альтруистического выбора. "Официальная ставка на героизм, жертвенность "положительного нравственного героя" здорово искажала все эти черты в реальных людях. Человек поневоле рассчитывал на общественное одобрение, признание и даже восхваление. Проживем без этого. Куда проще и свободнее, на мой взгляд, сказать самому себе в духе индивидуализма: а мне интереснее - жить для других. Это мой выбор. Мое личное желание. Мой "частный интерес". И я готов за него заплатить - быть может, уровнем материального достатка, социального статуса... За все надо платить. Но кто сказал, что оплачивать надо только материальные, только "узкокорыст-

ные" потребности? Да, очевидно, теперь с этих "трат" будет снят ореол героизма, жертвенности, всеобщего умиления. Ну и ладно. Любовь к людям несет награду в самой себе. Пусть "героический венок" достается теперь крутым бизнесменам и прочим рыцарям удачи. Переживем".

23. Осознание необходимости "выращивания" новой для нашего общества системы моральных ценностей сегодня выражается все чаще. Другое дело, что координаты этой системы (систем) предлагаются различные. Естественно, что разные координаты связаны с разницей в трактовке основного нравственного конфликта переходного периода к рыночной экономике. Вот одна из ярко выраженных версий.

Мы - общество патологических, по убеждению слабых, "униженных и оскорбленных", - полагает О.Мариничева. "У нас не любят не просто богатых, но и вообще сильных и удачливых, а победителей судят. Мы и в рынок въезжаем заведомо с психологией жертвы. Если для нормального, здорового человека слово "конкуренция" - это в первую очередь шанс, возможность личной победы, успеха, удачи, надежда на которые только и делает риск осмысленным, то для нашего, для советского, - наоборот, неизбежность личного краха, поражения. Уверенность, что это те, "другие", а не я, сильные и наглые, обязательно меня сомнут, раздавят, оттолкнут, и я упаду и пропаду. (Государство-де меня било-било, не разбило, а рынок придет - и добьет). Как будто где-то, в небесной какой-то канцелярии уже заранее определено, кому падать, а кому побеждать. Но в том-то и дело, что подобная определенность, подобная "разнарядка" и возможна только в нашем обществе с тотально планируемой экономикой; сама же природа свободного, конкурентного общества, его никем не запланированная жизнь куда более щадяща к человеку. Нет в ней заведомой определенности - а значит, очень многое зависит от таланта, удачи, случая. Безликий, беспристрастный Случай, это дитя Свободы, несет в себе, как заметил А.Ф.Хайек, гораздо больше справедливости, чем чей-то сверху сознательный "справедливый" расчет.

И вот именно эта наша, неизбежная при тоталитаризме, заведомая слабость, заведомая психология жертвы, пораженчества и рождает, на мой взгляд, такую колоссальную энергию ненависти, агрессии, озлобления и мести по отношению к сильным и уверенным в себе, что я порой задумываюсь: *а так ли уж всегда беззащитна и умилительна наша слабость и беззащитность? Ясно, что я не имею в виду людей действительно слабых, больных: стариков, инвалидов, малых детей. Но мы ведь в массе своей - "инвалиды детства". Упоенные своим страданием, умиленные отчаянием*"<sup>20</sup>.

*Если для нас вопрос автора статьи, выделенный здесь, не риторический, смоделируем моральные аргументы, характерные для "инвалидного" морального сознания. Попытаемся выстроить моральные оппозиции людей, ориентированных на ценность успеха, и людей с психологией "жертвенного" поведения в рыночной экономике.*

24. В ценностной сетке той модели этики предпринимательства, которая названа нами "неклассический случай" (и тем более в "случае классическом"?), в категориальном каркасе этой модели (как и в модели этики гражданского общества? в системе общечеловеческих нравственных ценностей) базовое место принадлежит соотношению ценностей свободы, справедливости, равенства. *Здесь нам предстоит этический анализ суждений о "двух ликах равенства", определяющих и мотивацию и экологическую нишу бизнеса - в сравнительном анализе "ниш" американской и советской, проведенном на ситуациях из*

*жизни советских эмигрантов в США*<sup>21</sup> .

Чтобы показать связь различных концепций соотношения свободы и равенства, сначала приведем замечание автора о том, как воспринимается в США бизнес, преуспевание самыми разными слоями общества. "Предприимчивый, преуспевающий, здесь, в Америке, выгоден всем - себе, правительству, малоимущим, работодателю, сослуживцам, акционерам, потребителям и даже конкурентам. Здесь престижно само занятие бизнесом. "Бизнес эз южуэл" ("бизнес как обычно") - скороговорка американцев".

При этом восприятие успеха характеризуется не только в терминах всеобщей выгоды. "Удивительно, как в Штатах принято радоваться успеху, поощрять успех. Это у них в крови. В Вашингтоне я как-то забрел в зоопарк и, верный родному стадному чувству, пошел напрямиком к толпе, образовавшейся возле застекленных клеток обезьянника. Увидел, как человек сто молча, напряженно наблюдали за самкой гамадрила, пытавшейся пролезть в отверстие висевшей на канате автомобильной крыши. Она промахивалась, срывалась, следовали новые попытки. Вы не поверите, но когда ей все-таки удалось схватиться и пролезть и закачаться - воздух сотрясти такие аплодисменты, которыми у меня на родине встречали на форумах разве что именитых прорабов застоя. Самое интересное, что обезьяна отнесись к своему триумфу с таким же энтузиазмом, как и зрители".

Мы рискнули переструктурировать текст и теперь включаем фрагмент суждений автора о "двух ликах". "Да, наверное, с этой иллюзией нам, советским, расставаться будет трудней всего, больней всего: с идеей равенства. Слишком много души вложено, упований, много отдано жертв. О равенстве у нас ведь не только вожди речи произносили, но и песни в народе слагали. О равенстве нередко грезил самые бескорыстные, ради него не жалели себя, случалось, самые честные. В нем, в равенстве, видели священный и окончательный принцип высшей справедливости, решение всех проблем, венец истории. Короче, об этой идее можно сказать много хороших, справедливых слов.

Но... Но именно она, эта идея равенства, при ее реализации, принесла нашей стране в XX веке большие несчастья и неудачи. Почему? Потому что оказалось, что в ней заложен величайший искус человечества: этой идеей люди ставятся перед страшным, ест не самоубийственным выбором - либо равенство, либо свобода. Да, оказалось, что идея равенства (не путать с равноправием) требует принесения в жертву свободы личности, несовместима с ней. Свобода оказывается за решеткой равенства. Этот выбор поистине всемирно-исторический по последствиям...".

"Особенно богатые плоды (в смысле бедности) собрала у нас несвобода на ниве экономики, а это значит упадок уровня и качества жизни. Ничего другого и не могло быть с экономикой, где нет качественного отбора и серьезных стимулов (как и серьезных опасений в случае плохих результатов)... Крайние точки высшей справедливости при системе "равенства в рабстве" - это начальственные пайки и лагерные пайки. А посередине, для оставшихся, - что-то скудное, усредненное, нормированное... Это было одновременно и следствием, и причиной упадка мастерства, качества, заинтересованности, процветания величайшей халтуры, имитации труда и жизни. Выработался психологический тип люмпена, который подозрительно взирает на каждого, кто хочет и умеет работать, кто выбивается из общего уровня, и этот люмпен инстинктивно сволокивает "выскачку" в пучину безликого пресловутого "равенства".

А вот, наконец, фрагмент рассказа автора о том, что сделалось с одним из

бывших соотечественников после эмиграции в США, "где они реально столкнулись с царящим там неравенством. Сразу скажу, что это столкновение было для этих людей благотворным началом карьеры. И уехали-то они (если отвлечься от всех подробностей) по сути от одного - от нашего равенства...

... Борис, когда-то закончивший мореходку и факультет журналистики ЛГУ и в полном согласии с великим принципом уравниловки ни разу не поднявшийся за планку 150-160 р. в месяц, теперь со всеми своими вдруг востребованными способностями "стоил" здесь не один десяток тысяч долларов в год, и я увидел в нем то, что я бы назвал "парусностью" человека. Это трудно объяснить, но чувствуется, когда человека несет спокойное, уверенное самоощущение как бы попутного успеха, когда человек что-то значит не только для других, но и для себя".

25. Характеристика предпринимателя как объекта и субъекта этической реформации в нашем современном обществе сама по себе может и должна быть предметом теоретической дискуссии: здесь столкнутся и представления о современной моральной ситуации, и концепция субъектов нравственного прогресса, и представления о соотношении критериев общечеловеческой нравственности с критериями этики предпринимательства... В рамках подготовки такой научной дискуссии целесообразно отследить реальные нравы предпринимательской деятельности с точки зрения выявления признаков этического пассионаризма, конфликтов моральной инноватики и т.п. Пусть даже имеющиеся и накапливающиеся материалы такого плана не являются "чисто" этическими. *Попытаемся определить прикладной - к этике предпринимательства в ключе темы этической реформации - потенциал приводимых ниже рассуждений психолога Вадима Петровского из его газетного интервью<sup>22</sup>. С нашей точки зрения - которая тоже может стать предметом анализа - к предпринимателю вполне приложима характеристика "канатоходец" из известной песни Владимира Высоцкого.*

Сначала - тот смысл, который психолог вкладывает в термин "постулат сообразности", с помощью которого он отвечает на вопрос о том, зачем человеку рисковать, не зная заранее результата. На вопрос-суждение берущего интервью журналиста - "Что-то как-то у нас порой не совсем так получается, как задумывалось. Может ошибочка какая-нибудь там, вначале?" - В.Петровский отвечает так: " - Вы, по-моему, слишком мягко выражаетесь. Во-первых, "получается" всегда - не так и у всех - не так, как задумывалось вначале. Потому что результаты всегда расходятся с целями. Но именно в полагании целей с непредрежденным результатом проявляется независимая личность. Только по настоящему независимой личности свойственно выходить за пределы постулата сообразности".

Это собственное понятие автора. "Слово "сообразность" я откопал у Даля, оно соответствует русскому знаку "большой палец вверх". Так вот, так называемые "нормальные" люди довольствуются жизнью в тех ее проявлениях, которые существуют как бы сами по себе, их никто не подталкивал и никто не провоцировал. Такие люди живут "внутри" жизни, внутри действительности и реальности. Они стремятся к ней адаптироваться и не терпят риска. Люди, которые нарушают постулат сообразности - рискуют. Причем рискуют не потому, что надеются на этом заработать - деньги или очки, - а просто потому, что не рисковать не могут. Они не могут адаптироваться к действительности. Они должны ее преобразовывать. Таким образом человек выражает свою свободную волю и чувствует себя собой. Это во-вторых"...

Журналистка, ведущая интервью, предположила, что "остается только пожалеть человека, который рискнул нарушить постулат целесообразности: риск, вечное изменение целей, непредрежденность результатов - вот все, что он приобретет..." - Не нужно жалеть, - отвечает психолог. - Я повторю: нарушить постулат сообразности может только независимый человек, только свободная личность. А свободного жалеть нечего. И, кроме того, риск, вечное движение, варианты результата... Не так уж мало".

26. В поисках "звена и цепи", в нескрываемых упованиях на то, что таким звеном является предпринимательство, удастся ли нам найти баланс между апологией и критикой? Не слишком ли категоричны ответы на вопрос "Кому же мы верим? На кого ставим", ответы уверенные и в "да" и в "нет"?!

Обратимся к точке зрения публициста Владимира Кузьмищева, полагающего, что нельзя "верить" тем фракциям формирующегося корпуса предпринимателей, которые связаны с теневой экономикой, и с такими новообразованиями, как биржи, ибо и те, и другие паразитируют на прошлой и настоящей силе административно-командной системы"<sup>23</sup>.

"С подсказки нобелевского лауреата Леонтьева и других западных советчиков, которые знают нашу экономику по ложной статистике, лихим парламентским отчетам и статьям мальчиков, не выезжавших в поисках материалов за пределы Московской кольцевой, а иногда Садового кольца, - мы верим в наших теневиков. Давайте, говорят они, выпустим их из подполья, легализуем... Пусть развернутся. Если уж под гнетом развитого социализма они умели что-то производить в цехах, которые не значатся в списках, то стоит им дать свободу...

Но что имел от этого подполья среднестатистический человек из очереди? Да ни черта. Они сами для себя производили, сами себя снабжали, сами себя грабили и для себя подкупали власти» Все это колесо крутилось, не задевая ни одним зубчиком часового механизма тех будильников, которые поднимали нас на работу. Скажу больше: все эти т.н. предприниматели - не будущее, но прошлое. Они могут успешно существовать до тех пор, пока жива старая система. Только на ее недостатках они могут паразитировать. Убери эту громадную пирамиду снабжения и планирования, где "все вопросы мы решаем глоткой", - и куда они денутся, кого купят?

... Ну а те, новенькие миллионеры, которые недавно основали свой клуб для взаимной поддержки и шикарного времяпрепровождения? Племя это хоть и младое, но знакомое, поскольку источник их наживы тот же самый, что и у старших братьев, до сих пор прячущихся в тени, - дефицит. Ну да, конечно, названия новые. Например, товарно-сырьевая биржа. Та самая, что печет миллионеров. Но никак не пойму, почему это заведение так называется. На настоящей бирже цены могут быть разные... А что это за торг, когда не хватает абсолютно всего? Тут выигрывает кроме биржевиков тот, кого меньше ограбили... Биржа - это маленький легализованный островок в море всеобщей неучтенной спекуляции и натурального товарообмена... Только узкий круг выигрывает от такого предпринимательства...

Если не теневики и не дельцы новой волны, то кто? Да простые русские инженеры... Русский предприниматель - настоящий: таких в глубинке много - за тем на риск идет, чтобы его цех, завод, его люди хорошо жили..."

*Итак, оценка автором мотивов двух групп формирующегося корпуса предпринимателей недвусмысленно отрицательная. Адекватна ли она? Справедлива ли в масштабе "класса", "группы" - без дифференциации? И действительно ли "простые русские инженеры" основная для сегодняшнего*

*дня страны модель успеха?*

27. Набрать сюжетов и ситуаций, фиксирующих нецивилизованный характер отечественного предпринимательства, очень легко. Труднее разобраться с вопросом о моральной ответственности предпринимателей - индивидуальной, профессионально-групповой. Вот, например, рассуждения известного московского предпринимателя Андрея Федорова (Федорофф) в интервью "Литературной газете" (15.05.91), адресованные начинающим предпринимателям:

"Приготовьтесь к тому, что вам придется столкнуться со множеством нечестных поступков.

- Вы говорите о нечестности государства или об отсутствии деловой этики в предпринимательской среде?

- И об отсутствии деловой этики тоже. Но самое главное - без взяток Вы не сможете заниматься предпринимательством. Нечестные поступки - это еще мягко сказано. Страна прогнила насквозь. Когда я читаю про "дело "Локхид", мне делается смешно. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что творится здесь. Я прошел все это".

Итак, проблема "личность и ситуация". Возможность (!) различных нравственных позиций: героической самоотверженности, конформизма, цинизма и ... Попробуем проанализировать альтернативы выбора, ответив на следующие вопросы. 1. *Насколько типична ситуация "объективной" аморальности поведения предпринимателя - или здесь есть и "защитный мотив" для собственной беспринципности?* 2. *Можно ли удержаться от необходимости (или от соблазна) и остаться честным предпринимателем: в отношениях с государством? с обществом? с частным лицом? внутри сословия? (Вспомним текст о четырех ликах предпринимательства и характеристику "спецов").* 3. *Если возможно, то на чьих "правилах игры": государства? имморализма? общечеловеческих ценностей? этики цивилизованного предпринимательства? меньшего зла?*

28. Размышляя о нравственных ценностях, которые несут в мировоззрение и этос "нового класса" представители разных "корней" отечественного предпринимательства, можно ли упустить феномен превращения носителей властных структур социалистического общества, коммунистов - в "буржуа"? Что происходит в этом случае с их "классовым" положением и, соответственно, с сознанием?

"Представитель малого бизнеса, редактор частного издания "Видеоасс" Владимир Борев (за плечами - две диссертации, философская и искусствоведческая, стажировка в Сорбонне) рассуждал: "У нас сейчас впервые, пожалуй, в истории мировой цивилизации происходит смена экономических формаций при том, что наверху остаются фактически одни и те же люди... Феодалов сменяла буржуазия, буржуазию - пролетариат, а у нас капиталистами становятся коммунисты, прежняя номенклатура. Такая "революция" не выносит наверх новый слой людей, искусственно сдерживает рынок. Ведь рынок предполагает законодательно равные стартовые условия для всех. Мы вот уже год существуем, но по-прежнему не можем купить помещение. Конечно, мы, как и множество других предпринимателей, в неравных условиях с теми, кому министерство, главк или ЦК партии передает основные фонды - за "просто так", в дар, на вечное хранение и приумножение. При этом "президенты концернов" часто даже прежние кабинеты свои не меняют. Получается что-то очень странное: феодал, назначенный своим сюзереном на должность капиталиста..."<sup>24</sup>

*Итак, что же делает такая "революция" с этикой предпринимательст-*

*ва? Может ли она именоваться именно так, если "бизнесмен" даже не сменил своего прежнего кабинета? А если может, то каков шанс на совпадение такой этики с общецивилизационными ценностями и нормами предпринимательства?*

29. Связанная с общим заглавием нашей книги проблема "правил честной игры" наиболее остро встает в отношении к этосу конкуренции. Очевидное предубеждение к самому феномену конкуренции в сфере рыночной экономики укоренило в советском менталитете и является одним из морально-психологических барьеров - их ряд мы рассмотрели в Разделе VI в рамках дискуссии "рынкофилов" и "рынкофобов" - на пути к компромиссу между двумя стилями социального приспособления - инициативным и исполнительским. Мы еще рассмотрим текст, в котором представлены версия разрешения противоречий между носителями этих стилей. *А сейчас попытаемся дать этическую интерпретацию тексту исследователя-психолога, развивающего такую область современной науки о человеке и обществе, как экспериментальная экономическая психология. Особое внимание обратим на нравственное содержание обосновываемого автором различия видов конкуренции: эффективно ли такое различие для понимания ответственности предпринимателя.*

"Как мы обычно мыслим себе конкуренцию в производстве? ... Результаты специального исследования показывают, что у нас люди в большинстве своем не проводят различий между словами "конкуренция" и "противоборство". Хотя если вникать в буквальный смысл, конкуренция - это состязание в беге (конкурс), а не столкновение с нанесением друг другу ударов. Это неразличение - почти столь же грубая ошибка, как и непонимание различий между спортивной борьбой и дракой. В случае конкуренции бегут, продвигаются вперед все конкурирующие стороны. И в этом смысле имеет определенные достижения и проигравший. Честная конкуренция без подножек бегущему рядом - это не борьба, это спорт. А в спорте, как известно, проигравшего не уничтожают. Более того дают утешительный приз, особенно если проявлены воля, упорство, честность. Конкуренция - это если и не сотрудничество, то и не антагонистический конфликт на уничтожение. Мы же, десятилетиями не признававшие на словах ничего кроме сотрудничества, не понимаем и не умеем следовать на практике специфической этике честной конкуренции, пропитываемся "классовой ненавистью" к конкуренту, тратим больше сил не на созидание, а на то, чтобы помешать конкуренту.

... Советские люди, которым вдолбили в головы образ хищного раннего полубандитского капитализма с жесткой конкуренцией, к сожалению, уверены в том, что раз экономическая конкуренция, то позволено все. Сюда же приплюсуйте опыт физической расправы наших недавних политических кумиров с их оппонентами. Нет, жесткую конкуренцию мы не можем себе позволить! И дело не только во всплеске бытовой преступности, не только в разрастании спрутов преступности организованной. Дело в том, что на современном уровне технических мощностей, которые есть на руках у людей, при современных экологических проблемах, при грозной опасности глобальных технических аварий требование мягкой конкуренции становится не только благим намерением "мягкотелых интеллигентов", но и жизненной необходимостью для всех.

Что же такое мягкая конкуренция в отличие от жесткой? Приведу пример известный - из опыта матчей за мировую шахматную корону. Сколько из гонорара за матч получает победитель? Ведь не все 100%? Иногда 66 и почти никогда

больше 80. Это значит, что побежденный за свое поражение, постигшее его в борьбе за победу, получает до трети призового фонда...

Система мягкой конкуренции должна стимулировать отставшего в гонке, не останавливаясь вовсе, но бежать до самой финишной ленточки, стараясь максимально сократить разрыв с победителем, побуждая и победителя до последнего момента бежать изо всех сил. То есть в распределении вознаграждения должен учитываться не только факт победы (победителю - все, проигравшему - ничего), но и величина разрыва между победителем и проигравшим: если ты оказал достойную конкуренцию, если ты боролся честно и до конца, получил больше. Это и есть нормальная конкуренция - соревнование, от которого в выигрыше должны оказаться обе стороны"<sup>25</sup>.

30. Очевидная значимость целевого характера, мотивов и методов развертывающейся в рыночной экономике конкурентной борьбы для состояния и перспектив этоса предпринимательского сословия не дает, однако, столь же очевидной информации о реальных конкурентных ситуациях. Тем не менее появляются первые аналитические описания. Так, О.Осипенко отмечает, что в советском предпринимательстве и объекты и методы конкурентной борьбы "несут на себе печать исключительности"<sup>26</sup>.

"Бизнес живет ожиданием лучших времен. Поэтому совершенно резонно его грамотные лидеры борются не за рубль потребителя сегодня, а за благоприятные экономические, организационные и юридические условия существования завтра. Отсюда и специфичность объектов конкуренции. Основная борьба здесь идет за разного рода информацию: текущую, нормативную, планы нормотворчества центральных и местных органов власти, министерств и ведомств, общекоммерческие и конъюнктурные сведения. Объектом конкурентной борьбы становятся обладатели этой информации, а также специалисты в соответствующих областях, многие из которых солидные фирмы держат в своей орбите в резерве на перспективу. Особенно острые формы носит конкуренция небольших фирм за покровительство крупных объединений - ассоциаций, концернов, консорциумов, реализующих в наших условиях функции цивилизованного государства в части содействия малому предпринимательству. Именно в их структуры, особенно в органы их управления, стремятся войти многочисленные генеральные директора малых предприятий. Ну и конечно, объектом конкуренции становится госсобственность, подлежащая денационализации.

Общеэкономическая и правовая нестабильность в стране накладывает отпечаток и на методы конкурентной борьбы - она ведется как-то вяло, очень редко бывает направлена на "добивание" конкурента (только в случае, если в соперничество вклинивается личная антипатия). Да и что, собственно, суетиться, если сегодняшний триумфатор завтра может быть разорен, например, учредителем, экспроприирующим большую часть прибыли, или фининспектором, придравшимся к мелким ошибкам и арестовавшим счет, или неплатежеспособными основными контрагентами, или новым Указом, больнее всего бьющим именно по лидеру, и т.д. и т.п."

*Можно проанализировать в тексте характеристику объектов и методов конкуренции с точки зрения ее полноты, точности выбора черт, адекватности сегодняшней ситуации. Есть, однако, и более сложный предмет анализа. Во-первых, существуют ли модификации общих моральных правил конкурентной борьбы в зависимости от предмета конкуренции? Во-вторых, являются ли бюрократическое наследие и ситуация неразберихи неожиданной причиной зарождения не диких, а мягких форм конкуренции? Может быть,*

*этот неожиданный шанс станет залогом формирования цивилизованных форм предпринимательства?*

31. Вряд ли стоит спорить о том, что характеристика предпринимательского этоса с точки зрения нравственной ценности благотворительной деятельности предпринимателя - обязательная составляющая любого целостного подхода. И, естественно, нетрудно подобрать тексты, в которых демонстрируются ситуации или аргументы, свидетельствующие о том, что и отечественные предприниматели наших дней стремятся "творить благо".

Труднее, однако, найти сюжет или суждения о различии между благотворительностью, мотивированной аргументами пользы для предпринимателя (имидж, льготные налоги и т.п.) и деловой аскезой. Дело, разумеется, не в противопоставлении их по критерию двух кантовских императивов, а в выявлении тенденций этоса отечественного предпринимательства.

Этот текст выбран для рассуждения по аналогии - о бедности как аскезе и о вынужденной бедности. В своих очерках "Прощание с иллюзией" А.Васинский (Известия, 03.07.91) вводит рубрику "Всякая ли бедность богоугодна", которую мы предлагаем проанализировать для самостоятельной формулировки проблемы "предпринимательство и благотворительность".

"Наши поборники "равенства в бедности" (теоретики эти, как правило, из весьма обеспеченных кругов) пугают пороками богатства, превозносят воздержание. А есть и такие, которые именно в полунищете видят "богохранимость" нашего народа, заслон от потребительской бездуховности Запада. Что на это сказать? Без сомнения, над головой бедности может сиять нимб святости. Но какой бедности? Добровольной, а не вынужденной, навязанной, подневольной. В нашей бедности нет блага, это не добровольная аскеза высокодуховного монаха или постящегося верующего - если бы! Наша бедность еще более бездуховна, чем бургерская сытость, она даже циничнее, потому что выдает себя за нравственную добродетель, будучи на самом деле следствием фарисейства и хозяйственной несостоятельности системы. В богатстве можно найти много недостатков, но разве у нищеты нет своих родовых пороков и преступлений? Видеть в нашей вынужденной бедности хранительное религиозное благо - это богохульство".

32. Квалификация предпринимателя как субъекта этической реформации с естественной необходимостью ставит вопрос о направлениях в изменении моральных ценностей, об ориентирах моральной инноватики. Среди таких очевидных "нововведений" - ценность повседневной жизни. *Проанализируем подходы и аргументы автора приводимого ниже рассуждения, в том числе его версию разгадки тайны "русской души", с точки зрения соотношения в морали повседневной порядочности и стремления к идеалу, Вечному и т.д.*

В статье "Может ли "среднее" быть "главным"? публицист Андрей Нуйкин (газ. Третье сословие. 1992. N 2), размышляя о природе и значении среднего класса, третьего сословия, прежде всего подчеркивает несовпадение принятого за рубежом и распространенного в российской традиции смысла этих понятий. "Средний класс... Третье сословие... Уже в самих этих словосочетаниях мы улавливаем некий исторически сложившийся подтекст, намекающий на третьеразрядность и усредненность. Вспомним: во Франции к "третьему сословию" в XV-XVI веках относили купцов, ремесленников, крестьян, а с XVI века в эту же категорию были зачислены и буржуазия с рабочими, то есть чуть не весь народ. Собственно, и термин с его снисходительным "третье" возник для отграничения от тех, кто не хотел себя считать народом, хотел выделиться из него,

стать над ним, - то есть от духовенства и дворян.

В российской истории понятие "третий элемент" тоже вкралось для отделения особо значимых от всех прочих. Так называли демократическую интеллигенцию, служившую в земстве по найму (врачи, учителя, статистики и т.д.), а к первому и второму "элементу" были причислены административные чины и земские гласные".

Затем автор прослеживает судьбу этих исторических традиций за рубежом и в России в наши дни: "Современные развитые страны давно уже не считают средний класс "осетриной не первой свежести". Совсем наоборот - он там опора общества, гарант стабильности, законодатель политических и любых других мод, главный покупатель (на которого нацелена вся экономика), главный налогоплательщик и избиратель (к мнению которого чутко прислушиваются все политики, идеологи и государственные служащие), вообще - он у них "главный".

Но может ли "среднее" быть "главным"? Для нас это пока противоестественно. Мы привыкли, что главных в стране немного, сидят они в особо комфортабельных и тщательно охраняемых помещениях где-то "наверху". Но это в нас говорит неизжитые родоплеменной строй и феодальное средневековье".

Как же эта ситуация - исторически наследуемая и современная - влияет на моральную экологию "третьего сословия"? Влияет прежде всего недооценкой, просто обесцениванием повседневности, искусства обыденной жизни, противопоставляемой как "бездуховной", неподлинной - подлинно нравственной, героической жизни. "Героические этапы истории, - пишет А.Нуйкин, - классики не случайно связывали с варварскими стадиями развития. Для героизма, к сожалению, жизнь всегда будет оставлять немало возможностей, но когда простой быт начинает требовать от людей подвигов... Одна из главных задач нашего одичавшего в схватках за всеобщее счастье общества как раз в том и состоит, думается, чтобы перестать приносить себя везде в жертву, перестать "бороться" и научиться, наконец, жить. Просто жить: "пошло-благополучно", сытно, честно, радостно, чисто и дружелюбно. То есть нормально. Это очень нелегко. И не только из-за "безнадежного" экономического отставания, но и из-за своих "героических" убеждений, своих привычек, своей организационной, идеологической и психической истеричности, неряшливости, расхристанности, которые мы норовим выдать за более высокий уровень "духовности".

Не в том ли ключ к разгадке великой тайны "русской души", - спрашивает в заключение А.Нуйкин, - что катаклизмы истории не позволили нам сформировать в достаточных объемах среднего сословия, в результате чего большая часть носителей этой души живет так неблагоустроенно, что чуть ли от рождения приглядывается: а за какую бы "великую идею" отдать побыстрее жизнь, чтобы освободиться от нее, постылой?".

33. Законы сопромата и отношении к "человеческому материалу" становящегося в нашей стране гражданского общества еще только предстоит открыть и научиться применять на практике. Это открытие и это умение важно именно для гражданского общества в целом - для каждой из полярных его структур: предпринимателям и тем, которым они адресуют свою деятельность. Как мы уже выяснили в Разделе VI, наука компромиссов между "рынкофилами" и "рынкофобами" еще "не дана в ощущении" участникам переходного процесса. *Может быть, основную тяжесть в ее создании и применении должен взять на себя "новый класс", атрибутивным признаком субъектов которого и является постановка новых задач?! Попробуйте оценить наше предположение, анализируя текст, посвященный психологическому анализу двух стилей со-*

циального приспособления<sup>27</sup>.

"... При переходе от закрытого, монополизированного общества к открытому, динамичному мы еще не понимаем, сколько усилий должны потратить на поиск продуктивного компромисса между интересами сторонников нового и интересами многочисленных сторонников старой системы.

Зарисовка из жизни. Едем в автобусе в летний день. Какой-то пассажир, которому душно, открывает вентиляционный щит в потолке салона. Вдруг ему мужчина с места: "Закройте сейчас же, моя жена после болезни, ей сейчас надует". - "Иш ты какой! Ей, видите ли, надует, а другим задыхайся?". - "Закрой, тебе сказано, и не хаами!". - "Сам ты хам. Вози свою бабу на "скорой помощи", понял, если она у тебя больная, а люди нормальные должны летом в автобусе дышать". Я не буду продолжать этот диалог: читатели догадываются, что обмен мнениями идет к использованию непечатных выражений и аргументов. Я на этом примере останавливаюсь не для того, чтобы поговорить о низкой нашей культуре, об отсутствии элементарного такта и терпения в простейших бытовых конфликтах. Этот пример, если хотите, метафора.

При казарменном коммунизме было хорошо одним и плохо другим. В обществе конкуренции тоже всем хорошо не бывает. И то, и другое мы теперь знаем (точнее, первое знаем, во втором убеждены). Но чтобы, уходя от казарменного социализма, не впасть нам сразу же в жесткий капитализм (а тогда неизбежен социальный конфликт между теми, кому лучше других живется при том и другом строе). Нам нужно как следует понять, кому же живется хорошо в одном случае и будет плохо в другом. С капитализмом у нас больше ясности - лучше живется тем, у кого есть собственность, то есть имущим по сравнению с неимущими, и тем лучше, чем больше собственности. С социализмом ясности меньше, потому что все годы думать в этом направлении официально было запрещено. Теперь распространилась точка зрения: хорошо в рамках командно-административной системы живется бюрократчику-аппаратчику. Можно тут же спросить: а прогульщику-бракоделу, которого увольняют не увольняют - все равно не проучить, так как он куда-нибудь опять быстро устроится и снова за свое?".

Далее автор рассказывает о психологическом тесте на выбор, в итоге которого "выявилось два полярных стиля социального приспособления (социального поведения). Чтобы избежать навешивания оценочных ярлыков, назовем два этих стиля по возможности более нейтральными терминами: например, инициативный и исполнительский. Подчеркнем, что каждый отдельно взятый человек не является ни чистым инициатором, ни чистым исполнителем, а сочетает оба стиля в известной своей собственной пропорции: у одного преобладает элемент инициативного стиля, у другого - исполнительского. Подчеркнем также, что это различие не является врожденным, то есть пропорции могут меняться в течение жизни одного и того же человека в зависимости от соотношения успехов и неудач: всякий успех повышает уверенность человека в своих силах, повышает его уровень притязаний и ведет к активизации в нем потенциального инициатора, а неудачи повергают человека в уныние, он невольно превращается в пассивного исполнителя".

Конкретизируя обстоятельства, в которых очевидно - или парадоксально - уютно или неуютно чувствуют себя оба выделенных стиля социального приспособления, психолог специально подчеркивает, что в принципе нельзя "победить" ни тот, ни другой стиль, ибо "это не классы людей по их месту в общественном производстве и по отношению к собственности. Потому что с физиче-

ским уничтожением "имущих" среди "неимущих" неизбежно вновь выделяются свои инициаторы и их инициатива неизбежно в условиях сверхрегламентированного государственного строя начинает принимать противоправные антигосударственные формы... и делают это инициаторы просто потому, что законного пути реализации своей инициативы в рамках регламентированной системы административных, нерыночных отношений у них просто объективно нет!".

"Неуютность" для исполнителя в одних обстоятельствах и "неуютность" для инициатора в обстоятельствах иных, парадоксальное переплетение этих стилей и обстоятельств, с одной стороны, невозможность социальной гармонии для абсолютной модели каждого из них, с другой, приводят автора к постановке вопроса: "Как преодолеть непродуктивную, более того, опасную конфронтацию между инициаторами и исполнителями, которая в отсутствие взаимопонимания в переломные моменты общественной жизни, какой мы и переживаем сейчас, неизбежно обостряется. Нужен диалог, позволяющий удержать раскачивающийся маятник конфликта от срыва, от падения в бездну гражданской войны. Гражданский мир - высшая ценность открытого общества".

Среди труднейших препятствий на пути к диалогу автор видит традицию бескомпромиссности. "Возвратимся к нашей зарисовке. Ни тому, ни другому участнику автобусной ссоры даже не приходит в голову, что возникшее противоречие можно решить мирным путем компромисса, а не конфликтно, - путем силового давления, уничтожения (как минимум морального) своего противника. Как же! Ведь компромиссы у нас презираются. Людям не приходит в голову, что завтра они могут оказаться на месте оппонента. Они не смотрят на ситуацию глазами оппонента. Фиксация на ущемлении собственных их интересов (так называемых законных прав) просто зашоривает им глаза. Разве тот, кому душно, не может представить себя завтра больным, впадающим в озноб от малейшего, даже теплого ветерка? Инициатор, который с победным кличем "пусть проигравший плачет!" просто добивает, топчет ногами лежащего, поверженного конкурента, - разве он не может представить себя завтра на его же месте? Ведь стоит самым горделивым из нас вдруг серьезно заболеть, как мы вновь открываем для себя непреходящую ценность таких понятий, как милосердие, участие, бескорыстная помощь. Оказывается, что бесплатная система здравоохранения имеет свои преимущества, что социальные гарантии временной нетрудоспособности имеют огромный смысл, что без людей, способных простить вам мелкие прошлые обиды и помочь вам, вы уже никогда...

Ни жесткий капитализм, ни жесткий закрытый капитализм не создают условий для продуктивного диалога между исполнителями и инициаторами. В обеих сторонах одни берут верх над другими и подавляют других, не понимая при этом, как дорого это им самим обходится. Условия для такого диалога, по-видимому, возникают при мягком капитализме (когда парламентская демократия позволяет участвовать в дискуссиях представителям рабочих партий и демократических движений). Такие условия - суть демократического, открытого к дискуссиям между представителями, носителями разных стилей социального поведения, разной экономической психологии".

34. Дискуссии о нравственной природе предпринимательства, роли предпринимательского сословия в этической реформации общества обретают свои оригинальные аргументы в применении игрового подхода. Его эффект наглядно проявляется в сравнении деятельности рабочего с деятельностью предпринимателя и этика проверяется эстетикой. *Проанализируем в этой связи фрагмент статьи Михаила Эпштейна "Поэзия хозяйства" (Независимая газета.*

23.06.92).

По мнению автора, ошибка коммунизма "состояла в том, что был опоэтизирован труд, как якобы волшебное средство извлечения человека из обезьяны и последующего извлечения всех чудес цивилизации из человека". Мало того, что культивировался в сознании стереотип отождествления капитализма с накопительством, в то время как "на самом деле капитализм меньше всего связан с накоплением. Во всяком случае гораздо меньше, чем "скупой рыцарь" с его золотым сундуком из феодального прошлого или совхоз с его ржавеющим складом из прошлого социалистического". Ошибка и в том, что за образец труда "был взят труд рабочего - именно то, что содержит в себе меньше всего поэзии, меньше всего собственно человеческих мотивов и устремлений".

Далее следует сравнительная характеристика: "Труд есть необходимость, но даже в самой грубой материальной деятельности ему предшествует момент свободы. Единственно поэтический момент хозяйства - это деятельность предпринимателя, от которой марксизм отвернулся с негодованием. Можно сказать, что именно недостаток эстетической восприимчивости погубил марксистский проект, поскольку деятельность рабочего, как ни возвышай ее из научных, политических, этических и каких угодно соображений, не может вдохнуть душу в хозяйство, она поэтически неубедительна, в ней нет порыва и погони за абсолютным. Труд рабочего подчиняется плану, составленному для него предпринимателем, но этот план только вторичен по отношению к той игре, которую ведет сам предприниматель, где ставка - все его богатство, его жизнь, честь и благополучие близких. План, то есть подчиненный и механический момент производства, оказался в социализме самоцелью, он был огражден от риска, который в капитализме этому плану предшествует и его формирует".

И вот ключевая аргументация игрового подхода. "Пролетарий работает, капиталист рискует. Поэзия хозяйства - это поэзия не труда, а предпринимательства, того риска, который сопряжен с величайшей опасностью и требует величайшей дерзости. Разумеется, это не тот риск и азарт, который витает в игорном доме, где игрок отдает себя во власть случая. Предприниматель - это такой игрок, который заставляет случай играть на себя; он рассчитывает ходы наперед, он играет не в рулетку, а в шахматы. Но именно поэтому проигрыш может обойтись ему гораздо дороже, чем посетителю казино, который всегда может утешиться переменчивостью фортуны. В казино проигрывается только то, что поставлено на кон; в бизнесе проигрывается все, что составляет профессиональное достоинство, судьбу и карьеру игрока. Риск не устраняется, напротив, возможность профессионально его рассчитать увеличивает размер его непредвиденных последствий. Именно риск есть основная категория капитализма, которая сблизает его со всем фантастическим, удивительным и невероятным, что когда-либо творилось в истории. По степени риска предприятия Рокфеллера и Форда мало чем отличаются от предприятий Наполеона и Карла Великого. Рисковать - это значит выполнять заветы самой романтической из всех философий: "живи опасно", "возлюби судьбу" и "заслужи любовь судьбы" (Ницше)".

И, наконец, синтез этики с эстетикой. "Настоящий предприниматель лично для себя мало что выигрывает от своих наполеоновских замыслов. Он мог бы питаться в лучших ресторанах, купаться на лучших курортах, летать на личном самолете, иметь все лучшее для ублажения своей души и тела за десять миллионов. Зачем ему десять миллиардов? "Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать" - та же самая изумительная бесполезность, которую, по словам Гумилева (из

стихотворения "Шестое чувство", 1921), мы испытываем перед поэзией. Пятью чувствами она непостижима - и в муках бессцельности рождает в нас шестой орган, тот, которым мы воспринимаем "розовую зарю над холодеющими небесами". Не так ли предприниматель воспринимает растущие перед ним очертания нового огромного дела?"

### 3. Воспоминание о будущем: модели, сценарии, прогнозы

35. Тема "нашего рыночного завтра" применительно к перспективам предпринимательского этоса тесно связана с прогнозом того, кто будет субъектами рынка, и что особенно важно, с отношением общества к прогнозируемым моделям и сценариям. Проанализируем прогнозные рассуждения и оценки Л. Васильева (На рынке как на рынке ...// Новое время. 1991. N 11) в их сочетании с версией автора о цене переходного периода.

Поставив вопрос о том, кто будет субъектами рынка, Л.Васильев выделяет три группы.

"Во-первых, дельцы теневой экономики, мастера черного рынка и криминальных сделок. Их несомненное преимущество перед остальными в том, что они знают рынок (пусть даже в паталогической форме антирынка), даже изощрены в этом своеобразном и высокооцененом в условиях нашего будущего свободного рынка знаний. Это люди активные, энергичные, предприимчивые, контактные, умеющие заводить нужные связи и щедро их оплачивать. Все это те качества, которые всегда высоко ценились в сфере рыночной экономики".

Автор сам предвидит вопрос о социальной справедливости. И отвечает встречным вопросом-размышлением. "Не лучше ли надеяться теперь уже на то, что рынок через богатство немногих - пусть даже людей изначально далеких от стандарта честности и порядочности (но кто, когда и где видел, чтобы первоначальное накопление капитала шло за счет порядочности и честности?) - обогатит нашу нищую страну и уже за этот счет даст возможность разумно использовать ее великие потенции как в сфере природных возможностей, так и в области умения и способностей людей".

Вторая группа. "Активными деятелями рынка станут многие из числа коррумпированных администраторов, чьи способности - приспособляемость, умение вывернуться из клубка запутанных хитросплетений с наименьшими потерями, направленный на поиски выгоды недюжинный ум, да и многое другое - позволят им энергично использовать рынок в своих целях. Тем более, что формально этого добиться очень легко. В их руках пока что все рычаги власти. Они могут создавать акционерные общества, СИ, кооперативы, концерны, консорциумы и с завидной легкостью обеспечивать себя в этих рыночного характера учреждениях не только руководящими крестами, но и реальными возможностями действовать на рынке. Бывшим администраторам придется хорошо попотеть и немалому научиться, чтобы не прогореть и не разориться, но, напротив, добиться хороших результатов.

Опять-таки с точки зрения социальной справедливости здесь не все в порядке. Но что делать? Иначе процветания рынка - через него и процветания страны - не достичь ...".

Группа третья. "Самыми многочисленными агентами будущего рынка могут стать и простые наши работники, в первую очередь из сферы обслуживания, которая привыкла иметь дело с покупателями и клиентами. В новых условиях, купив свои магазины, рестораны или ателье, мастерские или парикмахерские,

эти люди, еще вчера стремившиеся "не заметить" стоящего в жалкой позе просителя, клиента или покупателя, вынуждены будут во имя интересов дела кардинальным образом изменить свое поведение, пусть даже не сразу (сразу - трудно). Но это, если угодно, и будет их платой за преимущества рынка лично для них.

К числу таких агентов я бы отнес и создаваемый в наши дни с невероятными трудностями корпус будущих фермеров, а также не менее, даже более многочисленный корпус агентов-посредников, различного рода маклеров, перекупщиков- торговцев (сегодня их привычно именуют спекулянтами). Сюда же можно отнести тех, кто будет продавать свои знания, включая преподавателей, ученых, изобретателей, мастеров редких и престижных видов ремесла.

Собственно, это и есть наш рынок завтра. И надо прямо сказать, что цивилизованным рынком он станет (если вообще станет) далеко не сразу, как не сразу в состоянии стать цивилизованными и мы...".

Здесь-то и встает вопрос о цене: "Так что же - лучше без рынка?" А вот ответ. "Лучше как можно скорее пройти через все это. Пройти с наименьшими потерями, для чего и предусмотреть все по максимуму, и прежде всего - болезненную, но неизбежную накипь. Предусмотреть и постараться принять необходимые меры. Но при всем том важно осознать: всего не предусмотреть, все не спасти. Будет хуже, например, сфере культуры - а ей должно быть лучше. Будет тяжелее сфере социального обеспечения - хотя бы потому, что резко возрастет количество, и без того очень немалое, нуждающихся в помощи. Словом, будет довольно долго еще тяжелый кризис в стране. И многие не увидят лучшего. Больше того, если говорить о настоящем, цивилизованном рынке - пусть даже не в сегодняшнем японском, а, скажем, во "вчерашнем" финском варианте (50-60-е годы), - то боюсь, что к такому рынку придут - как в случае с древними евреями, которых Моисей выводил из плена египетского в страну обетованную, - уже другие люди, следующее за нами поколение. Ибо те, кто будет жить в условиях цивилизованного рынка, должны быть другими людьми. Для нас с вами такое испытание было бы непосильным".

36. Сценарии развития этоса современного отечественного предпринимательства вряд ли можно разработать простым апплицированием общецивилизованных этапов и моделей. Альтернативы будущего во многом обусловлены самоопределением предпринимательского сословия в отечественной ситуации, ее прошлом ("вчера") и настоящем ("сегодня"). Самоопределением, которое проявляется через "тонкий контрапункт, связывающий в сознании хозяйственные заботы с внеэкономическим контекстом, "голоса" земли - с "голосами" неба, представления о справедливости - с требованиями практической жизни". *Попытаемся проанализировать аргументы автора версии о "контрапункте" Ю. Каграманова, их роль в осознании исторической эстафеты этоса отечественного предпринимательства из прошлого в будущее.*

Автор начинает с категорического утверждения: "Ясно, как день: к переходу на рыночную систему наше общество психологически подготовлено далеко не лучшим образом". Аргумент автора в пользу этого утверждения: "Как сказал бы Макс Вебер, нет "основного настроения", а есть противоборствующие настроения, причем нередко они умещаются в сознании одних и тех же людей. Самый факт, что экономика наконец-то сбрасывает с себя груз мертвой идеологии, камнем висевшей на ней долгие десятилетия, не может не вызвать удовлетворение у всех здравомыслящих людей. И в то же время происходящая на глазах стремительная мамонизация общества, вероятно, мало кого радует. "Деньги и

деньги б!" - становится лозунгом дня. Добро еще, когда в нем слышат побуждения к тому, чтобы работать больше и лучше, а то ведь бросается в глаза шкурничество, желание отхватить побольше, сделав поменьше. Мамона перестал скрываться и вышел на улицу. Как к этому отнестись? Приветствовать "звоном щита"? Или вздыхать на манер Екклесиаста о том, что нет ничего нового под луной?"

Далее автор пытается дать сбалансированную оценку предпринимательскому этосу. "Возможно, русская литература все-таки, виновата перед русским торгово-промышленным классом: что-то она в нем не разглядела. Если появляются в поле зрения классиков предприниматели и торговые люди, то все "аршинники" да "протобестии", кит китычи, колупаевы-разуваевы и им подобные. Есть, конечно, исключения, но они сравнительно редки (даже у Островского, лучше других знавшего эту среду, - много ли мы насчитываем порядочных купцов?). И все же у классиков были основания для настороженно критического отношения к "деловому миру", в особенности к торговым людям: там, где званный и незванный, вступает в свои права Мамона, где царит азарт, там не только состояния ставятся на кон - риску подвергаются духовные, нравственные начала в человеке".

А вот типы предпринимателей с точки зрения степени риска для нравственности. Первый. "Возьмем хорошо знакомый по литературе традиционный тип русского купца, еще дореформенной складки. Он вам считает, что торговля - это такая область, где вести себя "совсем по-божески", наверное, просто невозможно. Есть же старая поговорка: "торговать - что воевать". Тот, кого зовут "аршинником" и "протобестией", именно так и поступает. И потом замаливает грех: Богу свечку ставит пудовую, жертвует крупные суммы на разного рода богоугодные заведения и т.д. Едва ли здесь лицемерие, скорее - ощущение, что есть две разные правды - "правда земли" и "правда неба" и что никак невозможно их свести".

Второй тип. "Но другой купец понимает, что совершенно развести их тоже нельзя. И потому торгует так, чтобы было "не против совести", то есть проявляет в делах максимально возможную порядочность. Известно, что таких купцов было очень много, особенно среди старообрядцев. Из старообрядческих семей впоследствии вышло также много крепких промышленников, в том числе и с общероссийским именем".

И тип третий. "В пореформенное время рядом с патриархальным типом, еще довольно устойчивым, особенно в старообрядческой среде, на сцене появляется новый тип - "чумазого" нувориша, менее связанного традициями, менее богобоязненного, порою весьма малощепетильного и в то же время достаточно восприимчивого к облагораживающим влияниям, источником которых все меньше становится религия и все больше - культура".

Далее автор показывает цивилизаторскую роль дореволюционной русской интеллигенции - "сколько-нибудь чувствительных и понятливых людей, попавших в ее среду, русская интеллигенция умела заражать своими собственными достоинствами - благородством помыслов и поступков, бескорыстием и добролюбием". В качестве иллюстрации рассматривается "Вишневый сад" А.П. Чехова. "Кто такой Лопухин? Делец, выбившийся из крестьян, черная кость, "хам", как о нем отзывается Гаев. Петя Трофимов говорит ему: "Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает ему на пути, так и ты нужен". Следует авторская ремарка: "Все смеются". Отчего смеются?"

Ну, наверное, от неловкости. Этот книгочей Петя Трофимов мыслит какими-то неповоротливыми рациональными конструкциями, которые не столько отражают действительность, сколько подминают ее под себя. Вот и в данном случае сказанное им - грубый шарж. Это Лопехин-то съедает все на своем пути? И Гаев тоже к нему несправедлив: вовсе он не хам. Наверное, он получил добротное мужицкое воспитание (о его детстве мы знаем только, что однажды отец хватил его по уху, но это еще ни о чем не говорит), а затем подпал, что называется, под обаяние хозяев вишневого сада. Когда они запутались в долгах, он совершенно бескорыстно пытался помочь им сохранить его за собой. И только после того, как они сами себе не захотели помочь, он, можно сказать, вынужден был его купить. А тут некоторое его самодовольство ("Вишневый сад теперь мой!), я полагаю, вполне простительно. ... Здесь, - заключает автор свою иллюстрацию, - один из примеров того, взятого из самой жизни контрапункта, о котором я говорил вначале".

Затем - "примерка" версии к современности. "Есть ходячее мнение, что стоит нам стать богаче или хотя бы зажиточнее и с нравственными вопросами все как-то само собой "образуется". В поддержку такого мнения может быть призван сам Джон Мейнард Кейнс. Известный экономист считал, что повышение материального благосостояния исправляет нравы. Вероятно, в какой-то степени он был прав. Окрепший материально человек не столь уж часто становится образцом добродетели, но он по крайней мере свободен от многих искушений, одолевающих бедных. С Кейнсом можно согласиться, но с одной существенной оговоркой: при прочих равных условиях.

Увы, наши условия совсем не те, которые, очевидно, имел в виду Кейнс. Я полагаю, что он имел в виду более или менее стабильные общества с нерастраченными традициями или, во всяком случае, такие общества, где есть достаточно мощные силы духовного порядка, прочно "взятые на вооружение" какими-то влиятельными кругами и социальными страстями. В этих условиях выбившемуся из бедняков есть на что равняться, иначе говоря, есть перед глазами некий позитивный и, главное, живой пример".

И, наконец, собственно футурологическая часть рассуждений автора. "Теперь попробуем представить, что нас ждет завтра. Быть может, впервые в истории страта богатых людей будет у нас состоять из одних нуворишей, психологически, как известно, отличающихся не в лучшую сторону от тех, кто богат во втором или тем более в третьем и т.д. поколении. К тому же определенную (и возможно, очень большую) роль среди них будет играть современный разбойничий тип предпринимателя - мафиози. Не так уж трудно вообразить, во что это выльется (уже выливается). Образ "баронов-разбойников" (в США начала XX века) покажется слишком бледной метафорой применительно к реальности, которая обещает быть. Можно предвидеть и меру недовольства, в чем-то вполне оправданного, какое будет испытывать затурканная Пеня (бедность) при виде чересчур бесцеремонного Пороса (богатства), и неизбежные при этом рецидивы уравнилельных настроений".

Особое место в прогнозе автора занимает - в соответствии с методом диагноза - религия. С его точки зрения, "ошибаются, наверное, те, кто полагает, что незачем мудрить о разных "туманных" предметах, а надо просто подключаться к мировой цивилизации. Механическое подключение вряд ли будет успешным. Не обойтись без самоопределения, без уяснения для самих себя, кто мы теперь есть, без, так сказать, инвентаризации и неизбежной переоценки тех или иных национальных традиций".

И далее важный аргумент. "У нас не только нет и не предвидится в обозримом будущем прежней интеллигенции; сама культура уже не может претендовать на то место, какое она занимала до 1914 года. Мы не должны разделять заблуждения прежней интеллигенции относительно самой себя: известно, что она была более или менее индифферентна в вопросах религиозной веры, полагая, что тем, что она есть, она целиком обязана культуре. Временная дистанция позволяет нам рассудить иначе: мягкая человечность, столь характерная для интеллигентских "гнезд", - отнюдь не светского происхождения...

Только религия может сегодня выпрямить коллективную душу, в продолжение многих десятилетий пригнутую к вопросам производства-потребления. Только живое предчувствие Истины и Справедливости, ожидающих нас в ином мире, сделает "хозяйственный плен" осмысленным не только с точки зрения потребностей желудка".

37. Тема эстафеты предпринимательского этоса чаще всего поднимается как задача возрождения идеалов, ценностей и норм предпринимательского сословия дореволюционной России. Однако она приобретает парадоксальное звучание при скептическом отношении к уровню цивилизованности российского рынка к моменту Октябрьской революции и при квалификации эпохи застоя как почвы для рынка цивилизованного. *Проанализируем в этом ключе точку зрения и аргументы Олега Витте в статье "Эпоха застоя - предтеча рынка" (Московские новости 05.07.1992)*

Автор начинает свои рассуждения с констатации популярности и в наши дни мифа о том, что именно при господстве большевиков человек у нас утратил фундаментальные черты, необходимые для демократии и рынка". Согласно же мнению автора, к моменту прихода большевиков к власти "российское общество еще просто не успело нужные черты цивилизованности приобрести". Далее следует ряд аргументов. Вот один из них. "Крепостное право, отмененное в России всего лишь 130 лет назад (в Англии оно исчезло уже в XIII веке!), оставило в наследство среди прочего полубарское, полухолопское недоверие ко всякой личной инициативе, а стало быть, и к демократии, и к рынку. Такие настроения преобладали в культуре и "пореформенной" Российской империи, несмотря на быстрое развитие капитализма. Большевики лишь "законсервировали" полученное наследство. Горевать сегодня об утрате того, что прежде и приобретено-то не было, бессмысленно".

Среди выделенных автором "фундаментальных сдвигов в экономическом поведении людей, на которые могут опираться рыночные реформы и появлению которых мы обязаны исключительно эпохе застоя" - расцвет частной инициативы среди самых обычных людей. "Разумеется, она отличалась определенным, скажем так, своеобразием, поскольку выросла на абсолютно нерыночной почве полуфеодальных порядков. "На государство надейся, а сам не плошай!" - такова была экономическая философия эпохи". Конкретизируя свою оценку, автор отмечает, что "право обычая" в реальных отношениях рабочего с администрацией "стало безусловно доминировать над писанным правом. Обычай освящал широчайший спектр возможностей для "дополнительных" (сверх гарантированного письменным договором минимума) доходов как в денежной, так и в натуральной форме".

Отсюда характеристика: "Годы застоя можно с полным правом назвать годами "всеобуча" частной инициативе. Учились все - стар и млад - и освоили эту науку неплохо".

Далее О.Витте фиксирует реальное противоречие: "Конечно, становление

цивилизованной рыночной экономики на почве таких своеобразных традиций будет сопровождаться большими трудностями. Можно морализировать по поводу этих традиций, гневно осуждать их, однако необходимо признать, что никаких иных, прочно укоренившихся навыков частной инициативы российское общество не знает".

И, наконец, вывод: "Дореволюционная ("добольшевистская") эпоха как предтеча демократии и рынка - всего лишь миф интеллигенции. Единственная, реально существовавшая в повседневном практическом опыте эпоха, где есть смысл искать почву для цивилизованного, рыночного развития России, - это эпоха застоя".

38.Пытаясь прогнозировать развитие этики предпринимательства и тем предвидеть перспективы ее реформаторской роли для всего нашего общества, мы, естественно, стремимся извлечь уроки прошлого. Не забывая при этом, что у Истории нет сослагательного наклонения. Не забывая и того, что вопрос "Что было бы, если..? таким тезисом не снимается. *Проанализируем версию писателя-драматурга А.Гельмана о возможности иной судьбы современной России при иной этике дореволюционного предпринимательства и возможности надежды на то, что усвоенные уроки "пригодятся"*<sup>28</sup>.

"Господа предприниматели, не забывайте, вы вышли на сцену. Вы на виду. К тому же вы не артисты, которые, отыграв, переодевшись, могут пойти в буфет и тут же забыть, кого играли - вам необходимо оставаться в своей роли всюду, везде, в буфете и в клозете, с утра до ночи. Только во сне вы вольны становиться другими, да и то при условии, что никому не будете пересказывать свои сны. А поэтому держите фасон, не купечействуйте на всю Москву, не роскошествуйте на всю голодную Россию - это не только дело вашего личного достоинства или престижа, от этого зависит судьба той исторической миссии, которую возложила на вас судьба. Будьте скромнее, сдержаннее, и если завелись у вас лишние деньги, вспомните о тех, кому сегодня тяжело, кто болен, кому в жизни просто не повезло. Я не против того, чтобы были богатые люди, чтобы с каждым годом их становилось все больше и больше, но очень важно сегодня, чтобы в нашей стране появлялись богатые люди не нищие духом. Потому что сегодня закладываются основы нового народного отношения к предпринимательскому сословию, а надо иметь в виду, что из всех капиталов этот капитал - народное уважение - не самой последней важности.

Если бы богатые люди России еще с начала XIX века дорожили народным уважением, не бесчинствовали, не самодурствовали, я думаю, той революции, из тяжелых последствий которой мы сейчас выкарабкиваемся, могло не быть. Не так-то просто было бы, при ином поведении богатых сословий России, втянуть народные массы в кровавое время революционных пожаров. Отвергая Маркса и Ленина, не забудем и об этом немаловажном, немалосущественном истоке революции. Сейчас самое время поиметь это в виду".

39.Становление этики предпринимательства (как и этики гражданского общества в целом) в нашей стране не может в своих перспективах не отразить судьбу общественной морали, претерпевшей после Октября ломку, связанную с уничтожением "буржуазных" ценностей и культивированием ценностей "социалистических". Но возможна ли минимизация негативных последствий этой ломки? *Проанализируем одну из версий восстановления морали и этики предпринимательской.*

Согласно версии публициста Л.Радзиховского, классики марксизма ошиблись и в отношении этики буржуазной, и в отношении этики пролетарской. По-

нимая значение духа капитализма, Маркс увидел в буржуазной этике не такие добродетели, как трудолюбие, деловая честность, рациональность и т.п., описанные Максом Вебером в "Протестантской этике", но ценности, которые придавали новой этике негативный имидж. Это и культ золотого тельца, и "ледяная вода эгоистического расчета", и безудержное хищничество и т.д. "Один из главных залогов всех наших экономических достижений" автор видит в "новой" хозяйственной этике, этике социалистической, "расположенной между Робин Гудом и Юрием Деточкиным. В основе такой этики - сформулированный еще Прудоном принцип: "крупная собственность - кража". "Валится уважение к частной собственности - с грохотом валится вся буржуазная этика, которой просто не на чем держаться. Собственность - кража, ибо украдена у рабочих путем эксплуатации. Отсюда всего один шаг - притом логически абсолютно неизбежный - до большевистского "Грабь награбленное!"

По мнению автора, ошибка классиков в отношении этики капиталистической - "ничто по сравнению с их ошибкой в понимании этики пролетарской". Ожидая от пролетариата сверхчеловеческих и, тем самым античеловеческих добродетелей, таких как "работа за идею", "социалистическая сознательность", внушив ему, что собственность - кража, ему привили психологию воровства. "Уважение к частной собственности - буржуазная этика - не заменилось этикой "пролетарской", за полнейшим отсутствием таковой. Этика осталась сугубо буржуазной. Только с крохотным добавлением: люмпен - буржуазной". В чем признаки?

"Люмпен - буржуазная этика состоит из трех гармонически сочетающихся частей. Во-первых, трепетное "уважение" к своей, лично своей частной собственности. Во-вторых, завистливая ненависть к чужой частной собственности. В-третьих, абсолютно апатичное у одних или грубое хищническое у других к ничьей, казенной, государственной, "общественной", "общенародной" и иной собственности. Это, если угодно, капиталистический строй в одной, отдельно взятой квартире. По отношению же к внешнему миру люмпен-буржуа исповедует не буржуазную этику Вебера (частная собственность священная, как моя, как и чужая), а буржуазную этику, какой она виделась Марксу, Ленину, Прудону, - хищническую, паразитическую этику воровства.

Да, теоретики социализма видели у буржуазии именно эту этику. Она, конечно, не была выдумана, и она существует. Но в условиях системы всеобщей и открытой частной собственности, с одной стороны, и религиозной этики, с другой стороны, подобное хищническое начало занимает подчиненное положение", - подчеркивает Л.Радзиховский.

Безнадежна ли ситуация? - спрашивает автор в итоге анализа причин и проявлений победы в нашей стране извращенных моральных ценностей. И предупреждает, что чудес не бывает. "Да не бывает. Мы платим за все - за уничтожение нормальной этики, за замену частной собственности государственно-мафиозной. И глупо внушать себе иллюзии, что все это можно "перечеркнуть" любыми законами, демонстрациями или лозунгами. Глыбы социальных сил смещаются медленно, по миллиметру - и никто не даст нам избавления, ни Бог, ни Горбачев, ни Ельцин. Надо сделать первые шаги к восстановлению нормальной экономической системы. Да, эти новые структуры изначально изнутри прорастут мафиозной плесенью. Но все равно - только в условиях открытой частной собственности можно будет начать по капле выдавливать монополию и мафию. Только в условиях открытой частной собственности начнет - по миллиметру, по сантиметру - восстанавливаться общечеловеческая этика, уходить люмпен-буржуазная..."<sup>29</sup>

40. Тема "воспоминания о будущем", рефлексия общества и его предпринимательского сословия о вариантах, своего развития, прогнозные сценарии, моделирование и прочие виды поисковой деятельности непосредственно связаны с верным пониманием прошлого и настоящего в жизни общества вообще, в жизни предпринимательства - особенно, с отношением к "наличному человеческому материалу". *С этой точки зрения предлагаем для анализа рассуждения авторов уже рассмотренной нами выше публикации о кризисе идентичности как зеркале бизнеса в СНГ Л.Резе и О.Полукеева, предложивших интересную версию мостика между "воспоминанием о прошлом" и "воспоминанием о будущем"*.

"Для установления адекватного соответствия между стилем, образом действий отечественного бизнеса и состоянием общества во всем СНГ (страстно стремящемся к рыночной экономике как выходу из кризиса идентичности), конечно, надобно немалое время. Заметим только: движение в означенном направлении имеет длительную историю, если учесть, что предтечами нынешних бизнесменов СНГ являлись по преимуществу строители - как состоявшие на госслужбе, так и шабашники. Ряды последних регулярно пополнялись посланцами всех слоев советского общества. "Вольные каменщики" активнее прочих создавали кооперативы. И ничего удивительного: их правовой нигилизм, стойкая привычка ловчить и выкручиваться быстро подточили изнутри смысл и суть многообещающего начинания. На излете кооперации и по мере становления банковского и биржевого бизнеса в предприниматели подались уже дипломированные специалисты-строители, знакомые с работой в условиях настоящих договорных отношений, а также с тем, какие пути ведут к намеченному результату, как, к примеру, несмотря ни на что, сдать объект и ввести в эксплуатацию.

Нет, кажется, ни одной ныне успешно действующей коммерческой структуры с заметным оборотом, в руководстве которой не было бы людей, прошедших некогда сквозь горнило больших и малыхстроек. По-видимому, люди именно с таким менталитетом после изучения азов и вершин существующей сейчас коммерции, способны вернуться на круги своя, то есть опять уйти в производство реальной продукции, помимо всего прочего, сделать следующий шаг к выходу из кризиса идентичности, после которого возврат к пресловутой партийности будет попросту невозможен".

41. Выделить "этику предпринимательства" из общего морального (экономического и политического тоже) контекста можно лишь в лабораторных условиях работы исследователя, на модели. В реальности же отечественный бизнес - и объект, и субъект политической этики. Если вспомнить предложенные для анализа тексты о "корнях", "истоках", "слоях" становящегося "нового класса", то станет ясно: этика рынка предпринимательства развивается сегодня не только в ситуации противостояния "рынкофобам", но и в процессе борьбы за господство на рынке внутри "филов", когда каждый из секторов "третьей силы" несет и свой предпринимательский, и свой политический этос. Прояснение этико-политических ценностей предпринимательского сословия - необходимое условие прогноза его развития.

В наиболее экстремальной форме такая зависимость показана в статье Л.Радзиховского "Умиротворить КГБ" ("Русский курьер" 1991. N 25). По мнению автора, "... частная собственность, рынок вполне могут входить (и, наверное, входят) в "политическую программу КГБ". В сущности, сегодня нет такой власти имущей группы в стране, будь то научная элита, воры в законе, партийная но-

менклатура, - которая бы, бормоча самые разные слова, не считала при этом, что лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но коммунистом, и реально не занимались бы одним и тем же - быстрой-быстрой приватизацией государственной собственности в свой карман. Здесь между коммунистами и антикоммунистами различие одно: кто первый?"

"Первый пункт в "государственной программе" этого ведомства, - констатирует автор, - весьма банален - вперед к капитализму! Точнее - за нами, к капитализму! Вот в этом, "за нами" все и дело... Перед нами - один из вариантов "латиноамериканского" капитализма".

И опираясь на свой анализ, так характеризует ситуацию выбора: "Я считаю более реальной (хотя, конечно, более "низкой") задачей демократического движения является, как говорил Ходасевич, "привить-таки классическую розу к советскому дичку" - по возможности состыковать свободные политические и экономические институты с гбэшн-номенклатурным капитализмом. Выбор идет сегодня не между "социализмом" и "капитализмом" и не между "шведской" и "колумбийской" моделями, а между капитализмом жестко нацистским - и "чилийским", а в идеале - "испанским", "франкистским". Конечно, такое исходное понимание проблемы есть то, что Салтыков-Щедрин называл "действовать применительно к подлости", но именно так и действовали осмеянные им русские либералы - наименее "подлая" из всех бывших в России партий

*Не стремясь решить все многообразие вопросов, затронутых в приведенных здесь фрагментах статьи, ограничимся попыткой анализа предложенной ситуации выбора с точки зрения взаимодействия этических аспектов предпринимательства и политики.*

42. Среди наиболее острых проблем "экологии предпринимательства" в ее этическом измерении - проблема выживания и укоренения ценностей предпринимательства в обществе, где значительная часть граждан настроена либо в духе уравнилельной - и потому "антибуржуазной" морали, либо в духе принятия (выбора и оправдания его) только одной лишь из моделей этики предпринимательства, в мозаику функционирующих ценностных систем? Очевидно, что в поисках ответа на эти вопросы важно иметь и знать все поле альтернатив ценностных систем и моделей успеха, а кроме того, поле позиций в отношении самого плюрализма систем ценностей: от неприятия плюрализма, неприятия, основанного на установке безусловной победы своей позиции, до циничной реакции на факт плюрализма. И, наконец, возможен ли если не консенсус, то компромисс альтернатив? *Сравним нижеследующие факты и их оценки.*

Публицист А.Васинский в статье "Бизнес от ума. Репортаж оттуда, где частная собственность - условие процветания" (Известия. 28.03.91) показывает редко акцентируемую в "рынокфильской" публицистике особенность менталитета гражданского общества. Сначала он подчеркивает спорность распространенных мнений о том, что "рынок у нас уже был". "Да, отмечает автор, очень многие у нас убеждены, что то, что у нас происходило за последние полтора-два года, это и был рынок. И "демократия тоже была". И что, дескать, хозяйственная неразбериха, пустые полки магазинов, неотоваренные талоны и пр. есть, соответственно, плоды демократии. Люди стоят среди руин тоталитарно-плановой экономики, а им говорят: "Ну что, вы же звали к рынку, сами хотели этого, вот и получите".

Противопоставляя этим утверждениям иной подход, автор и показывает, наряду с традиционно фиксируемыми, еще одну особенность цивилизованного рынка: "...Настоящий, действующий рынок это не просто другое, а нечто проти-

воположное тому, что у нас "было". Сделалось уже общим местом пространно и дразняще описывать в репортажах "оттуда" американские магазины, овощные базары, выставки-продажи. Да, каталоги товаров иных торговых фирм многостраничны, как Библия. Ну, а если сказать коротко, то чем завалены полки их магазинов? Они завалены ... неотразимыми аргументами в пользу рыночных отношений. Они просто ломаются от этих аргументов везде, где я был (и где он был), и это изобилие свойственно любому рынку - товаров, изобретений, инструментов, услуг, точек зрения, образов мысли.

Вам не нравится гонка за богатством, рационализм? Ничего, в американской модели столько степеней свободы, что там найдется ниша и для добровольного аскета, и для нищенствующего монаха, и для витающего в облаках идеалиста.

Вам не по душе частная собственность? Вас передергивает при одном слове "рынок"? Ну что ж, вам не запрещают исповедовать марксизм и идею тотального планирования и никто вас не выдворит за это в СССР или в Албанию... Америка, как бумага, многое стерпит".

43. Этика гражданского общества в его универсальной версии с необходимостью модифицирует общецивилизационный механизм рынка применительно к духовно-нравственным традициям и современным тенденциям развития того или иного региона мира. Формирование и, особенно, развитое состояние гражданского общества свидетельствуют о тесной взаимосвязи "рыночных нравов" и нравственной среды. По справедливому замечанию С.Алексеева, "это особенность, на которую мы не обращаем пока должного внимания". Не обращаем, забывая или не замечая, как жесткие "правила игры" рыночной экономики, с ее конкуренцией, риском, гонкой за выгодой и т.п. цивилизуются именно всей системой гражданского общества и целенаправленной социальной политикой ("социальный рынок"), и негосударственной благотворительностью. Но эффективность рыночного механизма обусловлена и степенью его укорененности в исторически и национально определенные нравственные ценности: например, ценности протестантской этики в Западной Европе или буддийской этики в азиатской версии рынка. Естественно поэтому обострение вопроса о нравственной ориентации развития рыночных отношений в нашей стране. В качестве одного из подходов рассмотрим рассуждения С.Алексеева.

"Вряд ли оправданы предложения переноса в наши условия тех форм товарно-рыночных отношений, которые сформировались в особой духовной и культурной среде стран Запада, Японии, других государств. Используя элементы товарно-рыночных отношений, которые оправдали себя на практике в этих странах, принимая меры по развитию "европейской" деловой культуры, духа предпринимательства, нужно в то же время учитывать, насколько они совместимы с духовной средой нашей страны.

Мы обязаны приглядеться к собственным традициям, к историческим формам деловой и хозяйственной жизни русских, других народов нашей страны. И тогда окажется, что ориентация при разгосударствлении на трудовые коллективы, на образование коллективных (народных) предприятий сможет опереться на укорененные в русском хозяйственном быту трудовые сообщества - "артель", "труд всем миром", на известные формы общинного трудового сотрудничества. Это еще один аргумент в пользу того, что основными товаропроизводителями в современных условиях нашей страны должны стать коллективы производителей, а не "частники"<sup>30</sup>.

*Сравним посылку - факт региональной специфики общецивилизованных моральных ценностей, аргумент - укорененность в исторических формах русской хозяйственной жизни общинных структур и вывод об основных товаропроизводителях сегодняшнего дня. Соотнесем этот вывод с очевидным тезисом, продолжающим посылку автора - мозаичность ценностей, традиций в условиях огромного российского пространства. Возможны ли в этих условиях универсальные приоритеты?*

44. Тема "русской специфики" сегодня звучит не только в политике и экономике. "Примеряя" модели рынка, мы при любом выборе не можем забыть моральной природы того общества, к которому эти модели "прививаются", из которого они "выращиваются". И тогда кроме "чистых" экономических и политических обстоятельств становятся значимыми обстоятельства моральные: с какой из систем моральных ценностей будет связано наше предпринимательство. Вот некоторые из выдвигающихся вариантов.

1. Да ни с какой другой, кроме как с социологической, а она даст "рынок стопором": "даже если удастся изменить экономические условия, этика ... останется прежней - хозяйственной этикой развитого социализма или воровского капитализма"<sup>31</sup>.

2. В истории была и есть альтернатива "этой" этике - сегодня идет возрождение идей протестантской этики как условия спасения от "рынка с топором", как средства полноценного соединения частного интереса предпринимателя с общественными интересами, как лекарства от люмпенской, "воровской этики социалистического хозяйствования". Так, например, публицист Л.Радзиховский полагает, что нам предстоит избавляться от болезней "комэтики" как этики хищнического, "атеистического" обогащения, которой охвачены и "теневая" и "светлая" экономика путем освоения этики буржуазно-бюргерской; ее ценности - честность, расчетливость, скупость, уважение к священному праву частной собственности, не только своей, но и чужой - отражают не просто бессердечный чистоган, но созидательный дух. И такая этика отчасти была на Руси - у старообрядцев, почему они сыграли видную роль в купечестве (там же).

3. Иная позиция отражена уже названием статьи философа Ю.Бородая: "Почему православным не нужен протестантский капитализм" (Наш современник. 1990. N 11).

*Попытаемся дать прогноз о наиболее вероятном для будущего России из предложенных вариантов. Возможно, Вы предложите иные подходы?*

45. Тема выбора этической модели предпринимательства непосредственно связана с одним из острых вопросов современности - соотношением общецивилизованного и российского путей развития общества. Весьма распространенным является противопоставление нравственной ценности предприимчивости и солидарности. Выдвигаются и попытки их сочетания, синтезирования. *Проанализируем в этой связи нижеследующую версию.*

"В течение десятилетий экономисты и управленцы мучились в прокрустовом ложе надуманной альтернативы - либо государственная собственность и централизованное народнохозяйственное планирование, либо хозрасчет и личная инициатива. Однако одно должно дополнять, обогащать другое, поскольку и русские люди разные по складу: одним прежде всего нужны экономические стимулы, хозрасчет, подряд; другим - больше морально-этические, коллективистские ценности. Национальный характер России интегрирует неодинаковые интересы и склонности. Коллективизм во многом восходит к наследию общины, тогда как стремление за экономической выгодой - к столь же исконно сильной

на Руси предприимчивости. То и другое как воздух необходимо для перестройки. Проблема в том, как умело сочетать отнюдь не антагонистические противоречия и склонности"<sup>32</sup>.

46. Анализ современной ситуации выбора в развитии предпринимательского этоса позволяет зафиксировать две разнонаправленные тенденции.

"Первая линия: создание предпосылок для многоукладной экономики, появления предпринимательства в его различных формах. Понятно, что предприниматели стараются всемерно использовать открывающиеся возможности и, тем самым, помогают властным структурам в достижении их политических целей. Вторая линия: стремление максимально ограничить, подмять процесс становления коммерческих структур, поставить его во всех гранях, аспектах под контроль бюрократии, старых отраслевых государственных образований. Очевидно, что подобная политика не может устроить предпринимателей, и они начинают действовать в своих интересах, обходя при этом регулирование, действуя вопреки установкам хозяйственных и политико-экономических структур. Такое противостояние возбуждает недоверие со стороны власти и многих слоев населения.

Соответственно, и две тенденции проявляются в процессе формирования этики бизнеса. С одной стороны, в опоре на законодательство, на отдельные проявления благожелательности со стороны общественного мнения в среде предпринимателей развиваются формы контактов, поведения, коммуникации, принятые в современном деловом мире: ответственность, обязательность, умение грамотно совмещать долгосрочные цели и текущие ориентиры, обоснованный риск и т.д. С другой стороны, не имея гарантий стабильности, неизменности законодательства в сфере бизнеса, ощущая неустойчивость своего положения, видя агрессию со стороны властных структур и общественности, предприниматели вынуждены действовать по правилам, отличным от правил цивилизованного бизнеса. Отсюда затягивание сроков принятия решений и взятых обязательств, непоследовательность в действиях, безрассудный риск, отсутствие перспективы, недоверие, иногда и обман партнеров, стремление к получению неоправданно высоких прибылей, прямое нарушение законодательства"<sup>33</sup>.

*Вряд ли можно оспорить подчеркнутую автором связь правового обеспечения развития предпринимательства и соответствующих тенденций развития предпринимательского этоса?! Но, во-первых, об этике ли идет здесь речь? Может быть, скорее о деловом этикете? Если да, то попытаемся "достроить" выделенные автором тенденции правового фундамента предпринимательской деятельности собственно этическими прогнозами для каждой из тенденций.*

47. Тема коэволюции этики гражданского общества и политической этики, "экологии предпринимательства" в мозаичной сфере политических этик, политической ангажированности этоса предпринимательства в целом и отдельных его групп прямо связана с самоопределением к ценностям свободы и равенства, к этическим концепциям демократизма и либерализма. Проанализируем диагноз и прогноз автора представленного здесь текста"<sup>34</sup>.

Прежде чем сформулировать тезис, который мы хотели бы предложить читателю для анализа в первую очередь, автор характеризует общее различие демократов и либералов. "В изначальной дилемме: свобода или равенство-коммунизм выбрал равенство, либерализм - свободу. А то, что утвердилось под названием "демократия", - это некий симбиоз, попытка соединить свободу

и равенство. Свобода несколько ограничивается, равенство несколько смягчается - создается зона неустойчивого равновесия, в которой, как показывает опыт, могут жить и неплохо развиваться человеческие сообщества".

Затем автор отмечает: "Либерализм исходит из того, что в экономике могут действовать лишь экономические критерии принятия решений, как в литературе, например, театре или живописи - критерии, специфические для них. Для предприятия это прибыль или объем продаж, для театра - представления режиссера и актеров о назначении драматического искусства, но не некие абстрактные категории - что хорошо и полезно для общественного развития, для блага народа (кто это мерил, кто вычислял?) - критерии весьма абстрактные и трудно верифицируемые".

И, наконец, подчеркивает ту трудность на пути развития гражданского общества и правового государства в нашем обществе, прямо оказывающуюся на перспективах развития предпринимательства, *которую мы считаем значимым предметом анализа*. В посттоталитарной ситуации политические шансы либерализма особенно призрачны. Дело в том, что распад официальной метакolleктивности сопровождается отнюдь не самоопределением личности (а это основа либерального выбора), а самоопределением коллективным, прежде всего национальным. Отстаивание ценностей нового коллективизма приобретает весьма агрессивную форму. Их защита (практически любой ценой) ведет к новой экспансии политической сферы, которая пытается подогнать бизнес, культуру и частную жизнь под свою гребенку, пытается развивать экономику по внеэкономическим, а культуру - по надкультурным критериям. Ситуация усугубляется низким уровнем новой политической элиты, всегда готовой к борьбе за дело народа, но не всегда - делать обыкновенное дело".

48. Сконцентрировав внимание на этике предпринимательской деятельности, не упустим ли мы из виду ее связь не только с политической этикой - их коэволюцию мы уже рассматривали в нескольких текстах - но и трудовой моралью в целом?! *Насколько прав американский бизнесмен Дж. Аузли в своем прогнозе трудностей развития нашего предпринимательства?*

- Корр. - Что думает сегодня американский бизнес о проблемах нашей страны? Или иначе: мы - глазами деловой Америки вообще и "Контроль дейты" в частности?

- Д. Аузли. - ...Мое личное мнение о перспективах вашей экономики связано прежде всего с теми оценками, которые американский бизнесмен обязан дать тому, что мы называем культурой бизнеса, умению вести дело. Речь идет о взаимоотношении людей, фирм, организаций в процессе производства. Так вот, я думаю, вам понадобится немало времени, возможно, даже жизнь одного-двух поколений, чтобы достичь того уровня культуры бизнеса, без которого не может функционировать современный цивилизованный рынок... Прошу понять меня правильно: речь идет не о той общечеловеческой культуре, не об образовании, которое получает в школе и институте советский человек, - это хорошее образование, а о другом. О том отношении к своему делу, которое, мы американцы, называем рабочей этикой. Думаю, если ее сравнить с общепринятой на Западе, - сравнение не в вашу пользу. Изменить же эту этику весьма сложно. Это долгий процесс, и, я полагаю, что у вас будет очень трудный период, когда вам придется серьезно конкурировать с Западом на рынках сбыта и когда именно отношение к труду, именно трудовая нравственность будет в значительной степени определять конкурентоспособность компании и ее успехи на рынке..." (Выручит ли нас компьютер//Неделя. 1991. N 33).

49. Ситуация в стране и этос предпринимательства - постоянная тема рефлексии, источник познания сути прогнозирования развития. А.Лифшиц дает эскиз ситуации существования малого бизнеса и фиксирует черты нравов, отражающих (и воздействующих одновременно) эту ситуацию. *Проанализируем текст, попытавшись самостоятельно проложить линию сегодняшних тенденций в будущее этоса предпринимательства.*

Автор начинает с констатации признаков растерянности и даже подавленности у российского мелкого бизнеса. "Это опасно. Не только потому, что коммерческие структуры, наследуя государственному сектору, должны теперь кормить, одевать, обслуживать. Именно в мелком предпринимательстве расположены пункты сбора и начальной подготовки новобранцев бизнеса. Из одних там потом делают профессионалов, другим внятно разъясняют, что лучше заняться каким-то иным ремеслом. Рыночное хозяйство дышит малым бизнесом и без него нежизнеспособно"<sup>35</sup>.

В чем же конкретно признаки полосы депрессии, в которую попал мелкий бизнес, и в чем причина? "Прежде всего в том, что отечественный бизнес взрослеет, сталкиваясь уже с проблемами не детского, а подросткового возраста. "Семья, вдобавок, была неблагополучной, воспитывала по-своему, оставила неважное наследство. Далеко не всем удается избавиться от замашек. Российский предприниматель вышел из экономики реального социализма, и его бизнес еще долго будет иметь советские черты.

Незаметно миновала эйфория от дарованной экономической свободы, прошла пора беззаботных шалостей на необозримых и неосвоенных рыночных пространствах, когда без солидного стартового капитала, из ничего, шутя не только заколачивались деньги, но и сколачивались состояния. Требовалось лишь овладеть нехитрой наукой подкупа служителей распределительной системы, чьи простые рефлексии были понятны даже школьнику.

Теперь все по-другому. На некогда пустых полянах, где совсем недавно можно было вволю порезвиться, становится все теснее, пришельцы недружелюбны, агрессивны, обладают острыми локтями, а некоторые вообще норовят отобрать меч и выгнать вон. На смену ребяческой игре в бизнес приходит настоящий бизнес со своим неумолимым естественным отбором".

Затем автор показывает последствия смены этапов становления отечественного предпринимательства. Вот одно из них. "К такому повороту многие российские предприниматели оказались неготовыми: слишком долго работали на государство. А оно расслабляет волю, приучает к безответственности, иждивенчеству и нерешительности. Экономическая независимость далась чересчур легко, в сущности свалилась с неба. Но ведь тем, что получено бесплатно, не многие умеют дорожить. Незнакомая рыночная ситуация испугала, шокировала. Страх, неумение наладить дело, неопределенность обернулись гладиаторской свирепостью в обращении с конкурентами. Бизнесмены "советской школы" стали действовать так, как их учили: с соперниками не церемониться, на компромиссы не идти, душить, отнимать. Иной раз даже кажется, что если в стране и остались истинные поклонники марксизма, то их следует искать среди наших предпринимателей, которые, похоже, до сих пор считают "Капитал" лучшим справочником по марксизму".

Другое следствие. "Сегодня трудно приходится не только слабым, неуравновешенным. Либерализация цен заметно усложнила жизнь промышленяющих спекуляцией, снизила былую эффективность этого традиционного советского бизнеса. Неуютно чувствует себя и те, кто никак не поймет, что коммерция -

вовсе не кратчайший путь к обильному прокорму или способ заработать столько денег, чтобы жена не смогла их потратить. Что тут можно сказать? Есть закон: если пришел на рынок только потому, что хочется хапнуть побыстрее и побольше, то когда-нибудь обязательно перестанет получаться. Нельзя стать богатым предпринимателем, оставаясь в душе нищим, разнузданным потребителем и действуя подобающим образом".

Можно ли надеяться, что "во всем этом нет ничего противоестественного. Потихоньку включаются рыночные механизмы и пусть себе работают дальше?" - спрашивает автор. И тут же отвечает. "Если бы так ... Отечественный предприниматель привык к определенным правилам игры. Раньше советский бизнесмен имел дело с коррупционером, который опирался на свою мощь распределительной системы, больше всего боялся вывалиться из отведенной ему ячейки и собирался оставаться там как можно дольше. Взятка была приработком, ни в коей мере не заменяющим всего того, что давала система. Сегодняшний взяточник трудится в условиях политической нестабильности и инфляции, большей частью отключен от прежних распределительных каналов и знает, что сможет брать только до очередной кадровой перетряски. Неудобства новой ситуации он компенсирует высокой ставкой mzды. Тянет много - как деньгами, так и обязательствами коммерческих структур пригреть после отставки.

Наше чиновничество столь многочисленно и прожорливо, что собираемая им дань стала уже давать зримые макроэкономические эффекты. Малый бизнес, и без того находящийся в стесненных обстоятельствах, вынужден кормить взяточников за счет своих инвестиционных фондов, перекачивая их в текущее потребление. Он бы и рад помочь слабеющей экономике, придать ей побольше динамизма, да инвестировать нечего. Все уходит банкам, арендодателям, продавцам ресурсов и т.д.

И вот прогнозный момент характеристики ситуации. "Когда конкурентам знакомы лишь удушающие приемы, постоянно наезжают монополии, третируют банки и владельцы ресурсов, беспредельна коррупция, а от правительства в лучшем случае можно ждать безучастности, у коммерсанта поневоле опускаются руки. И если он еще не сдается, то, наверное, потому, что располагает повышенным запасом живучести. Тут сказывается не только наличие рыночных ниш и иных объективных обстоятельств. Главное, пожалуй, в том, что выросла генерация людей, сумевших преодолеть стереотипы советского бизнеса, глубоко понимающих ценность экономической свободы, обладающих достоинством коммерсантов и готовых вынести все, лишь бы не возвращаться в государственную экономику. В отличие от люмпен-дельцов, которым все равно, была бы легкая нажива, эти назад уже не отвернут. За ними, считаю, будущее российского предпринимательства.

## ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ ТРИНАДЦАТОЙ

<sup>1</sup> Л. Радзиховский. Энциклопедия русской жизни // Русский курьер. № 8. Приложение 12, 1992.

<sup>2</sup> См.. О. Осипенко. Капитал и его первоначальное накопление по-нашенски // Диалог. 1981. N 8.

<sup>3</sup> См.: О. Крыштановская, А. Павлюков, Е. Чекалова. Миллионер Советского Союза // МН. 21.07.91.

<sup>4</sup> Л. Ионин. Совок останется совком // Мегаполис-экспресс, 25 июля 1991.

<sup>5</sup> См. его статью "Выходите из стресса и занимайтесь делом" // Известия, 01.08.91.

- <sup>6</sup> Мариничева О. Торгаши и герои // Комсомольская правда. 23.07.91.
- <sup>7</sup> С. Соловейчик. Большой бесхоз // Перемена. 1991. N 2.
- <sup>8</sup> А. Шмелев. Открытое общество и конкуренция // Новый мир. 1991. N 2. С. 200.
- <sup>9</sup> См.: Ж. "Проблемы теории и практики управления" 1990. N 6.
- <sup>10</sup> В. Басков. Так от чего же плакала Пыжка // Бизнес. 1991. N 1. С. 11.
- <sup>11</sup> Климентович Н. Средний класс и возможность действия // Независимая газета. 29.05.92.
- <sup>12</sup> Резе Л., Полукеев О. Кризис идентичности как зеркало бизнеса в СНГ // Независимая газета. 29.05.92.
- <sup>13</sup> Начинает третье сословие (круглый стол) // Московские новости. 01.03.1992.
- <sup>14</sup> Бабаева Л. Приватизация: народ не против // Московские новости. 1991. N 31.
- <sup>15</sup> Московские новости. 15.09.91
- <sup>16</sup> Сопов С. Возвращение небытия // Сибирская газета. 1990. N 38.
- <sup>17</sup> Владиславлев А. Министры нас явно недооценили // Третье сословие. 1992. N 1.
- <sup>18</sup> Радзиховский Л. Коммунисты, вперед // Столица. 1991. N 40.
- <sup>19</sup> См.: Сможем ли мы выжить без морального кодекса строителя капитализма? // Комсомольская правда. 24.04.92.
- <sup>20</sup> О. Мариничева. Торгаши и герои // Комсомольская правда. 23.07.91.
- <sup>21</sup> См.: Васинский А. Прощание с Иллюзией // Известия. 02.07.91
- <sup>22</sup> Парадокс Эдипа, или Думайте о синей обезьяне! // Независимая газета. 10.01.91.
- <sup>23</sup> Ставлю на глубинку // Русский курьер. 11.05.91.
- <sup>24</sup> О. Мариничева. Торгаши и герои // Комсомольская правда. 23.07.91.
- <sup>25</sup> Шмелев Л. Открытое общество и конкуренция // Новый мир. 1991. N 2. С. 206-207.
- <sup>26</sup> Осипенко О. Капитал и его первоначальное накопление по-нашенски // Диалог. 1991. N 8.
- <sup>27</sup> См.: А. Шмелев. Открытое общество и конкуренция // Новый мир. 1991. N 2.
- <sup>28</sup> Гельман А. Вы или никто // Третье сословие. 1992. N 2.
- <sup>29</sup> Радзиховский Л. Капитализм в отдельно взятой квартире. Как человек превращается в люмпена // Неделя. 1990. N 48.
- <sup>30</sup> Алексеев С. Рынок как предмет тревоги // ЛГ. 03.07.91.
- <sup>31</sup> Радзиховский Л. Рынок с топором // Демократическая Россия. 1991. N 5.
- <sup>32</sup> Троицкий Е.С. Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. М., 1989.
- <sup>33</sup> Докторов Б. Перспективы развития предпринимательства в СССР. - Международный центр общечеловеческих ценностей. М., 1991. С.14.
- <sup>34</sup> Улюкаев А.К. Судьба либерализма в радикальной стране // Московские новости. 1991. N 33.
- <sup>35</sup> Лифшиц А. Не губите, мужики! Пора замолвить слово об отечественном предпринимателе // Литературная газета. 10.06.92.

## Заключение

Авторов "Заключений" к своим собственным книгам можно было бы разделить на тех, кто занят исследованием уже завершенных процессов и ставших предметом, а потому склонных завершать работу обобщенными выводами и рекомендациями (как здесь не впасть в грех повторения того, что уже сказано в самой книге), и тех, кто имеет дело с процессом, едва только начавшимся, а потому предпочитающих завершать свое исследование сообщением о планах его продолжения (но и здесь можно впасть в грех уклонения от выводов и непроговоренности в части обобщений).

Участь завершения этического исследования, нам думается, заключается в признании неустранимости противоречия Должного и Сущего. Что применительно к нашей теме означает смиренное признание противоречия между нормативным содержанием морали предпринимательства и эмпирическими характеристиками его этоса, которое в переходное время достигает едва ли не предельной остроты. Слава богу, эта участь компенсируется надеждами некоторым образом повлиять на собственный объект исследования. В изучении самодвижения многоликой предпринимательской практики современной России, в генерировании идей, могущих как-то воздействовать на разрешение противоречия теории и практики, нормативного и реального - взятая на себя миссия прикладного этического знания.

И все же бремя ответственности за "Заключение" авторы хотели бы разделить с читателем - агентом предпринимательской деятельности и/или размышляющим о ней субъектом гражданского общества, создателем правил честной игры и последней инстанцией в нравственном арбитраже.

## Оглавление

Предисловие.....	5
Раздел пятый. Базовые ценности этики предпринимательства.....	7
Глава десятая. Мотивационная сфера. Преамбула, или "Кто есть кто".....	7
Свобода и призвание.....	15
О справедливости и равенстве.....	26
Об индивидуализме.....	34
Глава одиннадцатая. Инструментальная сфера.....	43
Средства и санкции.....	43
Конфликт ценностей и "консенсология".....	51
Раздел шестой. Фрагментарий-2.....	59
Раздел седьмой. Эюд о "русской тройке".....	112
Глава двенадцатая. Экология отечественного предпринимательства: потенциал трансформации современной духовной ситуации.....	119
"Рынокфилы" и "рынокфобы".....	121
Типология нравственных конфликтов.....	139
Скромная этика контракта: потенциал намеренности.....	146
Глава тринадцатая. Эмос предпринимательства: неклассический случай. (Практикум).....	159
Принцип гоголевской невесты: корни, типы, черты, портреты.....	162
Предприниматель как субъект и объект этической реформации.....	182
Воспоминание о будущем: модели, сценарии, прогнозы.....	199
Заключение.....	214

## Contents

Foreword.....	5
Part V. Basic Values of Business Ethics.....	7
Chapter 10. Sphere of Motivation.....	7
Preamble, or "Who is who" .....	7
Freedom and vocation.....	15
On Justice and equality.....	26
On individualism.....	34
Chapter 11. Instrumental Sphere.....	43
Means and Sanctions.....	43
Conflict of values and "consensology" .....	51
Part VI. Fragmentarium 2.....	59
Part VII Sketch about "the Russian Troyka" .....	112
Chapter 12. Ecology of national business: transformation potential of modern spiritual situation.....	119
"Market fans" and "Market haters" .....	121
Typology of moral conflicts.....	139
"Humble ethics of contract: the potential of "purposefulness" .....	146
Chapter 13. Business Ethos: non-classical case (A Practical Work).....	159
"The Bride" (by N. V. Gogol) principle: roots, types, portraits.....	162
Businessman as object and subject of ethical reformation.....	182
"Reminiscences of the Future: models, scenarios.....	199
Conclusion.....	214

ВЛАДИМИР ИОСИФОВИЧ БАКШТАНОВСКИЙ  
ЮРИЙ ВАГАНОВИЧ СОГОМОНОВ

ЧЕСТНАЯ ИГРА:  
нравственная философия и этика предпринимательства

Том 2  
Торговец в храме

Редактор В.С. Сумарокова  
Корректор Г.П. Орлова

---

Сдано в набор 15.07.92г. Подписано к печати 5.11.92г.  
Формат 84x108/32, бумага типографская. Гарнитура  
Таймс. Печать офсетная. П.л. 10,5. усл. п. л. 17,64.  
Тираж 5000 экз.

---

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина,4  
Оригинал-макет МП "ЦНИТ издательства ТГУ

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика  
в Омской областной типографии.  
Заказ 1876.